ISSN 1996-7853

Гуманитарный вектор

ПЕДАГОГИКА
ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

2012/2 (30)

Гуманитарный вектор

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского

2012 **№ 2 (30)**

Издаётся с 1997 г. Выходит четыре раза в год

Учредитель:
ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–42672

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Рукописи, присланные в редакцию не возвращаются

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией

Адрес редакции
672007, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 44–04–25
факс: 8 (3022) 26–73–17
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Сайт журнала в Интернете
http://www.zabvektor.ru

Подписной индекс журнала в каталоге ОАО «Роспечать» ***47194***

Электронная версия журнала размещена на платформе Российской универсальной научной электронной библиотеки www.elibrary.ru

© Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, 2012

Редакционный совет:
И. И. Катанаев (*председатель*)
канд. физ.-мат. наук, доцент, ректор ЗабГГПУ (Чита)
Н. В. Абаев, д-р ист. наук, проф., акад. АСН РАН и МАИ Нью-Йорк (Кызыл);
Ц. Батсуурь, д-р пед. наук, проф. (Улан-Батор, Монголия);
А. Буржо, д-р социал. наук, акад. Национального центра научных исследований Франции (Париж, Франция);
Т. Ф. Кузнецова, д-р филос. наук, проф. (Москва);
Г. Ц. Пюрбеев, д-р филол. наук, проф., акад. РАЕН (Москва);
В. И. Рассадин, д-р филол. наук, проф., акад. РАЕН (Элиста);
Н. В. Языкова, д-р пед. наук, проф. (Москва)

Редакционная коллегия серии:
А. В. Константинов *(главный редактор)*, д-р ист. наук, профессор (Чита);
С. А. Михайлов, д-р полит. наук, профессор (Санкт-Петербург);
Д. Л. Стровский, д-р полит. наук, доцент (Екатеринбург)

Главный редактор объединённой редакции:
И. В. Ерофеева, д-р филол. наук, доцент.

Ответственный секретарь объединённой редакции
Ю. В. Гаврилова

Humanitarian Vector

Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky

2012 **№ 2 (30)**

Founded in 1997 Quarterly

Founder:
FSBEI HPE "Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky"

The journal is registered
by the Federal Supervision Service in the Field of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС77-42672

The journal is in the List of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them do not necessarily reflect the views of the editorial board

Reproduction of any materials from the journal is allowed only in coordination with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal are not returned

Address:
672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 44-04-25
Fax: 8 (3022) 26-73-17
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Journal web site http://www.zabvektor.ru

Subscription index
of the journal in the Catalog of OAO "Rospechat" ***47194***

The electronic version of the journal
is placed on the platform of the Russian Universal Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

© Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky, 2012

Editorial Board:
I. I. Katanaev (*Chairman*), Candidate of Physics and Mathematics, associate professor, ZabSHPU Rector (Chita);
N. V. Abayev, Doctor of History, professor, Academician of the Academy of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Academician of the International Informatization Academy – New York (Kyzyl);
Ts. Batsuur, Doctor of Pedagogy, professor (Ulan Bator, Mongolia);
A. Bourget, Doctor of Sociology, Academician of the French National Center for Scientific Research (Paris, France);
T. F. Kuznetsova, Doctor of Philosophy, professor (Moscow);
G. Ts. Pyurbeev, Doctor of Philology, professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow);
V. I. Rassadin, Doctor of Philology, professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Elista);
N. V. Yazykova, Doctor of Pedagogy, professor (Moscow)

Series Editorial Committee:
A. V. Konstantinov *(Series Chief Editor),* Doctor of History, professor; (Chita)
S. I. Mikhailov, Doctor of Political Science, professor (Sankt-Peterburg);
D. L. Strodsky, Doctor of Political Science, professor (Ekaterinburg)

Editor-in-Chief of the Unified Editorial Board:
I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, associate professor

Executive Secretary of the Unified Editorial Board
Yu. V. Gavrilova

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛ ЗРЕНИЯ:
научный комментарий

Комлева Н. А. Трансгуманизм и «гуманитария» как угроза правам человека 7

ИСТОРИЯ
Археология

Верещагин С. Б. Опыт изучения древних жилищ Забайкалья на позднеплейстоценовых галечниках 9
Константинов М. В., Константинова Т. А. Герард Миллер: ради изъяснения древней истории 14
Разгильдеева И. И. Палеолитические комплексы Западного Забайкалья: развитие методов планиграфического анализа 21
Мороз А. Ю. Краткий очерк истории изучения остеологических материалов каменного века 31
Нестеренко В. В. Археологические исследования Г. П. Сергеева в Забайкалье 41
Дятчина Н. Г. Характеристика изделий из кости и рога приаргунских памятников позднего неолита – ранней бронзы 47
Дашилхамаев Д. М. Оленные и сторожевые камни Забайкалья 60
Номоконов А. А. Погребение воина монгольской эпохи из лесостепного Забайкалья 69

История Забайкалья

Цыбенов Б. Д. К изучению семьи и брака у дауров 77
Малеев Н. Г. Земледельческое освоение Предбайкалья: Идинский острог 84
Мамкина И. Н. Женские гимназии Забайкальской области (по материалам государственных архивов Забайкальского края и Иркутской области) 88
Курас Л. В. Западное Забайкалье в начале XX в.: борьба за землю 97
Басаев Г. Д., Хуташкеева С. Д. Кооперативное движение в Западном Забайкалье накануне и в годы Первой мировой войны 105
Дроботушенко Е. В. Антирелигиозная деятельность власти в Забайкалье в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. 110
Семёнова Н. А. Образование читинского отделения союза советских художников (1945–1964 гг.) 118
Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Россия и Сибирь: место Сибири в процессах социально-экономического развития империи 124
Еланцева О. П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке 132
Алексеева Е. К. Трансформации в традиционном питании тунгусоязычных этносов Якутии 143
Маласханова И. А. Научное сотрудничество М. Н. Хангалова с деятелями ВСОРГО 148

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Намсараева С. Б. Дилеммы цинской миграционной политики в приграничном Хулун-Буире на примере участи мусульман – таранчи 155
Аюшеева М. В. О некоторых архивных документах ЦВРК ИМБТ СО РАН по истории бурятского буддизма в XIX в. 165
Жалсанова Б. Ц. Фонды тунгусских инородных управ и родовых управлений в Государственном архиве Республики Бурятия как источники по истории тунгусов в XIX–начале XX вв. 173

Цыпилова С. С. Конституционные права женщин в социалистической и современной Монголии 179
Шойндонова М. Б. Подготовка кадров для сельского хозяйства Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг. 186
Боронова М. М. Национальная интеллигенция и борьба за автономию бурят в составе Российского государства 192
Палхаева Е. П., Жукова Н. Е. Бурятская автономия: эволюция идеи и её оценка в исторической литературе 196
Доржеева В. В. Документы Государственного архива Магаданской области об изменении положения коренных малочисленных народов Северо-Востока СССР (1930−1953 гг.) 201
Базаржапов В. Б., Олзоева Н. В. Развитие земледелия и кормовой базы в колхозах Бурят-Монгольской АССР в послевоенные годы (1945–1953) 207
Гельман В. А. Социальные изменения положения населения Бурятии в условиях трансформации 212
Митупов К. Б.-М., Горковенко О. Н. Изменение демографической ситуации в Бурятии в условиях трансформации общества (конец XX- начало XXI вв.) 218

ПОЛИТОЛОГИЯ

Мишин А. В. Позиция Югославии в отношении Германии в период диктатуры короля Александра 223
Александрова Л. П. Политические партии: история и документы 228
Бурова Ю. Е. Функциональные особенности современной пресс-службы 232
Виноградова С. М., Мельник Г. С. Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене 239
Геруля М. Н. Политическая система и система СМИ в Польше: взаимозависимость 247
Дегтярёва О. В. Предвыборный дискурс украинских СМИ: политические стратегии медиаконцерна «StarLightMedia» (на примере газеты «Факты и комментарии») 255
Мэтякубов А. Д. Информационная политика Узбекистана в сфере развития телекоммуникаций 263

CONTENTS

ANGLE OF VIEW:
Scholarly Commentary

Komleva N. A. Transhumanism and "Humanitaria" as a Threat to Human Rights 7

HISTORY

Archeology

Vereschagin S. B. Investigation of the Ancient Dwellings in Zabaikalye on the Late Pleistocene Gravel..... 9
Konstantinov M. V., Konstantinova T. A. Gerard Miller: for the Sake of Ancient History Studies... 14
Irina Innokentievna Razgildeeva, ... 21
Razgildeeva I. I. Paleolithic Complexes of West Zabaikalye: the Development of the Planigraphic Analysis..... 21
Moroz A. Yu. A Brief Historical Review of the Studies Devoted to the Stone Age Osteological Materials 31
Nesterenko V. V. Archeological Research by G. P. Sergeev in the Trans-Baikal Region..... 41
Dyatchina N. G. The Description of Bone and Horn Articles Found at Priargun Sites of Late Neolith – Early Bronze 47
Dashilkhamaev D. M. Deer Stones and Sentry Stones in the Trans-Baikal Region..... 60
Nomokonov A. A. The Burial of the Warrior from the Trans-Baikal Forest-Steppe of the Mongolian Age..... 69

The history of the Transbaikal

Tsybenov B. D. To the Studies of Daurs' Family and Marriage 77
Maleev N. G. Agricultural Development of Predbaikalia: Idinsky Fort..... 84
Mamkina I. N. Female High Schools in the Trans-Baikal Region (based on the archive documents from Trans-Baikal and Irkutsk regions)..... 88
Kuras L. V. West Trans-Baikal at the Beginning of the 20th century: Struggle for the Land 97
Basaev G. D., Khutashkeeva S. D. The Cooperative Movement in the Western Trans-Baikal Before and During World War I..... 105
Drobotushenko E. V. Anti-religious Activities of the Trans-Baikal Authorities in the Late 1920s – the First Half of the 1930s 110
Semyonova N. A. The Development of the Chita Division of the Soviet Artists Association (1945–1964)..... 118

History of development of Russia

Dameshek L. M., Dameshek I. L. Russia and Siberia: Siberia in the Social and Economic Development of the Russian Empire 124
Elantseva O. P. "Absolutely new institution and unexplored undertaking": on Establishing Vladivostok Oriental Institute..... 132
Alekseeva E. K. Transformations in the Traditional Food of the Tungus-speaking Ethnoses in Yakutia 143
Malaskhanova I. A. M. N. Hangalov's Cooperation with Scholars of the East Siberian Branch of the Russian Geographic Society..... 148

ORIENTAL STUDIES

Namsaraeva S. B. Dilemmas of the Qing Migration Policy in Frontier Hulun-Buir: Case Study of the Muslim Taranchi–Uyghurs' Replacement 155
Ayusheeva M. V. About Some Archival Documents on History of the Buryat Buddhism in the XIX century 165

Zhalsanova B. C. Documents of Non-Russian Municipality, Kin Administration in the State Archives of Buryatia as Sources of the Tungus History in the 19th and early 20th cc. 173
Tsypilova S. S. Women's Constitutional Rights in Socialist and Contemporary Mongolia 179
Shoindonova M. B. Training Personnel for Agriculture in Buryat-Mongolia in 1920–1930 186
Boronova M. M. The National Intelligentsia and the Struggle for Buryat Autonomy in the Russian State 192
Palkhaeva E. N., Zhukova N. E. Buryat Autonomy: the Evolution of Ideas and Assessment in the Historical Literature 196
Dorzheeva V. V. The State Archives of Magadan Region about Changing the Status of Native Minorities of the USSR North-East (1930–1953) 201
Olzoeva N. V. Development of Agriculture and Forage Reserve in Collective Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in the Postwar Years (1945–1953) 207
Gelman V. A. Social Changes of the Buryat Population's Position under the Transformation Conditions 212
Mitupov K. B.-M., Gorkovenko O. N. Change of the Demographic Situation in Buryatiya, under the Conditions of the Society Transformation (late XX - early XXI cc.) 218

POLITICAL SCIENCE

Mishin A. V. Yugoslavia Against Germany during the King Alexander's Dictatorship 223
Lyudmila Petrovna Alexandrova L. P. Political Parties: History and Documents 228
Burova Yu, E. Functional Characteristics of a Modern Press Service 232
Vinogradova S. M., Melnik G. S. Challenges to Overcome Inequalities in the International Information Exchange 239
Gierula M. N. Political System and Mass Media System in Poland: Reciprocal Dependence 247
Degtyareva O. V. Pre-Election Discourse of the Ukrainian Mass Media: Political Strategies of the Media Concern "StarLightMedia" (the example of the newspaper "Facts and Comments") .. 255
Metyakubov A. D. Uzbekistan Information Policy in the Telecommunications Development 263

УГОЛ ЗРЕНИЯ:
научный комментарий

ANGLE OF VIEW:
Scholarly Commentary

УДК 32
ББК Ф01

Наталья Александровна Комлева,
доктор политических наук, профессор,
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия), e-mail: komleva1@yandex.ru

Трансгуманизм и «гуманитария» как угроза правам человека

Автор предлагает краткий обзор и комментарий идеологических составляющих концепции трансгуманизма, отмечает, что технология трансформация человечества исключает естественное право личности на свободу.

Ключевые слова: трансгуманизм, гуманотехнологии (гуманитария), свобода личности, биохакерство.

Natalia Aleksandrovna Komleva,
Doctor of Political Sciences, professor,
Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russia), E-mail: komleva1@yandex.ru

Transhumanism and “Humanitaria” as a Threat to Human Rights

The author suggests a brief review and a commentary to the ideological constituents of the transhumanism conception. It is stated that the technology of the humanity transformation excludes a personality’s natural right for freedom.

Keywords: transhumanism, humane technologies (humanitaria), personal freedom, biohacking

Концепция трансгуманизма, обосновывающая необходимость и возможность создания «постлюдей», и глобальное социальное движение за её реализацию возникло после распада СССР и мировой системы социализма во второй половине 90-х гг. прошлого века. Суть идеи трансгуманизма в том, что современные технологии позволяют настолько усовершенствовать биологические и психические способности человека, что он фактически превращается в киборга со сверхспособностями как в сфере телесности, так и в области интеллекта. Особое внимание трансгуманисты уделяют проблеме интеграции мозга и компьютерных сетей и даже возможности переноса личности на компьютерный носитель. Трансгуманисты убеждены, что грядущий прогресс в сфере гуманотехнологий (т. н. «гуманитария») не только изменит био-социальную природу человека, планетарный мегасоциум, но и сделает возможным создание изобилия ресурсов для каждого человека планеты. Это произойдет с помощью биотехнологий, так называемого биохакерства, которое позволит создавать из любых живых существ «биофабрики, биореакторы, биомашины» по производству ресурсов.

По нашему мнению, в результате применения «гуманитарии» активируется возможность создания абсолютно контролируемой эволюции человека в интересах глобальных корпораций, не желающих терять прибыли

© Н. А. Комлева, 2012

из-за периодически возникающих социальных протестов работников наёмного труда и необходимости проявления «социальной ответственности бизнеса», а также из-за большого количества голодающих и больных в «развивающихся странах», требующих масштабного отвлечения средств на гуманитарные программы. Сращивание биологии человека с кибернетической составляющей позволит навсегда избавиться от «горячих» войн локального и регионального уровня по захвату контроля над ресурсами, затратных как в финансовом, так и в имиджевом плане. Человек-киборг не болеет, не устаёт, живёт долго, программируется на любое действие – т. е. является идеальной рабочей силой, не требующей никаких социальных гарантий в виде восьмичасового рабочего дня, качественного медицинского обслуживания, высокого уровня образования, политических свобод и т. п. «завоеваний правового социального государства». Понадобится относительно небольшое количество таких «идеальных работников», что позволит радикально уменьшить население земного шара (скорее всего, с помощью намеренного распространения генетически целенаправленных болезней) и продлить время использования природных ресурсов планеты для блага «новой расы господ», контролирующих развитие и применение «гуманитарии». Наличие «транслюдей» и замена ими биологического вида «обычного человека» закрепит все природные ресурсы (в том числе биологические и интеллектуальные ресурсы самого человека – наёмного работника) за определёнными акторами на глобальном уровне. Суть «гуманитарии» как технологии трансформации большей части человечества заключается в том, что ликвидируется сама «традиционная» биологическая природа человека, а вместе с нею отнимается навсегда «естественное право» на свободу личности и свободу социальных проявлений.

Комментарий поступил в редакцию 15.03.2012 г.

ИСТОРИЯ
Археология

HISTORY
Archeology

УДК 903.3.
ББК Т 4 (2Р54)

Сергей Борисович Верещагин,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: forevich@.inbox.ru

Опыт изучения древних жилищ Забайкалья на позднеплейстоценовых галечниках[1]

Статья посвящена особой группе древних жилищно-хозяйственных комплексов Забайкалья, выявленных на поверхности древних галечников в основании надпойменных террас р. Чикой и р. Менза. Жилища в столь необычной стратиграфической ситуации были выявлены благодаря масштабным многолетним исследованиям многослойных поселений Студеновского и Усть-Мензинского археологических комплексов (Красночикойский район, Забайкальский край). Конструкция жилищ, в большинстве случаев, представлена внешней каменной обкладкой, округлой или овальной формы, с очагом или кострищем в центре. С очагом и околоочажным пространством связаны остатки жизнедеятельности обитателей, представленные продуктами обработки камня и кости, фаунистическими остатками. Исследовательские работы проводились отрядами Чикойской археологической экспедиции Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета под руководством М. В. Константинова, А. В. Константинова, Л. В. Екимовой (Сёминой) и автором статьи. Источниковедческую базу статьи составляют материалы, полученные в ходе изучения поселений Усть-Менза-1, Студёное-1, 2.

Ключевые слова: жилище, жилищно-хозяйственный комплекс, многослойное поселение, плейстоцен, галечник, палеолит.

Sergey Borisovich Vereschagin,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: forevich@.inbox.ru

Investigation of the Ancient Dwellings in Zabaikalye on the Late Pleistocene Gravel

The article is devoted to a special group of ancient dwelling complexes in Zabaikalye discovered on the gravel surface of the fluvial terraces of the Chikoi and Menza rivers. Dwellings in such peculiar stratigraphic conditions were identified thanks to long-term and large-scale investigations of multilayer settlements in the South-East of Zabaikalye. The structure of dwellings is mostly represented by an outer cobble lining (of a round or oval shape) and a hearth in the centre. The remains of human activity, such as remains of stone and bone and faunal remains, can be found around the hearth. The excavations were carried out by the Chikoi archaeological ZabSHPU

[1] Работа выполнена в рамках Государственного задания вуза Минобрнауки РФ, № 6.26.36.2011.

© С. Б. Верещагин, 2012

team headed by M. V. Konstantinov, A. V. Konstantinov, L. V. Syomina (Yekimova) and by the author of the article. The bibliography contains the data obtained during the study of Ust-Menza-1, Studenoye-1 and Studenoye-2 settlements.

Keywords: dwelling, dwelling complex, multilayer settlement, Pleistocene, gravel, Paleolith.

Жилище, как неотъемлемая часть человеческой культуры всегда являлось особым объектом научных исследований в области древнейшей истории человечества. Древние жилища выступают важнейшими, и зачастую единственными источниками, способными раскрыть неизвестные стороны жизни и поведенческие стратегии первобытных строителей, покорителей суровых перегляциальных просторов северо-восточной Азии.

За почти 50-ю историю изучения палеолитических жилищ в Забайкалье накоплен представительный материал. Забайкальскими археологами открыто и изучено значительное число бесспорных жилищных комплексов эпохи верхнего палеолита. Результатам изучения палеолитических жилищ Забайкалья посвящён ряд специализированных научных трудов. В них подробно изложены основные критерии их выделения, обозначены особенности полевой методики их поиска и изучения, даны варианты интерпретации и продемонстрированы примеры реконструкции [1; 4; 6; 8; 9].

Среди многообразия позднепалеолитических жилищ, обнаруженных в Забайкалье, существует возможность выделения особой группы жилищ. Основным критерием выделения является дислокация остатков конструкций жилищ и следов жизнедеятельности их обитателей на поверхностях древних галечников. Поиск и изучение в подобных стратиграфических условиях жилищных конструкций остаётся крайне трудоёмким процессом, требующим существенных физических, финансовых и временных затрат.

Первое жилище на плейстоценовом галечнике в Забайкалье зафиксировано в 1977 г, на поселении Студёное-1. Данному открытию предшествовали работы по изучению голоценовых и позднеплейстоценовых отложений на значительных площадях [5, с. 31]. Многослойное поселение Студёное-1 входит в состав Студёновского археологического комплекса, который расположен в окрестностях с. Нижний Нарым, на правом берегу р.Чикой, в месте впадения р.Студёный. Поселение Студёное-1 приурочено к I-й надпойменной террасе р.Чикой. В отложениях террасы мощностью до 5 м зафиксировано в общей сложности 38 культурных горизонтов [7, с. 11].

Интересующий нас культурный горизонт 19/4 представляет собой суглинистый прослой, перекрывающий поверхность плейстоценового галечника террасы. Изучен горизонт на площади 500 кв. м. С горизонтом связано два самостоятельных выразительных жилища [4; 5; 6], расположенных друг от друга на расстоянии 6,5 м. Для сооружения конструкции обкладки и очага использовались речные валунчики различных размеров. В обкладку первого входит 33, второго 58 валунчика. Конструктивно жилища похожи друг на друга. Отличие состоит в частных комбинациях, связанных с плотностью и степенью изогнутости внешних обкладок. Размеры обкладки первого жилища составляют 3,6 × 3,2м, второго 3,7 × 4,3 м.

В центре каждого жилища зафиксирован очаг, имеющий обкладку из речных валунчиков. Внутри очаг имеет заполнение из углисто-зажистой массы мощностью 0,5–1 см. По углю из очага жилища № 1 получена дата 11 030± 380 (ГИН-2938) [4, с. 55]. С очагом и околоочажным пространством каждого из жилищ связана серия находок. Они представлены отходами первичного расщепления камня, костными остатками, орудиями труда (скрёбла, микродолото) и кусочками охры [4, с. 56–57].

Следующий этап в истории изучения жилищ на древних галечниках связан с работами на многослойных поселениях Усть-Мензинского археологического комплекса на протяжении 1980-х гг. В ходе изучения поселения Усть-Менза-1 в 1986 г., в той же стратиграфической ситуации, как и на Студёном-1, было выявлено своеобразное жилище. Поселение Усть-Менза-1, является многослойным, связанным с отложениями I надпойменной террасы р. Менза и генетически подобно

Студёному-1. Здесь древний галечник также перекрывает тонкая суглинистая прослойка – 25 культурный горизонт, изученный на 193 кв. м [10, с. 35].

Жилище представлено конструкцией, состоящей из кладки, очага и артефактов, связанных с ним. Кладка жилища имеет своеобразную конструкцию и состоит из 206 камней, преимущественно хорошо окатанных валунов и слабо окатанных гнейсовых глыб, размерами от 6 до 68 см. Камни в кладке распределены неравномерно. Отчётливо представлено обрамление северо-западного и северо-восточного сектора жилища. Камни образуют сплошной дугообразный вал длиною около 5 м, шириною 0,9–1,6 м, высотою 0,4–0,5 м. Плоские или уплощённые камни стоят, как правило, на ребре, плотно зажаты друг другом. В месте, где дуга имеет наибольшую ширину, камни покоятся на широких плоскостях. Камни, представляющие юго-западный сектор жилища, находятся вне дуги, причиной тому послужило, по всей видимости, их сползание. В юго-восточном секторе жилища дуга не имеет продолжения. В этой зоне на поверхности галечника имеются бессистемно расположенные отдельные валуны. Предположительно они и составляли здесь основание жилища [10, с. 35].

Очаг также имел своеобразное устройство. Он представлен зольным пятном, мощностью до 0,5 см. Западную часть пятна обрамляли камни, входящие во внешнюю обкладку жилища. Южная сторона пятна ограничена тремя крупными гальками, одна из которых имеет забитости по краю. В северной и восточной стороне обрамления из крупных камней отсутствует. С жилищем связано 15 артефактов, являющихся продуктами первичного галечного расщепления и небольшое скопление фрагментов трубчатых костей, тяготеющих, как правило, к очагу.

За пределами обкладки жилища также обнаружено несколько вещей. Среди них обломок крупной кости (лопатка?) размерами 17 × 7 × 2,2 см. На ней имеется полукруглый вырез, расположенный по центру края, противоположный зауженный конец имеет поперечный скол. Крупный обломок рога (22 × 5,8 × 3,2 см) с узким концом, на котором видны следы намеренной обработки. Оббитая галька пирамидальной формы с диагональным снятием в широкой части и фасеткой на галечной поверхности, а также поперечным снятием в узкой части [4, с. 43–44; 10, с. 35].

В 2007–2009 гг. работы на поселении Усть-Менза-1 были возобновлены. Восточнее вышеописанного жилища была обнаружена очажная конструкция и значительное количество артефактов. В состав обкладки очага входило 15 камней различных размеров, представленных гальками и слабо окатанными глыбами. Очаг имел овальную форму диаметром по линии С-Ю – 0,95 м, по линии З-В – 1,6 м. Углисто-сажистое заполнение до 0,2 см. Рядом с очагом обнаружены: бифасиально обработанный скребло-нож округлой формы, фрагмент ретушированного изделия на отщепе; 4 торцовых микронуклеуса, три из которых клиновидные; 4 концевых скребка на миниатюрных отщепах; 3 боковых реберчатых скола с микронуклеусов; остриё на отщепе ромбовидной формы; обломок углового резца на микропластинке, 9 фрагментов микропластинок, 6 отщепов с ретушью; пластинка с ретушью, 57 отщепов; 6 галечных сегментов, 2 чоппера, отбойник, фрагменты колотых трубчатых костей [10, с. 36].

Новый опыт исследований также был связан с многослойным поселением Студёное-2, также входящим в Студёновский археологический комплекс. На поселении выявлено 8 культурных горизонтов, с серией выразительных верхнепалеолитических жилищ, в том числе многоочажного жилищного комплекса из слоя 4/5. Культурные горизонты заключены в отложения II-й надпойменной террасы р. Чикой высотой до 9 м. Интересующие нас объекты обнаружены и изучены в 2000–2001 гг. В основании пойменного аллювия, на площади 188 кв.м, изучен 8 культурный горизонт. Связан он с тонким слоем крупнозернистого песка, непосредственно перекрывающего древний галечник [7, с. 17]. Возраст горизонта по C^{14} – 20,6 тыс. л. н. [9, с. 302].

С горизонтом связано 5 жилищно-хозяйственных комплексов. Три из них – это жилища с галечными обкладками и очагами в центре. Первый комплекс расположен в 1,5 м от уступа террасы. В центре комплекса находится очаг округлой формы размером 1,36 × 1,2 м. Обкладка очага состоит из 6 крупных и 9 небольших окатанных камней. Все камни имеют следы нагара. Внутри очага

находились чоппер и 2 отщепа. На удалении от очага в пределах 0,8–1,2 м симметрично расположены 16 камней, являющихся обкладкой жилища. Обкладка сильно разряженная, камни расположены по одному или в связке. Расстояние между камнями (или их парами) составляет 0,8–1,2 м. Два камня, выбиваясь из общего округлого контура, придают обкладке спиралевидную форму. Диаметр внешней обкладки составляет 2,8–3 м. В северной части обкладки обнаружены 2 продолговатые базальтовые гальки. На одной из них имеется несколько крупных фасеток, предположительно являющихся результатом опробования камня или попыткой оформления рабочего края. Вторая галька имела забитости на конце, вероятно, от использования в качестве отбойника.

Второй комплекс, также представлен очагом и обкладкой. Он расположен юго-западнее первого, и может быть охарактеризован как остатки жилища. Обкладка имеет дугообразную форму, открытую под углом в сторону Чикоя. В конструкцию входит 5 крупных камней. Расстояние между обкладочными камнями 0,97–1,2 см. Очаг диаметром 1,2 м, в его обкладку входит 11 небольших камней со следами воздействия огня. В очажном заполнении и приочажном пространстве обнаружены отщепы, один из них с ретушью, мелкие трубчатые косточки, фрагмент челюсти, зуб кабана.

Комплекс 3 расположен юго-западнее второго, в непосредственной близости. Довольно чётко выражена кольцевая обкладка, выполненная из 24 камней, располагающихся довольно ритмично, со смещением и разрывом между двумя камнями, предположительно обозначающими вход. Камни располагаются поодиночке, попарно или по три. Внутри обкладки по всей поверхности – красновато-коричневый прокал с отдельными черными примазками, возможно золистого характера. Мощность прокала 1–1,5 см, а в центре комплекса – 2–2,5 см. Вероятно, это следы кострища [7]. Специально устроенного очага не выявлено. Возможно, 4 камня в приочажном пространстве входили в обкладку. Размеры жилища 3,6 × 4,9 м [7].

В заполнении прокалённого суглинка в пределах обкладки жилища и в непосредственной близости от неё выявлены остатки жизнедеятельности. Они представлены фрагментами колотых трубчатых костей и зубов, результатами первичного галечного расщепления, фрагментом пластинки с ретушью. Большинство находок со следами термического воздействия. Часть каменных артефактов имеют следы замытости.

Комплексы 4 и 5, как и комплекс 1, также расположены у уступа террасы. Четвёртый комплекс представлен 8 крупными гальками, образующих округлую обкладку, диаметром 1 м. Внутри находились мелкие обгоревшие камни и углистые примазки. К находкам относятся проколка из ребра копытного, обломок зуба копытного, 6 отщепов. В 1 м западнее комплекса обнаружен концевой скребок высокой формы, выполненный на крупном отщепе. Комплекс может быть интерпретирован как наружный очаг [7].

Характер комплекса 5 также в полной мере не ясен. Он состоит из 16 камней. Из них 14 образуют подковообразную выкладку. Камни располагаются ритмично в 10–15 см друг от друга и образуют две параллельные цепочки, расстояние между которыми 0,7–1 м. Нижняя часть дуги, обращённая к реке, открыта. Следов кострища не обнаружено. По одному из вариантов интерпретации данная конструкция могла служить тамбуром – входом в жилище [3, с. 139].

Все выявленные позднеплейстоценовые жилища являлись наземными сооружениями без углублений в грунт и располагались на относительно ровных площадках террасовой поверхности. Основанием всех жилищ служила естественная поверхность галечника, перекрытая тонким прослоем ила или песка. Фактически пол таких жилищ был галечным, хотя речной гальки как таковой, не было видно, но она простукивалась сразу под тонким песчаным налётом [6, с. 143].

Жилища выделены нами по внешним каменным обкладкам, а также очагам или кострищам, находящимся в их центре. Они, безусловно, носят рукотворный характер и состоят из окатанных галек и валунов, хорошо видных и конструктивно читаемых на фоне плотного и более мелкого галечника надпойменных террас. Описанные выше жилища в большинстве своём одинарные, имеющие округлую форму основания. Они являются прототипами конструкций, сооружаемых в

последующем различными сибирскими народами [6, с. 173].

Особо примечателен факт того, что наряду с остатками конструкций обкладок жилищ и очагов, в столь необычных геоморфологических условиях сохраняются артефакты. Зачастую они представлены уникальными изделиями из камня и кости.

Список источников и литературы

1. Базаров Д. Б., Константинов М. В., Иметхенов А. Б., Базарова Л. Д., Савинова В. В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1982. 163 с.

2. Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. 576 с.

3. Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (материалы XLI Региональной археолого-этнографической студ. конф.). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. 600 с.

4. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.

5. Константинов М. В. Отчёт Студёное – древнее многослойное поселение в Забайкалье: научный отчёт по результатам полевых исследований, 1977. Чита, 1978. С. 32.

6. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 180 с.

7. Константинов М. В. Исследование древних поселений в Западном Забайкалье в 2001 г. Научный отчёт о полевых исследованиях. Чита, 2002. С. 33.

8. Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью (путеводитель по полевой экскурсии Международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки») / Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г. [и др.]. Чита, 2003. 52 с.

9. Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: материалы всероссийской конференции с международным участием, посвящённой 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 1. 432 с.

10. Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.-М. Великий Новгород, 2011. 424 с.: илл.

Статья поступила в редакцию 11.03.2012 г.

УДК 902
ББК Т4(2Р54)

Михаил Васильевич Константинов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: konstant1956@mail.ru
Татьяна Андреевна Константинова,
кандидат исторических наук,
Государственный архив Забайкальского края
(Чита, Россия), e-mail: mk-rus@mail.ru

Герард Миллер: ради изъяснения древней истории

Статья посвящена археологическим исследованиям, организованным руководителем академического отряда Великой Северной экспедиции Г. Ф. Миллером в Забайкалье на р. Шилке в 1735 г. Изучение 15 деревянных погребений по инструкциям, разработанным Г. Ф. Миллером, провёл один из членов отряда студент А. Горланов. В последствии Г. Ф. Миллер изложил результаты раскопок в двух статьях, в книге «История Сибири» и отнёс изученные погребения к эпохе Чингисхана. В статье также анализируются документы, выявленные в государственном архиве Забайкальского края, подтверждающие факт проведения раскопок и расширяющие сведения об их организации и характере. В фонде Нерчинского воеводства выявлены письма Г. Ф. Миллера Нерчинскому воеводе Г. Ф. Деревнину, а также распоряжения последнего в помощь организации раскопок. Полученные материалы позволяют полнее оценивать вклад Г. Ф. Миллера в изучение древней истории Забайкалья.

Ключевые слова: история, археология, древние могилы, экспедиция Российской Академии Наук, Забайкалье, Нерчинск, Герард Миллер, воевода Деревнин, студент Алексей Горланов.

Mikhail Vasilievich Konstantinov,
Doctor of History, professor, Zabaikalsky State Humanitarian
Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky
(Chita, Russia), e-mail: mk-rus@mail.ru
Tatiana Andreevna Konstantinova,
Candidate of History, Sate Archives of the Trans-Baikal Region
(Chita, Russia), e-mail: mk-rus@mail.ru

Gerard Miller: for the Sake of Ancient History Studies

In the State Archive of the Trans-Baikal region there have been found the documents to testify archaeological studies organized by Gerard Miller on the Shilka River as early as 1735. The excavation of 15 wooden ancient burials and their examination was carried out by one of the expedition members, a student, Alexey Gorlanov by name, who did the work following G. F. Miller's instructions. Further on G. F. Miller presented the results of the excavation in his articles issued in the book "The History of Siberia", where he referred the burials to Genghis Khan Age. Among the archive documents of Nerchinsk voivodeship there are G. Miller's letters to G. F. Derevnin, a voivode (a governor) of Nerchinsk, who used his administrative power to help the expedition. These documents enable us to give a more profound estimation of G. F. Miller's contribution to the Ancient History studies of the Trans-Baikal region.

Keywords: history, archeology, ancient burials, expedition of the Russian Academy of Sciences, Trans-Baikal, Nerchinsk, Gerard Miller, voivode Derevnin, student Alexey Gorlanov.

© М. В. Константинов, Т. А. Константинова, 2012

В Государственном архиве Забайкальского края выявлены документы, напрямую свидетельствующие об одном из ранних по времени археологических исследований в России. Эти исследования проводились Г. Ф. Миллером в 1735 г. на реке Шилка, относящейся к бассейну реки Амур.

Известно, что Г. Ф. Миллер был руководителем академического отряда экспедиции, которая называлась Вторая Камчатская, или Великая Северная. Заметим, что за этими названиями намеренно скрывались некоторые подлинные цели экспедиции, поскольку она была ориентированна не только на изучение севера и северо-востока Сибири, но и её южной части, включая Забайкалье. Такой камуфляж был необходим в связи с желанием защититься от излишнего внимания китайской стороны, обеспокоенной усилением России на её восточных рубежах. Общее руководство экспедицией и конкретными действиями на севере осуществлял капитан-командор Витус Беринг [5, с. 111–133]. Вместе с тем одним из административных центров экспедиции был определён Нерчинск – весьма далекий от Чукотки и Камчатки город Восточной Сибири, от которого «рукой подать» до Китая [4, с. 28] Петербургской Академией Наук было предписано Г. Ф. Миллеру во время сибирского путешествия для «приращения исторического познания» «описывать историю каждого народа», включая народы, жившие на Амуре: «А особливо рассматривать надобно начала, нравы, обычаи и проч. тех народов, кои живут на северной стороне реки Амура, потому что слух носится, что и Российский народ имел там древние свои жилища» [6, с. 453–454]. Вплотную к Амуру примыкали земли Нерчинского уезда (воеводства), называемые тогда ещё Даурией, а ныне Забайкальским краем. В «Автобиографии» Г. Ф. Миллер сообщал: «Сибирское мое путешествие, в коем я все страны сего обширного государства, в длину и широту, до Нерчинска и Якуцка объездил, продолжалось почти 10 лет» [6, с. 151–152]. Вместе с Г. Ф. Миллером, с не меньшими правами, чем он, проводил исследования в Забайкалье И. Г. Гмелин. Первый из них был профессором истории, второй – доктором медицины и натуралистом, при этом оба учёных проявляли большой интерес к изучению древностей. Совместно они отбыли из Петербурга в Сибирь в 1733 г., а в 1735 г. пересекли Байкал и проследовали в восточном направлении до Читинска (с 1851 г. – город Чита), затем до Нерчинска, далее на юг до Нерчинского (Аргунского) Завода, являвшегося центром горнорудного производства. На обратном пути они вновь побывали в Читинске и вернулись к Байкалу [5, с. 127–129]. Г. Ф. Миллер побывал также в Кяхте и на приграничной территории со стороны Монголии [6, с. 513].

Отметим, что за 10 лет до их путешествия (в 1724–1725 гг.) примерно такой же маршрут прошел Д. Г. Мессершмидт (там же, с. 87–90). Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин были знакомы с результатами его исследований, в том числе с описаниями древнего вала и городищ в Приаргунье [6, с. 509]. Они продолжили исследования в этом направлении. Ещё находясь в Забайкалье, полагая этот вопрос весьма важным, Г. Ф. Миллер написал на латинском языке ряд научных статей, названных совокупно «Обсервации исторические». В эту подборку входит статья «О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском», помеченная 1735 г. «Обсервации» были отправлены Г. Ф. Миллером в Петербугскую Академию в 1736 г. и ныне хранятся в архиве РАН [9]. Впервые на русском языке статья Г. Ф. Миллера о древних памятниках была опубликована В. В. Радловым в «Сибирских древностях» в 1888 г. [6].

В 2005 г. данная статья издана как составная часть обобщающего труда Г. Ф. Миллера «История Сибири» в 3-х томах (т. 1, с. 506–512). В статье сообщается об остатках древнего укрепления, расположенного в 10 верстах от реки Аргунь, при этом приводится описание его внешних и внутренних валов, указывается позиция ворот, а также отмечается расположение всех элементов сооружения по отношению к сторонам света. Подробное описание дополняется весьма чётко выполненным планом. От тунгусов Г. Ф. Миллер узнал о ещё четырёх укреплениях того же характера. Он разыскал эти укрепления и описал их обобщённо в сравнении с первым. Исследователь предпринял попытки найти укрепление, которое осматривалось Д. Г. Мессершмидтом, но не распознал указанные им координаты. Особое внимание Г. Ф. Миллер уделил земляному валу, уходившему через долины и сопки на монгольскую

территорию. Этот вал определён им как граница между различными народами, которая охранялась обитателями упомянутых укреплений. Г. Ф. Миллер считал, что народ, который соорудил вал и укрепления, вел кочевую жизнь.

Г. Ф. Миллер обращал также внимание на могильные курганы. Он видел их бесчисленное множество на берегах таких рек как Уда, Шилка и на степных просторах в междуречьях Ингоды – Онона – Аргуни. Учёный специально указал, что курганами он называл их условно, поскольку они представляют собой не кучи из земли и камня, а ограды из больших каменных глыб высотою в рост человека, образующих четырёхугольную фигуру, продолговатую с востока на запад. Исследователь сообщал, что он планировал приняться за их раскопки, но поначалу не имел для этого времени, рабочей силы и землекопных орудий. Исходя из ситуации, Г. Ф. Миллер разработал специальный план, согласно которому раскопками погребений должен был заняться его помощник, студент Петербургской Академии А. Горланов. Для раскопок был намечен большой могильник «близ деревни Городище». А. Горланову были даны полные инструкции, согласно которым он раскопал 15 могил. По докладу молодого исследователя он не нашел в них ничего, кроме одной кости, оказавшейся обломком черепа человека. Г. Ф. Миллер посчитал полученные результаты недостаточными, и на обратном пути из Читинска к Байкалу нашёл новый могильник такого же характера; он находился на реке Уде (в бассейне Селенги) и состоял из десяти курганов. Приготовив землекопные орудия, с большими стараниями он раскопал два погребения, при этом в обоих обнаружил части человеческих скелетов, а в одном из них ещё и лошадиные кости.

В той же статье «О древних памятниках…» Г. Ф. Миллер причислил к памятникам древности старинные рудные копи, сославшись при этом на свою отдельную работу, посвящённую истории Аргунских серебряных заводов, а также на работу И. Г. Гмелина о горном деле древних обитателей края. Дополнительно к этому Г. Ф. Миллер счел необходимым упомянуть о замеченных им старинных тропинках, ведущих от древних копей к первому из исследованных им аргунских укреплений. В заключение статьи Г. Ф. Миллер упомянул о ставших ему известными по рассказам доверенного человека писаных камнях на берегах рек Джида и Кемник (т. е. Темник).

Итак, Г. Ф. Миллер достаточно подробно изложил результаты научных исследований памятников древности в Забайкалье. Под памятниками древности им понимались древние укрепления, пограничный земляной вал, курганы, образующие могильники, рудные копи, писаные камни. Особую ценность, по его мнению, представляли курганы. Их описание не оставляет сомнений в том, что они относятся, по современным определениям, к культуре плиточных могил позднего бронзового – раннего железного веков. Погребения этого типа сооружены из вертикально поставленных, с заглубленными основаниями, плит, образующими прямоугольную ограду, ориентированными длинной осью по линии восток – запад [1; 2]. К описанию этих погребений Г. Ф. Миллер возвращается в статье «Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных» [6, с. 512–519]. С выразительными подробностями исследователь сообщает: «В Нерчинск ехавши, усмотрел я на берегу реки Шилки, при деревне Городище называемой, много древних курганов вместе, почему я вознамерился на возвратном пути, получив свободное к тому время, разрыть некоторые из оных. Но случилось, что я за другою нужнейшею ездою туда не возвратился. Для того послал я туда одного из наших студентов, чтоб то сделал. Он толь же мало достойных вещей, да и не человеческих костей, но токмо лошадиные, в могилах нашел, из чего заключить можно, что там зарыт был токмо пепел сожженных тел, в котором остатки человеческих костей через толь долгое время могли исчезнуть, как напротив того, оставшиеся от несожженных, но у могилы убитых лошадей кости в целости пребывали» [6, с. 518]. Отсюда становится понятно, что Г. Ф. Миллер склонялся к выводу о применении в погребальном обряде трупосожжения. Дальнейшими исследованиями такой характер обряда в рамках культуры плиточных могил подтверждения не получил. Все исследователи наблюдали только трупоположение, а вместе с тем весьма частое разграбление этих захоронений с кощунственным отношением к останкам

людей. Впрочем, для других сибирских мест Г. Ф. Миллер отмечал массовое разграбление разных могил ватагами вольных людей.

В этой же статье исследователь в общесибирском контексте отмечал, что «древние могилы … различного бывают виду» [6, с. 512]. Он разделял их по характеру внешней кладки, внутренней конструкции, а также размерам. Один из видов могил, соответствующий забайкальским, определяется им так: «по большей частью четвероугольную большими, прямо стоящими дикими камнями обкладены» [6, с. 512]. Исследователя удивляло то обстоятельство, что поблизости от погребений «не видно никаких каменных гор, из которых бы оные камни брать можно было, так что сии камни с неописанным трудом из весьма отдаленных мест привозить надлежало. Вообще находятся сии могилы нигде больше, как в разных степях, бывших обитаемых народом, которого пропитание в скотоводстве и в звериной ловле, кажется, состояло» [6, с. 513]. Далее Г. Ф. Миллер упоминал о наличии в погребениях лошадиных костей, что «есть доказательство особливого суеверия, наблюдаемого ещё и ныне некоторыми восточными народами. Многие так думают, …что отшедшие души на том свете так, как на сем, одинакою жизнью наслаждаются» [6, с. 513].

Исследователь полагал, что самые богатые могилы встречаются от Волги до Оби, «посредственные» – на берегах Енисея, а самые бедные – восточнее Байкала. «Сия разность доказывает токмо разное состояние одного и того же народа, который сперва был беден и потом нарочито разбогател и по всем сим странам, хотя в разные времена, живал, что изъяснять история нам помогает» [6, с. 514]. Г. Ф. Миллер связывал эти погребения с эпохой Чингис – хана и его ближних последователей: «Чингис основал свое государствование в начале 13 столетия. Как мунгалы, так и татары, коих соединил он под свою державу, были тогда народ бедный, который по степям Селенги, Толы, Орхона, Онона странствовал и до озера Байкал иногда распространялся. Из сего видно, для чего в тамошних могилах толь мало драгоценностей находится. Сие обстоятельство как получает свет из истории, так и взаимно ей самой сообщает. Но как могилы Селенгинских и Нерчинских степей с тогдашней скудостью народа совершенно сходствуют, то опять нетрудно показать, откуда достались татарам великие в прочих могилах найденные сокровища» [6, с. 516–517].

Отсюда понятно, что и в этом случае учёный объяснял отсутствие погребального инвентаря в забайкальских погребениях (которого он действительно не нашёл, несмотря на раскопки 17 погребений, относящихся к двум могильникам) не последующим разграблением погребений, а изначальной бедностью народа, их создавшего. Существенным являлся вывод Г. Ф. Миллера о том, что в Сибири есть погребения ещё до Чингис–хановой эпохи. В этих погребениях находят орудия «из красной меди», как-то ножи, кинжалы, стрелы. Такие погребения известны «в верхней стране реки Енисея». Исследователь связывал их с уйгурами (игурами), от которых Чингис–хан «принял грамоту» [6, с. 516].

Перу Г. Ф. Миллера принадлежат ещё две статьи археологического содержания, такие как «О памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов» и о «Сибирских надписях» [6, с. 503–534], весьма важные для понимания его взглядов на характер и возраст древностей. В первой статье автор обращается к теме массового разграбления могил в Южной Сибири: «Этим причиняется неисправимый ущерб местной истории, которая могла бы надеяться добыть себе из них некоторое разъяснение» [6, с. 504]. Во второй статье он упоминает некоторые забайкальские писаницы, достойные изучения.

Как уже отмечалось, в Госархиве Забайкальского края выявлены документы, подтверждающие факты проведения Г. Ф. Миллером раскопок в Забайкалье и расширяющие сведения об их организации и характере. Они представлены в фонде Нерчинского воеводства и определены как промемории, т. е. деловые письма [10]. Всего промеморий известно шесть. Их подписал «Академии наук профессор Г. Ф. Миллер своим и своих товарищей именем». Письма написаны из Аргунского (Нерчинского) Завода в 1735 г. и адресованы Нерчинскому воеводе Г. Ф. Деревнину. От воеводы требовались надлежащие сведения и содействие по различным вопросам. В одной из промеморий Г. Ф. Миллер требует от вое-

воды оказать помощь студенту Алексею Горланову при проведении им раскопок древних курганов. Промемория написана на русском языке, на белом листе бумаги размерами 28,5 на 19,5 см., исписанных с двух сторон чернилами, чётким каллиграфическим почерком в стиле полуустава, со строго выдержанной горизонтальной строкой, в соответствии с процедурными, графическими и лексическими правилами, принятыми в российском коллежском делопроизводстве второй четверти XVIII века [7, с. 3]. Для текста использована средняя полоса листа шириной 13,7 см., отчёркнутая двумя вертикальными линиями. Правый край листа повреждён, но текст письма при этом не пострадал. Очевидно, текст был написан по заданию или под диктовку Г. Ф. Миллера одним из его русскоязычных помощников и подписан самим учёным полным именем по-латыни. Ниже приводится полный текст документа с сохранением пунктуации, орфографии и расположения текста по строкам (но без сокращений, титло и выносных букв).

Промемория из Камчатской Экспедиции от профессора Академии Наукъ в Нерчинскую Воеводскую Канцелярию. Понеже мы ради изъяснения древней истории и ради изследований, какие в прежние годы в Нерчинском уезде народы жили, так же и ради собирания в Императорскую Кунст камеру древних любопытных вещей, за потребно разсудили, что некоторые из старых иноземских могилъ раскопать, и имевшиеся по левой стороне Шилки против Нижняго городища места, где та ких могилъ довольно находится, къ тому за наиспособнийшие признали: Того ради отправили мы для сего изследования команды нашей Студента Алексея Горланова с инструкцией, чтоб ему требовать от Нерчинской воеводской канцелярии шесть человекъ служивыхъ людей на вспоможение, да указ Городищенской слободы къ припашину, чтобъ ему давать на работу из тамошни жителей на каждой день по десяти человекъ мочных людей съ киркой и съ желтъзными и деревянными лопатами: А ежели таких снастей в Городищенской слободе не имеется то требовать бы ему оны от Нер чинской Воеводской Канцелярии. Нерчинская Воеводская Канцелярия да благоволитъ о всемъ вышеописанном чего он требовать будетъ, учинить по её Императорского Величества Указу Академии Наук Профессор Герардъ Фридрихъ Миллер своимъ и своих товарищей именем

Подпись (автограф)
Июля 15 дня 1735 году
Съ Аргунских серебряныхъ
Заводовъ»

На левом боковом поле лицевой части листа сделана канцелярская помета: «№ . 292 = июля 19 дня 1735 года чрез Студента Алексея Горланова».

На оборотной стороне листа в его нижней части и в верхней части другого листа (всего 17 строк) представлен текст приговора (распоряжения), отданного Нерчинским воеводой Г. Ф. Деревниным. Текст написан черными чернилами, скорописью, с местными особенностями в написании некоторых букв, сохраняющимися традиции XVII в. Текст весьма сложен для прочтения. В двух случаях слова остались непонятыми, в связи с этим вместо них поставлены точки.

На левом боковом поле сохранилась канцелярская помета, о том, что эта запись сделана «1735 года июля 23 дня».

«1735 году июля дня Получил съ её Императорского Вели ества в Нерчинскую Канцелярию Воевода Господин Гаврило Федорович Деревнинъ вышестоящую промеморию Слущай Приговоръ по сей оно промемории Для копки вверх по Шилке реке по левую сторону против Нижнего городища отправить шесть человек служивых людей и вы дать имъ из казны для той копки три лопатки же лезные две тупицы одну пешню ... а в Городищенскую Слободу с припашену послать Указ в котором написать, чтоб ему по получении того Указа как прибудет в ту Слободу Студент Алексей Горланов со служилыми людьми и станет требовать для работы тамошны обывателей по десять человек на день мочных людей с переменой с тупицами железнымя и деревянными лопатами безо всякого задержания отправлять а се приготовить за ....

Воевода Гаврило Деревнин»

Приведённый документ свидетельствуют о том, что Г. Ф. Миллер организовал масштабные археологические исследования, включавщие в себя раскопки древних курганов. Раскопки осуществлялись с научной целью – «ради изъяснения древней истории». Государственная власть оказывала существенное содействие научным исследовани-

ям. Руководитель экспедиции Г. Ф. Миллер опирался на «Ее императорского величества Указ», т. е. фактически действовал «именем императрицы». Нерчинский воевода Г. Ф. Деревнин споро и точно исполнял требования учёного по выделению рабочей силы и инструментов для проведения раскопок. Отметим, что исполнение требований учёного являлось для воеводы составной частью его постоянной работы, поскольку Нерчинская Воеводская Канцелярия осуществляла финансовое и материальное обеспечение деятельности Первой и Второй Камчатской экспедиции по всем маршрутам, начинающимся, завершающимся или проходящим через Нерчинск. В фонде Нерчинского воеводства представлены ведомости с 1724 по 1743 гг., т. е. в период деятельности двух Камчатских экспедиций, по которым устанавливается, по датам и фамилиям, вся система подготовки и проведения исследований, включая расходные суммы на экипировку. Так, весьма показательна информация об организации похода группы геодезистов из Нерчинска к Тихому океану и о возвращении с севера в Нерчинск от В. Беринга группы из 39 человек [11].

Исходя из всей совокупности документов, становится понятно, что археологические исследования того времени являлись составной частью обширной программы по изучению и освоению Сибири [4, с. 10–58]. Г. Ф. Миллер умело и творчески руководил отрядом (он называл его командой) исследователей, обеспечивших поиск, изучение и фиксацию памятников археологии. Показательно, что учёный подписывал документы «своим и своих товарищей именем». В этот отряд входили его сотоварищ, учёный Иоганн Георг Гмелин, художник Иоганн – Вильгельм Люрсениус, переводчик, студент Илья Яхонтов, студент Алексей Петрович Горланов и студент Степан Петрович Крашенников [6, с. 506]. Студенты учились в Петербургской Академии Наук. В экспедиции они успешно выполняли обязанности научных сотрудников. С. П. Крашенниников в дальнейшем стал академиком и всемирно известным исследователем Камчатки. Из состава студентов к изучению древностей в наибольшей степени был причастен А. П. Горланов. Г. Ф. Миллер после развернутых инструкций доверил ему проведение самостоятельных раскопок плиточного могильника со вскрытием 15 погребений около с. Городище. Судя по всему, участвовал А. П. Горланов и в раскопках таких же погребений на реке Уде. К сожалению, пока не удалось выяснить судьбу этого талантливого исследователя после того, как экспедиция вернулась из Сибири.

К поискам древних памятников Г. Ф. Миллер привлекал, в форме непосредственного участия или расспросов, местных жителей, в т. ч. тунгусов, гарнизонных солдат, чиновников и др. В раскопках погребений под началом А. П. Горланова участвовали по воеводской разнарядке жители из Городищенской слободы и соседних деревень. В одной из статей Г. Ф. Миллер сообщил, что Городище находится на р. Шилка, по дороге в Нерчинск [6, с. 518]. В другой работе, названной им «Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири», указывается, что «Городищенская слобода, называемая также Верхним Городищем» находится на северном берегу Шилки, «в 2 верстах от устья реки Онон» (т. е. от места слияния Онона и Ингоды – МК, ТК), в 50 верстах от Нерчинска [3, с. 141]. В 2 верстах ниже по течению Шилки располагалась относящаяся к слободе деревня, которая «называется Нижнее городище и состоит из десяти дворов» [3, с. 142]. К Городищенской слободе было приписано ещё 9 деревень, которые в резолюции воеводы Г. Ф. Деревнина назывались «припашен», т. е. имеющих пашенные угодья. Эти деревни располагались на расстоянии от 50 – до 80 верст от Городища, в низовьях рек Ингода и Онон [3, с. 153–154]. В настоящее время села Городище не существует, но для пригородных поездов, обслуживающих маршрут Карымская – Шилка (в пределах Транссиба), действует платформа под названиями «Остановка 6427 км.» или «Городище», рядом с которой сохранилось здание железнодорожной казармы, теперь уже брошенное. В 2 км. к востоку от этого места (вниз по Шилке), т. е. там, где ранее было Нижнее городище, ныне расположено с. Казаново Шилкинского района Забайкальского края [8, с. 3].

Результаты исследований Г. Ф. Миллер не только изложил в ряде частных статей, но и в обобщённом виде использовал при создании «Истории Сибири». Археологические

методы исследования в соотношении с этнографическими наблюдениями позволили ему начать свой труд с главы «События древнейших времен до Русского владычества». Несмотря на обычный для него строгий стиль изложения, он в этой главе не удержался от восклицания: «Сколько видно в разных местах в степях остатков древних укреплений, какая масса каменных памятников, болванов, старинных могил и разных принадлежащих им предметов встречается во всех этих местах!» [6, с. 167]. В числе этих богатых на памятники мест учёный называл и Даурию с её Аргунью, Ононом и Шилкой. Он оценивал памятники как подлинные исторические свидетельства прошлых эпох. Своим отношением к древним памятникам, включая приёмы их исследования, Г. Ф. Миллер, несомненно, весьма способствовал становлению науки о древностях в России. Новые архивные материалы подтвердили факт проведения Г. Ф. Миллером раскопок древних погребений на реке Шилке с глубоко осознанной научной целью, заключенной в формуле – «ради изъяснения древней истории».

Список литературы

Литература

1. Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975, 134 с.

2. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятский комплексный НИИ, 1958, 139 с.

3. Записки путешественников и исследователей (вторая половина 17−18 вв.): хрестоматия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. Т. 1. 480 с. (В содержании: Герард Фридрих Миллер. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири, с. 125–166).

4. Константинова Т. А., Халетский А. Н. Нерчинское воеводство (1655–1783) // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник. № 6. Чита: Экспресс – типография, 2003. 136 с.

5. Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических исследований: в 5 т. Географические открытия и исследования нового времени (середина 17–18 в.). 3-е изд. М.: Просвещение, 1984. Т. 3. С. 10–58.

6. Миллер Г. Ф. История Сибири. Издание третье. В 3 т. М.: Вост. лит., 2005. Т. 1. 630 с. (В содержании: Автобиография Г. Ф. Миллера. Описание моих служб. С. 150−157; История Сибири. С. 166–322; Инструкция, данная Академией Г. Ф. Миллеру при отправлении в сибирское путешествие, с. 451–452; О памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов, с. 503–506; О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском, с. 506–512; Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных, с. 512–519: О сибирских надписях, с. 519–534).

7. Памятники Забайкальской деловой письменности 18 века. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2005. 260 с. .

8. Пичуев С. П. Если б не было забыто – может, стало б знаменито. Ч. 1. Карымская: Ред. газ. «Красное знамя», 2009. 159 с.

Источники

9. Архив РАН Ф. 21. ОП5, № 143.

10. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25. Л. 118–119.

11. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25. Л. 57–122.

Статья поступила в редакцию 12.12.2011 г.

УДК 902.3
ББК Т4(2Р54)

Ирина Иннокентьевна Разгильдеева,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: labpaleo@yandex.ru

Палеолитические комплексы Западного Забайкалья: развитие методов планиграфического анализа

Развитие археологической науки включает использование всё более совершенных методов анализа данных, полученных в ходе полевых исследований. Палеолитические памятники Забайкалья с многочисленными остатками жилищно-хозяйственных комплексов представляют особую ценность для реконструкции страниц древней истории. Открытие и изучение палеолитических жилищ Забайкалья сопровождалось развитием планиграфических методов анализа. Выразительность комплексов позволила акцентировать внимание на внутренней планиграфии жилищ и поселений. Введение в научный оборот метода кругового моделирования расширило возможности планиграфического анализа. Были выделены закономерности организации зон хозяйственно-бытовой деятельности во внутреннем пространстве простых и сложносоставных многоочажных комплексов. Данный метод актуален и при решении вопросов синхронности формирования структурных элементов поселений. Примером выступают данные по забайкальским памятникам геоархеологического полигона Студёное.

Ключевые слова: археология Забайкалья, палеолитические жилища, планиграфический метод анализа.

Irina Innokentievna Razgildeeva,
Candidate of History, Associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: labpaleo@yandex.ru

Paleolithic Complexes of West Zabaikalye: the Development of the Planigraphic Analysis

The development of archeology includes the use of more and more modern methods of analysis of the data obtained during the field research. Paleolithic monuments of the Trans-Baikal region with numerous remains of housing complexes are especially significant for the ancient history reconstruction. The discoveries and studies of Paleolithic dwellings in the Trans-Baikal region was accompanied by the development of the planigraphic analysis. The clarity of the complexes outer boundaries lets us concentrate more attention on the internal planigraphy of dwellings and settlements. The introduction of the circular modeling as a scientific method has expanded possibilities of the planigraphic analysis. There were allocated laws of the organization of economic-household activity zones in the internal space of simple and complex multi-hearth complexes. The given method is also relevant when solving the synchronism in the formation of the settlements' structural elements. The data of the Trans-Baikal monuments discovered in the geo-archeological range Studenoye serve as an example.

Keywords: archaeology of the Trans-Baikal region, paleolithic dwellings, planigraphic analysis

© И. И. Разгильдеева, 2012

Археология является наукой, реконструирующей историю на основе материальных остатков предшествующих эпох. Объективность (или относительная достоверность) реконструкций в значительной степени определяется уровнем квалификации исследователей, качеством и обширностью проведения полевых работ, применением комплексных методов анализа полученных данных. Именно стремление к более полному пониманию исчезнувших реальностей привело к развитию новых направлений в области археологических исследований. Основной целью становится разработка методик, направленных на выявление следов, фиксирующих признаки «проявления личностных и специфических этнических черт в бытовой и производственной деятельности человека, изучение вариантов проявления стереотипов в движениях, действиях или поведении людей» [10, с. 25]. Полевые исследования дополняются данными экспериментальных работ (функциональный и технологический анализ), этнографическими наблюдениями. Значительную роль при этом играет планиграфический анализ, позволяющий выделять структурирующие элементы комплексов, направления и изменения их хозяйственно бытовой адаптации.

История изучения древнейшего прошлого человека на территории Забайкальского края тесным образом связана с проблемой выявления и анализа жилищно-хозяйственных комплексов палеолитического времени. Развитие идей «жилищной» тематики в палеолите сопровождалось совершенствованием методик полевых исследований и внедрением новых методов по систематизации материалов, в том числе метода построения круговых моделей, направленного на анализ inside-планиграфии палеолитических жилищ. Комплексный подход значительно расширил уровень информативности данных и актуализировал направление структурного планиграфического анализа, позволявшего вычленять «исторические эпизоды» формирования культурного слоя, определять хронологическую последовательность образования хозяйственно-жилищных комплексов, реконструировать направления хозяйственно-бытовой адаптации.

История исследований. На характер пространственного размещения скоплений артефактов исследователи обращали внимание с первых открытий палеолитических культурных комплексов в Забайкалье. Локальность и выразительность структур определили естественную, на тот момент, интерпретацию их в качестве остатков жилищных сооружений и одновременно краткость, в виду «очевидности», планиграфических описаний. Большинство работ, посвященных открытию и изучению палеолитических жилищ на фоне детального типолого-статистического анализа коллекций артефактов лишь в общих чертах характеризовали сами комплексы, демонстрируя традиционный подход к данному направлению.

В 1951 г. на поселении Ошурково (долина р. Селенги) А. П. Окладников выделил «выложенные из камней и речных галек округлые в плане очаги и остатки мастерской по изготовлению каменных орудий» [25; 26, с. 65]. В 1968 г. при раскопках поселения Санный Мыс (гор. 6) в аллювиальных отложениях II речной террасы на правом берегу р. Уды было открыто многоочажное жилище – первое из «подобных сооружений на исследованных районах края» [27:77]. Комплекс имел ярко выраженную каменную обкладку, фундамент конструкции «вытянуто-овальный в плане вид, с размерами 820 × 530 × 330 см … из плотно пригнанных друг к другу и поставленных на ребро глыб гранита» [27, с. 44–49]. Внутренний инвентарь включал уникальные палеонтологические находки – часть черепа и челюсть шерстистого носорога, рога горного козла и винторогой антилопы. Несмотря на уникальность, детальное описание комплекса Санного Мыса было опубликовано только через 25 лет после его открытия [8], а вопрос о возрасте конструкции продолжает обсуждаться и сейчас [22].

В 1972 г. были раскопаны остатки своеобразного жилища в третьем слое поселения Амоголон. Плотно лежащие камни образовывали кладку, которая дугой охватывала выходы цоколя, замыкая овал с площадью 28–29 м^2. Поблизости от выкладки фиксировались округлые (диам. 10–15 см, глуб. 7–9 см) ямки с чашевидным дном – возможно следы от основания для опоры кровли. Остатков очагов не обнаружено. Основная часть находок была сосредоточена внутри жилища [29]. В 1973–75 гг. под руководством А. П. Окладникова проводились раскопки от-

крытого Д. Б. Базаровым и Е. А. Хамзиной поселения Варварина Гора [3]. Исследования носили предварительный характер. В результате была «вскрыта характерная картина палеолитического жилища. Кости животных и обработанный камень располагались в пределах чётко ограниченной площадки, окаймленной выкладками из камней и вырытых древними обитателями этих мест ям … хранилищ – кладовых» [29, с. 31–32]. В одной из ям было выполнено культовое захоронение головы хищника «сопровождаемое жертвенным приношением частей лошади» [28].

Практически в отношении большинства памятников исследователи ограничивались констатацией факта их «уникальности» и «своеобразия». В результате сложилась ситуация, при которой, например, жилище Варвариной Горы до сих пор принимается с определённой степенью допуска [24, с. 13] и попытки последующего планиграфического анализа опирающегося на опубликованные материалы, не внесли ясности в этот вопрос [15; 21].

Переломным событием стало открытие в 1971 г. в долине р. Хилок поселения Толбага. Его изучение привело к изменению подходов к раскопкам памятников с жилыми структурами [5; 17, с. 158]. В процессе исследования основного слоя культурного горизонта среди наиболее важных структурных элементов поселения были выделены жилища с каменными обкладками оснований. В планиграфии хозяйственно-бытового комплекса отмечались «остатки кострищ, в том числе выложенные плитками гнейса рабочие площадки, на которых обрабатывали камень, изготавливали орудия труда, много костей животных» [14]. Широкая площадь вскрытия памятника позволила выявить остатки пяти жилищ [4, с. 23–26]. Их обнаружение «было результатом прогнозирования на основе анализа планиграфических ситуаций» [16, с. 50]. Выросший методический уровень раскопок позволил уточнить планиграфию поселения: выявить связи между различными элементами слоя, конструктивные особенности жилищных площадок, наличие двух видов очагов [30, с. 109–121]. Тщательные замеры максимально возможного количества параметров пространственной ориентации артефактов, аппликативные связи каменного и остеологического материала в сочетании с технолого-типологическим анализом стали основой прогнозирования развития деятельностных ситуаций [7]. Благодаря планиграфическому анализу местонахождение Толбага было определено как поселение с одним культурным слоем (с остатками хозяйственно-бытового комплекса сложной структуры) и тремя слоями переотложения. По мнению С. Г. Васильева, состав остеологических коллекций характеризовал поселение как «охотничье стойбище сравнительно длительного, и возможно, многократного пребывания человека» [9, с. 383]. М. В. Константинов относил его к типу «зимних» поселений [16, с. 45–60, с. 142–143].

В 1972 г. было открыто многослойное поселение Сохатино-4 – памятник с уникальным планиграфическим контекстом [13; 29]. Выразительные хозяйственные комплексы включали остатки округлых одноочажных жилищ, представительные коллекции каменного и костяного инвентаря, произведения искусства, богатую фауну [31]. Наличие рядом выходов пригодного для обработки каменного сырья особенно привлекало древних поселенцев. Сразу в нескольких палеолитических культурных горизонтах (слои 6–11) были раскопаны остатки поселений, включающих разнообразные по структуре и типу «жилые комплексы». Многообразие форм внешних и внутренних каменных обкладок, структурирующих пространство, легло в основу классификации жилищ, в том числе выделения жилищ «сухотинского» типа [40]. При планиграфическом анализе расположение скоплений артефактов и характер взаимосвязей между ними практически не рассматривались, что затруднило реконструкцию поселений в целом, и не позволило исследователям чётко определиться в критериях выделения типов конструкций. Собственно анализ планиграфии горизонтов обитания так и остался за рамками научных интересов.

В 1970–90-е гг. начинаются активные исследования на территории Западного Забайкалья. Раскопки многослойных памятников, связанных с аллювиальными отложениями речных террас – Студёное–1, 2, Усть-Менза–I-IV, Алтан, Косая Шивера 1, 2, Песчаная тропа, Приисковая и т. д. привели к открытию верхнепалеолитических комплексов [5; 15;

16; 24]. Именно на поселении Студёное–1, где ныне известно 38 культурных горизонтов, апробировалась методика изучения многослойных поселений. Она получила дальнейшее развитие при раскопках комплексов Усть-Мензы.

Отличительной чертой большинства забайкальских поселений стали локализованные линзы культурных остатков округлых или овальных очертаний, связанные с хозяйственными комплексами. В планиграфии структурных элементов отмечались отдельно и группами расположенные камни (образующие линии внешних обкладок близких в плане к спирали), центральное расположение очагов, тяготение кухонных и производственных участков к зонам внутренней активности. Из данных наблюдений закономерно вытекали предложения по реконструкции видов наземных сооружений и их покрытия, определялось направление входов.

Вскрытие памятников широкими площадями, выразительность материалов, способствовали выделению серии жилищ, относящихся к периоду 22–10 тыс. лет назад, внедрению методов реконструкций (в большинстве основанных на логических заключениях), экспериментального моделирования и планиграфического анализа. Слабая насыщенность культурных горизонтов, по мнению исследователей, свидетельствовала о временном характере стойбищ. При этом учитывалось, что каждый горизонт, по сути, являлся поверхностью потенциального обитания и в силу адаптивной привлекательности конкретной территории люди могли селиться на ней неоднократно [4, с. 102–103].

В значительной степени стремление к реконструкции внешнего облика сооружений и практической оценки адаптивных качеств чумов (предполагаемых аналогов древних сооружений) привело к актуализации планиграфических исследований и не только с точки зрения археологии. Редкий пример анализа форм и конструкций забайкальских жилищ с помощью методов точных наук демонстрирует работа Ю. В. Гричана [11]. Обратив внимание на основания одноочажных комплексов, имеющих устойчивую, повторяющуюся на протяжении нескольких тысячелетий форму со спиралевидным внешним контуром, Ю. В. Гричан выполнил наложение геометрической фигуры – равноугольной спирали на план основания жилища культурного горизонта 19/4 поселения Студёное–1. Принимая очаг за центр формы, он отметил, что распространение световых и тепловых лучей должно проходить по принципу «каустики» (спиралевидной кривой). Это означало, что «площадь жилища не имела таких зон, где создавалась бы «утечка» и неравномерное распределение лучистой энергии, испускаемой очагом» [11, с. 98–99]. При этом учёный доказывал, что круглое в плане жилище теряет в каустике примерно до 1/4 части полезной энергии очага. На основе равноугольной спирали Ю. В. Гричан выстроил конусообразную форму верхней части жилища, в которой, по его мнению, по законам физики улучшается воздухо- и теплообмен, а значит, повышается уровень адаптивности конструкции.

Древние жилища Забайкалья получили достаточно широкую известность благодаря многочисленным публикациям. В тоже время следует отметить, что краткость изложения, обусловленная рамками печатных работ, привела к неполноте освещаемых данных. Это в первую очередь, касалось описаний планиграфических наблюдений требующих детализации. В результате внутренняя взаимосвязь элементов культурных горизонтов затрагивалась вскользь, часто условно, на «визуальном» уровне.

Обширная информация привела к появлению и обобщающих работ [15; 16] в которых разрабатывались критерии выделения и типологии жилищ, анализировались размеры и формы очагов, давались характеристики каменных обкладок и отдельных камней конструкций. По структурным компонентам и площади оснований выделялись малые и большие, одноочажные и многоочажные (одинарные и полинарные) жилища. Большое внимание уделялось характеристикам каменных обкладок и созданию планиметрической базы данных. Предполагалось, что каркасы конструкций могли сооружаться с использованием древесных жердей, о чём свидетельствовали сохранившиеся отпечатки небольших обломков – Усть-Менза–2 (сл. 4) и Студёное–1 (к/г. 17). В основу предложенных реконструкций облика сооружений: организации приочажных таганов, внутренних и внешних «пологов», количества необходи-

мых для постройки жердей, расчёта площади внешнего покрытия, оценки внутренней «полезной» площади, – легли наблюдения по постройке экспериментальных чумов-жилищ и закономерности в пространственной организации древних поселений [15].

Опираясь на археологические и этнографические данные, геоморфологические и климатические особенности региона, исследователи пытались выделять и признаки, свидетельствующие о сезонной приуроченности поселений. Например, В. Я. Сергин отмечал, что на поселении Студёное–1 (к/г. 19/4) «судя по крайне малому числу культурных остатков и тонкой очажной прослойке, жилище использовалось в теплый период, вероятнее всего летом. Жилище горизонта 18 имело некоторые конструктивные отличия. В очаге и рядом с ним отмечены более значительные накопления углистой массы, на открытом пространстве выявлен необорудованный очажок с заполнением толщиной 8 см» [37, с. 16].

Известно, что процессы жизнедеятельности людей находят отражение в структуре организации культурных горизонтов, включая отдельные элементы и специфику связей между ними. Анализируя позднепалеолитические индустрии Забайкалья, О. В. Кузнецов выделил варианты пространственной организации в планиграфии культурных горизонтов: 1) с единичными культурными остатками; 2) включающие структурные элементы – зоны концентрации массового материала, зоны разрежённости и единичные находки; 3) сочетание взаимосвязанных зон концентрации археологического материала и искусственно сооружённых конструкций (жилищ, очагов) [18, с. 178–181]. В работе О. В. Кузнецова впервые была применена для анализа забайкальских жилищ схема структурной организации внутреннего пространства Л. Бинфорда [18, с. 183–184; 42, с. 182].

С середины 90-х гг. XX в. исследования в области планиграфии древних поселений активизировались и на прилегающей к Западному Забайкалью территории Бурятии. Планиграфический анализ охватывает археологические материалы местонахождений с остатками жилищно-хозяйственных комплексов – Каменка, Подзвонкая, Усть-Кяхта 17 и др. [19; 21; 24; 39]. Его целью становится предварительное определение сезона обитания, выделение основных структурных зон: хозяйственно-бытовых комплексов со следами замкнутых производственно-бытовых циклов, рабочих мест, каменных конструкций (20), раскрытию элементов ритуальной деятельности, отражающих сферу духовной культуры [39].

Понятие планиграфического анализа всё более расширяется в своём научном контексте и представляет совокупность методик, направленных на извлечение «скрытой информации». Комплексный анализ пространственной организации, статистические и технико-типологические характеристики коллекций артефактов, определение количественного и видового состава фаунистических остатков дополняется данными естественных наук и палеоэкологическими реконструкциями.

Метод кругового моделирования. Открытие в Сибири и Забайкалье верхнепалеолитических комплексов, включающих простые и сложносоставные жилища, акцентировало внимание на детальном анализе внутреннего пространства хозяйственно-бытовых структур [1; 2; 6; 12; 32; 34]. Общий характер материалов забайкальских многослойных поселений – тип «сезонных кратковременных охотничьих стоянок» [15; 16] позволил в планиграфическом анализе жилищно-хозяйственных комплексов (ЖХК) использовать методику построения круговых моделей.

Оценка планиграфии жилищных структур, имеющих чётко выраженные границы округлых или овальных очертаний, включала разделение внутренней площади ЖХК на сектора (с ориентацией по сторонам света) и периметры удаления от условного центра (центров) – очага, как основного элемента структурирующего пространство комплексов. Ориентация систем по сторонам света основывалась на наблюдениях за организацией поселений – учитывались южное и северное направления [32; 33]. Округлым одноочажным структурам соответствовала модель с единой системой координат (рис. 1, а). Сложносоставные модели состояли из нескольких координатных систем, которые выстраивались относительно каждого очага (рис. 1, б).

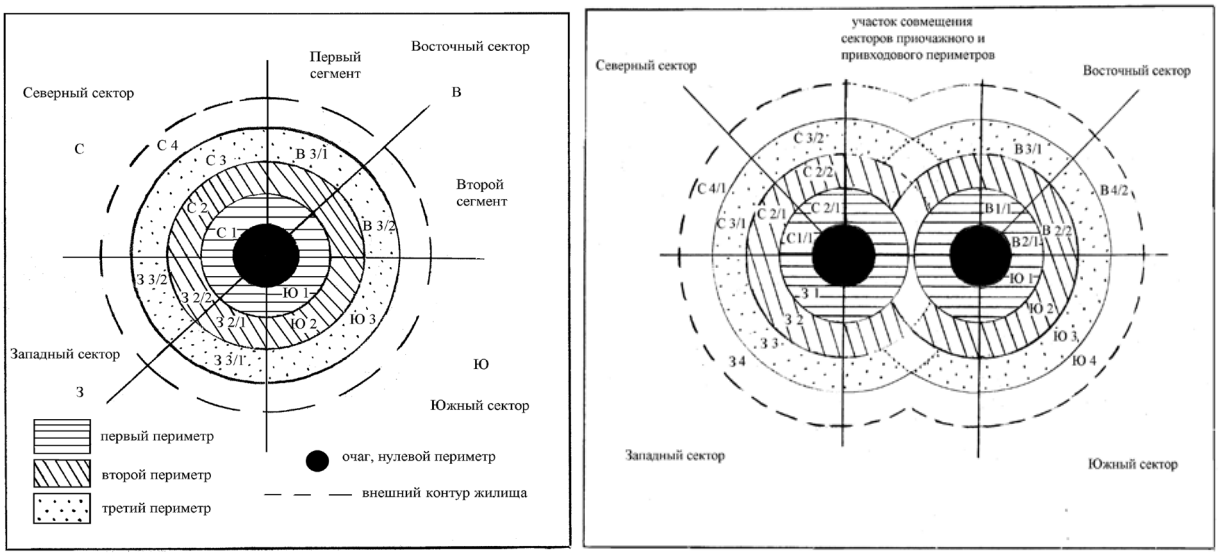

Рис. 1. Круговая модель: а) одноочажного комплекса; б) многоочажного комплекса

Метод кругового моделирования позволил анализировать части сложносоставных ЖХК в качестве самостоятельных компонентов, выявлять их взаимодействие друг с другом и в контексте горизонта обитания в целом. Построение самостоятельных систем выявило наложение зон скоплений артефактов, их направленность / расхождение с учетом предполагаемого развития деятельной ситуации, и продемонстрировало закономерности внутриструктурных взаимосвязей. Именно сочетание метода развития деятельной ситуации [12] и анализа размещения скоплений по секторам позволило рассматривать вопросы относительной хронологии элементов сложносоставных комплексов. При наличии «внешних» групп камней, образующих элементы, несвязанные с очажными конструкциями, на схемах выделялись периметры, ориентированные на соответствующие культурные компоненты с учётом тяготеющих к ним скоплений артефактов.

Применение метода кругового моделирования в комплексе с традиционными схемами французских исследователей [42; 44, с. 256] и экспериментальными данными [23] позволили выделить в планиграфии сложносоставных комплексов ряд закономерностей. Распределение артефактов в ЖХК культурных горизонтов финального палеолита поселений Студёное–1, 2 показало, что зоны внутренней активности тяготели к очагам (нулевым периметрам) и зонам входов/выходов либо сторонам комплекса, не имеющим фиксированного ограждения. Очаги располагались относительно друг друга на расстоянии, не превышающем размеры диаметров (рис. 2).

При этом участки слоя около очагов с единой деятельной ситуацией распределялись по следующей схеме:

– между очагами количество каменных артефактов составляло до 10 экз./на квадрат, с преобладающим присутствием в заполнителе слоя мелких осколков костей;

– скопления находок по секторам, ориентированным в сторону входов (в конкретном случае восточный), с векторной направленностью по отношению друг к другу в первом, редко – втором периметре;

– специализированные скопления орудий были связаны с «боковыми» секторами вторых периметров;

– «чистые» участки или участки с редкими находками находились в противолежащих входам секторах (западных);

– в «спальных» местах фиксировались локализованные скопления – «кучки» и узкие шлейфы мелких фаунистических остатков, свидетельства, по наблюдениям Л. Бинфорда, «утренних трапез» [42, с. 162–163].

Кроме того, наблюдения за внутренней поверхностью структур типа «жилище» показали, что в результате активной антропогенной депрессии в микрорельефе «пола» формируются соответствующие хозяйственным зонам «трассы». Поверхность обитания

выполаживалась, приобретала профиль искусственного микротеррасирования с асимметрично выгнуто-вогнутым контуром профиля. Эти закономерности были зафиксированы в ходе раскопок экспериментального чума [23], проявились в ходе планиграфического анализа палеолитических комплексов поселения Студёное–2 и нашли аналогии в микрорельефе «пола» жилых комплексов палеолитического местонахождения Этьоле [45, с. 24, 34; 46]. При этом закономерности в планиграфии отмечались и в планиметрических характеристиках хозяйственно-бытовых зон.

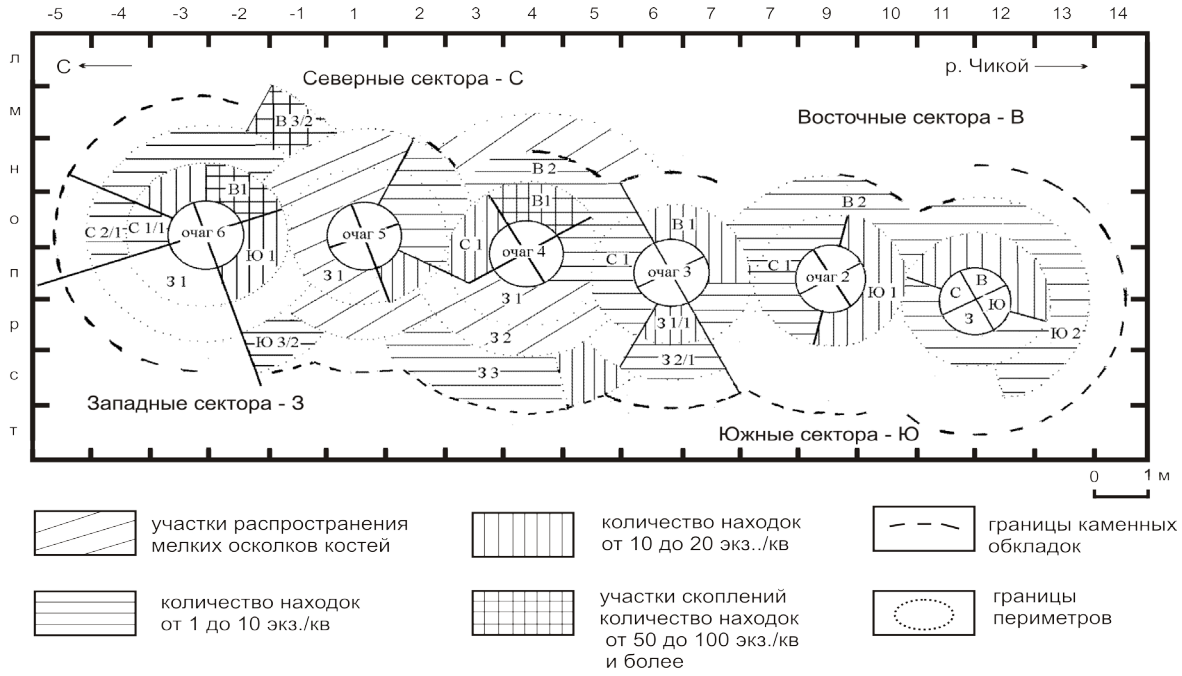

Рис. 2. Студёное-2. Схема круговой модели сложносоставного комплекса Студёное-2 (к/г 4/5)

Итак, применение методов планиграфического анализа значительно расширяет уровень информативности уже известных материалов и даёт многоаспектные результаты. Например, при изучении шестиочажного комплекса поселения Студёное-2 (к/г 4/5) было отмечено единое стратиграфическое залегание материалов, связанных с песчаной прослойкой, перекрываемой и подстилаемой прослойками илов, что объективно ограничивало степень вертикальной трансгрессии артефактов. Площадь комплекса имела единую «внешнюю» границу. Система внутренних очагов и скоплений артефактов дополнительно создавали визуальное восприятие его целостности. В тоже время, вопрос о единовременности его формирования ставился под сомнение. В результате детального планиграфического анализа были выделены три хозяйственно-производственных участка: двухочажный комплекс, относимый к типу «жилищ», примыкающая к нему хозяйственная зона с двумя–тремя (?) частично открытыми очагами (огороженными с одной стороны), и остатки более позднего самостоятельного поселения с округлым одноочажным жилищем в северной части комплекса [34]. Планиграфический анализ всей площади вскрытия культурного горизонта 17 поселения Студёное-1 не только подтвердил существование двух самостоятельных структур (небольшого сооружения типа получума–калтами – производственной зоны по обработке каменного сырья и собственно жилища), но и выявил существование между ними тропинки-дорожки, свидетельствующей об их одновременности [35].

Дальнейшее развитие планиграфических методов анализа стоянок-поселений в рамках площади вскрытия с акцентом на inside-планиграфию жилищно-хозяйственных структур несомненно является перспективным направлением в археологии. Методика круговых моделей расширяет возможности планиграфических построений и позволяет обоснованно выделять в пространстве куль-

турных горизонтов собственно «жилища», открытые / закрытые очаги и не связанные с закрытыми сооружениями скопления находок. Особенно актуально применение планиграфических методов анализа при изучении сложносоставных комплексов, где неизбежно возникает вопрос хронологии формирования отдельных хозяйственных структур и обоснованности предлагаемых вариантов реконструкций [36].

Список источников и литературы

1. Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.
2. Акимова Е. В. Позднепалеолитическое жилищемастерская в 19 культурном слое стоянки Лиственка // Палеогеология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 1. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 301–310.
3. Базаров Д.-Д. Б. Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 166 с.
4. Базаров Д. Д. -Б., Константинов М. В., Иметхенов А. Б. и др. Геология и культура древних поселений Забайкалья. К XI конгрессу INQUA (Москва, 1982). Новосибирск: Наука, 1982. 161 с.
5. Базарова Л. Д., Семина Л. В., Константинов А. В. Многослойное поселение Усть-Менза I (геология и культура) // Геология кайнозоя Прибайкалья и Забайкалья: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1985. С. 91–105.
6. Васильев С. А. Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996. 224 с.
7. Васильев С. Г., Макагон Л. В. Палеолитическое поселение Толбага в свете новых раскопок // Проблемы археологии Северной Азии (К 80-летию академика А. П. Окладникова): тез. докл. Чита, 1988. С. 104–105.
8. Васильев С. Г., Базарова Л. Д., Константинов А. В., Константинов М. В. Палеолитическое жилище на Санном Мысе: характер и возраст // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 27–36.
9. Васильев С. Г. Остеологические остатки в археологической интерпретации природного материала // Природные ресурсы Забайкалья и проблемы природопользования: матер. науч. конф. Чита: Изд-во ЧИПР СО РАН, 2001. С. 382–383.
10. Волков П. В. Экспериментальный археологический полигон «Денисова пещера» // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий: матер. междунар. конф. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. С. 25–28.
11. Гричан Ю. В. Палеолитическое жилище: его геометрия и экология // Природа. 1981. № 6. С. 96–102.
12. Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Некоторые аспекты применения системно-деятельного подхода в планиграфических исследованиях // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: Изд-во ин-та истории ДВО РАН, 1998.
13. Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье: уч. пособие. Иркутск, 1979. 95 с.
14. Кириллов И. И., Константинов М. В. Исследования в Восточном Забайкалье // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 206.
15. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит. Новосибирск: Наука, 2001. 222 с.

16. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНДЦ СО РАН и ЧГПИ. 1994. 163 с. + библ. 14 с. + прил.

17. Константинов М. В. Палеолит Западного Забайкалья // Палеолит и мезолит юга Сибири: сб. науч. тр. Иркутск: ИГУ, 1982. С. 154–173.

18. Кузнецов О. В. Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья: (технологический, типологический и функциональный анализ): дис. … канд. ист. наук. СПб, 1996.305 с. : Библ. С. 20–220, ил.

19. Лбова Л. В., Жермонпре М. Проблема сезонности поселений палеолитического человека (местонахождение Каменка, Забайкалье) // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (Горизонты комплексного изучения): сб. матер. Чита: Изд-во ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1995. С. 86–87.

20. Лбова Л. В., Штейникова А. А. Особенности планиграфической структуры комплекса А палеолитического местонахождения Каменка // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXXVI РАСК. Ч. 1. Иркутск, 1996. С. 116–118.

21. Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2000. 240 с.

22. Лбова Л. В., Коломиец В. Л., Савинова В. В. Геоархеологический объект Санный Мыс: условия формирования и обстановки обитания древнего человека в Западном Забайкалье // Вестник НГУ, серия: История и филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 80–93.

23. Мещерин М. Н. Экспериментальные данные в изучении жилищных конструкций // Известия лаборатории древних технологий: в 2-х т. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. С. 112–116.

24. Новые палеолитические памятники Забайкалья (к Всемирному археологическому интер-конгрессу): сб. науч. ст. Чита: Изд-во Читинского пед. института, 1996. 105 с. , илл.

25. Окладников А. П., Хамзина Е. А. Раскопки Ошурковской стоянки // Материалы и исследования по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. Вып. 2. С. 190–195.

26. Окладников А. П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // История Сибири. Т. 1. Л.: Изд. АН СССР. 1968. С. 37–93.

27. Окладников А. П. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР (Раскопки 1968 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. II (Препринт). Новосибирск: ИИФиФ, 1971. С. 7–86.

28. Окладников А. П. Варварина Горановый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 215–216.

29. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

30. Природная среда и древний человек в позднем антропогене: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. 129 с.

31. Простакишина Ю. И. Многослойный памятник эпохи палеолита Забайкалья Сухотино–4 // Проблемы археологии Северной Азии. К 80-летию А. П. Окладникова: тез. докл. XVIII РАСК (28–30 марта 1988). Чита, 1988. С. 111–113.

32. Разгильдеева И. И. Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье): автореф. дис. … канд. ист. наук. / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2003. 28 с.

33. Разгильдеева И. И. Планиграфия жилищно-хозяйственных структур: метод кругового моделирования // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. III. С. 170–174.

34. Разгильдеева И. И. Планиграфия шестиочажного комплекса поселения Студёное-2 (Западное Забайкалье) // Древнее Забайкалье: природа и культура: сб. науч. ст. / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2009. С. 37–50.

35. Разгильдеева И. И., Решетова С. В. Планиграфия как метод реконструкции структуры древних поселений // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 428–431.

36. Разгильдеева И. И., Решетова С. В. Палеоклимат и планиграфия древних поселений // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 81–83.

37. Сергин В. Я. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР // Советская археология. № 3. 1988. С. 3–20.

38. Ташак В. И. Усть-Кяхта–17 многослойное поселение на реке Селенге // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма. 1993. С. 47–63.

39. Ташак В. И. Очаг как объект культовой деятельности в позднем палеолите Забайкалья (по археологическим данным) // STRATUM plus. 2011. С. 303–318.

40. Черенщиков О. Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино IV и его место в верхнем палеолите Северной Азии: дис. … канд. ист. наук. Чита, 1998. 215 с.

41. Binford L. R. Dimensional analysis of behavior and site structure: learning from an Eskimo hunting stand // American Antiquity, 1978. Vol. 43, n 3. P. 330–361.

42. Binford L. R. In pursuit of the Past. Decoding the Archaeological Record. Printed and bound in the German Democratic Republic. 1983. 256 p.

43. Leroi–Gourhan A. & Brezillon M. L'habitation magdalenienne N1 de Pincevent pres Montoreau // Gallia Préhistoire 9. 1966. P. 263–385.

44. Leroi-Gourhan A. & Brezillon M. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse Ethnographique d'un Habitat Magdalenien.(La section 36). Vlle Suppl.à "Gallia Préhistoire" Paris: Ed.CNRS1972. 331 p.

45. Olive M. Une habitation magdalénienne d'Etiolles. L'Unite P15. Mémoires de la société préhistorioue Franéçaisetome 20, 1988. P. 274.

46. Olive M., Pigeot N. Les tailleurs de silex magdaleniens d 'Etiolles: vers l'identification d'une organisation sociale complexe? //La Pierre Préhistorique Actes du seminaire du Laboratoire de Recherche des Musées de France 13 et 14 decembre 1990. P. 173–185.

Статья поступила в редакцию 10.12.2011 г.

УДК 902
ББК Т4(0)2.1

Альбина Юрьевна Мороз,
аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: freealya@gmail.com

Краткий очерк истории изучения остеологических материалов каменного века

В статье представлен краткий очерк истории изучения остеологических материалов каменного века в мире, России и Забайкалье. В связи с малой разработанностью вопроса и разрозненностью литературы по данной тематике в российской науке, автором была предпринята попытка обобщения. С опорой на публикации отечественных и зарубежных исследователей прослежена эволюция представлений об ископаемой фауне от примитивных трактовок, до её признания одним из важнейших источников информации о животном мире и его взаимодействии с человеческим обществом. В процессе характеристики современного состояния данной области изучения, в работе было подчёркнуто стремление исследователей извлечь из фаунистических остатков максимальное количество информации, что, по мнению автора, невозможно без междисциплинарных исследований.

Заключительная часть работы представляет собой обзор остеоархеологических изысканий в Забайкалье. Автором было предложено компенсировать плохую сохранность и немногочисленность остеологических материалов в регионе их тщательным изучением, применением современных методов исследования (таких, как биометрический, тафономический, палеонтологический, технологический, типологический, биогеографический, трасологический т. д.), а также систематизацией местонахождений плейстоценовой фауны. Данные решения могут способствовать обнаружению новых памятников с хорошей сохранностью и существенно дополнить данные о древнейшем прошлом обитателей Забайкалья.

Ключевые слова: остеологические материалы, фаунистические остатки, археофаунистические материалы, история археологии, археологический источник, археология каменного века Забайкалья.

Albina Yurievna Moroz,
Postgraduate at Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: freealya@gmail.com

A Brief Historical Review of the Studies Devoted to the Stone Age Osteological Materials

This paper presents a brief historical review of studying the Stone Age osteological materials in the world, Russia and the Trans-Baikal region. Since the given issue has not been elaborated yet and there exists only fragmental literature on this subject in the Russian science, the author attempts to generalize the matter. Taking into account the Russian and foreign researchers' works the evolution of ideas about the fossil fauna has been traced from the primitive interpretations to its recognition as an important source of information about the animal world and its interaction with human society. While characterizing the present state of this field of study the author

© А. Ю. Мороз, 2012

emphasizes the researchers' desire to extract as much information as possible from faunal remains that is impossible without interdisciplinary research.

The final part of the work is a review of osteo-archeological researches in the Trans-Baikal region. The author offers to compensate for poor preservation and small number of osteological materials in the region by their careful study, the use of modern methods (such as biometric, taphonomical, palaeontological, technological, typological, bio-geographical, trace examination, etc.) as well as the systematization of the Pleistocene fauna sites. These solutions will help in finding new well-preserved sites and add considerably to the data about the ancient inhabitants of the Trans-Baikal region and their history.

Keywords: osteological materials, faunal remains, archeo-faunal materials, the history of archeology, the archeological source, the Stone Age Archeology of the Trans-Baikal region.

В процессе раскопок археологических памятников каменного века почти всегда обнаруживаются фаунистические остатки, связанные с жизнедеятельностью древнего человека. По степени информативности исследователи помещают данный археологический источник сразу после каменного инвентаря, но его существенным минусом является то, что он не всегда характеризуется хорошей сохранностью. Вместе с тем, в некоторых случаях объём остеологического материала значительно превышает коллекцию артефактов из камня, при этом его информативность может быть весьма высока, что позволяет получить такие данные, которые невозможно извлечь из других источников. Особенно важными такие исследования представляются при выявлении хронологической и культурной принадлежности памятников, в том числе для установления генетических связей между разновременными археологическими культурами [18, с. 6]. Так, например, преемственность между мадленом и азилем была установлена только благодаря костяным наконечникам типа орансан, представленным как в мадленских, так и азильских слоях стоянки Истюриц [18, с. 6]. Кроме того, в истории археологии присутствует достаточно примеров обнаружения известных стоянок каменного века, по выходам именно фаунистических материалов (Мальта, Костёнки, Танга и т. д.).

В современной науке существует ряд разнообразных методов и научных течений, направленных на максимальное извлечение информации как из археофаунистических, так и палеонтологических коллекций. Имеются специализации, связанные с кругом интересующих исследователя животных: крупные позвоночные, мелкие позвоночные и грызуны, паразиты, насекомые, моллюски, рыбы и т. д. Широко применяются такие методы, как биометрический (или морфометрический), тафономический и палеонтологический, технологический, типологический, биогеографический, трасологический, метод DNA датировки. Суть данных методов состоит в создании как можно более полной картины взаимодействия между человеком и древними животными, а также получении информации об эволюции и условиях жизни данных объектов исследования.

Древним костям и окаменелостям человечество уделяло внимание задолго до появления палеонтологии и археологии. Люди находили останки животных с древнейших времен и интерпретировали в соответствии со своим мировоззрением (например, как останки мифических животных и существ, или же как естественные природные проявления и т. д.). Сведения о них были известны ещё античным натуралистам, таким как Ксенофан, Геродот, Аристотель. Изучением окаменелостей занимались в эпоху Возрождения исследователи, среди которых были Леонардо да Винчи, Джироламо Фракасторо, Бернар Палисси, Георгий Агрикола. Однако представление о том, что такого рода останки принадлежат вымершим организмам появилось позднее − одними из первых, вероятно, к таким наблюдениям пришли датский натуралист Нильс Стенсен и английский естествоиспытатель Роберт Гук.

Нильс Стенсен опубликовал в 1667 г. статью, в которой сравнил зубы найденной им окаменелой акулы и современной особи, предоставленной рыбаками. Он пришёл к

выводу, что окаменелая акула также когда-то была жива и не является загадочным камнем, «упавшим с неба или Луны» (так интерпретировал подобные образцы римский автор Плиний Старший в своём труде Naturalis Historia) или естественным выростом скал [28, с. 50].

Важным открытием Роберта Гука было признание того, что в действительности ископаемые окаменелости − не своеобразная игра природы, как утверждали многие естествоиспытатели, а остатки реально существовавших животных и растений, «по причине каких-то природных явлений (землетрясений, наводнений или иных), перенесенных на то место, где они впоследствии и были найдены» (его основной труд «Микрография», 1665 г.). К такому выводу он пришёл в результате микроскопического исследования этих тел [4, с. 107].

Основателем палеонтологии и сравнительной анатомии считается французский естествоиспытатель Жорж Кювье. Исследования ископаемых позвоночных, в которых он с большим успехом применял принципы сравнительной анатомии, были опубликованы им в 1812 г. в труде «Recherches sur les ossements fossiles». Он был противником эволюционистов, т. к. сам придерживался концепции постоянства вида. Одержав верх над оппонентами в публичном споре в академии, Кювье на долгое время закрепил в науке представление о неизменности вида. В учении о катастрофах «Discours sur les revolutions de la surface du globe et sur les changements qu'elles ont produits dans le règne animal» он изложил теорию, согласно которой каждый геологический период имел свою фауну и флору и заканчивался громадным переворотом, катастрофой, при которой гибло на земле всё живое, и новый органический мир возникал путём нового акта творения. К таким выводам его привели исследования ископаемых животных парижского бассейна. «Теория катастроф» долгое время была предметом дискуссий, пока официальная наука не отвергла её благодаря трудам Чарльза Лайэля.

Из изложенного становится понятно, что как таковое исследование остеологических материалов начиналось в рамках палеонтологии. Что же касается археологического изучения фаунистических остатков, то первые из них стоит отнести к началу XVIII в. Сообщения об обнаружении остатков крупных, ранее неизвестных животных, залегающих совместно с древними орудиями, известны из разных стран [25, с. 1−16], но кости мамонтов или носорогов называли слонами римских императоров. Периодически обнаруживались также древние человеческие скелеты, но они истолковывались как давно умершие умственно отсталые отшельники или носители деформирующих кости болезней. До середины девятнадцатого века было распространено буквальное понимание библейского описания создания, согласно которому история Земли начиналась приблизительно 4000 лет назад, что препятствовало признанию гораздо большей древности фаунистических остатков.

Несмотря на влияние религиозного мировоззрения, всё больше находок подвергались тщательному изучению, что выходило за рамки, предопределённые церковью. Ко второй половине XIX в. благодаря учёным-естествоиспытателям, таким как Чарльз Лайэль, Лорд Кальвин, Томас Хаксли, Чарльз Дарвин и др. стало приниматься во внимание ранее непризнанное длительное прошлое планеты и предков человека. Кроме того, как в Европе, так и в России формировалась самостоятельная дисциплина − археология, объёктом которой становились кости и другие органические материалы, связанные с деятельностью человека. В это время появились первые археологические периодизации (напр. Э. Лартэ, Г. де Мортилье), при создании которых исследователи учитывали остеологические остатки.

Во второй половине XIX в. продолжает развиваться идея о необходимости выявления критериев человеческого воздействия на кость в противовес другим возможным изменениям. В этот же период широкое распространение получили предположения о возможности использования первобытным человеком костяных орудий раньше, чем каменных (Габлиэль де Мортилье и др.), а значит, и о видоизменении исходных костей по определенной схеме. В качестве орудий предлагалось использование не только костей скелета, но и клыков, и челюстей. За некоторыми каменными изделиями уже признавалась возможность применения в качестве инструментов костяной обработки. Таким образом,

«костяной» материал постепенно начинал соответствовать требованиям, предъявляемым к археологическим источникам.

Начало изучения остеологических древностей в России традиционно связывается с именем Петра I и изданными им указами 1718 и 1721 гг. Приглашенный им в 1718 г. талантливый немецкий исследователь, врач и ботаник Д. Г. Мессершмидт во время экспедиции в Сибирь, задачей которой были комплексные исследования данного региона, собирал «в Сибири старинных мамонтовых костей, всяких каменьев и протч.», старался договариваться с сибирскими властями, чтобы ему доставляли различные «к древности принадлежащие вещи, якобы языческие шейтаны (кумиры), великие мамонтовы кости, древние калмыцкие и татарские письма и их праотеческие письмена, такожде каменные и кружечные могильные образы» [16, с. 96]. В результате он подготовил 10-томную рукопись «Обозрение Сибири или Три таблицы простых царств природы», содержавшую сведения по исторической этнографии, географии, экономике, флоре и фауне Сибири, включая и Забайкалье. Дневники, написанные Мессершмидтом в его путешествиях, хранились в Академии наук и ими пользовались все экспедиции в Сибирь, направленные туда в XVIII и XIX вв. Впоследствии некоторая часть его материалов бала опубликована Георги и Палласом, однако заслуги первого учёного путешественника по России до сих пор недостаточно оценены.

Изучением древностей во время экспедиций также занимались Г. Ф. Миллер, С. П. Крашенинников, А. П. Горланов. Последний по поручению Миллера вёл раскопки Городищенской слободы (ныне с. Казаново) в верховьях Шилки. В труде Г. Ф. Миллера «История Сибири» описан ряд раскопанных погребений. К сожалению, целенаправленного анализа остеологических остатков памятников каменного века в то время не проводилось. Однако в процессе тщательной фиксации, интерпретаций, сравнений учёными накапливалась бесценная фактологическая база.

Первое описание такого известного представителя мамонтовой фауны как *Coelodonta antiquitatis Blumenbach (1799)* (Шерстистый носорог), связано с экспедициями российского академика П. С. Палласа. В 1768 г. он отправился в своё первое шестилетнее путешествие по различным провинциям Росси, в том числе и Сибири. В его экспедиционных отчётах приведены сведения о встреченных костях носорога. Указание местонахождений остатков носорога и описание его черепа и двух рогов в 1769 г. вошли в сочинения Императорской Академии наук [29, с. 436–477]. В своём труде «Путешествие по разным провинциям государства», в разделе «Путешествие по Сибири к востоку, лежащей даже и до самой Даурии, 1772 года» [30, с. 576–606] он привёл описание туши шерстистого носорога, привезённого в Иркутск из Якутска. Также он подробно описал другой череп и нижнюю челюсть носорога, найденные им на берегу р. Чикой.

В своих публикациях учёный отметил морфологическую особенность черепа шерстистого носорога – окостеневшая при жизни животного носовая перегородка, главное отличие от современных носорогов. Кроме того, Паллас впервые выполнил описание рогов рассматриваемого вида и ввёл термин «филамент» (нить, волокно, волосок) для обозначения структурной единицы, образующей рог [13, с. 333–342]. Указывая на многочисленность находок вымершего носорога в бассейне р. Лены, П. С. Паллас первым дал название этому виду *Rhinoceros lenensis*. Однако оно не стало общепризнанным. Это связано с тем, что работы Палласа, опубликованные в России, не были востребованы в Западной Европе, кроме того, в то время не было выработано строгих правил описания вида. Часто они описывались одновременно несколькими учёными, случалось, что по чужим рисункам. Название Блюменбаха *Rinoceros antiquitatis* оказалось более популярным. Дискуссия между палеонтологоми относительно приоритетности названия, предложенного Палласом, ведётся до сих пор [8, с. 22–33].

Учитывая данные факты, можно заключить, что начало формирования археологии в России началось с сибирских академических экспедиций, во время которых уделялось немало внимания ископаемым фаунистическим остаткам.

Активная археологическая деятельность А. С. Уварова и его супруги П. С. Уваровой в XIX в., называемая в истории российской ар-

хеологии также «уваровским периодом», характеризуется огромной продуктивностью. Строительство Исторического музея в Москве, утверждение московского и петербургского археологического обществ, организация всероссийских археологических съездов и раскопки многочисленных памятников – далеко не полный перечень заслуг этих учёных. Свой основной труд «Археология Сибири. Каменный период» А. С. Уваров начал с археологии Сибири и упомянул в нём об исследованиях таких известных сибирских учёных, как И. С. Поляков, П. А. Кропоткин, И. Д. Черский. Последний в своих путешествиях также занимался составлением палеонтологического альбома, зарисовывая обнаруженные остатки древних животных.

Изучение шерстистого носорога было продолжено в 1840–1870-х гг. в. российским академиком Ф. Ф. Брандтом. Им были составлены более подробные описания находок Палласа, в том числе использовались и забайкальские материалы. Систематизируя разрозненные коллекции по различным вымершим животным, кости которых находили вместе с носорогом (мамонт, северный олень, лошадь, медведь, лев, гиена, волк и древний человек), он сделал вывод, что все они жили в одно время [8, с. 24].

Одни из первых сведений об обнаружении палеолитических местонахождений в Забайкалье вместе с фаунистическими остатками, связаны с именем А. П. Мостица. Учитель Усть-Кяхтинского начального училища, член Кяхтинского отделения Географического общества, он обнаружил «свидетельства палеолитических культур, в том числе и обожжённые кости животных в долине р. Сава (район Усть-Кяхты), по рекам Чикой и Селенга» [11, с. 15–22].

На данном этапе исследований в Забайкалье также были осуществлены сборы костей В. В. Птицыным по рекам Чикой, Киран, Кудара, Н. В. Кириловым и В. А. Обручевым на реках Хилок и Чикой, плейстоценовая фауна была обнаружена П. С. Михно, С. И. Руденко, А. К, Кузнецовым, Г. Ф. Дебецем. Об обнаружении мамонтовой фауны сообщала Павлова (1911). По её свидетельствам выделены местонахождения: Босинское (долина р. Джиды), Бичура, Верхняя Кудара, Жиндо (долина р. Чикоя), Дунгуй (Верхнеудинский уезд), Ивашки (долина р. Селенги), Киреть, Коротково, Ланцево на р. Чикое, Николаевское (долина р. Джиды), Тамир, Торей (бассейн р. Джиды) – обнаружен бизон; Близ Троицкославска, Урлука; Цанган-Урсун (бассейн р. Джиды); Шадзыга (в долине р. Шадзыги). Зафиксированы кости шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis Blum*.), мамонта (*Mammutus primigenius Blum*), остатки бизона (*Bison priscus Boj*.), архара (*Ovis ammon L.)*, благородного оленя (*Cervus elapus*), *Cervus eurycros Aldr*., быка (*Bos primigenius*), гигантского оленя (*Megaloceros islandicus Blain.),* носорога Мерка *(Riniceros Merkii Jag.), Rhin. himitoecus Falc., Antilope (Gazella) aff. gutturosa Palass* [12, с. 11–36].

Таким образом, в XIX в. – нач. XX вв. сформировались предпосылки научного изучения ископаемой кости. Приоритет в этом принадлежал специалистам по изучению палеолита, ближе всех подошедшим к проблеме осознания древних предметов из кости и рога как археологических источников. В этот период произошло признание исследователями высокой степени совершенства обработки костяного материала палеолитическими мастерами.

В советской археологии раскрытие данной тематики относительно различных материалов имело далеко не равноценный характер. Археофауна с различными следами воздействия нередко относились к секции «пищевых остатков».

Мысли, высказанные Г. А. Бонч-Осмоловским (в начале 1930-х гг.), для советской археологической литературы были одними из первых прецедентов отношения к обработанным остеологическим остаткам как к информативному археологическому материалу. С 30-х гг. данные по древней обработке кости и использованию различных костяных предметов начинают включаться в обобщающие издания по первобытному обществу.

За рубежом на основе опыта, накопленного в начале XX в., продолжалось дальнейшее осмысление обработанных фаунистических материалов и уточнение их признаков. Предположение о более раннем использовании кости, чем камня, в качестве материала для орудий по-прежнему имело своих последователей. Главное внимание, как и прежде,

при определении костяных орудий уделялось их форме, которая обуславливалась использованием. По мнению некоторых авторов, именно с этим были связаны разнообразные видоизменения поверхности кости и её расщепление. Не упускались из виду и определённое сходство воздействий на ископаемую археологическую фауну древнего человека и животных. Так, Брейль, отмечая сходство раскалывания костей для добывания костного мозга между синантропом и гиеной, подчёркивал, что он, в отличие от животного, расщеплял их вдоль. Этот прием характеризовал костную индустрию, существующую параллельно с каменной. Кроме того, он отметил, что для обработки рогового сырья использовался термический способ: свежий рог нагревался в огне, чем облегчалось его переламывание.

В 1940-е гг. советскими учёными предприняты попытки раскрыть содержание понятия «технология расщепления кости». Большую роль в этом сыграла работа М. М. Герасимова, написанная с опорой на сибирский археологический материал [9, с. 24–35]. В его определении окончательно признавалось, что примитивная форма «костяной индустрии» возникла из пищевых потребностей. Тем самым была подчёркнута органическая причастность обработки фауны к общему процессу утилизации костного и рогового материала. Важность публикации М. М. Герасимова для археологии заключалась в том, что в ней закладывались основные принципы комплексного исследования обработки кости. Это касалось вопросов анализа следов пищевой утилизации костяного и рогового материалов, а также изучения последовательности нанесения на них орнамента. Более того, при исследовании особенностей членения различных видов косторезного сырья успешно применялся экспериментальный и этнографический опыт [5, с. 10].

В 1950-е гг. в изучении обработки кости и рога для отечественного палеолитоведения произошли качественные сдвиги, которые поставили эти разработки на самые передовые рубежи мировой науки. Начало было положено В. И. Цалкиным, доклад которого в 1955 г. в Институте Истории материальной культуры был посвящён остеоархеологическим материалам [19, с. 5].

Чуть позже С. А. Семенов выдвинул тезис о том, что кости со следами человеческой деятельности являются полноправными археологическими источниками. Пристальное внимание к остеоархеологическому материалу позволило С. А. Семенову разработать детальную схему его описания и применить к нему методы трасологии [17, с. 128–172]. Выделенная С. А. Семеновым система поверхностных изменений кости имела не только диагностическое значение. Она легла в основу функционального назначения костяных предметов.

Одновременно зарубежные исследователи продолжали искать критерии для определения следов человеческой деятельности на костяном материале. Р. Дарт, вслед за Брейлем, считал, что человеческое присутствие в доисторическом контексте характеризуется определённым типом скола на костях, использовал экспериментальное моделирование для изучения его черт. Но иногда при исследовании определённых повреждений костей, эти следы ошибочно считались признаками костяных орудий. Тем не менее, существенные результаты были достигнуты как в плане функционально–трасологических определений костяных орудий, так и в создании трасологических схем древнего косторезного производства при исследовании динамики его развития. В работе Конрнвэла подробным образом были описаны анатомические характеристики и следы воздействия на кость геологических и биологических факторов в рамках исследования, посвящённого разделению антропогенного и природного воздействия на остеологический материал [23].

Значительным преимуществом зарубежных исследователей-зоорахеологов современности являются сложившиеся многочисленные научные школы, которые работают в данном направлении, а также уже утвердившаяся традиция междисциплинарных исследований. Ещё в 1970-е гг. число людей, изучающих археофаунистические остатки в Европе и Америке сильно увеличилось. В 1971 г. в Будапеште состоялась первая международная зооархеологическая конференция. Из неё развился Международный совет по Археозоологии (ICAZ) − он был основан в 1976 г. в Ницэ. (Последняя конференция Археозоологического конгресса проводилась в 2009 г. в Барселоне).

Основной чертой и сильной стороной исследований этого периода являлись критическое отношение к накопленному материалу и существующим интерпретациям утилизации костного сырья. Ведущую роль в формирования этого отношения сыграла работа Л. Р. Бинфорда [22]. Кроме того, за рубежом был опубликован ряд обобщающих работ: С. Дэвис [17], Р. Чаплин [24] и др.

В России же публикации, ориентированные на сугубо зооархеологическую тематику, стали появляться сравнительно недавно. Практически одновременно к ней обратились палеонтологи, которые традиционно привлекались археологами для определения видового состава памятников [27, с. 595–607; 21, с. 1–16] и археологи [5; 10; 2, с. 103–116].

Несмотря на то что, работы А. П. Бородовского [5; 6] посвящены изучению позднего периода, они представляет большую ценность и для исследователей каменного века. Представленные в монографии «Древнее косторезное дело юга Западной Сибири» реконструкции древнейших производств, с технологической точки зрения очень значимы для современных археологических исследований и формируют представление о способах обработки, о физических и технологических свойствах, о разных типах органических материалов. Учебное пособие, опубликованное этим автором, − «Методика исследования древнего косторезного производства» систематизировало широкий круг вопросов изучения косторезного дела, таких как: методика изучения косторезного дела, классификация «костяных» предметов, заготовок и отходов косторезного производства в контексте определённых археологических комплексов.

Анализ бивневых индустрий сделан в работе Г. А. Хлопачева «Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы» [18]. Также зооархеологической тематике посвящены, основанные на материалах эпохи бронзы, статьи Е. Е. Антипиной. Подробно описаны методы поиска и сбора палеонтологических объектов для целей реконструкции условий обитания древнего человека, палеогеографии и стратиграфии в работах А. К. Агаджаняна [1]. Общая реконструкция промысловой деятельности средневекового населения Западной Сибири приведена в монографии П. А. Косинцева [14].

В целом, количество публикаций с зооархеологической тематикой в России в последние годы возрастает. Гораздо активнее археологи стали сотрудничать с палеонтологами для построения более полной картины жизни людей в древности и их взаимодействия с животным миром. Однако ещё широко распространено отношение к данным материалам, как к «кухонным отходам», не заслуживающим звания археологического источника. Очень мало исследователей занимается технологией расщепления и трасологией археофаунистических остатков.

Изучением археологических древностей в Забайкалье на разных этапах развития научной деятельности занимались как археологи, так и палеонтологи.

В период 1928–1929 гг. до конца 1950-х гг. научные изыскания в Забайкалье проводились рядом академических экспедиций. В 1928–1929 гг. – здесь работала Бурят-Монгольская археологическая экспедиция под руководством Г. П. Сосновского в 1947–1951 – экспедиция ИИМК АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Базу источников составили 40 местонахождений. Кроме того, исследования проводил Н. П. Михно, который в 1959 г. нашел зубы примитивной лошади и обнаружил, определённый впоследствии опорным, Итанцинский разрез не далеко от с. Клочнево.

Период 1960–70-е гг. характеризуется проведением стационарных раскопок многослойных поселений, открытием и изучением начальной поры верхнего палеолита, постановкой проблем происхождения и генезиса забайкальского палеолита. Раскопки проводили А. П. Окладников и И. И. Кириллов на поселениях Санный мыс, Титовская сопка, Варварина гора, в дальнейшем М. В. Константинов исследовал палеолитические памятники Селенгинского бассейна.

Палеонтологические изыскания также в этот период обширны. С 1962–1966 гг. проведены исследования по изучению мелких млекопитающих М. А. Ербаевой [3, с. 148], генезисом опорных разрезов антропогена Западного Забайкалья и изучением фауны занимались Н. А. Флоренсов, Э. А. Вангенгейм. Д. Б. Базаров. Л. Н. Иваньев и др.

Вторая половина 1970 по 1990-е гг. характеризуется проведением комплексных тематических исследований экспедициями за-

байкальских археологических школ (ЧГПИ, БГИ, БИОН). Активная работа нового поколения читинских и бурятских археологов способствовала вводу в научный оборот материалов новых комплексов, а привлечение специалистов в области естественных наук – М. И. Дергачевой, И. Н. Резановой, Н. П. Калмыкова, Н. Д. Оводова [15, с. 122−140] и др. позволило внести коррективы в природно-историческую схему. В работах Н. К. Верещагина, Г. Ф. Барышникова, Ф. И. Кензыкхенова, А. К. Каспарова по тематике региона опубликован палеонтологический анализ мегафаунистических комплексов.

Сегодня исследования плейстоценовой фауны в контексте археологических памятников Забайкалья немногочисленны. Интерес проявляют иностранные палеонтологи. Ряд статей по происхождению носорога опубликован Т. Дэнгом [26, с. 196–207]. Изучению фаунистических остатков мегафауны Забайкалья посвящены статьи иркутского палеонтолога А. М. Клементьева.

Диссертационное исследование С. Г. Васильева, по нашему мнению, больше всего приблизилось к западному образцу в отношении анализа археофаунистических материалов [7]. Метод комплексного анализа остеологического материала, разработанный автором на примере палеолитического поселения Толбага (Западное Забайкалье), имеет важную практическую значимость. Он позволяет обнаружить следы процессов, влияющие на изменение костей найденных на поселении, и установить отличия костей, видоизменённых человеком, от костей, преобразованых геологическими и биологическими факторами. Фактически данный труд пока является единственной зооархеологической работой в регионе.

Спроецировав методику, предложенную С. Г. Васильевым, автор статьи проанализировала материалы таких палеолитических памятников, как Студеное 1, Студеное 2, Усть-Менза 1, Усть-Менза 2. По результатам исследования удалось расширить круг характеристик остеологических коллекций. Так, было обнаружено большее количество экземпляров со следами разделки туш животных, расщепления, вторичной обработкой, выявлено 2 фрагмента рога благородного оленя с насечками. Планируется продолжение работы по данной тематике путём охвата большего количества местонахождений, анализа случайных обнаружений, привлечения палеонтологического материала, применения большего количества методов.

Подводя итог, следует отметить: несмотря на то, что интерес к ископаемой фауне возник давно, настоящее признание в археологической науке данного источника произошло всего лишь несколько десятилетий назад. В данный момент количество исследований по археозоологической и зооархеологической тематике возрастает как в мире, так и в России. Усилия научных деятелей направлены на то, чтобы, преодолевая недостатки данного археологического источника, извлечь из него максимальное количество информации. Становится очевидно, что это невозможно без междисциплинарных исследований.

С учётом плохой сохранности остеологических материалов из аллювиальных памятников, которым в данный момент в Забайкалье уделяется наибольшее внимание (в рамках исследований, связанных с каменным веком), зооархеологические изыскания здесь могут показаться бесперспективными. Однако, по мнению автора, подробное изучение местонахождений плейстоценовой фауны в регионе может позволить обнаружить новые памятники с хорошей сохранностью, такие как Толбага, существенно дополнить данные о древнейшем прошлом обитателей Забайкалья. Кроме того, применение широкого спектра современных методов, о которых было сказано в начале статьи, вполне позволяет получать большее количество информации и из уже имеющихся материалов.

Практически не разработанной в Забайкалье также является зооархеологическая тематика более поздних периодов, которая, занимаясь вопросами доместикации, эволюции домашних животных, косторезным производством и многими другими вопросами, могла бы также помочь создать более полную картину прошлого Забайкальского края. Сравнение же разновременных культур региона по остеологическим коллекциям, вероятно, позволило бы выявить этапы эволюции или элементы преемственности в обработке фаунистических материалов.

Список литературы

1. Агаджанян А. К Комплексные биостратиграфические исследования новейших отложений: учебно-метод. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, Ин-т археологии и этнографии. СО РАН, 2008. 62 с.

2. Антипина Е. Е. Костные остатки животных с поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследовани) // Российская Археология. 1999. № 1. С. 103–116.

3. Базаров Д. Б., Ербаева М. А. и Резанов И. Н. Геология и фауна опорных разрезов антропогена Западного Забайкалья. М.: Наука, 1976. 148 с.

4. Боголюбов А. Н. Роберт Гук (1635−1703). М.: Наука, 1984. 240 с.

5. Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

6. Бородовский А. П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. 176 с.

7. Васильев Сергей Георгиевич. Археологическое изучение остеологических материалов на примере палеолитического поселения Толбага: автореф. дис. … канд. ист. наук. Чита, 2004. 28 с.

8. Гарутт Н. В. К истории изучения Coelodonta antiquitatis (Blumenbach, 1799) // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М.: ГЕОС, 2001. С. 22–33.

9. Герасимов М. М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. 1941. № 2. С. 24–35.

10. Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.

11. Иваньев Л. Н. Новые палеолитические стоянки на р. Чикое и их стратиграфическое значение // Сибирский археологический сборник (отельный оттиск). 1966. С. 15–22.

12. Иметхенов А. Б., Калмыков Н. П. Фауна и флора кайнозоя Бурятии (каталог). Улан-Удэ: БФ СО РАН СССР, 1988. 181 с.

13. Каландадзе Н. Н., Шаповалов А. В., Тесакова Е. М. К вопросам номенклатуры шерстистого носорога Coelodonta antiquitatis (Blumenbach, 1799) // Исследования по палеонтологии и биостратиграфии древних континентальных отложений (памяти профессора В. Г. Очева): сб. науч. ст. Саратов: Научная книга, 2009. С. 98–111.

14. Косинцев П. А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург; Салехард : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 272 с.

15. Оводов В. Д. Фауна палеолитических поселений Толбага и Варварина гора в Западном Забайкалье // Природная среда и человек в позднем антропогене: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 122–140.

16. Рихтер В. М. История медицины в России . Geschichte der Medizin in Russland (рус. пер. Бекетова) // Собр. соч.: в 3 т. М.: Универ. тип., 1820. Ч. 3. 544 с.

17. Семенов С. А. Развитие технологии в каменном веке. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 356 с.

18. Хлопачев Г. А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука, 2006. 262 с .

19. Цалкин В. И. Основные задачи изучения костей животных из раскопок памятников материальной культуры // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института исследований материальной культуры. СПб.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Вып. 58. С. 3–156.

20. Чернова О. Ф., Кириллова И. В. Новые данные о морфологии рога шерстистого носорога Coelodonta antiquitatis Blumenbach (1799) // Труды Зоологического института РАН. СПб.: Зоол. ин-т РАН, 2010. Т. 314. № 3. С. 333–342.

21. Baryshnikov Gennady .The role of early humans in the accumulation of european lower and middle palaeolithic bone assemblages// RÖMISCH-GERMANICHES ZENTRALMISEUM, FORCHUNGSINSTITUT FÜR VOR FRÜHFESCHINCHTE, in verbindung mit der European schince foundation. 1999. 42. P. 1–16.

22. Binford L. R. Bones: Ancient men and modern myths . London : Academoc press Inc, 1981. 297 p.

23. Cornwall I. W. Bones for the archaelogist . London : Rhoenix house LTD, 1956. T. 1–3.

24.Chaplin Raymond E. The study of animal bones from archaelogical sites. London and New York : Seminar press, 1971. 170 p.

25. Davis Simon J. M. The Archaeology of Animals . Haven and London: Yale University Press, 1987. 225 p.

26. Deng, Tao. Comparison between wooly rhino forelimbs Longdan Nothen-western Chana and Tologoi, Transbaikalian region // Quaternaly internationa. 2008. Scince Direct 179 (52). P. 196–207.

27. Hoffecker John F., Baryshnikov G. F. и Doronichev D. V. Large mammal taphonomy of the Middle Pleistocene hominid occupation at Treugol'naya Cave (Northern Caucasus) // Quatemaly Science. 2003. 22. P. 595–607.

28. Kermit Hans . Niels Stensen, 1638–1686: the scientist who was beatified. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 2003. 181 p.

29. Pallas P. S. De reliquiis animalium exoticorum per asiam borealem repertis complementum // *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.* 1769. 13. P. 436–477.

30. Pallas P. S. De Reliquiis animalium exoticorum per Asian borealem repertis complementum. // Novi commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae. 1772. 18. P. 576–606.

Статья поступила в редакцию 15.12.2011 г.

УДК 903.4
ББК Т4(2Р54)

Владимир Владимирович Нестеренко,
аспирант, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского
(Чита, Россия), e-mail: nesterenko-vova@yandex.ru

Археологические исследования Г. П. Сергеева в Забайкалье

Статья посвящена археологическим исследованиям, проведённым в начале 1930-х гг. археологом Г. П. Сергеевым в окрестностях города Читы. На основе публикаций, архивных документов в работе обобщены биографические данные исследователя. Особое внимание уделено анализу деятельности экспедиции 1934 г. В ходе археологических исследований была произведена разведка по пути следования с целью поиска новых памятников археологии, а также выполнены археологические раскопки земляных курганов и поселения вблизи озера Иван и села Беклемишево. В статье рассматриваются основные выводы, сделанные учёным в ходе обследования археологических объектов. Методика исследования основывается на системном подходе, предполагающем комплексное изучение архивных и опубликованных материалов с последующим анализом полученной информации.

Ключевые слова: Г. П. Сергеев, история исследования, археологическая разведка, раскопки, система Ивано-Арахлейских озёр, архивные документы, биография, анализ.

Vladimir Vladimirovich Nesterenko,
Postgraduate of the History Department, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical
University named after N. G. Chernyshevsky
(Chita, Russia), e-mail: nesterenko-vova@yandex.ru

Archeological Research by G. P. Sergeev in the Trans-Baikal Region

The article is devoted to the archeological research conducted in the early 30s of the 20th century by the archeologist G. P. Sergeev in the outskirts of Chita. On the basis of earlier publications, archival documents the given paper summarizes the researcher's biography. Particular attention is paid to the analysis of the research expedition of 1934. In the course of archeological research reconnaissance of the route was carried out in order to find new archeological monuments and archeological excavations were carried out to describe mounds and settlements in the vicinity of Lake Ivan, and Beklemishevo village. The article presents the scientists' main findings in a survey of archaeological sites. The investigation procedure is based on the systemic approach, which implies a comprehensive study of archival and published materials, followed by an analysis of the information.

Keywords: G. P. Sergeev, the history of the studies, archaeological exploration, excavation, Ivan-Arakhley system of lakes, archival documents, biography, analysis.

В 1930-е гг. археологические работы на территории Забайкалья носили эпизодический характер. Для организации полевых исследований требовались специалисты и материальное обеспечение. Для проведения экспедиций объединялись финансовые усилия Забайкальского отделения Русского географического общества и Читинского краеведческого музея, привлекались сотрудники из других городов. Так, летом 1934 г. были проведены совместные археологические работы с участием археолога из Улан-Удэ Г. П. Сергеева.

В настоящее время опубликовано большое количество статей и монографий, посвящённых истории исследований, в кото-

© В. В. Нестеренко, 2012

рых упоминаются работы Г. П. Сергеева на территории Бурятии (Н. Н. Диков, 1958, А. П. Окладников, 1978, Ю. С. Гришин, 1981, С. В. Цыб, 1983, П. Б. Коновалов, И. И. Кириллов, 1983, В. А. Цыбиктаров, 2006) [7, с. 22; 11, с. 22; 6, с. 19; 14, с. 12; 8, с. 5; 15, с. 9]. К сожалению, ни в одном из трудов нет подробной информации о Г. П. Сергееве и его деятельности на территории Читинской области. Нет сведений о нём и в томе «Археология. Малая энциклопедия Забайкалья», вышедшем в 2011 г. [10]. Поэтому изучение деятельности Г. П. Сергеева является главной целью нашей статьи.

Первые сведения об исследовательской деятельности Г. П. Сергеева находим в отчёте 1932 г. «Археологические работы на Алтае у реки Куюм». Сотрудниками Ойрот-Туринского областного краеведческого музея (ныне Республиканский краеведческий музей имени А. В. Анохина) в Горно-Алтайской автономной области, у устья р. Куюм притока Катуни были проведены археологические раскопки. В результате впервые в истории Алтая были выявлены и документально зафиксированы погребения афанасьевской культуры [9, с. 26]. Рассматривая историографию археологических исследований Алтая и Забайкалья, С. В. Цыб [14] и В. А. Цыбиктаров [15] делают вывод, что Г. П. Сергеев являлся сотрудником Ойрот-Туринского музея. Это косвенно подтверждается упоминанием самого Г. П. Сергеева о работе на Алтае в отчёте «Селенгинской археологической экспедиции 1935–36 годов» [3]. Однако документального подтверждения данного факта пока не зафиксировано.

В личных архивных документах археолога Г. П. Сосновского имеются сведения о копиях дневников, присланных Сергеевым в Ленинград по результатам археологических работ 1932 г. [1]. Г. П. Сосновский заинтересовался исследованиями на р. Куюм и в 1936 г. провёл собственные археологические раскопки погребений афанасьевской культуры [14].

Результаты научной деятельности Г. П. Сергеева обнаружены и в фондах Забайкальского краевого краеведческого музея. Сохранился его отчёт «О результате работы археологической экспедиции летом 1934 года». Из него следует, что Г. П. Сергеев приезжал в Читу летом 1934 г. и «от имени Краеведческого музея и Забайкальского Отдела Восточно-Сибирского Краеведческого Общества (ЗОВСКО)» проводил совместную археологическую экспедицию [2]. В качестве представителя какой организации он проводит работы не ясно. Однако ясно лишь то, что отчёт о результатах исследования был передан им в Читинский краевой музей. Судя по примечанию Г. П. Сергеева на титульном листе отчёта – «отчёт будет окончательно отработан к 20 января 1936 года» [2], возможно предположить, что в 1934 г. он уже работал в Антирелигиозном музее г. Улан-Удэ, сотрудником которого являлся в 1935–1936 гг., во время проведения археологических раскопок в долине р. Селенги на территории Бурятии [3; 4].

Археологические исследования Г. П. Сергеева в Восточном Забайкалье летом 1934 г. до настоящего времени были мало известны. Поэтому в рамках данного исследования представим большую часть его научного отчёта. К сожалению, подробной информации о составе и количестве участников совместной археологической экспедиции в окрестности Читы, на сегодняшний день выяснить не удалось.Экспедиция работала в двух направлениях – проведение разведки и раскопок. Исследования велись в окрестностях Читы и в районе Ивано-Арахлейских озёр с 28 июня по 14 августа. Маршрут экспедиции – р. Чита – р. Монгой, озёра: Тасей, Иван, Арахлей, Шакша, Ундугун, с. Домно Ключевое, юго-западный берег Кенона, г. Чита [2]. Общая протяжённость маршрута составила 172 км (рис. 1).

К 30 июля 1934 г. экспедиция провела первый визуальный осмотр долины р. Холой у оз. Тасей. В результате был обнаружен земляной курган округлой в плане формы, высотой 4 м и диметром 49 м, окруженный рвом. В северной и южной части насыпи имелись грабительские лазы [2].

Дальнейшие работы производились по береговой линии оз. Иван. В ходе поиска на северном берегу были осмотрены выдува, где был собран археологический материал. Среди находок отмечены отщепы различных размеров, отбойники из гальки средней величины, наконечник стрелы из кремня, керамика с нанесённым в виде зубчиков, точек и линий орнаментом. Для выяснения стратиграфии и местонахождения оконечности дюны у протоки соединяющей оз. Иван и оз. Тасей был заложен шурф площадью 16 м^2. Археологический материал в ходе раскопок не обнаружен.

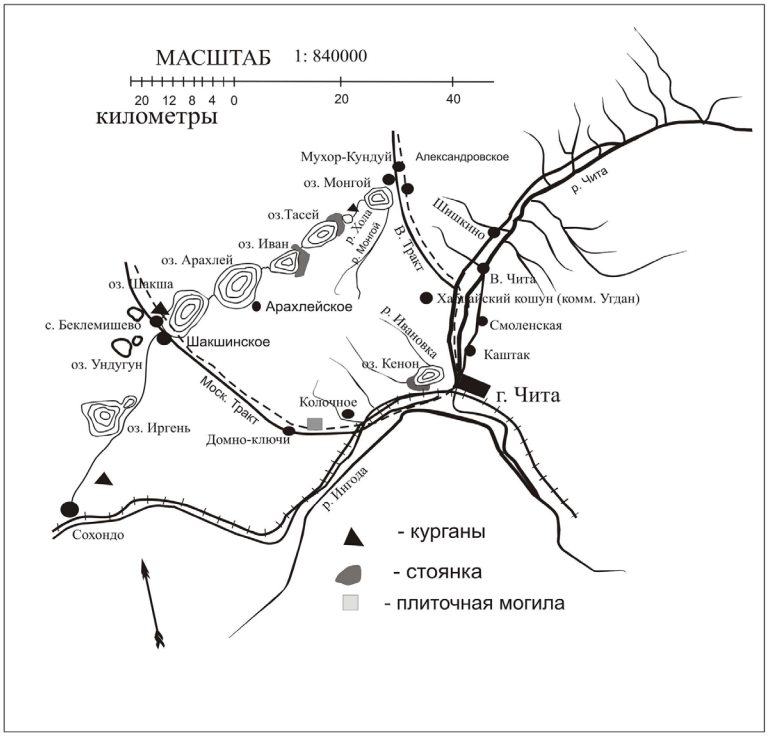

Рис. 1. Карта маршрута экспедиции 1934 г. (с рисунка Г. П. Сергеева)

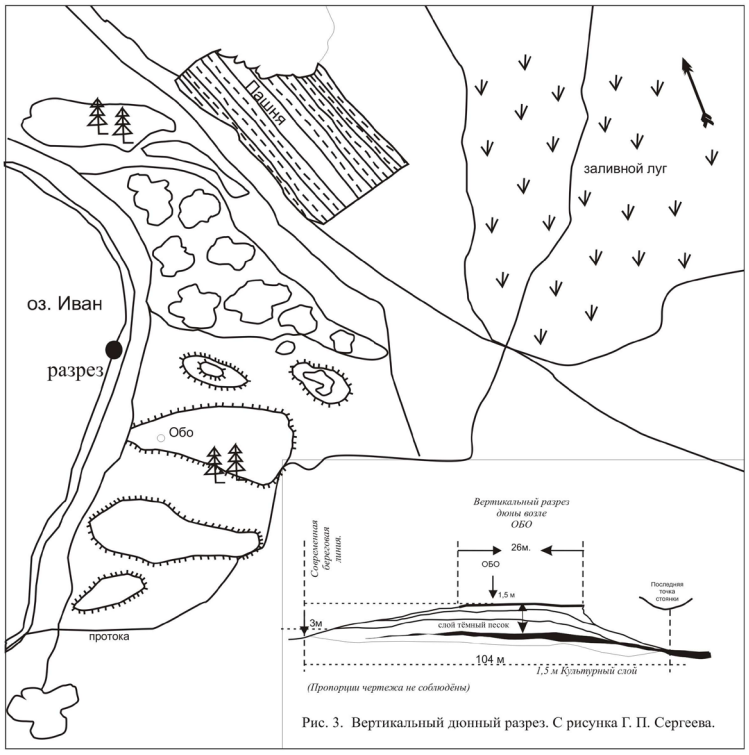

Рис. 2. Топографический план местонахождения разреза и раскопа (с рисунка Г. П.Сергеева)

При осмотре береговой линии озёра Г. П. Сергеева привлёк «дюнный разрез, оставшийся от разрушения береговой линии находящейся недалеко от «обо» (рис. 3). В отчёте автор сделал вывод, что «культурный слой, заключающий в себе главным образом кремниевые пластинки (индустриальные отбросы) и керамику погребён 1,5 м слоем песка с резким выраженными слоями нарастания. Однако, изучить стратиграфию разреза более точно не было возможности [за] отсутствием достаточного количества рабочих и времени» [2].

3 августа группа приступила к изучению северо-восточного берега оз. Иван. В непосредственной близости от береговой линии, на возвышенности было осмотрено вспаханное поле (рис. 2). На поверхности был обнаружен подъёмный материал, представленный костями домашних животных (корова, свинья, овца и лошадь), а так отщепами и пластинами, выполненными на кремнистом сырье. Особо обращает на себя внимания находка трёхлопастного бронзового наконечника стрелы. «Около берёзовой рощи» был заложен раскоп размерами 4 × 4 м. После удаления дернового слоя и горизонтальной расчистки на тёмном слое по всей площади встречены расколотые трубчатые кости овцы и три очага с небольшим скоплением золы, в которой были обнаружены кальцинированные раздробленные кости. Также были выявлены фрагменты глиняных сосудов плоскодонной формы со скошенным и уплощённым венчиком. В глину примешан мелкий песок для лучшего обжига. Около берёзовой рощи за дюной найдёт железный шлак, залегавший непосредственно под дёрновым слоем на глубине от 10 см от поверхности [2].

В ходе исследований Г. П. Сергеев занимался и сбором этнографического материала, вёл опрос местного населения. В частности было установлено, что на этом месте до 1913 г. стоял бурятский улус. По мнению Сергеева, этот факт подтверждает весь костный материал, который «находился в хорошей сохранности, что говорит об небольшой древности».

С 7 по 9 августа производился осмотр прибрежной зоны северо-восточного и западного берегов оз. Арахлей и Шакша. В ходе разведки археологический материал не был обнаружен. 11 августа экспедиция прибыла в с. Беклемишево. В окрестностях села обнаружено три земляных кургана размерами высотой от 0,5–1,5 м и диаметром от 5–7 м, находящихся в непосредственной близости друг от друга. После визуального осмотра было принято решение произвести археологические раскопки. В результате выяснилось, что курганы не являются объектами археологии. Сергеев в отчёте написал: «при вскрытии насыпи сразу же обнаружилось, что выбросов грунта не было, вблизи холма остались следы неглубоких западин, почва которых составила насыпь. На слое погребённой почвы оказались ветки берёзы и ивы сложенных кучей и укрепляющей вертикально вбитыми кольями в центре было положено бревно. С краёв присутствуют следы огня. Угли обгоревших прутьев. В северной стороны насыпи обнаружились колотые кости и черепок глиняного горшка без орнамента. В южной и северной стороны насыпи найдено большое количество пуль ружья и берданок. Местные жители зовут такие холмы (Мишенокамни) и говорят, что по насыпям стреляла этапная охрана» [2]. 12 августа проведён осмотр береговой линии оз. Ундугун. Археологических объектов не найдено. 13 августа выехали обратно в Читу.

В отчётной документации Г. П. Сергеев впервые в истории края сделал стратиграфическое описание береговых линий системы Ивано-Арахлейских озёр. Он отметил, что «… озёра окрестности Читы имеют высокие береговые валы. На озере Иван береговой вал, состоящий из промытого песка, достигал 4-х м высотой и до 30 м шириной. Образование валов объясняется господствующей ветровой эрозией. В данное время они достигают предельной величины, и наблюдается процесс развешивания и перемещения песчаной массы. На выдувах обнажаются остатки предметов материальной культуры древних поселений. Всегда наиболее древний культурный слой имеет над собой высокий дюнный нарост, и окрашен в насыщенный чёрный цвет. В таких отложениях в культурном слое среди древних предметов, можно встретить находки позднего времени» [2]. Сергеев считает, что археологические предметы были переотложены в результате деятельности человека.

Следующий этап научной деятельности Г. П. Сергеева связан с работами на террито-

рии Бурятии. Сведения о деятельности учёного можно найти в отчётах Селенгинской археологической экспедиции за 1935–1936 гг., которые хранятся в фондах Музея истории Бурятии и Забайкальского краевого краеведческого музея [3; 4]. Известно, что в это время Г. П. Сергеев работал в Антирелигиозном музее г. Улан-Удэ. В полевых исследованиях приняли участие сотрудники Центрального Антирелигиозного музея, Общества изучения Бурят-Монголии и Иркутского Историко-Археологического музея. Работы проходили по долине р. Селенги и её притокам. В результате на левом берегу реки вблизи с. Сотниково был открыт комплекс археологических объектов, представленный погребениями эпох средневековья и культуры плиточных могил. Особое внимание уделено исследованиям наскальных рисунков, которые находились в непосредственной близости от погребений. В ходе изучения наскальной живописи Сергеев предположил, что погребение и рисунки являются хронологически одновременными. Этот вывод был сделан на нахождении в одном из погребений кусочка охры, совпадающей по цвету с наскальными рисунками [3]. Исследованиями 1935–1936 гг. заинтересовался А. П. Окладников, который в 1948 г. проводил в этом районе археологические раскопки погребений культуры плиточных могил [11, с. 45].

В период с 1936 по 1946 гг. о жизни и деятельности Г. П. Сергеева нам ничего не известно. В 1946 г. он проводит археологические исследования в Молдавии [5; 12; 13]. В 1947 г. он становится сотрудником Кишинёвского музея и проводит научные исследования в составе Трипольской экспедиции [5; 12; 13]. В результате работ были открыты пещерные стоянки у сел Дурунторы и Выхватинцы, опубликована статья в журнале «Советская археология» «Позднеашельская стоянка в гроте у села Выхватинцы» [12]. В составе этой экспедицией Г. П. Сергеев проводил раскопки трипольских погребений в близи села Кетрошика [13].

Дальнейшая судьба исследователя нами не установлена.

В результате археологических исследований Г. П. Сергеева летом 1934 г. было выявлено три археологических объекта по берегам озер Тасей, Иван, Кенон (рис. 1), представленные развеянными разновременными стоянками, на которых обнаружен подъёмный материал. Г. П. Сергеев сделал детальную топографическую съёмку долины рек Ингоды и Читы. В ней он отметил местонахождение обнаруженного материала и известные ранее археологические объекты – погребение культуры плиточных могил возле с. Колочное (ранее отмеченное П. С. Палласом в 1772 г.), а также каменные курганы, расположенные возле ст. Сохондо. Впервые Сергеевым было произведено изучение стратиграфических отложений в районе оз. Иван, в результате он выделил особенность береговых отложений Ивано-Арахлейских озёр. Изыскания, проведённые Сергеевым в окрестностях Читы, характерны для этого периода археологических исследований в Забайкалье.

Несмотря на имеющиеся пробелы в изучении биографии и творческого пути Г. П. Сергеева, можно прийти к выводу, что он является ярким представителем зарождающейся в 1930-е гг. советской археологической школы. Его открытия на Алтае явились начальной стадией изучения погребений афанасьевской культуры. В Бурятии изучение плиточных могил стало основой для дальнейшего археологического исследования этой территорий. В Молдавии при его участии был открыт палеолит, а также продолжено изучение погребений трипольской культуры. Научная деятельность Г. П. Сергеева легла в основу дальнейших археологических открытий, стала ценным вкладом в развитие археологической науки.

Список литературы

Источники

1. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 42. Д. 92. Л. 4. Г. П. Сосновского.

2. Сергеев Г. П. Отчёт о результате работы археологической экспедиции летом 1934 // Научный отчёт о полевых исследованиях. Чита, 1934. Фонд Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. ВСП7118/1.

3. Сергеев Г. П. Селенгинская археологическая экспедиция 1935–36 годов. Полный отчёт // Научный отчёт о полевых исследованиях. Улан-Удэ, 1935–36. Фонд Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. ВСП 7118/2.

4. Сергеев Г. П. Селенгинская археологическая экспедиция 1935–1936 гг. Полный отчёт // Научный отчёт о полевых исследованиях. Улан-Удэ, 1935–36. Фонд Музея истории Бурятии, г. Улан-Удэ, № 2969.

Литература

5. Анисюткин Н. К., Григорьева Г. В. Н. А. Кетрару и Палеолит Молдовы // Stratum plus. 2003–2004. № 1. В эпоху мамонтов (посвящается 70-летию Николая Антоновича Кетрару). Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2005. С. 14–17.

6. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 202 с.

7. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во АНСО Бурятский комплексный научно-исследовательский институт, 1958. 106 с.

8. Коновалов П. Б. Кириллов И. И. Состояние и задачи археологии Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 3–26.

9. Кунгуров А. Л., Цыро А. Г. История открытия и изучения палеолита Алтая: учеб. пособие. Барнаул: Азбука, 2006. 143 с.

10. Малая энциклопедия Забайкалья. Новосибирск: Наука, 2011. 376 с. Т.: Археология.

11. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. 2. 264 с.

12. Сергеев Г. П. Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинци (Молдавия) // Советская археология. М.-Л., 1950. Т. 12. С. 203–212.

13. Сергеев Г. П. Раннетрипольский клад у с. Карбуна (Кишинев) // Советская археология. № 1. М.-Л., 1963. С. 135–152.

14. Цыб С. В. Афанасьевская культура Алтая: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1983. 229 с.

15. Цыбиктаров В. А. Петроглифы Забайкалья (вопросы формирования источниковой базы, историографии и культурно-исторической интерпретации): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 261 с.

Статья поступила в редакцию 12.11.2011 г.

УДК 903
ББК Т4(2Р54)

Наталия Геннадьевна Дятчина,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: groza-75@Yandex.ru

Характеристика изделий из кости и рога приаргунских памятников позднего неолита – ранней бронзы

Один из важных этапов в развитии человечества – начало освоения металла. В ходе исследований Верхнеамурской археологической экспедиции в 1990–2000-х гг. было продолжено изучение уже известных и выявлен ряд новых памятников в Приаргунье, которые позволяют проследить, как происходил в Забайкалье переход от каменного века к бронзовому. Несмотря на знакомство с новыми материалами продолжали широко использоваться известные ранее. Статья посвящена анализу коллекции изделий из кости и рога, собранной в результате исследований приаргунских памятников переходного периода от позднего неолита к ранней бронзе. В зависимости от внешнего облика и предполагаемого функционального назначения выделено 25 видов изделий, большая часть которых является предметами бытового назначения. Также присутствуют предметы вооружения, украшения, рыболовные снасти. Многие виды изделий из кости продолжают использоваться в бронзовом веке. Особенности приаргунского инвентаря свидетельствуют о том, что главным занятием местных племён являлись охота и собирательство, важным дополнением к которым были рыбная ловля и примитивное земледелие.

Ключевые слова: Дурой, Канга, Зоргол, Аргунь, неолит, энеолит, ранняя бронза, кость, рог, инвентарь.

Natalia Gennadievna Dyatchina,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: groza-75@Yandex.ru

The Description of Bone and Horn Articles Found at Priargun Sites of Late Neolith – Early Bronze

One of the important stages in the development of humanity is the beginning of the development of metal. During the archaeological expedition of 1990–2000 up the river Amur they further on explored already known sites and identified a number of new ones in Priargun which enables us to trace the transition from the Stone Age to the Bronze in the Trans-Baikal region. Despite the introduction of new materials people continued to use well-known ones as well. This article analyzes the collection of things made of bone and horn found during the research of Priargunsk transition from the Late Neolithic to Early Bronze Age. Depending on the intended appearance and functionality 25 types of products have been identified, many of them are things of everyday use. There are also items of weapons, jewelry, fishing tackle. Many kinds of products made of bone continue to be used in the Bronze Age. Priargunsk inventory peculiarities showed that the main occupations of the local tribes were hunting and gathering, an important addition to which were fishing and primitive agriculture.

Keywords: Duroy, Kanga, Zorgol, the Argun, Neolithic, Eneolithic, Early Bronze, bone, horn, tools.

© Н. Г. Дятчина, 2012

В 1991–2000 гг. в Приаргунье проводилось изучение ряда поселений, характеризующих переход от позднего неолита к ранней бронзе: Дурой (слои 2 и 3), Большая Канга-1 (слой 2), Большая Канга-2 (слой 2, горизонты 1 и 2). Кроме этого, к данному периоду можно отнести погребения, найденные на территории поселения Большая Канга-2, одиночное погребение, разрушенное впускным средневековым захоронением, раскопанное на Большой Канге в 1994 г., а также могильники Дурой, Большая Канга-1, Большая Канга-3 и Зоргол-2.

Первые исследования Дуройских памятников проводились в конце 1971–72 гг. сотрудником Читинского областного краеведческого музея А. Е. Конюховой и Забайкальским отрядом Института археологии АН СССР во главе с Ю. С. Гришиным. Собранные материалы были опубликованы и обобщены в работах 1970–80-х гг. [3; 4; 5; 6; 7]. По итогам исследований Верхнеамурской археологической экспедиции 1991–94 гг. были подготовлены тезисные сообщения, в которых содержалась краткая характеристика памятников, была дана предварительная датировка [8; 9]. Более детальный их анализ был проведен в кандидатской диссертации О. И. Кириллова (1994). В работе выделена серия вещей, появившихся только во время переходного периода, среди которых есть и изделия из кости – некоторые виды игольников из костей птиц. Многие из них послужили первоосновой для аналогичных изделий из бронзы, которые появились на более поздних этапах [14]. По итогам исследований 1999–2000 гг. издан ряд работ, где рассматривались различные аспекты жизнедеятельности энеолитического населения долины реки Аргунь: анализ инвентаря [2; 10], хозяйственных комплексов [11; 12], сделаны попытки определить место приаргунских памятников среди памятников сопредельных территорий [13]. Первая попытка специального изучения костяного инвентаря одного из рассматриваемых памятников – кангинского археологического комплекса – была предпринята в тезисах М. А. Беловой [2]. Автор обратила внимание на параллели в материалах поселения и погребений, рассматривая это как свидетельство их синхронности. Была выявлена близость кангинских и дуройских изделий. Были найдены аналогии костяного инвентаря в материалах одновременных могильников из других районов Забайкалья, а также из Приангарья, что позволило связать рассмотренные памятники с Ононской культурой, «носители которой поддерживали постоянные контакты с населением смежных районов Приамурья и пока ещё спорадические связи с приангарскими племенами» [2, с. 194]. На примере материалов кангинского комплекса была прослежена преемственность технических традиций от неолита к эпохе бронзы.

В 2000-х гг. в ряде обобщающих работ сибирских археологов привлекались и приаргунские находки. В монографии И. В. Асеева обобщены результаты археологических исследований в Юго-Восточной Сибири от мезолита до раннего средневековья, включая Дуройские памятники [1]. Ещё одной работой, в которой анализировались материалы Дуройского могильника, а также захоронения на территории поселения Большая Канга-2, стала монография Л. В. Лбовой, Е. Д. Жамбалтаровой и В. П. Конева [15]. Использовав формализованные описания, авторы попытались свести воедино все опубликованные сведения о памятниках неолита – раннего бронзового века Забайкалья. Полученные данные позволили предположить существование на изучаемой территории достаточно однородных в антропологическом, технологическом и мировоззренческом отношении археологических культур [15, с. 172]. При этом авторы отмечают, что, несмотря на произошедшие изменения в материальной сфере, «аборигенное население рыболовов, охотников и собирателей лесостепного Забайкалья» сохранило «верность неолитической традиции» [15, с. 173]. Большое место в работе уделено выявлению «стереотипов мифо-ритуального поведения и представлений».

В ходе проведённых исследований была собрана представительная остеологическая коллекция. Она включает многочисленные необработанные кости барсука, лисицы, зайца, мелких копытных (дзерена, изюбря, кабарги), крупного рогатого скота, различный видов птиц, а также одомашненных собаки, лошади, овцы, встречающиеся главным образом в материалах поселений. Кроме того, было обнаружено более 150 костяных изделий со следами обработки. Характеристике последних и посвящена данная работа. В зависимости от внешнего облика и предпола-

гаемого функционального назначения нами выделено 25 видов изделий.

Острия – 51 экз. Самая многочисленная среди определимых изделий группа (рис. 1). В неё включены орудия, у которых имеется острый колющий рабочий край. Данные орудия встречаются как на поселениях (Дурой, слой 3; Большая Канга-2, слой 2 горизонты 1 и 2), так и в погребениях (погр. № 1 на территории поселения Большая Канга-2; могильники Дурой (погр. № № 1, 5, 9, 16), Большая Канга-3 (погр. № 7), Зоргол-2 (погр. № 6). Острия можно разделить на четыре типа.

Тип 1. Иволистные острия – 11 экз. К данному типу отнесены острия, иволистные в плане, чаще всего изготовленные из расколотых трубчатых костей.

Подтип 1. Широкие симметричные острия удлинённых пропорций – 1 экз. У единственного экземпляра данного подтипа по центру проходит желобчатая выемка, сужающаяся по мере приострения изделия, основание округленное, с овальным отверстием. Длина острия – 16,7 см, ширина – 1,3 см (рис. 1, *1*).

Подтип 2. Широкие симметричные острия коротких пропорций – 7 экз. (рис. 1, *2–8*). Полностью сохранилось только одно острие, поэтому нам известна лишь одна разновидность основания – слегка выпуклое (рис. 1, *5*). У одного изделия отсутствуют оба конца (рис. 1, *2*). У двух острий имеется желобчатая выемка в центре, глубиной 1,0 и 0,2 см (рис. 1, *2,3*). Длина изделий данного подтипа варьирует от 5,8 до 9,5 см, ширина – от 1,1 до 2,1 см.

Подтип 3. Широкие асимметричные острия коротких пропорций (изделия, подобные остриям 2-го подтипа, только асимметричные) – 1 экз. У имеющегося острия основание обломлено. Длина – 8,6 см, ширина – 1,1 см (рис. 1, *9*).

Подтип 4. Узкие острия (изделия шириной менее 1 см) – 2 экз. У всех имеющихся орудий данного подтипа сломано основание, на одной стороне проделана желобчатая выемка по центру. Размеры изделий – 5,1 × 0,8 (рис. 1, *10*) и 8,7 × 0,8 см (рис. 1, *11*).

Тип 2. Слегка подработанные кости или рога – 4 экз. К данному типу отнесены изделия, обработка которых сведена к минимуму, они сохраняют внешний облик исходного материала почти без изменений.

Подтип 1. Короткие острия (длиной до 10 см) из кости – 3 экз. У всех имеющихся изделий сохранились эпифизы костей, которые выполняли роль рукояти. Противоположный им конец приострялся и пришлифовывался (рис. 1, *13–14*). Длина – 8,5 и 9,5 см, ширина – 2,9 и 2,6 см. Одно из острий выполнено из рога (рис. 1, *15*). Длина – 8,5 см, диаметр у основания – 1,5 см.

Подтип 2. Длинные острия (длиной более 10 см) – 1 экз. Орудие изготовлено из расколотой грифельной кости птицы, пришлифованной и приострённой. Острие не сохранилось. Длина изделия – 12,5 см, ширина – 1,8 см (рис. 1, *12*).

Тип 3. Грубые, трапециевидные в поперечном сечении, узкие приострённые стержни – 3 экз. (рис. 1, *16–18*). Все острия данного типа найдены во 2-м горизонте 2-го слоя поселения Большая Канга-2. Отличаются грубостью обработки. Один конец у них приострён, другой – уплощен. Возможно, это заготовки для игловидных острий. У самого большого изделия сохранились поперечные сколы на одной из граней, что позволяет представить начальные стадии обработки кости (рис. 1, *16*). Длина – 11,4 – 12,5 см, ширина – 0,8–1,0 см.

Тип 4. Игловидные острия – 33 экз. Самый многочисленный тип острий. Он разделяется на три подтипа.

Подтип 1. Прямые острия с желобчатой выемкой в центре – 3 экз. Два изделия обнаружены в могильнике Дурой (погр. № 1), одно – во 2-м горизонте 2-го слоя поселения Большая Канга-2. Дуройские изделия (рис. 1, *19–20*) имеют одинаковую длину (12,2 см) и ширину (0,6 см). Оба расширяются к обломленным основаниям. У кангинского острия обломлены оба конца, причём значительно. Длина сохранившейся части – 7,6 см, ширина – 0,6 см.

Подтип 2. Прямые игловидные острия без желобчатой выемки – 17 экз. (рис. 1, *21–32*). Для изготовления использовали подтреугольные в поперечном сечении стержни. У них обтачивали торцы, постепенно округляя изделия. Это влияло на поперечное сечение острий: большинство принадлежит к «завершённым», с округлым поперечным сечением – 11 экз. (рис. 1, *21–23, 28–31*), но встречаются изделия с подтреугольным – 5 экз. (рис. 1, *24–26, 32*) и овальным – 1 экз. (рис. 1, *27*) се-

чениями. К одному концу они утолщены. У орудий могли заостряться: только утолщённый край – 3 экз. (рис. 1, *29*); только тонкий – 2 экз. (рис. 1, *30*); и тот, и другой – 5 экз. (рис. 1, *22–23, 26–27, 31*); один или оба конца обломлены у 7 экз. (рис. 1, *21, 24–25, 28, 32*). Длина изделий – 6,2 – 15,3 см, ширина – 0,5 – 0,7 см.

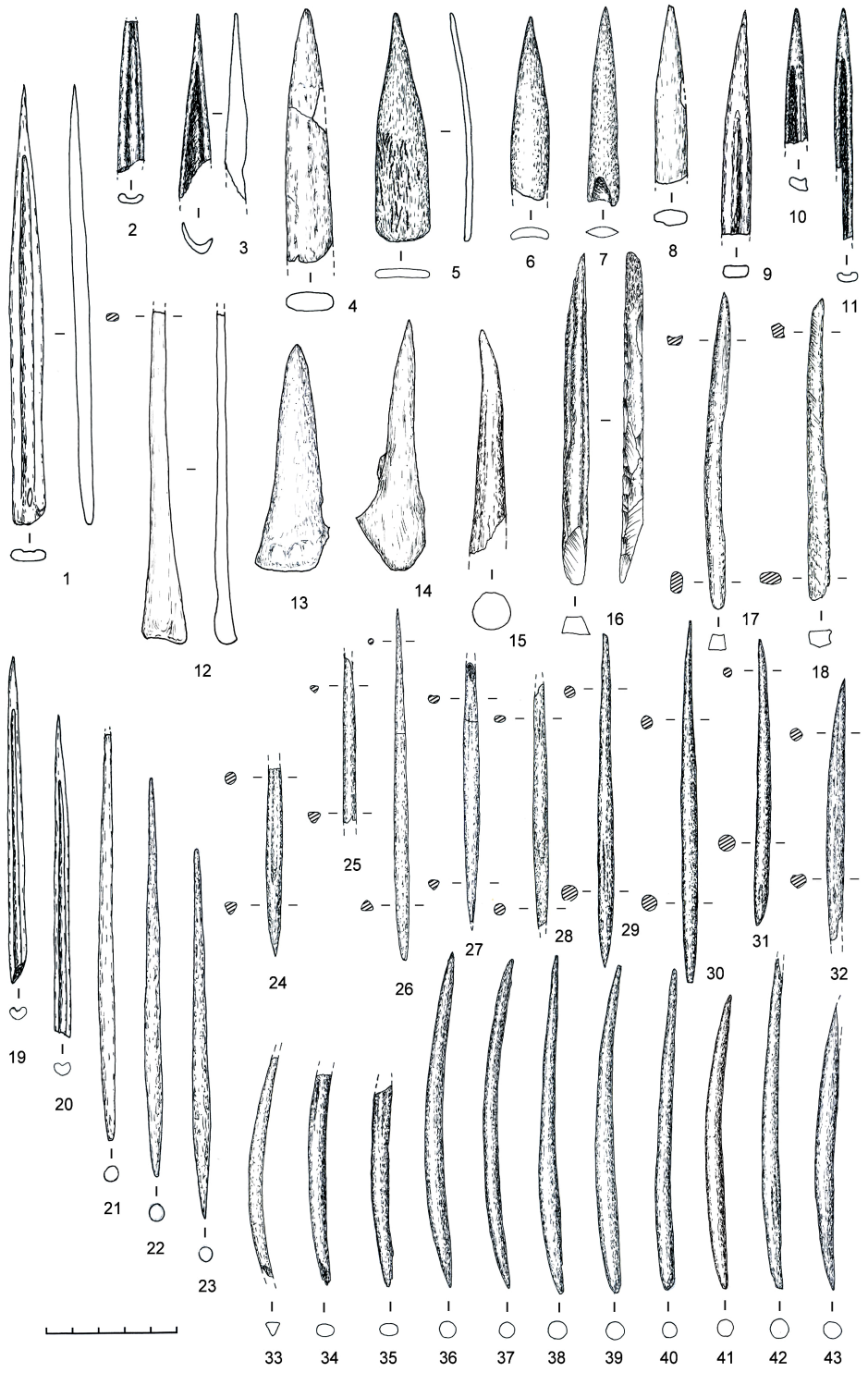

Рис. 1. Поселение Дурой, слой 3–12; могильник Дурой – 1, 4, 8–9, 13–14, 19–21; Большая Канга, поселение 1, слой 2, горизонт 1 – 2; Большая Канга, поселение 2, слой 2, горизонт 2–3, 5–6, 10–11, 16–18, 29–32, 34–43; Большая Канга, погребения на территории поселения 2 (слой 2, горизонт 2) – 7, 24–28, 33; Большая Канга, могильник 3 – 15; Зоргол, могильник 2 – 22–23. 1 – 43 – острия

Подтип 3. Вогнутые игловидные острия – 13 экз. (рис. 1, *33–43*). У 10 изделий поперечное сечение округлое (рис. 1, *36–43*), у двух – овальное (рис. 1, *34–35*), у одного – подтреугольное (рис. 1, *33*). Шесть острий сохранились полностью. Они утолщены к одному концу, у двух из них заострены оба конца (рис. 1, *36–37*), у четырёх – только более тонкий (рис. 1, *38–41*). У остальных семи острий (рис. 1, *33–35, 42–43*) обломлены один или оба конца. Длина изделий – 7,6 – 12,7 см, ширина – 0,5 – 0,7 см.

Иглы – 3 экз. К данному виду изделий отнесены острия, внешне напоминающие современные иглы. Они найдены только в погребениях. Можно выделить два типа игл.

Тип 1. Длинные (иглы длиной более 5 см) – 1 экз. Такое изделие (рис. 2, *2*) было обнаружено в могильнике Дурой (погр. № 5). Игла в поперечном сечении круглая, имеет овальное ушко. Длина – 9,2 см, ширина – 0,2 см.

Тип 2. Короткие (длина меньше 5 см) – 2 экз. Одна такая игла найдена в погр. № 2 на территории поселения Большая Канга-2 (рис. 2, *3*). Это плоское изделие с обломанным острием, с круглым отверстием для нити, диаметром 0,1 см. Длина изделия – 2,3 см, ширина – 0,2 см. Другая игла (рис. 2, *4*) обнаружена в могильнике Зоргол-2 (погр. № 6). Она круглая в поперечном сечении, без ушка, один конец приострён. Длина – 3,7 см, ширина – 0,3 см.

Игольницы – 1 экз. К данному виду изделий отнесена находка из могильника Дурой (погр. № 5). Это птичья кость без следов дополнительной обработки, которая служила подставкой для игл. Об этом свидетельствует найденная рядом с ней игла. Длина игольницы – 11,9 см, ширина – 2,5 см (рис. 2, *1*).

Игольники – 1 экз. Орудие (рис. 2, *5*) обнаружено в могильнике Дурой (погр. № 2). Оно представляет собой полую трубку, изготовленную из трубчатой кости животного (длина – 14,7 см, ширина – 1,8 см). На одном конце имеется два небольших отверстия на расстоянии 0,5 см друг от друга. Внешняя поверхность изделия орнаментирована прорезными линиями, расположенными двумя горизонтальными полосами. Узор состоит из вертикальных полос, по обе стороны от которых прочерчены сужающиеся к середине столбики. Полосы и столбики заполнены параллельными горизонтальными штрихами. Пояса узора разделены поперечными линиями, такие же линии окантуривают изделие сверху и снизу.

Заготовки игольников – 3 экз. Заготовки игольников обнаружены только на поселениях (Дурой, слой 2; Большая Канга-2, слой 2, горизонт 2). Они представляют собой трубчатые кости птиц с разной степенью обработки эпифизов (рис. 2, *6–8*). На одной из заготовок из поселения Большая Канга-2 (рис. 2, *7*) имеется восемь поперечных насечек (3 длинных и 5 коротких). Длина изделий – 6,7–9,1 см, ширина – 0,7 – 1,3 см.

Наконечники копий – 1 экз. Наконечник (рис. 2, *9*) найден в могильнике Зоргол-2 (погр. № 6). Он имеет удлинённо-приострённую форму, напоминающую форму игловидных острий, поперечное сечение – овальное. В профиль изделие слегка изогнуто. С двух сторон пропилены пазы глубиной 0,10–0,15 см. В этой части изделие уплощено. Насад округлый в поперечном сечении, без пазов, к концу сужается, длина – 9 см. Верхняя часть, длиной 4,5 см, заострена и не имеет прорезей. Длина изделия – 43,5 см, ширина – 1,3 см.

Наконечники дротиков – 6 экз. К данному виду изделий отнесены линзовидные в плане, обоюдоострые орудия, овальные в поперечном сечении, которые уплощались с одной стороны. Они найдены как на поселении Большая Канга-2 (рис. 2, *10*), так и в погребении на его территории (рис. 2, *11*), а также в могильниках Дурой (погр. № 1) (рис. 2, *13–14*) и Большая Канга-3 (погр. № 2) (рис. 2, *12*). Название условное, возможно, что эти орудия употреблялись как острия для прокалывания чего-либо, могли служить заготовками каких-то орудий. Длина – от 12 до 21 см, ширина – от 1,1 до 2,1 см. Экземпляр из погр. № 1 на территории поселения Большая Канга-2 более плоский и широкий, чем выделяется на общем фоне (размеры: 12,1 × 2,1 см).

Наконечники стрел – 6 экз. Большинство наконечников стрел (5 экз.) были обнаружены в могильнике Дурой (погр. № 1, 9, 16), и только один (тип 6) – в могильнике Зоргол-2 (погр. № 6). В материалах стоянок выявлены не были. Наконечники представлены 6 типами.

Тип 1. Наконечники с четырёхгранным в сечении пером и уплощённым с двух сторон удлиненным насадом – 1 экз. Длина – 10,5 см, ширина – 1,5 см (рис. 2, *19*).

Тип 2. Наконечники с четырёхгранным в сечении ланцетовидным пером и косо срезанным с двух сторон насадом – 1 экз. Длина – 7,8 см, ширина – 0,9 см (рис. 2, *18*).

Тип 3. Наконечники с четырёхгранным в сечении пером, с продольным желобом на одной стороне и небольшим черешком (длина – 1,3 см) – 1 экз. Длина изделия – 8,5 см, ширина – 1,6 см (рис. 2, *16*).

Тип 4. Боеголовковые наконечники с выделенной четырёхгранной в сечении ударной головкой (длина её – 2 см), с длинным косо срезанным с двух сторон насадом – 1 экз. Длина – 7,4 см, ширина – 0,8 см (рис. 2, 15).

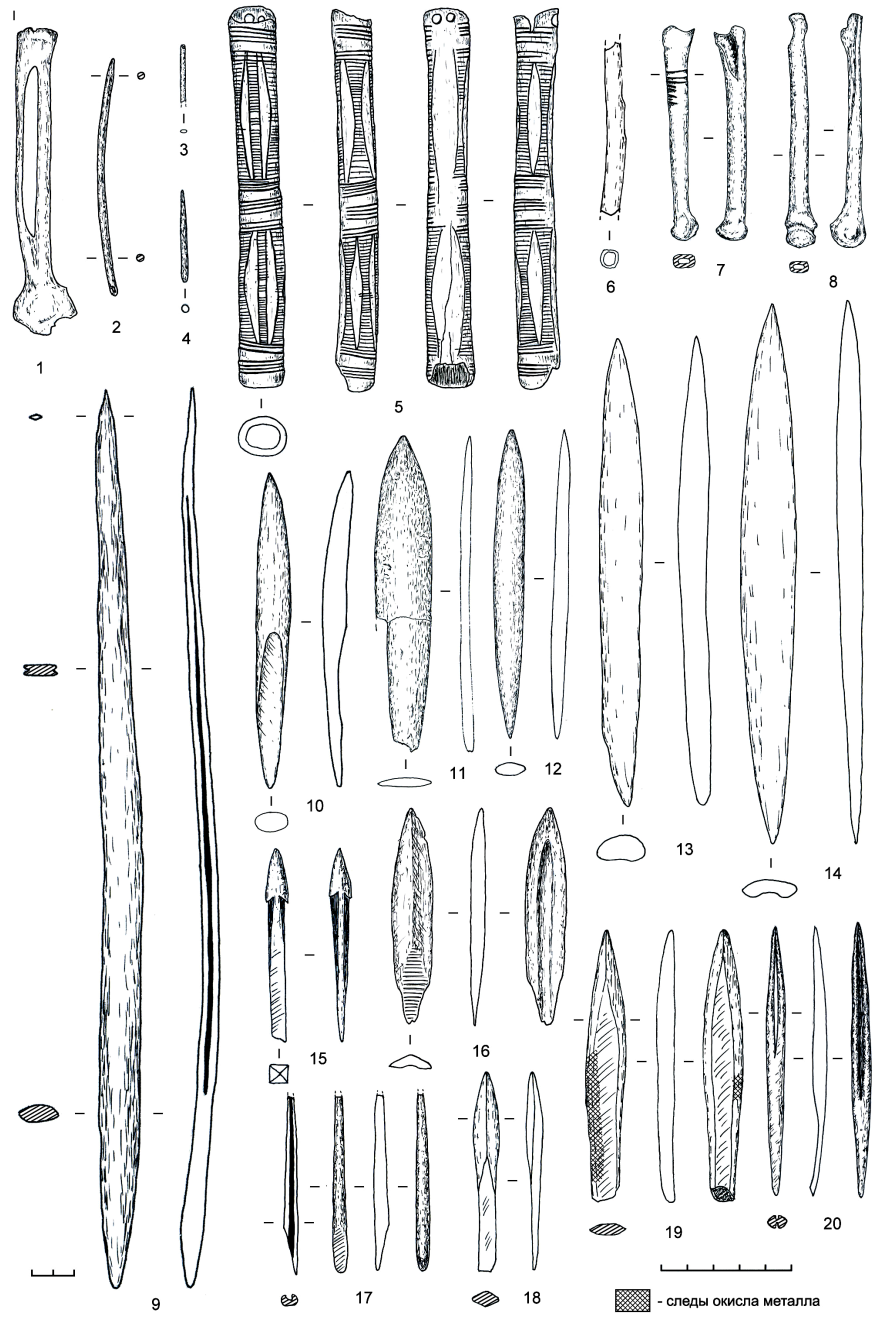

Рис. 2. Поселение Дурой, слой 2 – 6; могильник Дурой – 1–2, 5, 13–19;
Большая Канга, поселение 2, слой 2, горизонт 2 – 7, 8, 10;
Большая Канга, погребения на территории поселения 2 (слой 2, горизонт 2) – 3, 11;
Большая Канга, могильник 3 – 12; Зоргол, могильник 2 – 4, 9, 20.
1 – игольница, 2–4 – иглы, 5 – игольник, 6–8 – заготовки игольников, 9 – наконечник копья,
10–14 – наконечники дротиков, 15–20 – наконечники стрел

Тип 5. Узкие игловидные наконечники с округлым в сечении пером, с овальным односторонне уплощенным насадом, с продольным пазом по одной стороне, куда могли вставляться вкладные лезвия – 1 экз. Длина – 7 см, ширина – 0,5 см (рис. 2, *17*).

Тип 6. Линзовидные в плане наконечники с овальным в поперечном сечении пером, с приострённым уплощённым с одной стороны насадом – 1 экз. Перо с двух сторон имеет пазы, пропиленные по центральной оси, глубиной 0,15 см. Длина их отличается – 5,2 и 7 см. Длина изделия – 10,5 см, ширина – 0,7 см (рис. 2, *20*).

Обкладки лука – 16 экз. Это второй по численности вид определимых изделий. Они обнаружены как на поселениях (в 1-м и 2-м горизонтах 2-го слоя поселения Большая Канга-2, в 3-м слое поселения Дурой), так и в погребениях (погр. № 5 могильника Дурой, погр. № 6 могильника Зоргол, а также погр. № 1 на территории поселения Большая Канга-2). На поселении Дурой обкладки были обнаружены среди скопления костяных пластин со следами обработки. Имеющихся находок недостаточно, чтобы реконструировать хотя бы один лук полностью. По особенностям формы обкладки были разделены на два типа.

Тип 1. Широкие обкладки (ширина изделий – 2 см и больше) – 5 экз. У трёх обкладок один край закруглён, второй обломлен, у одной из них сохранилась только срединная часть. Все пластины сохраняют естественный изгиб кости (рис. 3, *1, 2*). Одна обкладка сохранилась полностью, центральная часть у неё заужена (рис. 3, *3*). Длина обкладок – 7,2–13,6 см, ширина – 2,2–3,7 см.

Тип 2. Узкие обкладки (ширина изделий – менее 2 см) – 11 экз. У пяти изделий сохранился один конец, он у всех закруглён (рис. 3, *6–7, 9*), а у четырёх ещё дополнительно приострён (рис. 3, *6, 9*). У шести орудий осталась целой только центральная часть (рис. 3, *4–5, 8*). Длина изделий от 6,7 до 24,7 см, ширина – 0,8–1,9 см.

Заготовки ножей – 1 экз. На поселении Большая Канга-2 (слой 2, горизонт 2) найдена заготовка ножа из кости (рис. 3, *10*). У выпрямленного ребра животного краевыми сколами образована рукоять, выровнена поверхность лезвия, но паз ещё не пропилен. Длина – 25,1 см, ширина – 3,2 см, длина рукояти – 9 см.

Вкладышевые ножи (основы) – 5 экз. Основы для вкладышевых ножей найдены во 2-м горизонте 2-го слоя поселения Большая Канга-2 (1 экз.), а также в погребениях: № 1 и № 5 могильника Дурой, № 6 могильника Зоргол-2, № 2 могильника Большая Канга-3. Все они изготовлены из расщеплённых костей животных, повторяют изгиб исходного материала. Можно выделить три типа ножей.

Тип 1. Прямые ножи, с закруглённой рукоятью – 2 экз. В плане такие орудия вытянутотреугольные, линзовидные в поперечном сечении. Рукоять специально не выделяется, на конце имеется небольшое округлое отверстие (диаметр – 0,5 – 0,6 см). Данные ножи можно разделить на два подтипа.

Подтип 1. Двулезвийные ножи – 1 экз. Острие орудия притуплено. К отверстию на рукояти с одной стороны по центру пропилен желоб шириной 0,9 см. Пазы глубиной 0,2 см пропилены по всей длине с двух торцов. Длина изделия – 23,5 см, ширина – 2,5 см (рис. 3, *11*).

Подтип 2. Однолезвийные ножи – 1 экз. Остриё ножа обломано. Паз глубиной 0,2 см пропилен с одного из торцов, его длина – 12,6 см. Длина изделия – 19,4 см, ширина – 2 см (рис. 3, *12*).

Тип 2. Прямые ножи, рукоять которых имеет шляпковое навершие – 2 экз. У таких орудий рукоять от лезвия специально не отделялась. С одного из торцов пропиливался паз глубиной 0,3 см. Один из углов основания обломлен или сточен. У ножа из поселения Большая Канга-2 (рис. 3, *13*) рукоять почти равна лезвию (7,4 и 9,1 см), в профиль он изогнут, у дуройского экземпляра (рис. 3, *14*) лезвие намного больше рукояти (17,7 и 6,3 см), в профиль изделие прямое, конец лезвия приострён. Длина изделий – 16,5 и 24 см, ширина (без навершия) – 2,5 и 2,4 см.

Тип 3. Вогнутообушковые ножи с широкой рукоятью – 1 экз. Лезвие выпуклое, его длина больше, чем у рукояти (13 и 7 см). Через плавно расширяющуюся рукоять по одной стороне проходит жёлоб. С одного из торцов от самого острия пропилен паз глубиной 0,4 см. В оправе сохранились четыре вкладыша. Они были обработаны с двух сторон струйчатой ретушью по всей поверхности. Один выполнен из кремня (длина – 3,2 см), три – из халцедона (длина – 1,8; 3; 5 см). Паз заполнен вкладышами не полностью (длина паза – 16,2 см). Длина изделия – 20 см, ширина – 3,3 см (рис. 3, *15*).

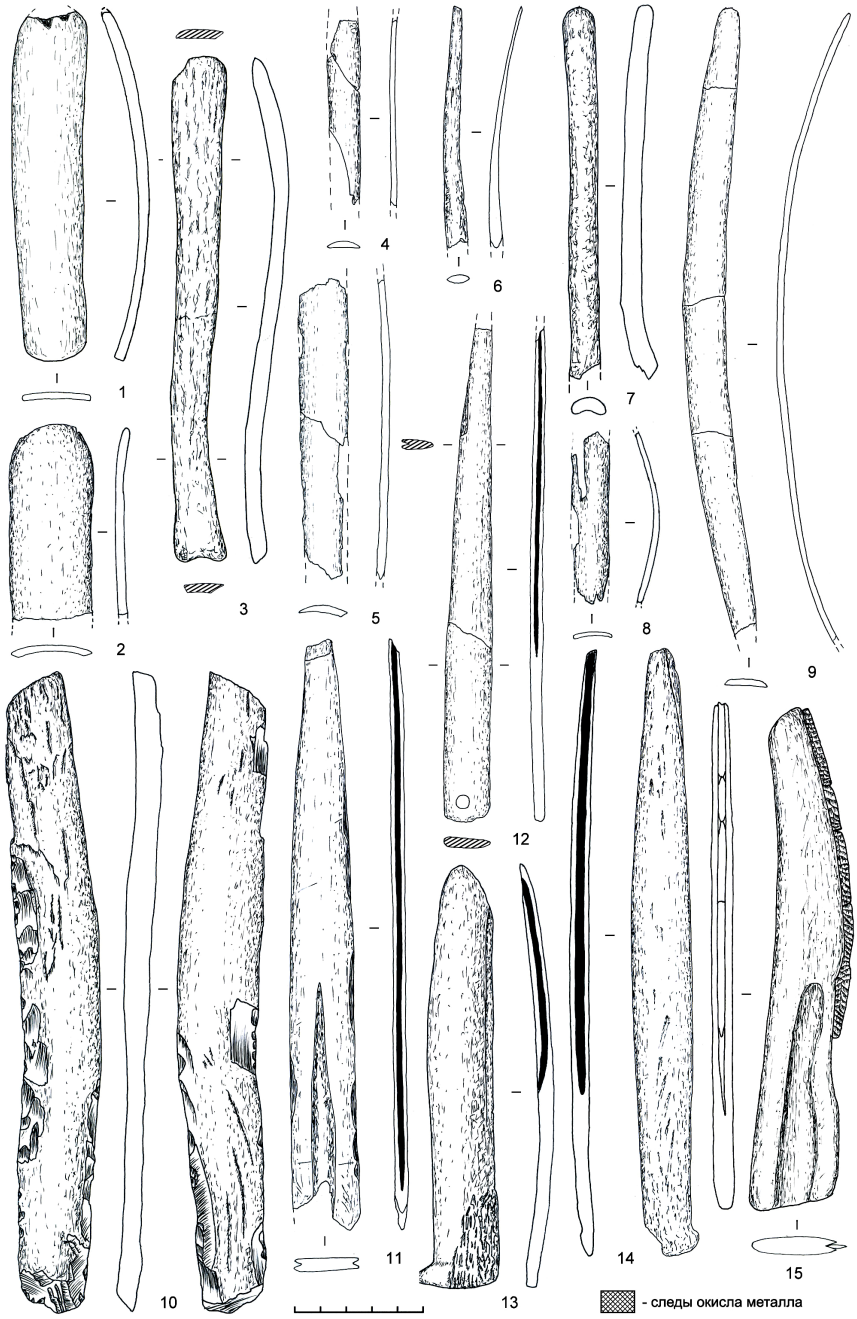

Рис. 3. Поселение Дурой, слой 3 – 9; могильник Дурой – 1, 14–15;
Большая Канга, поселение 1, слой 2, горизонт 1 – 5; Большая Канга, поселение 2, слой 2, горизонт 2 – 2, 8, 10, 13; Большая Канга, погребения на территории поселения 2 (слой 2, горизонт 2) – 4;
Большая Канга, могильник 3 – 12; Зоргол, могильник 2 – 3, 6–7, 11;
1–9 – обкладки лука, 10 – заготовка ножа, 11–15 – вкладышевые ножи (основы)

Гарпуны – 4 экз. Данные орудия изготавливались из кости (3 экз.) и рога (1 экз.) животных. Гарпуны найдены как на поселениях (2-й горизонт 2-го слоя поселения Большая Канга-2 – 2 экз.), так и в погребениях (могильник Дурой (погр. № 1), могильник Зоргол-2 (погр. № 6)). Лишь один из них сохранился полностью, у двух нет основания, у одного остался только насад, поэтому выделение типов весьма условно.

Тип 1. Двусторонние гарпуны с хорошо выраженными клювовидными зубьями, овальные в поперечном сечении, основание не сохранилось – 2 экз. У одного 13 зубьев располагались симметрично по всей длине изделия, острия пяти из них обломаны. Длина изделия – 15,2 см, ширина – 2,7 см

(рис. 4, *1*). У второго орудия сохранилось 5 зубьев, расположенных попеременно. Длина – 5,8 см, ширина – 2,1 см (рис. 4, *2*).

Тип 2. Двусторонние гарпуны со слабовыраженными зубьями и округлым утолщённым насадом, овальные в поперечном сечении – 1 экз. Клювовидные зубья располагались почти симметрично по отношению друг к другу. Четыре из них четко просматриваются, а два только намечены. Длина – 8,8 см, ширина – 1,3 см (рис. 4, *3*).

Тип 3. Плоские гарпуны с приострённым насадом, отделённым от тела изделия боковыми выступами – 1 экз. У имеющегося гарпуна данного типа сохранился только насад. Длина – 4,1 см, ширина – 1,5 см (рис. 4, *4*).

Рыболовные крючки – 1 экз. Острие от рыболовного крючка (рис. 4, *5*) было найдено в могильнике Зоргол-2 (погр. № 6). Оно плоское в поперечном сечении, треугольное в плане. Длина – 1,5 см, ширина – 1,3 см.

Блесны – 2 экз. Такие орудия были найдены в могильнике Большая Канга-3 (погр. № 2 и № 8). Они выполнены из вогнутых костяных пластин. По форме разделяются на два типа.

Тип 1. Подпрямоугольные блесны – 1 экз. Изделие изготовлено из округлённой пластины, слегка расширяющейся к одному краю. В углах узкого края проделаны два сквозных цилиндрических отверстия, ещё два вырезаны по центру напротив, они расположены друг над другом. Длина изделия – 7 см, ширина – 3,5 см. Диаметр отверстий – 0,4 см (рис. 4, *6*).

Тип 2. Овальные блесны – 1 экз. Изделие изготовлено из овальной пластины, по одной стороне которой прочерчены две пересекающиеся линии. Возле одного узкого края просверлено сквозное отверстие, с противоположного края – ещё две пары (диаметр отверстий – 0,3 см). Длина изделия – 8,4 см, ширина – 3,3 см (рис. 4, *7*).

Долотовидные инструменты – 1 экз. Долотовидное орудие (рис. 4, *11*) найдено в могильнике Дурой (погр. № 9). Оно изготовлено из расщеплённой трубчатой кости, остатки эпифиза использовались как рукоять, противоположный конец приострён и округлён. Длина – 13,2 см, ширина – 1,6 см.

Кинжаловидные острия – 1 экз. Близкие к предыдущей группе орудия, у которых рабочий край также приострён и округлён, однако по размерам они более массивные. Изделие (рис. 4, *17*) обнаружено в могильнике Дурой (погр. № 9). Изготовлено из расщеплённой трубчатой кости животного, округлый рабочий край уплощён и пришлифован, у противоположного края проделано сквозное отверстие овальной формы (0,5 х 0,8 см). С одной стороны по центру проходит продольная желобчатая выемка. Длина изделия – 22,5 см, ширина – 3,5 см.

Лощила – 3 экз. К данному виду изделий отнесены орудия различной формы, у которых имелись участки заполированности на одной из сторон. Такие изделия были обнаружены в могильнике Дурой (погр. № 1) и 2-м горизонте 2-го слоя поселения Большая Канга-2. Дуройское лощило (рис. 4, *16*) представляет собой длинный стрежень, один из концов имеет следы заполированности. В центральной части изделие немного утончено, видимо, чтобы удобнее держать в руке. Длина – 25 см, ширина – 1,2 см. Одно лощило из поселения Большая Канга-2 (рис. 4, *25*) было изготовлено из расщеплённой трубчатой кости животного, естественный изгиб кости позволял использовать её как рукоять. Один конец изделия уплощён и пришлифован. Длина – 14,3 см, ширина – 1,9 см. Другое лощило из Большой Канги (рис. 4, *15*) было изготовлено из рога, одна сторона которого была выровнена и пришлифована, другая сохраняла естественную поверхность. Длина – 15,3 см, ширина – 1,2 см.

Штампы – 5 экз. В нашем распоряжении пять изделий, которые могли использоваться для нанесения орнамента. Большая часть их найдена на поселении Большая Канга-2 (4 экз.), одно обнаружено в могильнике Дурой (погр. № 9). Можно выделить два типа данных орудий.

Тип 1. Объёмные штампы из трубчатых костей – 3 экз. Один штамп найден в 1-м горизонте 2-го слоя поселения Большая Канга-2 (рис. 4, *8*), два других – во 2-м горизонте 2-го слоя того же поселения (рис. 4, *9–10*). Такие штампы изготавливались следующим образом: у трубчатой кости откалывался один эпифиз (в двух случаях диагональным, в одном случае прямым сколом), осторожно отпиливался противоположный эпифиз, затем кость либо раскалывали вдоль на две части, либо оставляли как есть, далее пришлифовывался прямой рабочий край. Длина изделий – 7,7–10 см, ширина – 1,3–1,5 см.

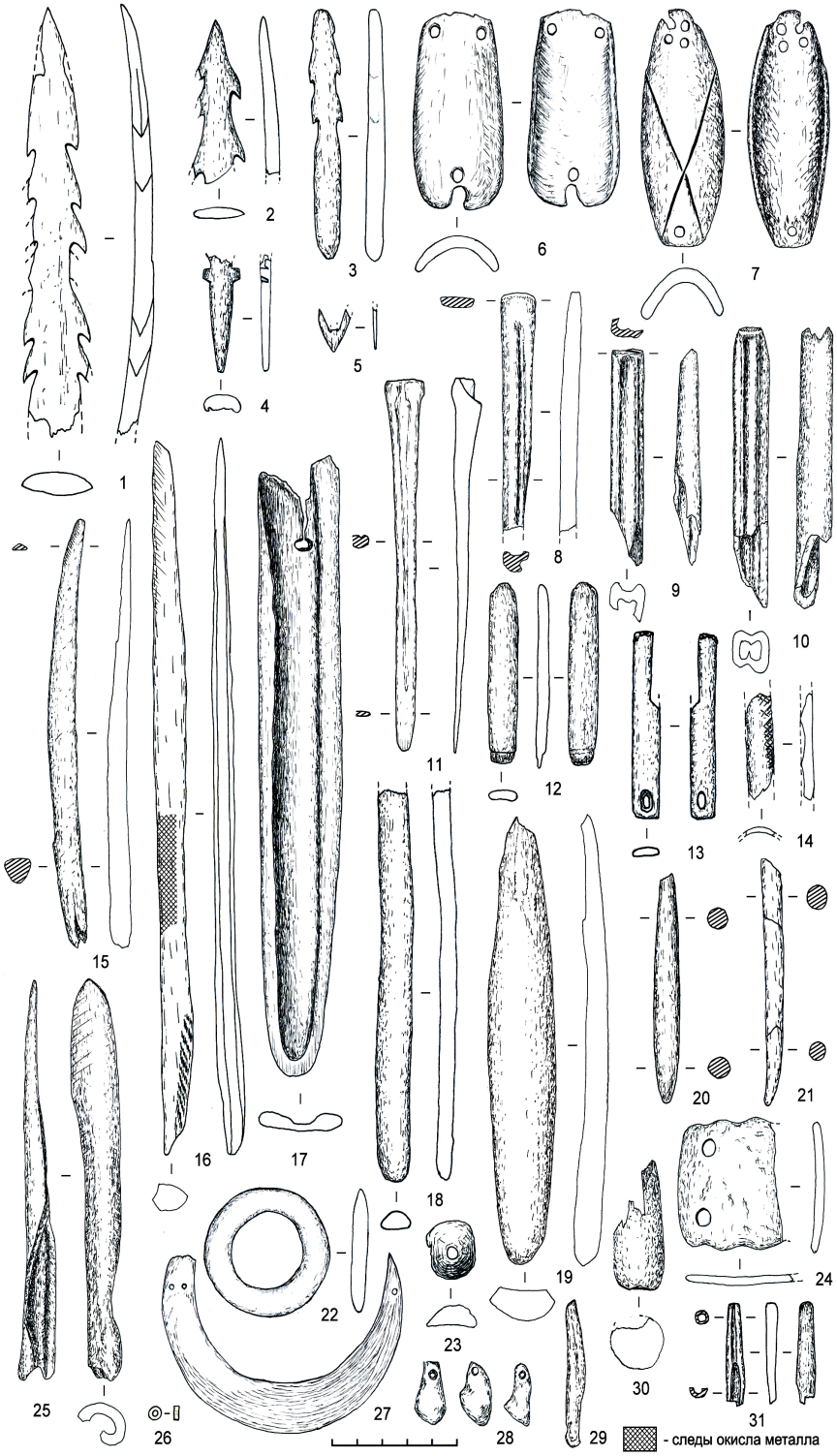

Рис. 4. Могильник Дурой – 1, 11, 12,16–17, 20–21, 31; Большая Канга, поселение 1, слой 2, горизонт 1 – 8, 14; Большая Канга, поселение 2, слой 2, горизонт 2 – 2, 4, 9–10, 13, 15, 18, 23, 25; Большая Канга, погребения на территории поселения 2 (слой 2, горизонт 2) – 26, 30; Большая Канга, могильник 1 – 24; Большая Канга, могильник 3 – 6–7, 19, 22, 27–28; Зоргол, могильник 2 – 3, 5, 29. 1–4 – гарпуны, 5 – рыболовный крючок, 6–7 – блесны, 8–10, 12–13 – штампы, 11 – долотовидный инструмент, 14 – орнаментированная пластинка, 15–16, 25 – лощила, 17 – кинжаловидное острие, 18–21 – отжимники, 22 – кольцо, 23 – коническая подвеска, 24 – пряжка, 26 – бусина, 27 – расщепленный клык кабана, 28 – подвески из клыков марала, 29 – поделка из рыбьей косточки, 30 – фрагменты рукоятей, 31 – полый стержень

Тип 2. Плоские штампы – 2 экз. Плоские костяные стержни, подпрямоугольные в поперечном сечении. У одного прямой рабочий край образован небольшими сколами, на противоположном конце сделано овальное отверстие (рис. 4, *13*). У второго штампа рабочий край более гладкий, пришлифованный (рис. 4, *12*). Длина изделий – 6,5 см, ширина – 1 и 1,2 см.

Отжимники – 4 экз. Один отжимник найден во 2-м горизонте 2-го слоя поселения Большая Канга-2, три другие обнаружены в погребениях: в могильнике Дурой (погр. № 2 и № 9) и Большая Канга-3 (погр. № 9). Они представляют собой прямые (2 экз.) или изогнутые (2 экз.) стержни из кости (3 экз.) или рога (1 экз.), округлые (3 экз.) или овальные (1 экз.) в поперечном сечении. Один конец у них притуплен. Длина – 8,1 – 16 см, ширина – 0,8 – 2,7 см (рис. 4, *18–21*).

Пряжки – 1 экз. Два фрагмента пряжки с волнистыми краями найдены в могильнике Большая Канга-1 (погр. № 2). Возле одного края имеются два отверстия диаметром 0,5 см. Длина сохранившихся элементов 4 и 2 см, ширина – 4,7 см (рис. 4, *24*).

Подвески – 10 экз. В данную группу объединены предметы украшений с различными отверстиями, которые позволяли использовать такие изделия в качестве подвесок или нашивать на одежду. Их можно разделить на два типа.

Тип 1. Конические подвески – 1 экз. К этому типу отнесены поделки в виде полого конуса с отверстием в центре. Такая подвеска найдена во 2-м горизонте 2-го слоя поселения Большая Канга-2 (рис. 4, *23*). Ширина изделия – 2,1 см, диаметр отверстия – 0,4 см.

Тип 2. Подвески из клыков марала – 9 экз. Клыки марала с отверстиями обнаружены только в погребениях Кангинского комплекса: 3 экз. – в погр. № 1 (рис. 4, *28*) и 1 экз. – в погр. № 3 на территории поселения Большая Канга-2, а также 5 экз. – в одиночном погребении, раскопанном в 1994 г. Три из них фрагментированы, шесть – целые.

Расщеплённые клыки кабана – 2 экз. В могильнике Большая Канга-3 (погр. № 2) найдены два расщеплённых клыка кабана (рис. 4, *27*). В них было просверлено по одному отверстию на узком конце и по два на широком. Длина изделий – 9,7 и 8,2 см.

Кольца – 1 экз. Плоское кольцо, овальное в поперечном сечении, найдено в погр. № 2 могильника Большая Канга-3 (рис. 4, *22*). Размеры изделия – 5 х 4,6 см, диаметр отверстия – 3 см.

Бусы – 1 экз. Бисерная бусина с отверстием диаметром 0,2 см найдена в погр. № 3 на территории поселения Большая Канга-2 (рис. 4, *26*). Диаметр изделия – 0,5 см, толщина – 0,2 см.

Неопределимые изделия – 49 экз. Назначение довольно большой группы орудий из кости определить не представляется возможным. В материалах поселений к ним отнесены 4 изделия, в погребениях – 45.

В большом числе представлены трех- и четырёхугольные в поперечном сечении стержни, все грани которых пришлифованы. Широко распространены элементы расщеплённых и подработанных ребер животных, трубчатые кости со следами обработки. Также найден фрагмент изделия с пропиленным пазом.

Два изделия, вытянутоовальные в плане и уплощённые с одной стороны, сохранились полностью, но определить их функциональное назначение не представляется возможным (одно из 2-го слоя поселения Большая Канга-1, второе – из погр. № 9 могильника Большая Канга-3). Одно из неопределимых изделий было орнаментировано (рис. 4, *14*). Это фрагмент подпрямоугольной пластинки (3,8 х 1,1 см) из тонкой расщеплённой трубчатой кости, на которой были прочерчены пересекающиеся косые насечки. В погр. № 9 могильника Дурой был найден полый конический стержень из трубчатой кости птицы, расширяющийся к одному концу, длина – 3,6 см, ширина – 0,7 см (рис. 4, *31*). В погр. № 1 на территории поселения Большая Канга-2 было найдено два костяных изделия цилиндрической формы, круглые в поперечном сечении, верхняя часть которых не сохранилась, возможно, это рукояти каких-то орудий (рис. 4, *30*). Их длина – 3,5 и 4,6 см, ширина – 2 см. Две поделки представляли собой слегка подправленные рыбьи косточки, они могли использоваться как ретушёры (2-й горизонт 2-го слоя поселения Большая Канга-2 и погр. № 6 могильника Зоргол-2 (рис. 4, *29*)). Их длина – 3,7 и 5,4 см, ширина – 0,7 см.

Таким образом, как видно из представленного материала, в нашем распоряжении

как готовые изделия, так и различные заготовки, которые позволяют проследить основные этапы обработки кости. Чаще всего для изготовления орудий использовались трубчатые кости крупных копытных животных. Они расщеплялись при помощи долевых распилов, при необходимости отделялись эпифизы. Затем кость обрабатывалась сколами ретуши подобно каменным изделиям. Ярким примером является заготовка вкладышевого ножа из 2-го горизонта 2-го слоя поселения Большая Канга-2. Фасетки сколов имеются также на одном из штампов и на одном из острий из того же памятника. После оббивки изделия могли шлифоваться, полироваться, иногда просверливались округлые отверстия. Со временем, видимо, для изготовления орудий труда стали применять металл, о чем свидетельствуют следы его окислов на поверхности трёх изделий из могильника Дурой (рис. 2, *19*; 3, *14*; 4, *16*). Это обстоятельство значимо ещё и потому, что изделий из металла в рассматриваемых памятниках обнаружено не было, и наличие таких следов – одно из доказательств знакомства населения с новым материалом.

Самое большое количество изделий из кости найдено во 2-м горизонте 2-го слоя поселения Большая Канга-2 (47 экз.) и в могильнике Дурой (45 экз.), для них же свойственно и значительное разнообразие ассортимента орудий: 12 и 15 видов соответственно, тогда как в остальных памятниках это число не превышает 10. Необходимо отметить, что значительная часть находок из поселения Большая Канга была сосредоточена в ямке-кладовочке (31 изделие из 47). В погребениях изделия из кости распределены неравномерно. В восьми их нет вообще, в четырёх – от 14 до 31 экз., в одиннадцати остальных – менее 10 экз. Больше всего находок в погр. № 6 могильника Зоргол-2 – 31 экз. Определенного набора изделий, характерного для погребальных памятников, не прослеживается. Острия, наконечники дротиков, обкладки лука, основы вкладышевых ножей, гарпуны, лощила, штампы, отжимники, подвески (9 из 24 определимых видов изделий) встречаются и в могильниках, и на поселениях. В целом, ассортимент изделий, обнаруженных в погребениях, намного разнообразнее, здесь насчитывается 23 вида предметов, тогда как на поселениях – 12.

Если условно разделить имеющиеся изделия на вооружение, рыболовные снасти, украшения и предметы бытового назначения, то мы увидим, что в первую очередь кость использовалась для изготовления предметов бытового назначения (44 %), во вторую – вооружения (16 %), доля же украшений и рыболовных снастей немного меньше – 9 % и 4 % соответственно. Эти данные в комплексе с особенностями инвентаря из других материалов доказывают, что приаргунские племена занимались охотой, собирательством, дополнением к которым служили рыбная ловля и примитивное земледелие. Изделия из кости сами по себе ничего не говорят об уровне развития скотоводства, но если взять во внимание необработанные кости (находки останков одомашненных лошади, собаки и др.), найденные на поселениях, мы увидим, что и этот вид хозяйственной деятельности был освоен местным населением. Бросается в глаза незначительное число украшений. Одно из объяснений этого – наличие легко поддающегося обработке материала – ракушечника, из которого и изготавливали подобные изделия. В рассматриваемых памятниках найдены подвески, кольца и бусы, изготовленные из раковин пресноводных моллюсков, причём и по количеству и по разнообразию превосходящие аналогичные костяные. Многие типы изделий из кости встречаются в памятниках бронзового века. Для изготовления игл, острий, игольников, ножей, наконечников стал использоваться металл, при этом сохранялись формы изделий, встречающиеся в памятниках каменного века.

Необходимо отметить несколько орнаментированных изделий. Это игольник из погр. № 2 могильника Дурой, пластина из 1-го горизонта 2-го слоя поселения Большая Канга-2, заготовка игольника с насечками из 2-го горизонта 2-го слоя поселения Большая Канга-2, блесна из погр. № 8 могильника Большая Канга-3. Орнамент геометрический, преобладают различные сочетания параллельных линий, но встречаются и пересеченные линии в виде косых крестов. Такие мотивы широко распространены как в неолите Забайкалья и сопредельных районов, так и в раннем бронзовом веке. Это ещё одно свидетельство длительного сохранения традиций обработки кости в условиях вхождения человека в век палеометалла.

Список литературы

1. Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. 208 с.

2. Белова М. А. Костяной инвентарь стоянки и могильников неолита – ранней бронзы Приаргунского комплекса «Большая Канга» // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (материалы XLI Регион. археолого-этнографической студ. конф. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 192–194.

3. Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железные века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. 134 с.

4. Гришин Ю. С. Исследования в районах Юго-Восточного Забайкалья // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 262–263.

5. Гришин Ю. С. Неолитическая стоянка на реке Аргунь // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 81–82.

6. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 203 с.

7. Гришин Ю. С. Полевые исследования в Юго-Восточном Забайкалье // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 206.

8. Дятчина Н. Г. Дуройский могильник – памятник энеолита Забайкалья // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тезисы докладов к XXXVI РАСК. Иркутск, 1996. Ч. 2. С. 52–54.

9. Дятчина Н. Г. Дуройское поселение – многослойный памятник эпохи позднего неолита – ранней бронзы Забайкалья // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тезисы докладов XXXVIII Регион. археолого-этнографической студ. конф., посвященной 90-летию академика А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1998. С. 15–16.

10. Дятчина Н. Г. Каменный инвентарь приаргунских памятников позднего неолита – ранней бронзы // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23). С. 5–13.

11. Дятчина Н. Г. Хозяйственно-бытовые комплексы эпохи неолита – ранней бронзы Юго-Восточного Забайкалья // Культурно-исторические формы поведения человека. Чита, 2003. С. 90–98.

12. Кириллов И. И., Дятчина Н. Г. Хозяйство позднего неолита – ранней бронзы в Нерчинской Даурии (по материалам исследований в Приаргунском районе 1991 –2001 гг.) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ, 2004. С. 13–22.

13. Кириллов И. И., Кириллов О. И., Дятчина Н. Г. Погребальные памятники энеолита и ранней бронзы лесостепной Даурии // Молодая археология и этнология Сибири. XXXIX региональная археолого-этнологическая студ. конф: доклады. Ч. I. Чита, 1999. С. 130–133.

14. Кириллов О. И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 20 с.

15. Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. 248 с.

Статья поступила в редакцию 26.01.2012 г.

УДК 902
ББК Т4(2Р54)

Доржи Мункобаторович Дашилхамаев,
аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, (Чита, Россия), e-mail: ddorzi@mail.ru

Оленные и сторожевые камни Забайкалья[1]

В статье представлены материалы по всем известным оленным камням, выявленным на территории Забайкалья, начиная с середины XIX в. по нынешнее время. Даны описания характера камней и их местонахождения. По особенностям изображений на оленных камнях предпринята попытка определить происхождение этих стел. В статье особое внимание уделяется изучению сторожевых камней, определяемых как коновязи (сэргэ), которые связаны с плиточными могилами. Они являются наиболее слабо изученными каменными изваяниями Забайкалья. Дается их общее описание и классификация, в которой выделяются антропоморфные изваяния и камни с различными рисунками (знаками). Также предлагается выделить сторожевые камни в отдельный вид археологических памятников, отличные от оленных камней.

Ключевые слова: оленный камень, сторожевой камень, коновязь, антропоморфное изваяние, культура плиточных могил.

Dorzhi Munkobatorovich Dashilkhamaev,
Post-graduate Student, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: ddorzi@mail.ru

Deer Stones and Sentry Stones in the Trans-Baikal Region

The article presents the data of all the known deer stones found on the territory of the Trans-Baikal region beginning from the middle of the XIX century up to these days. The character of the stones and their location are described in the article. Attempts have been made to determine the origin of these steles through the peculiar features of images on deer stones. The article focuses on the study of sentry stones termed as tethering posts which are connected with slab tombs (sargah). They are the least studied monuments made of stone in the Trans-Baikal region. The article presents their general description and classification, which points out anthropomorphic monuments and stones with various images (signs). There is a proposition to single out sentry stones as a separate type of archeological monuments different from deer stones.

Keywords: deer stone, sentry stone, tethering post, anthropomorphic monument, the culture of slab tombs.

зью для «священной» лошади и использовался в процессе ритуального богослужения. Памятник исчез после разрушения дацана в начале XX в. В 1988–1989 гг. вновь обнаружен в расколотом виде в фундаменте нового дацана и после реставрации установлен на прежнем месте [12, с. 112–118]. Представляет собой четырёхгранную гранитную плиту серо-коричневого цвета общей высотой 2,69 м (по длинному краю) и шириною сторон 37–10×37–25 см, с односторонне усеченным верхом. Имеет прямоугольное сечение в верхней части и подквадратное в нижней. Подземная часть изваяния уходила вниз на 65 см. Две широкие стороны полностью заполнены изображениями оленей, две другие частично.

[1] Работа выполнена в рамках Государственного задания вуза Минобрнауки РФ, № 6.26.36.2011.

© Д. М. Дашилхамаев, 2012

Оленные камни представляют собой четырёхгранные столбы или подрямоугольные плиты из гранита, мрамора или базальта, поверхность которых покрыта высеченными изображениями оленей, исполненными в характерной стилизованной манере, а также изображениями других животных, оружия и символических знаков. Сторожевые камни – ритуальные изваяния, в виде отесанных столбов или же камней более сложных форм с различными изображениями (знаками), устанавливаемые рядом с плиточными могилами.

Цель статьи – дать развернутую характеристику по всем имеющимся оленным камням Забайкалья. По накопленным данным раскрыть стилистические особенности изображений на камнях. Также дать характеристику сторожевым камням, как особым видам памятников, иным по предназначению и смыслу, чем оленные камни.

Все предпринятые обобщения по оленным камням осуществлялись на материалах регионально ограниченных областей в пределах распространения оленных камней. Особо следует выделить работы В. В. Волкова [1], Э. А. Новгородовой [13] по Монголии. Работы по выявлению оленных камней в Туве и Алтае были проведены В. Д. Кубаревым [9]. Также следует отметить труды Д. Г. Савинова [17] и А. Д. Цыбиктарова [19; 20] по общим вопросам хронологии и культурным процессам, связанным с оленными камнями.

Сведения по оленным камням Забайкалья представлены в виде кратких сведений в обобщающих работах. К таковым относятся труды Н. Н. Дикова [6], Ю. С. Гришина [2; 3], А. П. Окладникова [14; 15], И. И. Кириллова [7]. Сведения о первом оленном камне из Забайкалья дает М. М. Геденштром (1830). Во время сибирской поездки по Забайкалью у Гусиного озера (Селенгинский р-н) он обнаружил оленный камень (рис. 1.1). Не называя его таким принятым сейчас названием, он дал ему следующее описание: «Один достопримечательный столп памятник сего же народа, кажется, остался не замеченным и не описанным. Он стоит в близи Гусиного озера, в нескольких верстах от селенгинского солеваренного завода. Столп сей из цельного гранита, вышиной в две сажени; половина его в земле. Верх представляет выпуклой работы в лице человеческое, по бокам два овальные, также выпукло высеченные украшения». Данное сведение опубликовано Н. Н. Диковым [6, с. 10]. В последствии этот камень был перевезён Н. М. Ядринцевым в Троицкосавский (Кяхтинский) музей, где сейчас и находится. На его боковых гранях отчетливо видны стилизованные фигуры оленей, которые Геденштромом не были отмечены.

Наиболее выразителен в ряду оленных камней Забайкалья – Иволгинский камень (рис. 1.4). Он обнаружен Д. П. Давыдовым в 1855 г. на крупном могильнике между селами Иволгинск и Ключи. На следующий год камень был доставлен в Иркутский музей [4, с. 95]. Подробно описан А. П. Окладниковым [14, с. 207–220]. Подпрямоугольная плита со скошенным верхом 3,5 × 0,9 × 0,2 м, на всех сторонах которой компактно расположены различные изображения по принципу заполнения всего пространства. На широких плоскостях крупные изображения стилизованных оленей. Туловища и головы вытянутые, показаны закинутые на спину ветвистые рога, треугольный выступ на месте лопаток, листовидное ухо, выделенный глаз и длинная, клювовидная морда. Ноги подогнуты или обрезаны. Оставшиеся места между ними занимают фигуры уменьшенных размеров оленей и двух лошадок. Помимо животных есть атрибуты воинского снаряжения: сигмовидный лук, кинжал с ножнами, два боевых топора, а также решетчатая в виде елочного узора пятиугольная фигура, интерпретируемая как боевой щит. В нижней части пояс со свисающим с него П-образным предметом. В верхней части камня с обеих сторон изображены круги в виде солярных знаков: с одной – круглый предмет с рукояткой, с другой – две окружности.

Еще два камня обнаружены в местности Боргой-Сельгир из Джидинского района (рис. 1.2а; 1.3б). Они располагались у подножия базальтового останца с петроглифом, и связаны с могильником культуры плиточных могил. Эти камни вывезены археологической экспедицией ИИФФ СО АН СССР и установлены в Музее под открытым небом ИАЭТ СО РАН (Новосибирск, Академгородок) [18, с. 102]. Обе стелы выполнены из подпрямоугольных плит с усеченным верхом. У того и другого камня на широких сторонах изображены по две фигуры стилизованных оленей, в верхней части выбит солярный знак.

Оленный камень, который находится во дворе Тамчинского дацана (рис. 1.5) (Селенгинский район), до 1930-х гг. стоял на площади перед входом в главный храм. Камень служил коновязью для «священной» лошади и использовался в процессе ритуального богослужения. Памятник исчез после разрушения дацана в начале XX в. В 1988–1989 гг. вновь обнаружен в расколотом виде в фундаменте нового дацана и после реставрации установлен на прежнем месте [12, с. 112–118]. Представляет собой четырёхгранную гранитную плиту серо-коричневого цвета общей высотой 2.69 м (по длинному краю) и шириною сторон 37–10х37–25 см, с односторонне усеченным верхом. Имеет прямоугольное сечение в верхней части и подквадратное в нижней. Подземная часть изваяния уходила вниз на 65 см. Две широкие стороны полностью заполнены изображениями оленей, две другие частично. Помимо оленей на узкой стороне выбита пятиугольная фигура, заполненная линиями в виде елочного узора. её интерпретируют как боевой щит; чуть ниже изображен боевой топор.

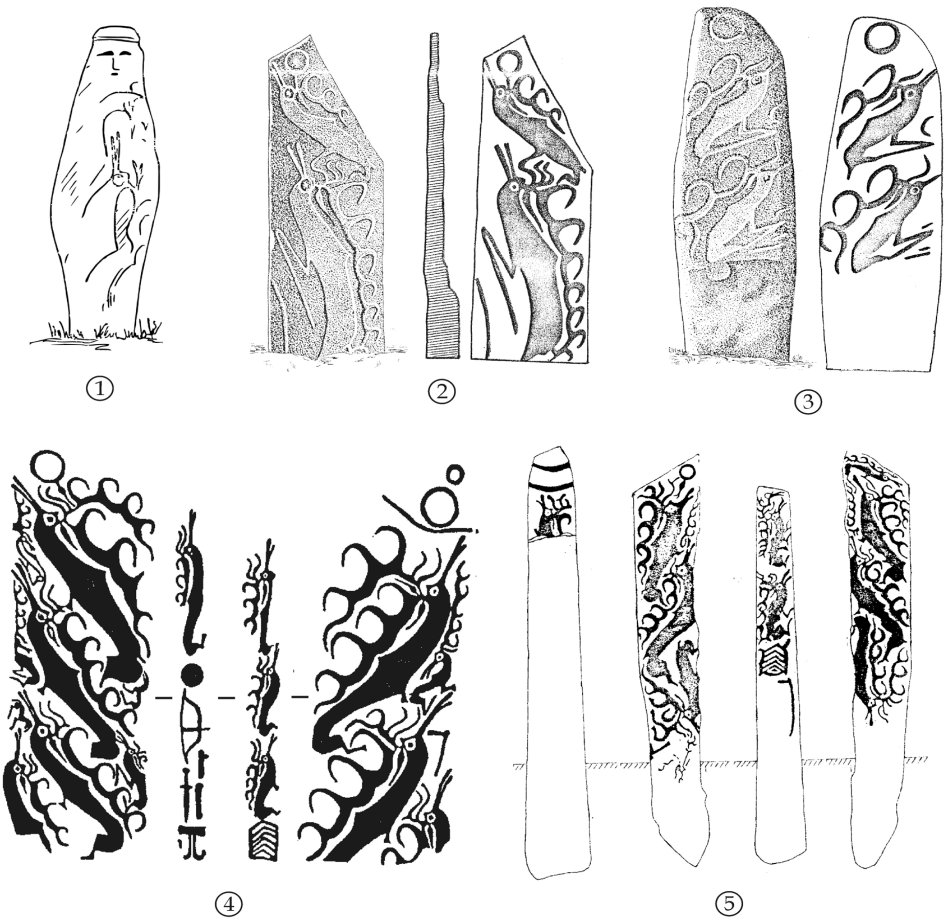

Рис. 1. Оленные камни Западного Забайкалья.
Оленный камень с Гусиного озера (по Г. П. Сосновскому);
Боргой-Сельгирский (а) (по В. Д. Запорожской, А. К. Конопацкому);
Боргой-Сельгирский (б) (по В. Д. Запорожской, А. К. Конопацкому);
Иволгинский (по А. П. Окладникову);
Оленный камень с Тамчинского дацана (по В. В. Кухареву, Н. В. Именохоеву)

Четыре оленные камня обнаружены в конструкции плиточной могилы Хонгор-Батор, в долине р. Оронгой, у подножий горы Хонгор-Уул [15, с. 57–58]. Памятник исследовал А. П. Окладников. На первой плите изображены фигуры трёх животных. У пер-

вого узкое туловище, выпуклое бедро и плавно очерченный круп. Морда узкая и длинная, на голове два уха. К нему обращена фигура второго животного, она сходна с первым. Позади её видны голова с двумя большими ушами и шея третье фигуры. По сведению А. П. Окладникова эта плита была доставлена в Музей истории Бурятии, но, к сожалению, в последствии утеряна. На второй плите в верхней части изображен олень с одним крупным, ветвистым рогом и ухом. Туловище длинное, с чуть приострённым горбом, ноги длинные, слегка выгнутые. Морда очерчена реалистично: утолщённая нижняя губа, отмечен выступ нижней челюсти около шеи. В нижней части камня вертикально высечены две длинные параллельные полосы. На третьем камне изображены фигуры животных: две – по вертикали, одна над другой, две внизу, следуют друг за другом по горизонтали. Правее фигур находится изображение, похожее на сосуд – трипод. На четвёртом камне изображены четыре фигуры животных, расположенных по вертикали, одна над другой. В самом верху миниатюрная фигура с дугообразным туловищем и небольшой головкой на длинной шее. Две фигуры изображают оленей. У одной тщательно обрисован большой ветвистый рог. Морда утолщена на конце, а под шеей свисает характерная кисть. Фигура второго оленя такая же, только без рогов. Третья снизу фигура меньше по размеру, без рогов и кистью под шеей. У всех трёх фигур показаны две ноги.

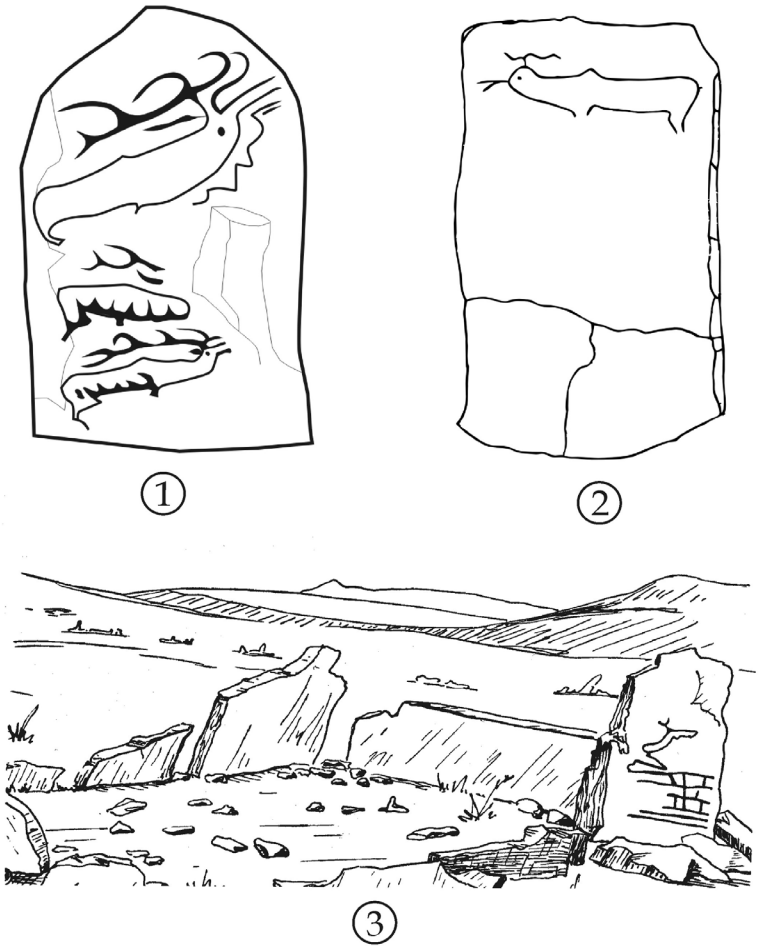

Рис. 2. Оленные камни Восточного Забайкалья.
2.1. Чиндалейский (рис. автора);
2.2. Ингодинский (по А. К. Кузнецову);
2.3. Оленный камень с пади Хусотуй (по А. П. Окладникову, В. Д. Запорожской)

Первые упоминания об оленных камнях Восточного Забайкалья приходятся на конец XIX в. Так, сведения о двух оленных камнях даёт А. К. Кузнецов. В окрестностях пос. Кыра, в 6,5 м к востоку от группы из пяти плиточных могил, он обнаружил гранитный столб. На двух его сторонах были высечены изображения оленей с птичьими клювами. Столб был перевезён в Нерчинский музей [10, с. 20–21]. Иллюстрации данного памятника не сохранились.

Еще один камень с р. Ингоды с фигурой оленя (рис. 2.2), выбитым контуром в верхней части плиты, зафиксирован в альбоме А. К. Кузнецова, а позже опубликован Ю. С. Гришиным [3, с. 73]. Обстоятельства находки этого камня неизвестны. Фигура оленя изображена в профиль. Она имеет округлую птичью голову с намеченным глазом и длинным, несколько раскрытым клювом, но при этом над ней возвышаются не пышные ветвистые рога, обычные для многих стилизованных оленей, а два схематичных изогнутых отростка. Шея и туловище вытянутых пропорций.

По характеру рогов очень близка ему своеобразная фигура оленя с большого камня, стоявшего в качестве угловой плиты в одной из плиточных могил в пади Хусотуй, близ поселка Судунтуй Агинского округа [15, с. 60] (рис. 2.3). Она, как и основная масса фигур оленей на оленных камнях, расположена наискось: голова вытянута вверх, а круп соответственно опущен вниз. Однако в отличии от вышерассмотренных фигур оленей она не имеет ряда характерных для них черт стилизации. У неё длинная голова с расширенной на конце оленьей, а не птичьей мордой, переходящей в узкое изогнутое туловище, от задней части которого в свою очередь отходит очень схематично изображённая только одна коленчато-изогнутая нога. Ниже фигурки оленя находятся пояски в виде трёх рядов двойных горизонтальных полос, два из которых пересекаются несколькими вертикальными поперечными полосами.

Еще пять камней с изображениями было исследовано А. П. Окладниковым в конструкции одного из погребений большого плиточного могильника, расположенного в пади Ульба, близ с. Судунтуй (неподалеку от Хусотуй) [15, с. 61–62]. Один из камней разбит молнией, на его обломках уцелели две фигуры оленей, расположенных одна над другой. У животных длинные узкие туловища со слегка вогнутыми спинами. На втором камне изображены фигуры оленей с ветвистыми рогами, морды у них не с птичьими клювами, а обычные реалистичные. На третьем – пять фигур животных, но полностью сохранилась только одна, передающая изображения оленя с тоненьким стерженьком на голове. На четвёртом – две частично сохранившиеся фигуры оленей, а также две параллельные линии, кинжал с зооморфным навершием, человек с кинжалом и антропоморфная фигура. На пятом – четыре фигуры оленей, две сохранились полностью, одна из них с изогнутым рожком; в середине группы животных – фигура человека.

Также имеются краткие сведения о других оленных камнях со стилизованными оленями и другими изображениями. По сведению В. В. Попова в Агинском округе в 3 км к северо-востоку от ст. Могойтуй в конструкции плиточной могилы обнаружены две плиты, украшенные изображениями птиц с длинным клювом. Также на одной из плит плиточной могилы вблизи Аршана имелось слабое заметное изображение оленя с «птичьим клювом». Они опубликованы Ю. С. Гришиным [3, с. 75] и упомянуты Н. Н. Диковым [6, с. 43]. По сообщению Б. Н. Доджаина найден ещё один камень (без точного описания) в близи с. Таптанай у горы Пунцук [3, с. 75]. По сведению И. И. Кириллова, у с. Будулан была найдена стела с изображением группы лошадей, ещё один камень невдалеке от п. Агинское – в верхней части имеются стрелки из лука, а ниже – наборный пояс с висящим на нём изогнутым кинжалом в ножнах [7, с. 53].

Самый известный из оленных каменей Восточного Забайкалья, найден в Дульдургинском районе в окрестности с. Чиндалей (рис. 2.1), ныне он представлен в музее под открытым небом ИАЭТ СО РАН, Новосибирск [5, с. 401; 8, с. 233]. Он был связан с крупным могильником культуры плиточных могил. В могильник входят отдельные сторожевые камни и угловая плита ограды погребения КПМ, которая представляет собой олен-

ный камень. Плита имеет подпрямоугольную форму с заострённой вершиной (1,3 × 0,5 м), она изготовлена из темно-серого сланца. На поверхности плиты изображены три фигуры стилизованных оленей, выполненных техникой контурного прочерчивания. Самая крупная фигура, расположена в верхней части стелы: видны стандартные для стилизованного оленя ветвистые рога вдоль туловища, угловатый горб на спине, округлая птичья голова, глаз передан заштрихованным пятном и длинным двойным клювом. Под клювом видны две линии, похожие на ещё один клюв. Ещё две фигуры помещены в средней и нижней части стелы. От изображения второго оленя осталось только туловище и часть рога, очевидно потому, что часть камня, где находилась голова и клюв, скололась. Аналогично выглядит изображение третьего оленя, только фигура сохранилось целиком. Характерной чертой последних двух фигур явилось оформление нижней части живота оленей – необычными зубцами-треугольниками.

Как мы видим, оленных камней из Забайкалья известно немного, при этом в большинстве своём они перемещены в музеи или другие места.

В теоретическом плане большое значение имеет выделение В. В. Волковым двух этнокультурных регионов, сложившихся на севере Центральной Азии – западного, представленного в основном курганами-керексурами, принадлежавших преимущественно европеоидному населению; и восточного, представленного плиточными могилами, оставленными монголоидным населением. Зона взаимодействия двух культур располагалась в Хангае и соприкасается с Западным Забайкальем. Там наблюдается концентрация и курганов-керексуров и плиточных могил. При этом установлено, что в некоторых случаях плиточные могилы перекрывают ограды керексуров и что при сооружении плиточных могил часто использовались оленные камни. Судя по перекрытым могилам и переиспользованием оленных камней в конструкции плиточных могил, следует, что эти контакты были конфликтными [19, с. 70–73; 20, с. 101–102].

Не возникает сомнений, что оленные камни изначально были связаны с керексурами, т. е. имеют западное происхождение. Но возникает парадокс: в Восточном Забайкалье, судя по вышеописанным стелам, тоже встречаются оленные камни, хотя, общеизвестно, что курганов-керексуров здесь нет. Можно предположить, что они были перетащены с западных районов, но это в силу значительного расстояния осуществить такие действия было невозможно. Более привлекателен другой вариант – оленные камни в Восточном Забайкалье появились самостоятельно. Носители культуры плиточных могил вполне могли сами сооружать оленные камни и устанавливать их при сооружении могил. При этом распространение данных памятников на территории нескольких культур в значительной мере обусловлено общими воззрениями кочевых племен.

Еще один момент, который говорит в пользу данной теории, – стилистические особенности изображений на оленных камнях Восточного Забайкалья. Речь идёт о наиболее часто встречаемом образе – стилизованного оленя. Даже при визуальном наблюдении становится понятно, что выбитые изображения оленей на стелах Восточного Забайкалья отличаются от Западного. При общих «узнаваемых» чертах скифо-сибирского стиля, восточные по выразительности передачи изображения уступает западным аналогам. Яркими примерами в сравнении являются Иволгинский камень (Бурятия) и Чиндалейский (Забайкальский край). На причины различий обратил внимание Д. Г. Савинов: «как изобразительный пласт стилизованные изображения оленей как и на петроглифах, так на оленных стелах имеют свои ограничения в пространстве и во времени» [16, с. 163]. Центр сложения и рассвета стиля оленных камней, исходя из всех имеющихся данных, находился в Монголии. По мере продвижения на восток, этот изобразительный стиль «утончается». На востоке (Забайкальский край, восток Монголии) – изображения на оленных камнях крайне схематичны, условны и далеки от западного оригинала, хотя и вполне «узнаваемы» с точки зрения особенностей стиля и композиции. Д. Г. Савинов считает, что восточные образцы оленных камней более поздние в сравнении с западными. Но мы уже выяснили, что оленные камни в Вос-

точном Забайкалье прошли самостоятельный путь развития с культурой плиточных могил.

Весьма распространенным атрибутом плиточных могил являются сторожевые камни. Многие исследователи считают их разновидностью оленных камней. Так Н. Н. Диков [6, с. 45–46], а позднее Ю. С. Гришин [3, с. 76] определили, что они «генетически родственны» с оленными камнями, но по времени более поздние, потому именно сторожевые камни стали переходным типом от более сложных стел с орнаментально стилизованными оленями к простым – без изображений животных. Однако В. В. Волков считает, что отнесение таких стел к переходному типу вряд ли является правильным. Он предполагает, что сторожевые камни относятся к особой локальной группе «общеевразийского» типа [1, с. 99–100].

Более детально изучал сторожевые камни А. П. Окладников. Так, в агинских степях в плиточном могильнике Ульба-2, состоящем из 35 погребений, он зафиксировал 18 орнаментированных сторожевых камней [15, с. 60–63]. Особенностью взглядов А. П. Окладникова является то, что он не видел в сторожевых камнях антропоморфные черты, больше склоняясь к их определению как коновязей. Существует необходимость более детально рассмотреть эти памятники.

Сторожевые камни, называемые также сэргэ (коновязь), имеют высоту до трёх метров. Есть и миниатюрные камни с размерами от 20–30 см в высоту и 10–15 см в ширину. Располагаются они в 6–10 м к востоку по линии от северо-восточного угла оград погребений. У них чаще всего чётко профилировалась округлая голова, с тыльной стороны прямыми линиями изображались волосы, а на боковых сторонах головной части маленьким овалом выделяются ушки, но лицевая часть оставалась плоской. Небольшим уступом выделялись шея и плечи, иногда просто выемчатыми углублениями с боков. На шее фигуры имелись углубления в виде полоски или маленькие точки, имитирующие, видимо, ожерелье. Лицевая сторона, в основном, остаётся плоской, а тыльная выпуклой. Двумя параллельными линиями выбивается пояс. На сторожевых камнях встречаются изображения предметов вооружения: кинжалов и топоров. Это классический вариант стел такого типа. Антропоморфными можно считать и те камни, которые обработаны только отчасти, но по форме – правильной подпрямоугольной или подтреугольной формой с заоваленным верхом – напоминают фигуру человека.

Помимо устойчивых форм, напрямую передающих фигуру человека, встречаются на их месте расположения камни и без таких черт, но не менее выразительные. Это такие же подпрямоугольные или столбообразные камни с рисунками (знаками). Наиболее часто встречаются изображения солярного знака – круга, иногда с точкой в центре. Помимо него на камнях присутствуют и другие знаки в виде продольных и пересекающихся линий. Такие камни могут украшать две параллельные линии в виде пояса, соединённые поперечными штрихами, похожие на рельсы со шпалами. Такой камень обнаружен в могильнике в окрестности с. Таптанай Дульдургинского района.

Сторожевые камни, как уже было сказано, стабильно раполагаются в восточной стороне от погребения. Многие такие камни свалены наземь или же перемещены в сторону от начального расположения. Нами выяснено, что изначально изваяния были ориентированы на погребение лицевой стороной. Но поскольку изваяние стоит не прямо напротив погребения, а на пару метров смещено на север, то оно, чтобы не «потерять» из виду могилу, ставилось чуть с наклоном в её сторону.

Помимо тех изваяний, которые непосредственно связаны с погребением, встречаются одинокие изваяния, которым отводится роль главного «стража» всего могильника. Их устанавливают особняком, обычно либо в центре могильника, либо на его восточной стороне. Эти изваяния, как правило, размерами намного крупнее обычных. Примеры таковых встречены в Анхобае (пункте 7), где плиточные могилы тянутся шестью параллельными рядами в направлении север-юг, а в центре могильника располагается большой «сторожевой» камень.

Судя по вышеописанным деталям сторожевые камни можно разделить по двум классам: антропоморфные изваяния или близкие к нему и изваяния с рисунками, главным образом солярным знаком. Включение сторожевых изваяний в категорию оленных камней

вряд ли следует считать правомерным. В этом случае создается впечатление, что оленные камни в Забайкалье весьма многочисленны. На наш взгляд, сторожевые стелы – это особый вид памятника, иной по предназначению и смыслу, чем оленные камни [8, с. 234].

Список литературы

1. Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 255 с.
2. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 206 с.
3. Гришин Ю. С. Бронзовый и ранние железные века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. 136 с.
4. Давыдов Д. П. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области, Верхнеудинского округа // Зап. Сиб. отделения Императорского русского Географического Общества, кн. 2. СПб., 1856. С. 89–101.
5. Дашилхамаев Д. М. Оленные камни Забайкалья // Евразийское культурное пространство (материалы V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных). 4–9 апреля 2010 г. Иркутск, 2010. С. 400–401.
6. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, БКНИИ СО АН СССР, 1958. 140 с.
7. Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1979. 95 с.
8. Константинов М. В., Дашилхамаев Д. М. Оленные камни // Малая энциклопедия Забайкалья: археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с.
9. Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
10. Кузнецов А. К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 года // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Т. XXIV. № 2. 1893.
11. Кузнецов А. К. Развалины кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное дело, 1925. 63 с.
12. Кухарев В. В., Именохоев Н. В. Оленный камень из комплекса Тамчинского дацана // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии (посвященное Международному археологическому конгрессу «100 лет гуннской археологии»). Улан-Удэ, 1995. С. 112–118.
13. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.
14. Окладников А. П. Оленный камень с реки Иволги // СА. 1954. Т. 19. С. 209–218.
15. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 264 с.
16. Савинов Д. Г. Вначале был Иволгинский камень (о наскальных изображениях в стиле оленных камней) // Homo Eurasicus в глубинах и пространствах истории: сб. тр. междунар. науч. конф. СПб., 2008. С. 151–166.
17. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
18. Тиваненко А. В. Оленные камни Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии (посвященное Международному археологическому конгрессу «100 лет гуннской археологии»). Улан-Удэ, 1995. С. 102–111.

19. Цыбиктаров А. Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 65–76.

20. Цыбиктаров А. Д. Оленные камни монголо-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2000. Т. 1. С. 98–102.

Статья поступила в редакцию 12.11.2011 г.

УДК 902
ББК Т4 (2Р54)

Алексей Александрович Номоконов,
аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Погребение воина монгольской эпохи из лесостепного Забайкалья

Статья посвящена погребению знатного воина, принадлежавшего к «лесным» племенам Восточного Забайкалья (XIII–XIV вв.), раскопанному в составе могильника Новотроицк-III. С данной группой племён археологи связывают памятники, исследованные в бассейнах рек Чита, Ингода, Шилка, а также в системе Беклемишевских озёр, объединяя их в отдельную ундугунскую культуру. В погребении воина из могильника Новотроицк-III был обнаружен многочисленный и разнообразный инвентарь, выделяющий его на фоне остальных погребений некрополя.

В статье в научный оборот вводятся ранее неопубликованные данные о полевых и лабораторных исследованиях Новотроицкого некрополя. Автор детально рассматривает погребальные обряды и сопроводительный инвентарь погребения № 7 на фоне как Новотроицкого некрополя, так и ундугунской культуры в целом. В работе используются методы научного исследования: анализ, аналогия, обобщение, описание, сравнение, историко-культурный метод.

Был выявлен ряд общих черт и различий в погребальном обряде и сопроводительном инвентаре погребения № 7 могильника Новотроицк-III и другими памятниками ундугунской культуры. Результаты работы могут быть использованы учёными, интересующимися кочевыми племенами в монгольский период, для проведения сравнительных характеристик и аналогий. Сопроводительный инвентарь свидетельствует о том, что умерший отличался от своих соплеменников более высоким положением в обществе, что, в свою очередь, говорит о социальном расслоении у племен, принадлежавших ундугунской культуре.

Ключевые слова: ундугунская культура, Новотроицкий некрополь, погребальный обряд, погребение, могильник, сопроводительный инвентарь, вооружение, украшения, предметы быта, конское снаряжение.

Aleksei Aleksandrovich Nomokonov,
postgraduate, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Россия), e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

The Burial of the Warrior from the Trans-Baikal Forest-Steppe of the Mongolian Age

This article is devoted to the burial of a noble warrior, who belonged to the “Forest” tribes of the Eastern Transbaikalia (XIII–XIV centuries), who was excavated in the composition of the burial ground in Novotroitsk-III. Archeologists connect the monuments investigated in basins of the rivers Chita, Ingoda, Shilka and in Beklemishevski Lakes to this group of tribes; they were combined into a separate Undugun culture. A numerous and various inventory was found in the warrior`s interment of the burial ground. This inventory stands out from the rest of graves of the necropolis.

The urgency is in the fact that information about field and laboratory researches of Novotroitsk necropolis which has not been unpublished earlier is introduced now in the scientific circulation. The purpose of this work is in detailed consideration

© А. А. Номоконов, 2012

of the burial rite and the accompanying inventory of burial № 7 in the background of Novotroitsk necropolis and undugun culture in general. Methods of the research are analysis, analogy, generalization, historical and cultural methods, description, comparison.

A number of similarities and differences in the funeral rite and the accompanying inventory of burial № 7 of the burial ground Novotroitsk-III and other monuments of Undugun culture were revealed. The results can be used by scientists who take an interest in the nomadic tribes of the Mongol period, for making a comparison of characteristics and analogies.

The accompanying inventory of this burial testifies that the dead differed from his tribesmen by a high social position. And this fact testifies social stratification among tribes of undugun culture.

Keywords: undugun Culture, Novotroitsk necropolis, funeral rite, burial, burial ground, the accompanying inventory, equipment, decorations, house wares, harness.

XII–XIV вв. – это время усиления военной активности монгольских племён, связанной с завоевательной политикой монгольских ханов. Население лесостепного Забайкалья также входило в зону влияния монгольской империи и принимало участие в событиях того времени. Жизнь кочевых народов бала непосредственно связана с военным делом. Отставание в искусстве ведения боя неминуемо вело за собой потерю самостоятельности. Кроме того, война являлась способом обогащения и получения необходимой продукции. В силу неавтаркичности кочевого скотоводства [7, с. 153–173], продукция земледельческого общества добывалась двумя путями: либо при помощи обмена, либо отчуждением, т. е. грабежом других племён. Война давала не только материальное благополучие и необходимую продукцию земледельцев, но и была средством социального и карьерного роста. Наиболее смелые и удачливые воины имели почёт и уважение как при жизни, так и после смерти. Захоронения таких людей отличались от погребений рядовых общинников более богатым и разнообразным сопроводительным инвентарём. В данной работе речь пойдет именно о таком захоронении, обнаруженном в могильнике Новотроицк-III, входящем, в свою очередь, в состав Новотроицкого некрополя.

Погребения некрополя были полностью исследованы в 2006 г. Верхнеамурской археологической экспедицией под руководством Е. В. Ковычева. Три могильника некрополя располагались на увалах «Лысой сопки», в 3 км к северо-западу от с. Новотроицк Читинского района Забайкальского края [1]. Могильник Новотроицк-III находился на краю соснового леса, на третьем увале сопки, в 50 м ниже по склону от её гребня. Погребения были вытянуты цепочкой по склону в 1–2 ряда, с юго-востока на северо-запад. В могильнике было зафиксировано восемь погребений, принадлежавших, скорее всего, к ундугунской археологической культуре.

Рассматриваемому нами погребению был присвоен порядковый номер 7. Погребение на поверхности выражалось каменной надмогильной выкладкой овальной формы, которая была вытянута по линии северо-восток – юго-запад. Выкладка состояла из неплотно уложенных камней преимущественно средних (от 10 × 20 до 20 × 22 см) и крупных (от 30 × 40 до 36 × 60 см) размеров. В центральной части надмогильной выкладки разрежённость камней была большей, чем по краям (рис. 1. I). Сохранность костяка плохая – отсутствовала большая часть рёбер и ступни ног; тазовые кости сохранились фрагментарно. По имеющимся костям установлено, что погребённый располагался на спине, в вытянутом положении, руки были сложены на таз, ноги сведены вместе (рис. 1. II). Головой умерший был ориентирован на восток-северо-восток. Он был помещён в деревянную колоду, от которой остались лишь контуры и небольшие фрагменты (рис. 1. II-3). За колодой с правой стороны от умершего, на уровне плеча, находилась вертикально поставленная жертвенная берцовая кость барана, которая, как считают исследователи, являлась вместилищем души умершего (монгольское – сулдэ). На колоде, возле сулдэ (рис. 1. II-4) располагались наконечник дротика и колчан с наконечниками стрел.

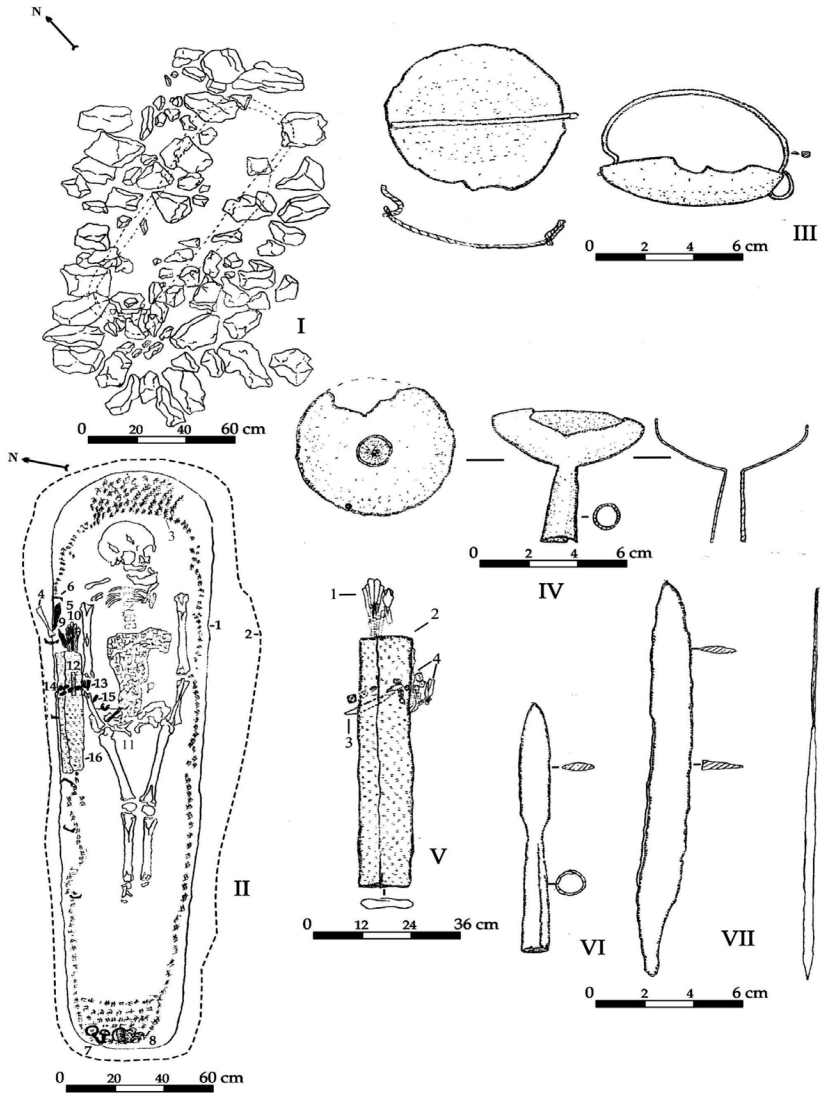

Рис. 1. Кладка – I; могильная яма – II (контуры могильной ямы – 1,2; фрагменты колоды – 3; сулдэ – 4; наконечник дротика – 5; скобы – 6; удила – 7; аксессуары убранства коня – 8; фрагмент ножа – 9; наконечники стрел – 10; железная пластина – 11; накладка на лук – 12; колчанный крюк – 13; накладные пластины – 14; фрагменты железа – 15; колчан – 16); подвеска – III; султанчик – IV; реконструкция колчана с наконечниками стрел и фурнитурой – V (наконечники стрел – 1; колчан – 2; нож – 3; накладные пластины – 4); наконечник дротика – VI; нож – VII

Ассиметрично-ромбический наконечник дротика [8, 1980, с. 52] имеет длину 11,8 см: из них длина пера составляет 5,8 см, втулка заканчивается широким раструбом с сомкнутым швом (рис. 1. II-5, VI). В колчане (рис. 1. II-16, V-2) находилось 8 наконечников стрел (рис. 1. II-10, V-1). Все они относятся к группе плоских наконечников – 7 к типу ассиметрично-ромбических и 1 (рис. 2. 7) к типу овально-крылатых (длина пера 3,8 см, ширина 2,4 см, длина черешка 3,7 см). Первый наконечник (рис. 2. 1), относящийся к типу ассиметрично-ромбических, имеет размеры: длина пера 5 см, ширина 1,5 см, длина черешка 3,6 см. Длина пера второго наконечника 5,3 см, ширина 2,9 см, черешок 4,7 см (рис. 2. 4). Третий наконечник имеет длину пера 5,8 см, ширину 2,8 см, черешок 4,4 см (рис. 2. 8). Четвертый наконечник имеет длину пера 5,5 см, ширину 3 см, черешок 4,5 см (рис. 2. 3). Длина пера пятого наконечника 4,8 см, ширина 2,8 см, черешок 4 см (рис. 2. 5). Шестой наконечник имеет размеры: длина пера 5,5 см, ширина 2,3 см, длина черешка 4,5 см (рис. 2. 2). Седьмой наконечник имеет длину пера 5,3 см, ширину 3,1 см, черешок 4,7 см (рис. 2. 6).

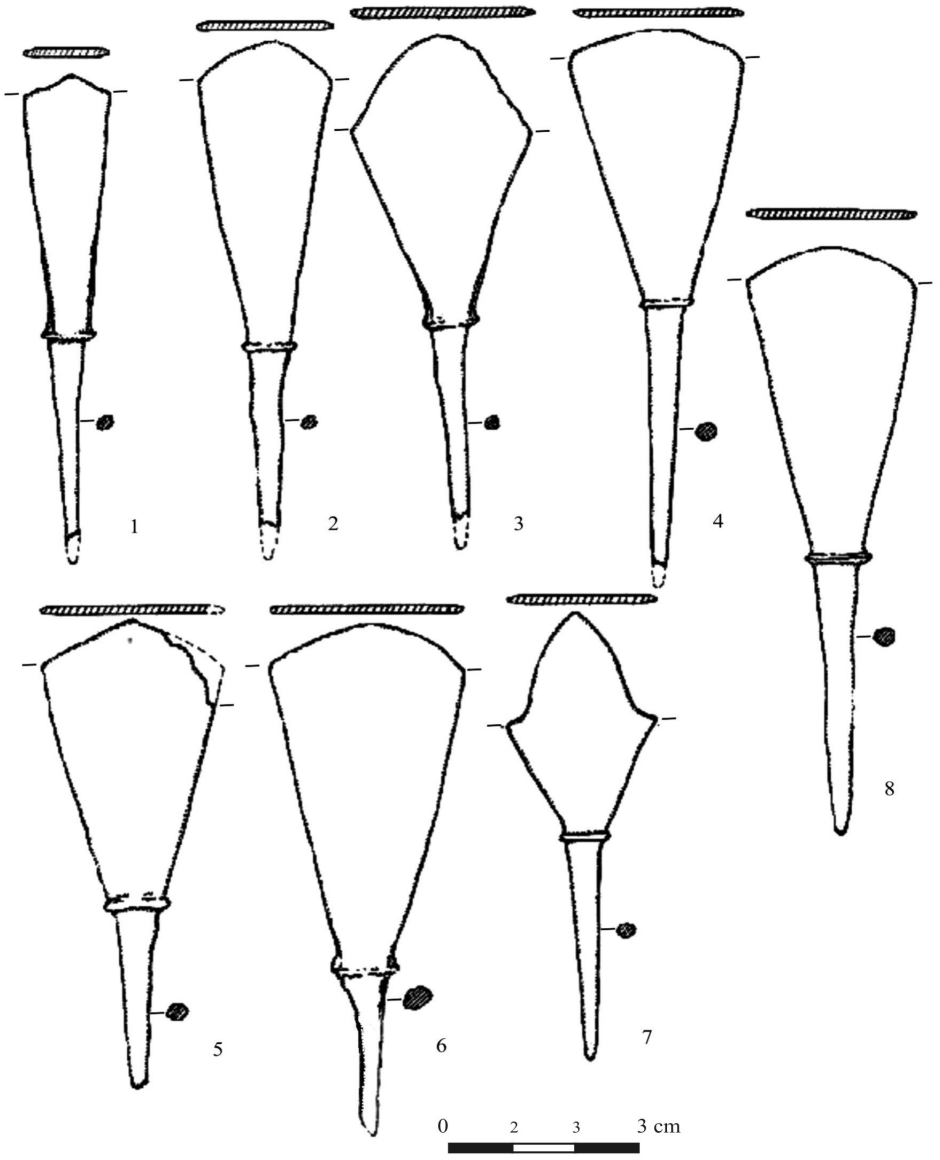

Рис. 2. Наконечники стрел

На колчане находилась костяная накладка на лук длиною 14,9 см, шириною от 1,4 см до 2 см, толщиною от 0,3 см до 0,7 см (рис. 1. II-12; рис. 3. 18). Колчан сделан из бересты и имеет длину 59 см, ширину 11 см. Пояс колчана некогда был украшен пластинами, инкрустированными серебряной фольгой с насечками (рис. 1. II-13, 14; рис. 3. 1–17). Пластины разных размеров и форм крепились к ремню при помощи заклёпок. Четыре квадратные пластины (сторона которых имеет размеры от 2,5 до 2,7 см) крепились к поясу пятью заклёпками – 4 по углам, 1 по центру (рис. 3. 9–12). Две пятиугольные пластины (по форме напоминают стрелку): у одной длинные грани 3,7 см, перпендикулярная им 2,1 см, и две грани, образующие стрелку 1,8 см (рис. 3. 17); размеры второй пластины 4,2 см, 2,2 см и 1,5 см соответственно (рис. 3. 13). Эти две пластины крепились при помощи четырёх заклепок по углам длинных граней. Одна пластина похожа на две предыдущие (рис. 3. 14), отличается только большей вытянутостью граней, образующих стрелку и присутствием на углу этих граней дополнительной пятой заклепки (длина пластины 6,6 см). Три прямоугольных пластины размерами 3,7 (4; 4,2) × 2,5 см крепились к поясу

4 заклёпками по углам (рис. 3. 2, 3, 7). В центре у этих пластин есть прямоугольное отверстие (0,5 × 1 см), при помощи которого пластины крепились к крючьям. Одна из них находилась на щитковом колчанном крюке (рис. 3, 2).

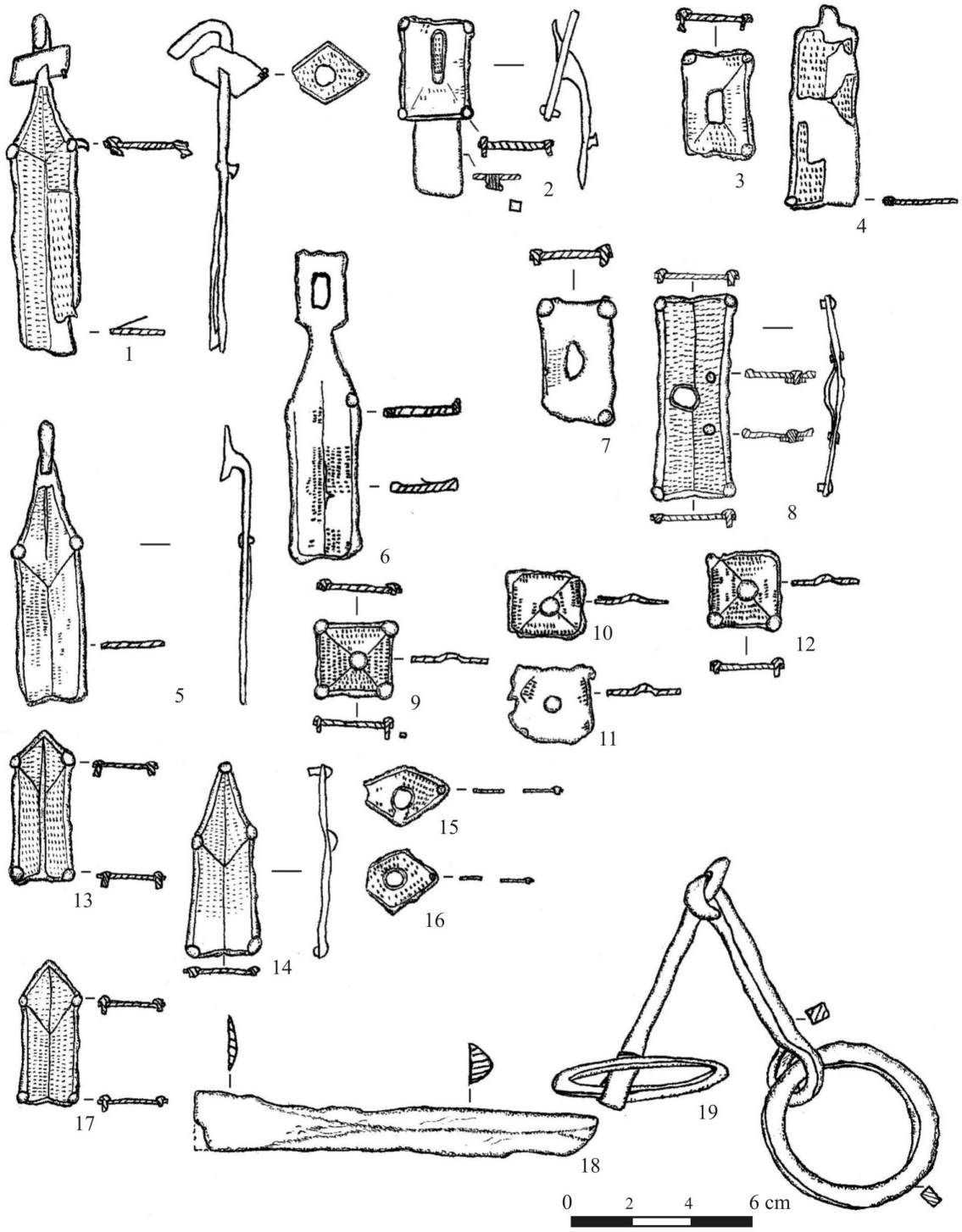

Рис. 3. Накладные пластины на пояс колчана – 1, 3–17; колчанный крюк – 2; накладка на лук – 18; удила – 19

Колчанный крюк (длина 5,6 см) крепился к поясу при помощи одной заклёпки (и прямоугольной пластины). Три пластинчатых крюка (у одного сам крюк полностью не сохранился), имеющие длину 9,5 см и 11,6 см и 6,9 см (рис. 3. 1, 4, 5), крепились к поясу, очевидно, при помощи четырёх заклёпок (сохранились только у двух по две заклёпки, а у третьего одна). Один из них имел сечение крюка округлое (рис. 3. 1), а не прямоугольное, как у других. На нём была пластина ромбовидной формы (рис. 3. 1). Всего таких пластин три (рис. 3. 1, 15, 16). Длина стороны пластин составляет 1,8 см. Пластины имеют округлое отверстие посередине диаметром 0,7 см и по одной заклёпке в остром углу (вероятно, в другом остром углу тоже была заклепка, но у всех трёх пластин угол разрушен). Колчанная петля подпрямоугольной формы, длиною 10,5 см, крепилась к поясу при помощи четырёх заклёпок (рис. 3. 6).

С правой стороны от покойного, на тазовой кости обнаружены четыре фрагмента от железных нашивных пластин. Под колчаном находился железный однолезвийный нож длиною 18,9 см (рис 1. V-3, VII). На конце ножа, примерно 1/3 от его длины, лезвие обоюдно заточенное. И. И. Кириллов выделил два типа однолезвийных ундугунских ножей – с черешком отделённым от обушка уступом и черешком продолжающим линию обушка [2, с. 133]. Этот нож относится ко второму типу. Также был найден, в непосредственной близости от наконечников стрел, фрагмент другого ножа – однолезвийного, черешок которого отделён от обушка уступом (рис. 1. II-9).

В ногах умершего, на колоде, были обнаружены кольчатые удила (рис. 1. 7; рис. 3. 19). Внутренний диаметр колец равен 4,3 см и 4,4 см. Половинки грызла имеют размеры 9,3 см и 8,6 см. Чуть правее удил были обнаружены железные подвеска и султанчик – украшение амуниции коня (рис. 1. II-8, III, IV). Султанчик состоит из двух частей – султанной втулки и пластины. Султанная втулка полая внутри, с сомкнутым швом, перпендикулярно зафиксирована в пластине, расширяется от основания. Длина втулки 3,3 см, диаметр у основания 0,5 см, диаметр на конце втулке 1,2 см, толщина стенки 0,1 см. Пластина султанчика выпуклой формы, имеет диаметр 6,5 см, толщина стенки 0,1 см, за 0,4 см до края располагается овальное отверстие (длина 0,2 см, ширина 0,1 см). Вероятнее всего, на противоположной стороне пластины имелось аналогичное отверстие (край пластины разрушен). При помощи этих отверстий султанчик крепился к ремню оголовья. Неотъемлемой частью султанчика являлся султан, который состоял из «конских волос или пучков перьев, ради которых и устраивалась вышеописанная конструкция» [6, с. 53].

Для скрепления колоды и крышки использовались железные кованые скобы, которые были найдены в количестве 7 штук в погребении (рис. 1. II-6). Скобы имеют длину от 6,5 до 8,5 см. Дно могильной ямы располагалось на глубине 85 см от современной поверхности.

Погребение № 7, как весь Новотроицкий некрополь, имеет ряд характерных черт, свойственных памятникам ундугунской культуры. Погребения, например, располагались на освящённом склоне горы, вдоль кромки леса и вблизи водоёмов – реки или озера. Возможно, река у племён ундугунской культуры имела сакральное значение, и по ней душа умершего отправлялась в загробный мир к своим предкам. Этим можно объяснить встречающиеся у данной культуры внутримогильные погребальные конструкции, имеющие форму лодки. Мы можем предположить, что естественная функция лодки как средство передвижения переносилась и в загробный мир, т. е. на ней по реке душа умершего отправлялась в своё путешествие к праотцам. Погребения ундугунской культуры на поверхности обычно выражены однослойными, реже двухслойными каменными выкладками, разряженными в центре овальной, вытянутоовальной, подчетырёхугольной формами [2, с. 124]. Погребение № 7 также имело овальную выкладку, разряжённую в центре. Скорее всего, в кладке специально оставляли ход для освободившейся от тела души [4, с. 239]. Здесь можно провести аналогию с погребальным обрядом эвенков-орочонов, описанным А. И. Мазиным, по которому в крышке колоды предусмотрительно прорубалось отверстие для того, чтобы «душа умершего могла путешествовать» [3, 63].

Погребальный обряд ундугунской культуры предусматривал ориентировку умерше-

го головой на север или северо-восток. В погребениях могильников Новотроицк-I, II, III погребённые также преимущественно были ориентированы на северо-восток и лишь в некоторых наблюдалось большее отклонение либо к востоку, либо к северу. Умерший из рассматриваемого нами погребения был ориентирован на восток-северо-восток, что в свою очередь свидетельствует, скорее всего, не об отличии культа, а о том времени года, когда совершалось захоронение.

Одной из характерных черт погребального обряда ундугунской культуры является наличие жертвенной берцовой кости барана, которая устанавливалась в вертикальном положении с левой или с правой стороны от покойного. Несомненно, данная черта вошла в погребальный обряд лесостепного населения под влиянием степных монгольских племен, занимавшихся кочевым скотоводством. Следует также отметить, что из всех исследованных могильников Новотроицкого некрополя только в шести погребениях были зафиксированы жертвенные кости (всего было изучено 22 погребения), три из которых принадлежали погребениям могильника Новотроицк-III, в том числе погребению № 7.

Одним из распространённых предметов сопроводительного инвентаря погребений ундугунской культуры являются железные однолезвийные ножи двух видов, которые мы описали выше. В рассматриваемом нами погребении были найдены ножи обоих видов. Широко представлена коллекция ундугунских железных наконечников стрел. Самыми распространёнными железными наконечниками являются черешковые плоские наконечники стрел, принадлежащие к типу ассиметрично-ромбических. Погребение № 7 не явилось здесь исключением. Из восьми обнаруженных наконечников семь относились именно к этому типу. В памятниках ундугунской культуры наиболее массовой находкой, относящейся к предметам конского снаряжения, являются двусоставные кольчатые удила, которые можно подразделить на два типа: с равными половинками грызла и удила с различной длинной половинок грызла. Различная длина половинок таких удил, возможно, указывает на обычай свешиваться, сидя в седле, в левую сторону, держа в правой руке копьё или другое оружие. Существует и другое объяснение, приводимое Б. Э. Петри, когда поводья не пропускали с обеих сторон, а только левый повод пропускали по общепринятому способу. Правый же подводили под подбородок коня и далее на левую сторону шеи. Таким образом, оба повода оказывались с левой стороны коня и держались в левой руке. При таком способе держать поводья с ассиметричными удилами удобнее [5, с. 21].

Мы видим из всего вышесказанного, что рассматриваемое погребение, безусловно, относится к ундугунской археологической культуре и демонстрирует с ней общие черты. Но также нужно отметить то, что наблюдается и ряд отличий как от погребального обряда ундугунской культуры в целом, так и могильника, которому принадлежит данное погребение. Примером этому может служить наиболее разнообразный и декорированный сопроводительный инвентарь. Так, на железные пластины была начеканена серебряная фольга, которая украшали пояс колчана. Найденный в погребении султанчик и другие украшения конской амуниции свидетельствуют о том, что при жизни воин, которому принадлежит это захоронение, подчеркивал свой статус, не только украшая оружие и одежду, но и своего коня. В погребениях ундугунской культуры довольно редко встречаются такие предметы наступательного оружия дистанционного боя как копья и дротики. В погребении № 7 такое оружие есть. В большинстве памятников ундугунской культуры остатков лука не найдено, и лишь в некоторых из них обнаружены костяные накладки на лук, что свидетельствует о существовании у племён данной культуры на вооружении сложносоставного лука. В могильнике Новотроицк-III, костяные накладки были зафиксированы только в погребениях № 5 и № 7. Одной из характерных черт погребального обряда ундугунской культуры является присутствие в погребениях многочисленных изделий из кости. Это и различные по форме ременные пряжки, подвески, острия, и, конечно, костяные наконечники стрел. Однако, отличие погребений Новотроицкого некрополя заключается в том, что в количественном соотношении костяные наконечники стрел значительно уступают железным наконечникам. Костяные наконечники были обнаружены только в 5 погребени-

ях из 22 исследованных (всего 10 штук), а в погребении № 7 могильника Новотроицк-III они отсутствовали вовсе. Также в этом погребении не было обнаружено других изделий из кости, за исключением накладки на лук.

В целом, представленный выше материал показывает, что погребение № 7 принадлежало не рядовому члену рода, а скорее всего, знатному воину, который имел почёт и уважение как при земной жизни, так и в загробном мире. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь погребения красноречиво свидетельствует в пользу этого. По всей вероятности, население, принадлежавшее к ундугунской культуре в рассматриваемый период времени, подошло к стадии разложения родоплеменных отношений и социальной дифференциации общества. Фиксация общих и различных черт даёт нам возможность не только лучше понять религиозные воззрения, хозяйственную и социальную жизнь племён, населявших лесостепное Забайкалье в первой половине II тыс. н. э., но и более чётко представлять этнополитическую ситуацию, сложившуюся в регионе в то время.

Список литературы

Источники

1. Ковычев Е. В. Научный отчёт о раскопках ундугунского и дарасунского могильников у села Новотроицкое, 2007 г. // Архив Лаборатории археологии и этнографии ЗабГГПУ (б/н).

Литература

2. Кириллов И. И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1983. С. 123–138.
3. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
4. Номоконов А. А. Сравнительные характеристики погребального обряда степных и лесостепных народов Восточного Забайкалья в XII–XV вв. // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытие: материалы LI регион. (VII Всероссийской) археолого-этнографической конф. студ. и молодых учен.: сб. ст. Красноярск, 2011. С. 238–240.
5. Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторич. прошлом якутов) // Наука и школа. Чита, 1923. № 1. С. 21–39.
6. Тишкин А. А., Горбунова Т. Г. Методика изучения снаряжения верхового эпохи раннего железа и средневековья: учеб.-метод. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.
7. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
8. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Статья поступила в редакцию 25.02.2012 г.

История Забайкалья

The history of the Transbaikal

УДК 392.3 (512.3)
ББК 63.5 (5 Кит)

Базар Догсонович Цыбенов,
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: bazar75@mail.ru

К изучению семьи и брака у дауров

Статья является первым отечественным исследованием по истории семейных и брачных отношений у дауров. В ней на основе отечественных и зарубежных источников, полевых материалов автора впервые исследуются такие вопросы, как форма и структура даурской семьи, терминология родства, формы заключения брака, свадебные обряды и церемонии. Выяснено, что у дауров в XIX - середине XX вв. существовала большая патриархальная семья, состоявшая из нескольких поколений родственников и нескольких брачных пар. Традиции большой семьи и принцип патрилинейной экзогамии, согласно данным автора, оказывали огромное влияние на брачные нормы и свадебную обрядность. Впервые выявлены термины родства у дауров, виды кросс-кузенных браков, восходящих к ранним формам брака народов Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: дауры, патриархальная семья, терминология родства, моногамия, экзогамия, брак по сватовству, свадебные обряды

Bazar Dogsonovich Tsybenov,
Candidate of History,
the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetian Studies of SB RAS
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: bazar75@mail.ru

To the Studies of Daurs' Family and Marriage

The article is the first Russian research in the history of family and marriage relations of Daurs. For the first time in the article such questions as a family form and structure, terminology of relationship, marriage forms, wedding ceremonies based on the Russian and foreign sources, ethnographic materials of the author are discussed. The analysis of the documents leads to the conclusion that at that time (XIX – the middle of the XX century) Daurs had the patriarchal family consisting of several generations and some married couples. Traditions of the patriarchal family with a principle of patrilineal exogamy created huge impact on marriage norms and wedding ceremonialism. For the first time relationship terms of Daurs, types of cross-cousin marriages, which are going back to early forms of marriage of the peoples from Siberia and the Far East are revealed.

Keywords: Daurs, patriarchal family, terminology of relationship, monogamy, exogamy, marriage on courtship, wedding ceremonies

© Б. Д. Цыбенов, 2012

В настоящей работе на основе публикаций отечественных и зарубежных авторов сделана попытка освещения некоторых вопросов развития семьи и брака у дауров. При написании использованы также архивные материалы Б. И. Панкратова и данные этнографических экспедиций 2004–2005 гг. в Хулун-Буирский аймак АРВМ КНР. Хронологические рамки изучения обусловлены доступными источниками и охватывают период с XIX до середины XX вв. В работе затронуты особенности семейно-брачных отношений у групп хайларских, бутхаских и цицикарских дауров.

В XIX – начале XX вв. у дауров существовала большая патриархальная семья, на основе которой появилось большинство даурских селений. По преданию, большие семьи вели происхождение от одного общего мужского предка, основателя селения [5, с. 669]. Предками трёх родов хайларских дауров и соответственно селений Манна, Дэнткэ, Алакчаан, явились прибывшие в 1732 г. для охраны границы в Хулун-Буир из Бутха Го Куйсу из рода говол, Ао Пэнкэбуу (род аола), и Мэн Юшан (род мэрдэн). Сохранялись также сведения об основании некоторых близлежащих селений родными братьями. В роде онон насчитывалось семь групп, произошедших от семи братьев. Их селения в Бутха располагались на расстоянии 3–4 км, самые дальние находились в 10 км [инф. И Сун].

Упоминание о большой патриархальной семье у дауров, вероятно, имеется ещё в отписке якутских воевод от 1650 г. о походе Е. П. Хабарова на р. Амур. В ней отмечалось, что в светлицах Лавкаева городка живут человек по шестьдесят и больше. Как известно, большая семья у многих народов насчитывала до нескольких десятков членов. Даурские семьи были также многолюдными, состоявшими из трёх-четырёх поколений и нескольких брачных пар, имеющими значительные площади обрабатываемой земли и большое количество скота. Большая семья состояла из брачных пар четырёх поколений: 1) прадед и прабабка; 2) дед и бабка; 3) отец с матерью; 4) сын и невестка. Сыновья были обязаны заботиться о престарелых родителях, проживать с ними в одном доме. Если сыновей было несколько, престарелого отца в хозяйственных делах заменял старший сын. В случае смерти последнего обязанности по хозяйству переходили к среднему сыну. Если умирал отец, семью возглавлял старший по возрасту и братья продолжали совместное проживание, ухаживая за матерью. Если сыновей было много, происходило их выделение из большой семьи [пма, инф. Тумуртэй]. При этом женатый сын получал равную с другими сыновьями часть общесемейной собственности. Собственность наследовали только мужчины. Если в семье были только дочери и отец умирал, не разделив предварительно всего имущества между ними, то оно делилось между ближайшими родственниками отца по мужской линии и никогда не переходило к семье его жены [5, с. 668].

Во главе семьи у дауров стоял отец, которому беспрекословно подчинялись все её члены. Он мог единолично распоряжаться семейной собственностью, руководил всеми хозяйственными и другими работами. Никто из членов семьи не имел права перечить ему. Дети, будучи зрелыми, в делах руководствовались отцовским мнением, в его присутствии вели себя с крайним почтением, никогда не смотрели ему прямо в лицо, старались отвести глаза. Запрещалось также произносить его полное имя. Запрет касался всех мужских прародителей, даже старики-дауры не упоминали имён своих отцов и предков. Не обращались по имени к старшим по возрасту родственникам, включая родных братьев и сестер. Мать возглавляла работы по домашнему хозяйству, включая шитьё одежды, доение коров, работу в огороде, сбор ягод. Даже будучи престарелыми, родители руководили семейными делами, мать вила веревки, пряла нитки, заведовала невестками. Отец продолжал управлять всеми семейными делами, повелевал своими младшими и сыновьями [6, с. 56]. Терминология родства у дауров выглядела следующим образом:

отец: 1) ачаа (цицикар. диал. «хачаа») – в значении «мой отец», слово употреблялось только в семейном кругу; 2) эчиг;

мать: 1) эвээ – «моя мать»; 2) эг;

родители – эг эчиг;

родственники по отцовской линии – хончиг;

родственники по материнской линии – ходжоор таар (др. назв. «ноин таар», «наажил»);

дед – утаач (др. назв. «еэ-еэ», с кит. яз. «уе уе»);

бабушка – этээву (др. назв. «тайтии»);

старший брат отца – хигачаа (сокр. «хиг чаа»);

жена старшего брата отца – хигэвээ;

младший брат отца – учикчаа (др. назв. «эхкээ», «эчикээ», «хуухуу», «шуушуу»);

жена младшего брата отца – учиквээ (др. назв. «увумээ»);

старшая сестра отца – найнивээ (др. назв. «найникээ», «да гуу»);

муж старшей сестры отца – найначаа;

младшая сестра отца – гуувуу (гуугуу);

муж младшей сестры отца – гууеэ;

старший брат матери – наажил хикачаа;

жена старшего брата матери – наажил хикэвоо;

младший брат матери – наочоо;

жена младшего брата матери – эмвун наочоо;

старший брат: 1) акаа – родной старший брат, другие старшие родственники; 2) аг (-э) – старший по возрасту;

жена старшего брата – бэргэн;

младший брат – дэу;

жена младшего – брата дэу бэри;

родные братья – турсэн аг дэу;

старшая сестра: 1) экээ – родная старшая сестра; 2) экэчи;

муж старшей сестры: 1) аоши; 2) аошеэ – употребляется младшими по возрасту родственниками жены

младшая сестра - уен дэу (др. назв. «угин дэу»);

муж младшей сестры – дэу хургун;

родные сестры: 1) экир дэу; 2) экэчи дэу [10, с. 1−3, 72−73; пма].

Семья у дауров была моногамной, хотя имелись случаи привода в дом вторых жён. Причиной была бездетность в первом браке или рождение только девочек. В таких семьях домашними делами заправляла первая (старшая) жена, вторая (младшая) была фактически бесправна. Ранее вторыми женами становились дочери рабов (на даур. яз. «ватиг»), являвшихся в основном представителями других народов – эвенков, китайцев.

При заключении брака соблюдался принцип патрилинейной экзогамии. В XX в. имели место внутриродовые браки при отсутствии общих родственников до пятого поколения. По закону о браке, принятом правительством КНР в середине XX в., разрешались браки внутри рода и подрода. Даурское общество в целом негативно восприняло нововведения, в районе Бутха наблюдались протесты старшего поколения дауров, ещё в 1930-х гг. дауры Цицикара наложили запрет на браки внутри подрода. Запрещались браки между родственниками. Хотя у дауров, как и у бурят [2, с. 93; 4, с. 133], сохранялась такая разновидность ранней формы брака, как односторонний кросс-кузенный брак, когда юноша женился на дочери брата матери (на даур. яз. указанная двоюродная форма родства обозначается термином «тааралеэ»). В редких случаях девушка могла выйти замуж за сына брата матери. Данная форма брака не приветствовалась, т. к. родители супругов имели одинаковое кровное происхождение по отцовской линии. Женитьба на племяннице − дочери тёти по отцовской линии была также нежелательной и называлась «обратным браком» (на кит. яз. «hui tou hun»), часто приводила к рождению умственно отсталых и ослабленных детей. Браки между двоюродными братьями и сестрами, являющимися «булээли» (дети сестёр матери), были редки, основным требованием была принадлежность супругов к разным родам. Если юноша относился к роду мэрдэн (сокр. «Мэн»), а его тётя – сестра матери, была замужем за мужчиной из рода мэрдэн, в этом случае юноше запрещалось жениться на дочери тети. Редкостью были браки, когда родные братья из одной семьи женились на родных сёстрах другой семьи. Близнецов-юношей родители старались женить также на близнецах-девушках. Существовало поверье, что в ином случае у близнецов мужского пола будет короткая жизнь [11, с. 8].

Сватовство и свадьба в прошлом устраивались родителями юноши. Провести предварительный сговор и обряд сватовства могли также старейшины рода, к которому принадлежала семья. Однако в большинстве случаев роль посредника в сговоре выполнял «созо» (др. назв. «шөзө») − «человек, предварительно ведущий переговоры с домом невесты, потом посыльный настоящего свата» [1, л. 69]. Обычно юноша и девушка были примерно одинакового возраста. По традиции девушки могли выйти замуж только в нечётные годы жизни, например, в 17, 19 или в 21 год [9,

с. 37]. Семьи предполагаемых супругов находились в дружбе и хорошо знали друг друга. Когда родители юноши были согласны на заключение брака, посылали в дом родителей девушки посредника «созо». Он сообщал, что «такой-то человек [имеется в виду отец юноши – *Ц. Б.*], принадлежащий к такому-то роду, клану, хочет взять вашу дочь в невестки для своего сына. Характер у этого сына очень хороший, родители и все родственники живут хорошо» [1, л. 1–2]. И в заключение краткой речи испрашивал согласия родителей девушки. Если согласие было получено, отправляли в дом невесты свата или сваху «джаучи». Слово, вероятно, имеет одно происхождение с бурятским «зуурши» – сваха [2, с. 124]. В качестве свахи могла выступить близкая родственница или хорошая знакомая семьи девушки. Прибыв в дом родителей девушки, сваха сначала спрашивала: «прежде к вам приходил ″созо″ от такого-то человека, и вы ведь дали своё согласие?». После подтверждения родителей, сваха доставала приготовленную заранее водку, разливала в две чарки и, поставив их рядышком на блюдо, подходила к родителям и кланялась им. Затем подносила блюдо с чарками отцу девушки. Тот брал одну чарку и, следуя обычаю, выпивал её после традиционных уговоров свахи. Другую чарку сваха подносила матери девушки. Если в доме находились дед и бабка и старейшины рода, то сваха обязательно подносила им чарки. Когда все выпивали, считалось, что семья девушки выразила своё согласие. Сваха тотчас кланялась, тем самым, закрепляя данный сговор.

После сватовства родители жениха начинали готовить подарки – «чанта», предназначенные для семьи невесты. «Чанта», вероятно, можно определить как одну из разновидностей калыма, особенностью которого было подношение не только скотом, но и пищей. На подготовку подарков уходило около 1 месяца [1, л. 3–4]. Количество и виды скота, пищи варьировались у разных групп дауров. Подношение подарков у хайларских дауров состояло из двух этапов: 1) «чанта антабэй» («попробовать, отведать подарки»); 2) «чанта идэбэй» («есть, кушать подарки»). Во время первого этапа семья юноши пригоняла к дому родителей девушки несколько голов лошадей и крупного рогатого скота, предназначенных для приобретения предметов приданого невесты [8, с. 108]. По одним данным, «чанта» включал лошадь, корову, девять упитанных свиней или пять овец [11, с. 9]; по другим, в него входила одна лошадь – двухлетка, корова, специально заколотые свиньи или бараны, гуси [1, л. 5]. Прочную супружескую связь символизировало дарение коня с уздой. Корова, принесённая в дар, обязательно была дойной, что рассматривалось как возмещение молока матери невесты во время её младенчества. Праздничную пищу обязательно привозили в повозке, которой управлял один из старших родственников жениха. Она включала варёный бараний крестец, пироги «ват», несколько видов печений – «нари чинтэй утум», «ширгээл» (печенье в виде счастливой ленты в восемь драгоценностей); «хоролго», другие виды сладостей, пенки, водку [8, с. 108; 1, л. 3–4]. На угощение семья невесты приглашала близких родственников. Спустя некоторое время проводился второй этап «чанта», на проведение которого родители жениха выделяли несколько голов овец, «котел» молочных пенок, «стол» пирогов «ват», вышеперечисленные виды печений, сладости, водку. Жених приезжал с родителями и родственниками, кланялся родителям девушки, деду, бабке, старейшинам. В свою очередь те дарили ему деньги, знакомили с родственниками. Невеста в это время отсутствовала, находилась в месте, где её не мог увидеть жених. После угощения стороны выбирали день свадьбы.

За месяц до свадьбы жених приезжал к невесте с подарком (что-либо из женской одежды) и одеялом. Они вместе кушали молочную кашу «лаль» или специально приготовленную лапшу. С ними могла принимать пищу и женщина, у которой были и мальчики, и девочки. Одну-две ночи пара проводила вместе, затем юноша возвращался домой. Этот пример приобщения жениха к семье и роду невесты своими корнями, вероятно, уходит в эпоху матриархата, как и старинная легенда, повествующая о том, как однажды после женитьбы юноша пошел жить в дом невесты. По некоторым данным, ситуация изменилась лишь в последние века, когда девушка стала уезжать в дом жениха [9, с. 42]. В целом, можно отметить схожесть некоторых элементов предсвадебных обрядов с це-

ремониями бурят из цикла «hаал хүргэхэ» [2, с. 128–133; 4, с. 135–136; 7, с. 217–218]

В день свадьбы невеста вместе с приданым в сопровождении отца и матери, родственников, друзей, отправлялась в дом жениха в крытой повозке. Невесту у хайларских дауров сопровождали восемь человек, в их числе были родители невесты, сваты – «денщики», сваты – «проводники» [8, с. 109]. Согласно терминологии свойства, они именовались в следующем порядке: «да хуад» (главный сват), «жиег хуад» (второй сват), «гутаар хуад» (третий сват), «ходжоор хуад» (младший сват). Сватьи, соответственно, назывались «да ходво», «жиег ходво», «гутаар ходво» и «ходжоор ходво» [11, с. 11]. Все сваты и сватьи прибывали в повозках, невеста и самая молодая из сватий − «ходжоор ходво», сидели в отдельной двухместной повозке. Верхом на лошади ехал лишь «ходжоор хуад». После прибытия гостей один из родственников жениха проводил их в западную комнату дома, где усаживал, сообразуясь с их рангом, степенью родства и возрастом. Невеста сходила с повозки, прикрыв лицо красным шелковым платком. В целом, свадьбу (на даур. яз. «хурин») также называли «хулаан байта» (досл. «красное дело», на кит. яз. «хун-ши»). Две женщины поддерживали её с обеих сторон, не давали ступить на землю, под ноги стелили ковры и, таким образом, заводили в дом [инф. Мэн Суочжу]. Как только она переступала через порог дома, ей давали отпить чашку молока и проводили в западную половину дома, где усаживали на южной стороне кана, повернув лицом к окну. Одна из женщин невесток снимала платок, закрывающий лицо девушки, и вместе с другими невестками делала прическу [11, с. 11]. Этот обычай «открывания лица» отличался у разных групп дауров. У цицикарских дауров кто-нибудь из мужчин – родственников жениха откидывал палочкой на крышу дома красный платок, закрывающий лицо невесты. По обычаю хайларских дауров, невеста, зайдя в дом, садилась перед очагом и свекор снимал платок [инф. Мэн Юйшан]. Аналогичный обычай прикрытия лица невесты встречался у некоторых групп южных монголов; по данным Г. Р. Галдановой, у закаменских бурят лицо невесты прикрывалось дохой-плащом из тонкого сукна красного или коричневого цвета [3, с. 122].

После начала свадебного пира, невеста совершала поклоны родителям жениха и его старшим родственникам. Отец жениха произносил традиционное благопожелание, в котором можно выделить следующие выражения: «…у нас есть сын с луком, у вас дочь со стрелой, … с этой стрелой в руке я желаю вам, новой семье, чтобы вы были так же чисты как наконечник стрелы, так же решительны как оперение [стрелы], так же прямы, как древко [стрелы], так же близки друг к другу как жернова… пусть у вас родится дочь, которую выдадите замуж, и пусть родятся семь сыновей…». Заметим, что стрела играла заметную роль и в свадебных обрядах некоторых групп бурят, эвенков [2, с. 140; 4, с. 136–137; 7, с. 178, 212]. Отец невесты так же желал новобрачным счастья, гармонии в отношениях, быть почтительными к старшим и добрыми к младшим, чтобы их союз был честным, а юноша стал хорошим охотником. На следующий день, по некоторым данным, проводились игры (скачки, борьба) и танцы; по другим, сторона невесты на следующее утро ела пельмени и уезжала. Когда родственники невесты отъезжали на некоторое расстояние, за ними вдогонку на коне отправлялся жених. Он требовал вернуть украденные чашки и блюда. Действительно, некоторые гости тайно брали с собой несколько предметов кухонной утвари: блюда, чашки и др. Существовало поверье, что в данном случае девушка не расторгнет брак. Жених позволял родственникам невесты сохранить несколько предметов «украденной» утвари. Похожий обычай, только связанный с послесвадебным угоном скота существовал и у бурят [2, с. 159; 7, с. 215]. У хайларских дауров после окончания свадебного торжества [вероятно, оно завершалось в тот же день – *Ц. Б.*] невеста вместе со всеми выходила во двор и провожала родственников. Тем же вечером в дом к молодожёнам приходили два человека, один из них являлся родственником жениха, второй – невесты. Они, отмечая рождение новой семьи, давали новобрачным две чарки водки, связанные красной нитью. Затем застилали им постель [8, с. 109]. После отъезда родственников невеста исполняла обычай угощения родителей мужа табаком.

По прошествии трёх дней после свадьбы невеста вместе с остальными невестками посещала дома старейшин селения и близких родственников. Невеста совершала поклоны и подавала чарки с водкой. В течение месяца или через три дня после свадьбы девушка на два-три дня уезжала к своим родителям [инф. Мэн Суочжу].

Разводы у дауров были редки, и относились к ним неодобрительно. Даурская пословица гласила: «На месте, где прочитано письмо о разводе, три года не растёт трава». Несчастливая пара обычно разводилась в случае, когда у них не было детей. В случае развода супругов, имеющих совместных детей, они всегда оставались в семье отца [5, с. 669]. Вдовам, имеющим детей, не позволялось вступать в брак, и они оставались в семье мужа. Бездетные вдовы могли повторно выйти замуж после окончания траурного периода. У дауров существовала форма левирата, когда после смерти младшего брата, старший брат мог жениться на его вдове. Младшему брату, в случае смерти старшего, подобная женитьба была запрещена. В целом обычай замены умершего мужа братом существовал у бурят, монголов и многих других народов.

Обращение к некоторым вопросам семьи и брака у дауров позволяет нам сделать заключение, что в XIX – первой половине XX вв. в даурском обществе были сильны патриархально-родовые традиции, оказывавшие большое влияние и на брачные нормы народа. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что брачные обряды дауров отличались сложностью и многообразием; у некоторых групп, например хайларских дауров, свадебная обрядность имела свои особенности. Свадебные церемонии и обряды дауров обнаруживают некоторое сходство с аналогичными традициями монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, в частности бурят, монголов, эвенков, что, вероятно, объясняется былыми этнокультурными взаимосвязями этих народов.

Список литературы

Источники

Мэн Суочжу, 1934 г. р., даур, род мэрдэн, патронимическая группа чонлоо, алакчаан айл, с. Баян-Тала эвенкийского автономного хошуна АРВМ КНР.

Мэн Юйшан (Хас-Уул), 1951 г. р., род мэрдэн, патронимическая группа чонлоо, нэргиэнчэн айл, г. Хулун-Буир АРВМ КНР.

И Сун, 1960 г. р., даур, род онон, патронимическая группа кайкоо, г. Хухэхото АРВМ КНР.

Тумуртэй, 1936 г. р., даур, род говол, уршиг айл, г. Нантун эвенкийского автономного хошуна Хулун-Буирского аймака АРВМ КНР.

Литература

1. Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. № 145. Оп. 1. № 1–17 (фонд Б. И. Панкратова).

2. Басаева К. Д. Брак и семья у бурят. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1991. 192 с.

3. Галданова Г. Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1992. 173 с.

4. Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 1986. С. 131–159.

5. Народы Восточной Азии / под ред. Н. Н. Чебоксарова, С. И. Брука, Р. Ф. Итса. М.: Изд-во АН СССР, 1965. 1025 с.

6. Поппе Н. Н. Дагурское наречие: материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тану-Тувинской Народной Республики и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 6. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1930. 182 с.

7. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2004. Т. 1. 508 с.

8. Хандсурэн Ц. Дагуурын заншлын тухай тэмдэглэл // Түүхийн судлал. Studiahistorica institute historiae academiae scientiarum reirublicae populi mongolici. Tomus X. Fasc. 8. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академиин Хэвлэл, 1974. С. 105–111.

9. In search of China's minorities / by Zhang Weiwen and Zeng Qingnan. Beijing: New world press, 1993. C. 37–42.

10. Namčarai. Mongγol, daγur, qitad töröl sadun-u daγudalγa-yin toli. Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriγ-a, 1992. 2618 с.

11. Stuart K., Li Xuewei and Shelear. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore // Sino-Platonic Papers. Number 60. December, 1994. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994. 208 p.

Статья поступила в редакцию 17.03.2012 г.

УДК 947 (571)/53
ББК М 184

Николай Геннадьевич Малеев,
соискатель, Бурятский государственный университет
(Иркутск, Россия), e-mail maleev@kvsu.ru

Земледельческое освоение Предбайкалья: Идинский острог

В статье освещается процесс аграрной колонизации Предбайкалья на примере расселения крестьян и земледельческое освоение вокруг Идинского острога, возле которого возникли две слободы. Идинский острог был поставлен по просьбе бурят, в целях защиты от монгольских отрядов. Расселение крестьян шло по государственной программе в непосредственной близости с бурятскими кочевьями. Местность вокруг Идинского острога была пригодна для земледелия. Земледельческое освоение Предбайкалья имело свои особенности, которые основаны главным образом на номадном хозяйстве автохтонов. Под влиянием русских поселенцев среди идинских бурят стали возникать земледельческие хозяйства. В статье рассматривается налоговое обложение крестьян, структура их управления. Земледелие развивалось в целях создания продовольственной базы.

Ключевые слова: острог, слобода, крестьяне, земледелие, подати, продовольственная база.

Nikolai Gennadievich Maleev,
a degree seeking student at Buryat State University
(Irkutsk, Russia) e-mail maleev@kvsu.ru

Agricultural Development of Predbaikalia: Idinsky Fort

The article highlights the process of agricultural colonization in the western Baikal Region taking as an example resettlements of peasants and agricultural development around the Idinsky fort, near which there were two settlements. Idinsky fort was made at the request of the Buryats, in order to protect against the Mongolian troops. The resettlement of the peasants was organized according to the state program in the immediate vicinity of the nomadic Buryats. The area around the Idinsky fort was suitable for farming. Agricultural development of the Baikal area had its own characteristics, which are based mainly on nomadic agriculture of aborigines. Under the influence of Russian settlers there appeared some Idinsky Buryats' farms. The article considers the imposition of the tax for farmers, the structure of their management. Agriculture developed mostly to create a food base.

Keywords: fort, settlements, farmers, taxes, food base.

Земледельческое освоение Приангарья, начавшееся с XVII в., было делом государственной важности. Для того, чтобы создать продовольственную базу, местные власти принимали «энергичные меры к насаждению в крае хлебопашества» [5, с. 62]. Правительство садило на пашню ссыльных, гулящих людей и переводило сюда пахарей из России (это были так называемые «переведенцы») [5, с. 63].

Земледельческое освоение Предбайкалья проходило при полном покровительстве российского правительства. В отличие от других регионов Сибири оно имело свои особенности: отсутствие крепостного права, помещичьего землевладения, наличие номадного хозяйства у местного населения, преобладание казенных земель, отсутствие удобных путей сообщения и т. д. [2, с. 76].

© Г. Г. Малеев, 2012

Во второй половине XVII в. стали возникать поселения и в долине реки Ангары и её притоков: Иды, Оки, Иркута, Белой и др., когда с постройкой Балаганского острога приангарские буряты были усмирены [5, с. 54]. Расселяясь по берегам больших рек, русские отодвигали местное население.

Одним из примеров аграрной колонизации является Идинский острог. В отличие от других острогов, Идинский был поставлен по просьбе бурят. Во второй половине XVII в. участились набеги ойротских и монгольских феодалов на земли идинских бурят [1]. Громя улусы, угоняя скот, пленных, они пользовались двумя городищами курыкан в этом месте, а третье было на левом берегу Ангары, получивший название «Мунгальский перевоз» [4, с. 46].

В 1669 г. в Илимский острог обратились буряты: «били челом на мунгальских немирных иноземцев», которые приезжают к ним, ясачным брацким людям почасту и чинят им де обиды и утеснение большое и угрожают де воинским приходом, похваляются де повоевать и разгромить вконец». Острог они просили поставить между Иркутом и Балаганском у устья р. Иды. Для того, чтобы «запереть мунгальскую дорогу», был построен Идинский острог [5, с. 96].

Правый мыс, образуемый р. Идой, со стороны Ангары полого опускался к реке, с юга мыс отвесной 30-ти метровой скалой возвышался в водах реки Иды. В 1675 г. русский посол Н. Спафарий, направленный в Китай, называет реку Иду – Каменкой, а острог, насчитывавший всего 8 казацких дворов, Каменским. По-видимому, это название речке и острогу дали первые русские жители этого места, и это название осталось за селом, возникшим на левом мысу вблизи острога, до настоящего времени.

Значительную часть поселения острога составляли служилые люди, нёсшие военную или гражданскую службу. Они собирали ясак с бурятского населения, хлеб и другие налоги с крестьян, промышленных, торговых и гулящих людей, несли караулы, сопровождали торговые караваны в Монголию и Китай. В 1693 г. в Идинском остроге несли службу 32 конных и пеших казака, получившие денежного жалования полного и годового оклада сто сорок один рубль [5, с. 65]. Вторую группу населения составляли неслужилые или «жилецкие» люди – пашенные крестьяне.

Пашенные крестьяне селились около острогов, поскольку они воздвигались, как правило, на местах, «удобных для хлебопашества и сенокошения» [5, с. 55]. Около Идинского острога возникли две слободы, население которых занималось земледелием. Слобода на левом мысу называлась Идинской, на правом мысу под острогом – Кузнечной. В 1682 г., когда Иркутский острог стал центром самостоятельного воеводства, в числе других острогов к Иркутску был приписан Идинский острог.

Почва у Идинского острога была пригодной для хлебопашества. И. Г. Гмелин, проезжая через Идинский острог в 1736 г., записал: «Местность здесь очень приятная и почва очень пригодна для земледелия. В прошлом урожай из-за частых дождей, выпавших к осени был плохим, поэтому и пшеница этого года продавалась по 20 копеек, в то время как за пшеницу предшествующих лет платили охотно в два раза больше» [1, с. 85].

Новопоселенцы пользовались льготами и пособиями. Первые пашенные люди Идинской слободы за 4 десятины собственной пашни обязывались пахать одну десятину государственной. Собранный хлеб с этой десятины они доставляли в казенные амбары в Иркутск. Часть крестьян за десятинную пашню платила годовой оброк отсыпным хлебом-зерном. Их называли хлебными «оборотчиками», «отсыпниками».

Освоение целинных земель, связанное с вырубкой тайги, которая зелёной стеной стояла у острога, требовало не только огромных физических, но и денежных затрат. И люди, с приходом которых началось развитие земледельческого хозяйства этого края, почти ежегодно были должниками государя. Так в 1697 г. остались должны от 10 четвертей до полосьмины крестьяне Сенька Максимов, Ивашка Давыдов, Сенька Хороших, Пашка и Ивашка Середкины, Василий Короб, Климец Ананьин и др. всего 17 человек, их потомки живут в Каменке и соседних селениях до сих пор [6, с. 16].

Ежегодно с крестьян собирали «поворотные деньги» (50 копеек), а также за покосы и рыболовные угодья, на содержание местной администрации, на канцелярские рас-

ходы, государственные постройки. В 1684 г. приказчик Идинского острога Павел Перфильев писал Иркутскому воеводе Леонтию Константиновичу, что в Идинском собраны поворотные деньги (полтина со двора), десятые (с рыбного промысла), с продаваемых товаров (гривна с рубля) тридцать один рубль, тридцать алтын. Деньги были отправлены в Иркутскую приказную избу с казачьим десятником Прокопием Чернеговским. Проиграв в карты, пропив эти деньги со своим дружком Титовым, П.Чернеговский явился в острог. Воевода потребовал преступников выслать в Иркутск. «Десятник Пронька Чернеговский будет выслан тотчас, а Якунька Титов бежал неведомо куда», – сообщил Павел Перфильев воеводе [6, с. 16].

Деньги эти в то время были очень большие: корова стоила 1–3 рубля, лошадь 2–4 рубля, кузнец за косу и серп получал алтын (3 копейки).

Со всех товаров (хлеб, рыба, скот, дешёвая пушнина) собиралась пошлина при продаже не только с купцов, но и с крестьян и промышленных людей. Продававшие хлеб со своей пахоты, вносили пошлину по 10 денег (5 копеек), перекупщики хлеба – по гривне с рубля, продавцы лошадей и скота уплачивали погривенную пошлину, а покупатели – «пошёрстное» (по 6 денег с лошади) и «роговое» (по два алтына с коровы) [3, с. 64]. Обременённые поборами, посадские, промышленные, торговые люди и крестьяне старались избавиться от кое-каких сборов. Так в «Сметном списке» Идинского острога за 1693 г. сказано, что торговых и промышленных людей, скота перекупного не было, и намеченная пошлина (16 алтын и 4 деньги) и оборотные деньги (два рубля) собраны не были. Не была взята и пошлина (3 алтына и 2 деньги) с «пив и бряг явчих» [3, с. 65].

Под влиянием крестьянских хозяйств, а также из-за земельного стеснения, вызванного появлением переселенцев, экономический уклад бурят стал трансформироваться. Русские земледельцы передавали бурятам свой трудовой опыт, снабжали их хлебом в обмен на продукты скотоводства и охоты. Буряты постепенно переходили к оседлому образу жизни, у них широко распространилось земледелие

В 1724 г. при Петре I была введена подушная подать. Она взыскивалась одновременно с натуральной хлебной повинностью четырёхгривенными деньгами и через два года была отменена. В 1762 г. «государева пашня» и оборочный (отсыпной) хлеб отменяются. Вместо них был введен однорублёвый сбор.

В XVII в. пашенные крестьяне находились в ведении воевод. «Мы то пашенное дело положили на вас», – гласили царские указы воеводам. В XVIII в. Идинский острог считался крупным поселением в Восточной Сибири. Период бродячей жизни для казаков окончился. Многие из них превратились в поселян. В Идинской волости (центр Идинский острог) управляла крестьянами Приказная изба во главе со старшиной. Его избирал сельский сход. Десять человек избирали десятского, на сто человек был староста. Сход избирал местный суд – сельскую управу, смотрителя хлебного магазина, пожарных, старост. Выборные лица отчитывались за свою работу перед «миром» и Провинциальной канцелярией, которая в волости имела своего представителя.

Староста и сотский следили за пахотой и уборкой урожая, постройкой домов, делили между крестьянами пахотные земли и покосы, собирали с крестьян денежную казну, хлеб и отправляли его с магазины Провинциальной канцелярии, следили за поведением крестьян и наказывали их денежными и телесными штрафами (порка розгами). За малые погрешности крестьян сажали на несколько дней «на хлеб и воду», «в цепь и колодки», для лучшего посрамления приковывали на цепь на несколько часов у Приказной избы. Крестьяне не могли выехать из родной деревни без «письменного вида» на короткий срок и без паспорта – на длительный. За самовольную отлучку его ждало наказание, а должникам паспорта не выдавались.

Итогом упорного труда крестьян земледелие стало основой хозяйственного освоения Приангарья. В начале 90-х гг. XVII в. у берегов Ангары образовался очаг русского земледелия. Посевные площади расширялись, улучшалась агротехника, крестьянство удовлетворяло не только свои потребности, но и поставляло излишки хлеба. Хлеб, выращенный у Идинского острога, отличался высоким качеством и пользовался спросом.

Список литературы

1. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. Новосибирск, 1968.

2. История Бурятии. Т. II. XVII – начало XX в. Улан-Удэ, 2011.

3. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М., 1995.

4. Кашик И. О. Присоединение Прибайкалья к Русскому государству// Из истории Иркутской области (Историко-краеведческий сборник в помощь учителям начальной и средней школы). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966.

5. Серебренников И. И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. Иркутск: Паровая тип. И. П. Казанцева, 1914.

6. Фетисов Н. В., Малеев Н. Г. Идинский острог. Село Верхнеострожное. Село Каменка. Очерки по истории родного села. Иркутск, 2008.

Статья поступила в редакцию 16.01.2012 г.

УДК 37(091)
ББК Ч33(2Р54)

Инна Николаевна Мамкина,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Женские гимназии Забайкальской области (по материалам государственных архивов Забайкальского края и Иркутской области)

На основе архивных документов автор рассматривает роль и место женских гимназий в системе народного просвещения Забайкальской области. В работе представлен историографический обзор, определена степень научной разработанности указанной темы, дана краткая характеристика гимназического образования в России, определены основные типы учебных заведений. В статье обобщены сведения о забайкальских женских гимназиях, материальной базе, условиях открытия и деятельности. Дан анализ социального состава учащихся. Приведены сведения о педагогических коллективах, уровне их профессиональной подготовки. Рассмотрены условия поступления и обучения в гимназии, организация учебно-воспитательного процесса, представлены сведения об учебных программах и качестве образования. Определена позиция общественности и государства относительно реформирования женского гимназического образования.

Ключевые слова: Забайкальская область, женская гимназия, система учреждений народного просвещения, среднее образование, гимназическое образование, женское образование, реформы, условия обучения.

Inna Nikolaevna Mamkina,
Candidate of History, Associate professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Female High Schools in the Trans-Baikal Region (based on the archive documents from Trans-Baikal and Irkutsk regions)

Basing on the archive documents the author examines the role and the place of female high schools in the people's education system in the Trans-Baikal region. The historical review is introduced, brief description of the high school education in Russia is given, and basic types of the institutions of learning are defined by the author in this article. The information about Trans-Baikal female high schools, facilities, conditions of foundation and activity is summarized in the article. The analysis of students' social position is given. The data about teaching stuff and their professional quality level are presented. Entrance conditions, learning environment, and organization of study and pedagogical work are considered, the data about learning programs and education quality are exposed. The public and government opinion towards reorganization of female high school education is defined.

Keywords: the Trans-Baikal region, female high schools, people's education system, secondary education, high school education, female education, reorganization, learning environment.

© И. Н. Мамкина, 2012

Государственно-политические и социально-экономические преобразования 1990-х гг. оказали существенное влияние на российское образование. Реформы обусловили многообразие образовательных учреждений – лицеев, колледжей, гимназий; вариативность образовательных программ; способствовали развитию негосударственного сектора образования. Учитывая исторический опыт можно проследить некую аналогию с развитием системы образования на рубеже XIX – начала XX вв.

Ускоренное социально-экономическое развитие страны указанного периода стало причиной глубоких изменений в системе образования. Количественные и качественные изменения, происходящие в системе народного просвещения Забайкальской области, требуют глубокого анализа и обобщения с целью воссоздания объективной картины его развития. Изучение истории народного просвещения способствует выявлению преемственных связей прошлого, лучшему пониманию и решению современных проблем образования, все это в совокупности обусловило актуальность исследования.

Историография данной темы представлена работами дореволюционных, советских и современных исследователей. Работы, написанные в досоветский период, немногочисленны. Они отличаются узкой направленностью тематики. Авторы описывали преимущественно, историю конкретных учебных заведений (А. И. Попов, Н. Н. Бакай и др.). О деятельности учебных заведений, в том числе гимназий, писали известные педагоги того времени Н. А. Корф, Н. В. Чехов [27, с. 324–341; 28, с. 224]. Определённый интерес представляют отчёты по поездкам в Сибирь А. Н. Куломзина [29, с. 143] и П. Э. Соколовского [30, с. 318].

В начале XX в. появляются обобщающие труды по истории народного образования в России второй половины XIX – начала XX вв., выполненные по заказу правительства В. И. Фармаковским и С. В. Рождественским [31, с. 200; 32, с. 785]. В них в основном рассматривалась деятельность государственных учебных заведений и уделялось внимание вопросу подготовки учителей. Анализируя эти работы, можно сказать, что они, характеризуя положение народного просвещения, не касались его насущных проблем: нищенского положения народных учителей, узких общеобразовательных программ, недостатка квалифицированных кадров.

Сведения о деятельности гимназий носят фрагментарный характер и в основном базируются на учебных заведениях европейской России.

В первые десятилетия советской власти работа по изучению системы дореволюционного образования не велась. Историки и педагоги, подходя к этой проблеме с марксистских позиций, не видели никакого практического смысла в изучении, как они считали, реакционной системы образования. Исключение представляет работа Н. С. Юрцовского «Очерки по истории просвещения Сибири» [33, с. 246]. Работа ещё не отмечена советской идеологией. Она была подготовлена по материалам местных периодических изданий, архивных справок и данных из учебных заведений. Следует отметить разнообразие статистического материала в работе.

Основная масса работ, касающаяся интересующей нас проблематики, появилась в 1970–1980-х гг. Прежде всего, следует отметить обобщающие работы авторских коллективов: «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941 гг.», «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (кон. XIX – нач. XX вв.)» и работы Ф. Г. Паначина, в которых представлена история развития образования в России и СССР [34, с. 455; 35, с. 250]. В данных работах хорошо показаны различные дореволюционные учебные заведения, которые распределены согласно их типовой принадлежности. Авторами приводится общее описание организации учебного процесса, в том числе и в гимназиях.

На фоне перечисленного, следует особо отметить и выделить в отдельную группу работы, посвящённые исследованию региональной истории образования. В 1959 г. опубликована работа А. П. Панчукова «История начальной и средней школы Восточной Сибири», в которой представлена история народного просвещения с XVIII по XX вв. Приводятся сведения об учебных заведениях, но данные по Забайкальской области носят фрагментарный характер [36, с. 512].

В целом, советская историческая и педагогическая наука изучала лишь некоторые вопросы, связанные с русской дореволюционной школой, как правило, останавливаясь на сословном характере обучения и многообразии типов учебных заведений.

В 1990-х гг. в контексте реформ образования усилился интерес к истории народного просвещения. Среди значительного количества работ по этой теме появляются исследования по истории образования отдельных регионов. Следует отметить диссертации С. М. Алексеевой о системе образования Иркутской области в 1917–1956 гг. (2003), О. Б. Лынши о истории образования на Дальнем Востоке в 1860–1917 гг. (2000), Е. В. Ким о системе образования Енисейской губернии (2001 г.). Работы имеют междисциплинарный характер, написаны на стыке педагогики и истории. Появляются работы, предметом исследования которых становятся гимназии. Особый интерес вызывает работа А. И. Шилова «Средняя школа Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв.» [37]. С позиции педагогики автор уделяет внимание гимназическому образованию, частично затрагивает исторические аспекты. В 2008 г. в Иркутске опубликован исторический очерк З. И. Рабецкой «Иркутская вторая женская И. С. Хаминова гимназия 1879–1920 гг.». Работа даёт полное представление о деятельности данной гимназии [38, с. 137]. В 2010 г. И. В. Зубков опубликовал исследование о повседневной жизни преподавателей гимназий и реальных училищ [39, с. 510]. Указанные работы свидетельствуют об определённом интересе к истории гимназического образования в регионах, а в частности, в Восточной Сибири. Однако они не включают в круг исследования забайкальские гимназии. Фактически, статьи Т. А. Константиновой в «Энциклопедии Забайкалья» и «Малой энциклопедии Забайкалья: наука и образование» являются единственными публикациями о забайкальских гимназиях [26, с. 37–38].

Обзор и анализ исторической литературы по проблеме исследования свидетельствует о том, что количество работ разного уровня по вопросам развития народного образования, а в частности, гимназического, в Забайкальской области конца XIX – начала XX вв. – незначительно. Как правило, многие авторы ограничивают предмет исследования территориальными рамками Восточной-Сибирского генерал-губернаторства, исключая Забайкальскую область. С позиции административно-территориального устройства это логично, Забайкальская область входила в состав Приамурского генерал-губернаторства. Но относительно учебных округов область прикреплялась к Восточно-Сибирскому учебному округу. Как правило, исследователи истории образования Дальнего Востока и Приамурья в связи с этим исключают из предмета исследования Забайкальскую область. Таким образом, история народного образования Забайкальской области представлена фрагментарно. Эта проблема не ставилась и не подвергалась целенаправленному, специальному изучению для более полной и разносторонней оценки исторического опыта прошлого с точки зрения современного развития образования.

Учитывая указанную проблему, целью исследования является обобщение, систематизация, анализ деятельности забайкальских учебных заведений, в частности, женских гимназий. В ходе работы предполагается проследить динамику развития гимназий в Забайкальской области. Дать комплексную характеристику деятельности забайкальских гимназий. Оценить организацию учебно-воспитательного процесса, материальную базу, социальный состав преподавателей и учащихся.

К началу XX в. количество учебных заведений МНП увеличивается, несмотря на платное обучение. Они были представлены одно- двухклассными начальными училищами, реальными училищами, городскими училищами, прогимназиями, гимназиями. Каждый тип учебного заведения имел определённый срок обучения и учебную программу, выпускники получали свидетельство установленного образца.

Начальное образование осуществляли начальные училища и прогимназии, среднее – реальные училища, гимназии. Примечательно, что в реальные училища принимали только мальчиков. В учебной программе значительное внимание уделялось точным наукам, классические языки не изучались. Выпускники реальных училищ поступали в вузы по результатам вступительных экзаменов.

Гимназии были мужские и женские. Плата за обучение в гимназии составляла в среднем 60 рублей в год. В середине XIX в. в гимназиях в основном обучались дети дворян и чиновников, в начале XX в. – дети городских сословий. Необходимо отметить, что существовали различия между женскими и мужскими гимназиями. Курс обучения в мужской гимназии был представлен восьмью классами, учебный план предусматривал углублённое изучение наук, в том числе и древних классических языков. Выпускники мужских гимназий имели право поступления в вузы страны без вступительных экзаменов. В женских гимназиях древние языки не преподавались, курс обучения включал семь классов, программа носила упрощённый характер. Для поступления в вуз выпускницы гимназий вынуждены были выравнивать учебную программу, сдавать дополнительные экзамены, в том числе и древние языки.

С конца XIX в. в женских гимназиях открываются VIII дополнительные классы педагогической направленности. Обучение было платным. Учебная программа включала методику преподавания отдельных дисциплин, педагогику, практические занятия. Педагогические классы набирались по физико-математическому, историко-филологическому, медицинскому, техническому, педагогическому направлениям. Выпускницы педагогических классов получали возможность работать в будущем домашней учительницей.

В начале XX в. в России насчитывалось более семисот гимназий, из них около двухсот женских. В Восточно-Сибирском учебном округе общее количество гимназий не превышало двух десятков. В основном преобладали женские гимназии. Так, в Забайкальской области действовало пять женских и одна мужская гимназия.

В Забайкальской области гимназии открывались в крупных населённых пунктах, уездных городах при содействии городских и купеческих обществ. Общества, чаще купеческие, выделяли денежные средства, обеспечивали гимназии помещениями. Ученический состав гимназий был многочисленный, наполняемость классов в среднем составляла 38–40 человек. Каждую четверть педагогические советы рассматривали прошения о принятии учениц в гимназию «сверх комплекта». Помощь со стороны общественности, наполненность классов и отсутствие дополнительных мест позволяют сделать вывод о востребованности гимназического образования в области.

В 1860 г. в Забайкальской области была открыта первая женская гимназия в Верхнеудинске, в 1862 г. – Троицкосавская имени графа Н. Н. Муравьева-Амурского женская гимназия, в 1868 г. Нерчинская Софийская женская гимназия, в 1893 г. открыты первая, а 1906 г. вторая женские гимназии в Чите. Как правило, большинство гимназий открывалось на базе женских начальных училищ, постепенно увеличивая количество классов, статус менялся от начальных училищ до прогимназий и, наконец, гимназий.

В 1860 г. в Верхнеудинске было учреждено женское училище 2-го разряда (трёхклассная женская прогимназия). В 1881 г. прогимназия работала как 4-х классная с двумя подготовительными классами. С 1 августа 1904 года из-за ежегодного открытия старших классов, начато преобразование прогимназии в гимназию. К 1 августа 1906 года в гимназии существовало семь классов, в 1909 г. открылся VIII дополнительный педагогический класс. Гимназия располагалось на Троицкой улице в трёх деревянных зданиях, соединённых между собой каменными переходами. Первое здание было пожертвовано верхнеудинским купцом И. П. Фроловым, второе построено в 1882 г. на средства города и частные пожертвования, третье – в 1906 г. на средства попечительского совета. Гимназия располагала отдельным физическим кабинетом, небольшим залом, библиотекой, кабинетом для врача, учительской, канцелярией и 10 классными комнатами. В связи с отсутствием пансиона и общежития ученицы обычно жили у родителей или родственников.

В год на содержание гимназии расходовалось 33000 р. – 13350 р. из государственной казны, и 14043 р. составляла плата за обучение, остальные средства составляли пожертвования, стипендиальный капитал [1, с. 1]. Гимназия располагала шестью стипендиями, основанными Верхнеудинским мещанским и городским обществом имени поэта А. С. Пушкина. Размер единовременной стипендии составлял 10 р. в год. Стипендия

выдавалась беднейшим ученицам без налагания на них каких-либо обязательств. Однако размера стипендии было недостаточно, чтобы оплатить годовое обучение, которое составляло в среднем 55 р. в год. Педагогический совет ходатайствовал об увеличении стипендии.

В 1915 г. в гимназии обучалось 399 учениц, а в 1917 г. уже 479. Большая часть учащихся относилась к православной религии – 80 %; иудейского вероисповедания – 15 %; римско-католического – 2 %; остальной процент приходился на иные конфессии христианской церкви. По сословному составу соотношение выглядело следующим образом: 34 % – городские сословия; 33 % – крестьяне; 23 % – дети личных дворян и чиновников; 5 % – дети почётных граждан; 3 % – духовного звания; 2 % – казаки [2, с. 4]. Учебная программа включала Закон Божий, русский язык, математику, географию, историю, естествознание, физику, чистописание, рукоделие, немецкий язык, французский язык, рисование, педагогику, гигиену.

В 1914 г. в педагогическом коллективе гимназии состояли – начальница гимназии – Е. В. Зубова, преподаватели М. П. Михайлова, Е. А. Борисова, Ф. А. Нелюбова, Р. Я. Селиванова, Э. К. Граудин, А. А. Никитская, А. А. Дитцель, А. И. Старкова, Н. В. Венгер, А. Н. Лахина, А. Ф. Егерева, З. П. Лахина, В. П. Протопопова. Л. С. Дубовик, Н. Павлова. Трое преподавателей окончили Верхнеудинскую гимназию [3, с. 15]. Таким образом, Верхнеудинская женская гимназия функционировала успешно. Ежегодно увеличивалось количество учащихся и выпускниц. Для более качественного образования был скорректирован учебный план.

18 апреля 1862 года на пожертвованные Кяхтинским купеческим обществом средства было открыто женское училище первого разряда. В 1872 г. училище преобразовано в женскую трехклассную прогимназию, а в 1886 г. прогимназия получила статус полной семилетней гимназии. В 1896 г. на пожертвования открыт VIII педагогический класс. Гимназия имела собственное двухэтажное деревянное здание, купленное купеческим обществом. И если в 1870-х гг. здание соответствовало требованиям, то в 1915 г. начальница гимназии О. В. Лесонг в отчете отмечала плохое освещение и тесноту помещения [6, с. 8]. Пансиона для учениц гимназия не имела, девочки в основном проживали вместе с родителями, т. е. основная масса учащихся проживала в городе. Гимназия располагала девятью стипендиями для студентов и капиталом бывшей начальницы Е. А. Ошурковой для выдачи пособий преподавателям.

В 1916 г. в гимназии работали семь преподавателей наук, пять – искусств, шесть классных надзирательниц – О. В. Лесонг, Н. Г. Малышев, Н. Д. Гратинский, В. А. Болотов, К. Д. Стерьхов, Л. А. Толченова, А. Н. Орлова, Е. И. Толченова, С. Л. Муромова, А. Л. Смирнова, Ф. Я. Попкова, Е. И. Коркина, М. Ф. Рихард, Е. В. Лесневская, О. П. Иекель, М. Е. Рожкова, Н. Д. Раковская, М. А. Черникова, В. А. Бушуев, В. М. Седыгин, К. Д. Полуянов [6, с. 9–13]. Из общего числа преподавателей и классных надзирательниц восемь окончило Троицкосавскую женскую гимназию.

Гимназистки изучали математику, физику, историю, географию, естествознание, русский, немецкий и французский языки, рисование, пение и музыку, рукоделие. Обязательным для изучения был один иностранный язык, по заявлению родителей ученицы могли отказаться от второго. Интересно, что в годы Первой мировой войны циркуляром министерства обязательным языком определили французский.

В 1899 г. в гимназии обучалось 250 учениц в основном православного вероисповедания (дети дворян и чиновников, духовенства, потомственных граждан и купцов 1-й и 2-й гильдии, мещан, ремесленников, казачьего сословия, крестьян), а также дети инородцев и иностранцев. В 1915 г. в гимназии обучалось 308 учениц. По социальному составу учащиеся распределялись следующим образом – 43 % городских сословий; 19 % дети личных дворян и чиновников; 12 % крестьян. Остальные сословия были представлены незначительным количеством учащихся [6, с. 14].

Нерчинская Софийская женская гимназия была открыта 26 сентября 1868 г. как женское училище, состоявшее из приготовительного и трёх основных классов. В 1899 г. в честь 100-летнего юбилея со дня рождения

А. С. Пушкина был открыт четвёртый класс. В 1872 г. училище преобразовано в прогимназию и переименовано в память о Софии Андреевне Бутиной (покойной супруге М. Д. Бутина) в Софийскую женскую прогимназию. К 1915 г. гимназия имела семь основных, педагогический и шесть параллельных классов.

Первоначально гимназия размещалась в доме, пожертвованном купцами Н. Д. Бутиным и М. Д. Бутиным. В 1903 г. у духовного ведомства гимназия приобрела каменное двухэтажное здание на Соборной площади. В 1917 г. здесь обучалось 589 девочек всех сословий с преобладанием детей дворян и чиновников, 157 из них в связи с отсутствием пансиона и общежития жили на частных квартирах. В учебный план гимназии был включён латинский язык. Желающие изучать язык доплачивали 60 р. [16, с. 154].

Первая Читинская женская гимназия открыта в 1893 г. на базе четырёхклассной прогимназии. Гимназия включала семь классов и VIII педагогический класс. Первой начальницей была назначена И. Н. Кущинская, в 1913 г. − Н. А. Лаврова. Попечительский совет возглавил читинский купец 1-й гильдии И. А. Колеш, почетной попечительницей являлась супруга генерал-губернатора забайкальской области М. П. Мациевская. В первые годы своей деятельности гимназия располагалась в деревянном доме купца А. С. Юдина, купленным городским головой И. Н. Замошниковым. В 1909 г. по ходатайству попечительского совета для гимназии построено новое двухэтажное каменное здание по ул. Уссурийской (в здании ныне располагается исторический и филолологический факультет Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета). В 1897 г. в гимназии открыт пансион, рассчитанный на 45 воспитанниц, полное содержание составляло 350 р. в год. Плата за обучение составляла 35 р. в год за начальные классы, 50 р. в год за остальные.

В 1893 г. преподавательский состав гимназии состоял из 14 человек. В 1913–1914 г. работали законоучитель о. В. Лахин, преподаватели Ф. Я. Лебедев, С. П. Амелин, А. А. Терехова, Ю. В. Смирнова, М. Н. Неупокоев, С. И. Соболева, А. А. Пасынкова, А. Ф. Зензинова, А. А. Варакина, О. Н. Кущинская, А. В. Бехтер, А. А. Цитович, К. В. Сиверина, К. И. Бекаревич, Т. Я. Коссова (франц. яз), А. Н. Эпова. Председателем педагогического совета являлся М. И. Цветнев [7, с. 5].

В гимназии изучали – русский, немецкий языки, математику, чистописание, естествознание, историю, географию, рукоделие, пение, рисование. В 1909 г. в гимназии обучалось 460 девочек, в основном дети дворян и чиновников, а так же городских слоев населения преимущественно православного вероисповедания.

Второй читинской женской гимназией стала гимназия, переведённая из Порт-Артура по ходатайству директора народных училищ Забайкальской области П. Н. Рябинина. В августе 1912 г.одав гимназии был открыт VIII педагогический класс, где обучалось 15 учениц. В 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны, сложным финансовым положением, попечительским советом второй Читинской женской гимназии обсуждалось предложение о закрытии VIII педагогического класса. Для окончания курса обучения ученицам было предложено закончить обучение в VIII классе Первой Читинской женской гимназии. Однако, количество мест в Первой гимназии было ограничено и совет предложил закрытие педкласса отложить.

Неоднократные выступления педагогов и общественности о необходимости изменения учебных программ VIII педагогического класса стали одной из причин реформирования VIII классов. Реформы были направлены на усиление педагогической и практической подготовки. В целом большинство гимназий согласилось с изменением программы обучения, но реформирование было сопряжено для гимназий с финансовыми трудностями и поэтому реформы не дали ожидаемого результата.

В июле 1916 года был принят закон, предусматривающий организацию при женских гимназиях VIII дополнительного общеобразовательного класса. В общеобразовательных классах изучались дисциплины, необходимые для поступления в вуз, «наличие коих (дисциплин (прим. авт.) удостоверялось доселе путём выдержания дополнительного испытания по некоторым предметам в объёме курса мужских гимназий» [11, с. 44]. Открывшиеся

VIII общеобразовательные классы постепенно вытесняли педагогические классы.

После февральской революции 1917 г. в период власти Временного правительства система народного просвещения переживала период демократизации. В учебных заведениях вводились новые учебные дисциплины, увеличивалось количество учебных часов, изменялись прежние учебные программы. В управление делами гимназии допускались представители от учащихся, родительского комитета, общественных организаций, которые имели право корректировать учебные программы гимназий.

В августе 1917 г. в Иркутске состоялся съезд преподавателей средних школ. Известно, что делегатом от Второй Читинской женской гимназии была Елена Григорьевна Головачева [12, с. 70]. По мнению делегатов съезда, педагогическое отделение следовало сделать необязательным, но в связи с неопределённой политической ситуацией в стране вопрос о гимназиях оставался открытым [14, с. 53]. После установления советской власти гимназии как тип учебного заведения были упразднены.

Таким образом, оценивая вклад женских гимназий в развитие системы народного образования можно выделить и положительные, и отрицательные черты. Открытие женских гимназий в Забайкальской области хронологически совпадало с численным ростом гимназий в центральной России. Однако условия открытия женских гимназий, необходимость участия общественности, обязательность частичного финансирования из местных средств затрудняли процесс учреждения гимназий в Забайкальской области. Ещё одним сдерживающим фактором являлась обширная, но слабозаселённая территория. Гимназии открывались преимущественно только в крупных населённых пунктах, уездных городах. Высокая плата за обучение, отсутствие у гимназий пансионов, необходимость дополнительных расходов на проживание в городе, делало недоступным гимназическое образование для сельских слоев населения. В то же время наполняемость классов (до 40 учениц), открытие параллельных классов, открытие частных гимназий, в частности, Цимбал-Миклашевской в Чите, свидетельствует о востребованности гимназического образования среди городского населения.

Положительными чертами женских гимназий Забайкальской области являлся высокий образовательный и профессиональный уровень педагогических коллективов. Более 70 % преподавателей имели высшее образование, 100 % имели право преподавания в учебных заведениях. И в то же время недостатком женского гимназического образования являлись упрощённые программы обучения, ограниченное количество учебных часов, контроль за содержанием образования со стороны власти. Педагогическая общественность выступала за улучшение качества женского образования, неоднократно указывая властям на узость учебных программ, низкое качество обучения. Государство, признавая справедливость замечаний, приступило к реформированию гимназического образования. Однако реформы были прерваны начавшейся революцией 1917 г., а с установлением советской власти гимназии как тип учебного заведения были упразднены.

Список литературы

Источники

1. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 628. Л. 1.
2. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 628. Л. 4.
3. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 489. Л. 15.
4. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 489. Л. 18.
5. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 489. Л. 17.

6. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 320. Л. 30.
7. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 629. Л. 7.
8. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 641. Л. 8.
9. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 641. Л. 9–13.
10. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 641. Л. 14.
11. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 641. Л. 18.
12. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 406. Л. 5.
13. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 406. Л. 6.
14. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 582. Л. 2.
15. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 582. Л. 4.
16. ГАЗК. Ф. 74 «Циркулярные указания МНП и Главного инспектора училищ Восточной Сибири 1916–1917 гг.». Оп. 1. Д. 51. Л. 30.
17. ГАЗК. Ф. 74 «Циркулярные указания МНП и Главного инспектора училищ Восточной Сибири 1916–1917 гг.». Оп. 1. Д. 51. Л. 6–8.
18. ГАЗК. Ф. 74 «Циркулярные указания МНП и Главного инспектора училищ Восточной Сибири 1916–1917 гг.». Оп. 1. Д. 32. Л. 126.
19. ГАЗК. Ф. 74 «Циркулярные указания МНП и Главного инспектора училищ Восточной Сибири 1916–1917 гг.». Оп. 1. Д. 32. Л. 126.
20. ГАЗК. Ф. 74 «Циркулярные указания МНП и Главного инспектора училищ Восточной Сибири 1916–1917 гг.». Оп. 1. Д. 32. Л. 41–43.
21. ГАЗК. Ф. 74 «Циркулярные указания МНП и Главного инспектора училищ Восточной Сибири 1916–1917 гг.». Оп. 1. Д. 32. Л. 107–108.
22. ГАЗК. Ф. 74 «Циркулярные указания МНП и Главного инспектора училищ Восточной Сибири 1916–1917 гг.». Оп. 1. Д. 50. Л. 44.
23. ГАЗК. Ф. 74 «Циркулярные указания МНП и Главного инспектора училищ Восточной Сибири 1916–1917 гг.». Оп. 1. Д. 45. Л. 70.
24. ГАИО. Ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири г. Иркутск, Иркутской губернии 18.12.1867–25.10.1917 гг.». Оп. 1. Д. 859. Л. 5 об.
25. ГАЗК. Ф. 74 «Циркулярные указания МНП и Главного инспектора училищ Восточной Сибири 1916–1917 гг.». Оп. 1. Д. 63. Л. 53.

Литература

1. Константинова Т. А. Нерчинская Софийская женская гимназия // Малая энциклопедия Забайкалья: наука и образование: в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 2: Н-Я. С. 37–38.
2. Корф Н. А. Наши учительские семинарии // Вестник Европы. 1883. Т. 2. Кн. 4. 788 с.; Т. 3. Кн. 5. С. 324–341.
3. Чехов Н. В. Народное образование с 60-х годов XIX века (с рисунками и таблицами). М.: Польза, 1912. 224 с.
4. Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири: всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. СПб.: Гос. тип., 1898.143 с.

5. Соколовский П. Е. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Репринтное издание 1914 г. СПб.: Альфарет, 2011. 318 с.

6. Фармаковский В. И. Начальная школа Министерства народного просвещения (по официальным источникам). СПб.: Изд-во журнала «Русская школа», 1900. 200 с.

7. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Изд-во МНП, 1902. 785 с.

8. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск: Сиб. обл. кн. изд-во, 1923. 246 с.

9. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР кон. XIXнач. XX вв. / под ред. Э. Д. Днепрова, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина и др. М.: Педагогика, 1991. 448 с.;

10. Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в СССР. М.: Педагогика, 1975.218 с.

11. Панчуков А. П. История начальной и средней школы Восточной Сибири.Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1956. 512 с.

12. Шилов А. И. Развитие общего и педагогического образования Восточной Сибири конца XIX − начала XX вв.: дис. ... д-ра пед. наук. Красноярск, 2005 503 с.

13. Рабецкая З. И. Иркутская вторая женская И. С. Хаминова гимназия 1879–1920 гг.: исторический очерк. Иркутск, 2008.137 с.

14. Зубков И. В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М.: Новый хронограф, 2010. 528 с.

Статья поступила в редакцию 02.03.2012 г.

УДК94(571.541.55)
ББКТ3(2Р54)

Леонид Владимирович Курас,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), e-mail:kuraslv@yandex.ru

Западное Забайкалье в начале XX в.: борьба за землю

В статье, на примере Западного Забайкалья (Республика Бурятия), на фоне общей колонизации Сибири, аграрного кризиса и обострения капиталистических противоречий, рассматривается аграрный вопрос как один из важнейших аспектов общественно-политической жизни России начала XX в. – предтечи революции 1905–1907 гг. и социального переворота 1917 г.

При этом дается оценка административно-земельной реформе, резко ухудшившей жизнь коренного населения, показана огромная роль развития общественно-политической мысли, пролетарского и национального движения в борьбе за землю.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, начало XX века, административно-земельная реформа, общественно-политическая мысль, аграрное движение, национальное движение, революция, волостная реформа, буддийское духовенство.

Leonid Vladimirovich Kuras,
Doctor of History, Associate Professor
the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetian Studies of SB RAS
(Ulan-Ude, Russia), e-mail:kuraslv@yandex.ru

West Trans-Baikal at the Beginning of the 20th century: Struggle for the Land

In the article the agrarian movement in the West Trans-Baikal (modern Republic of Buryatia), one of the most important of all the aspects of social and political life of Russia at the beginning of XX century that preceded revolution of 1905–1907 and the events of 1917, is examined.

The problems of administrative and agrarian reforms that have sharpened social contradictions and made worse the aboriginal people's life, are examined. The important role of social and political thought and workers' and national movement in the struggle for the land is shown as well/

Keywords: West Trans-Baikal, the beginning of the XX century, administrative and agrarian reforms, social and political thought, agrarian movement, national movement, revolution, administrative reform, Buddhist clergy.

До революции Бурятия не представляла собой единой административно-территориальной единицы: западная часть с территорией 638198,2 кв. версты входила в состав Иркутской губернии, а восточная с территорией 552339,1 кв. версты – в состав Забайкальской области. По переписи 1897 г., население Иркутской губернии составляло 515070 чел., в том числе бурят – 110 тыс. чел., Забайкальской области – 672072 чел., в том числе бурят – 178 тыс.чел. Западное Забайкалье – территория современной Бурятии – включало в себя четыре уезда: Верхнеудинский, Селенгинский, Троицкосавский и Баргузинский.

На рубеже XIX–XX вв. регион был втянут в орбиту капиталистических отношений, оставаясь при этом отсталой национальной окраиной с ярко выраженной аграрной специализацией. На 1 января 1914 г. сельское

© Л. В. Курас, 2012

население Забайкальской области составляло 85,9 %. Хозяйство бурят было преимущественно животноводческим: забайкальские буряты, составлявшие 28,1 % сельского населения области, владели 51,1 % всего скота. В Иркутской губернии бурятские хозяйства засевали 18,1 % всех посевов губернии и владели 30 % всего скота.

Основная масса населения была занята сельским хозяйством, которое велось отсталым, примитивным способом и отличалось низкой продуктивностью и производительностью труда. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в пределах Иркутской губернии и Забайкальской области насчитывалось 61981 инородческое хозяйство с населением 284277 чел. Значительное место занимали различные промыслы (рыбная ловля, охота, сбор лесных плодов). В 1911 г. в бассейне озера Байкал было выловлено рыбы на 238 тыс. руб.

Промышленный пролетариат был малочисленным, а национальный пролетариат вообще отсутствовал. Однако строительство Транссибирской железной дороги дало стимул развитию края.

На развитие общественно-политической мысли в Бурятии, отличавшейся богатством идей и направлений, оказали влияние исторические условия и русская общественно-политическая мысль, определяющей силой которой в этот период было революционное движение. В силу особенностей региона революционное движение бурятского народа приобрело форму национального, которое стало составной частью общей революционной борьбы в России.

Национальное движение в Бурятии получило своё развитие в начале XX в. в условиях разрушения былой патриархально-феодальной замкнутости и формирования капиталистических отношений, резкого усиления эксплуатации как со стороны русской буржуазии, так и «инородческой» полуфеодальной верхушки, растущего национального самосознания и отсутствия права на самоопределение. Толчком к выражению массового недовольства бурят послужило проведение царизмом в 1900–1901 гг. новых земельно-административных реформ, ухудшивших положение широких слоёв коренного населения.

Аграрный кризис и обострившиеся на этой почве классовые противоречия в Центральной России ускорили процесс колонизации Сибири, в частности, Прибайкалья и Забайкалья. В начале XX в. правящими кругами империи, строившей планы на Дальнем Востоке в отношении Кореи, Маньчжурии, Северного Китая, переселенческая политика стала рассматриваться как важная государственная задача. Насаждение «крепкого мужика» на востоке империи должно было, согласно целям правительства, обеспечить не только внутриполитические интересы, но и укрепить военно-стратегическое положение государства. Однако свободных земель для обеспечения значительного количества переселенцев было недостаточно. На двух соседних территориях – в Иркутской губернии и Забайкальской области – данная проблема решалась по-разному. В Иркутской губернии аграрная политика выстраивалась в русле общего колонизационного курса правительства, которое рассматривало занимаемые бурятами земли как собственность Казны и Кабинета. Исходя из этого, земельные наделы отводились бурятам в пользование, а не в собственность, что позволяло изымать необходимое количество земли в колонизационный фонд, а также увеличивать с инородцев сборы государственной оброчной подати за пользование землей. С принятием правительственных решений по организации поземельного устройства в 1896 и 1898 гг. в Иркутской губернии на землях бурят развернулись работы по подготовке переселенческих участков. Это вызвало протесты бурятских ведомств, которые вылились в широкое национальное движение, направленное против земельной реформы. Весной и летом 1899 г. на имя Иркутского генерал-губернатора поступило 11 жалоб от Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов, которые были оставлены без внимания [4, с. 100]. После этого в октябре 1899 г. представители 16 бурятских ведомств обратились с ходатайством о приостановлении реформы в Министерство земледелия и государственных имуществ, ряд обращений был адресован Министерству внутренних дел. Учитывая протесты бурятского населения, а также продолжающееся освоение «свободных» земель на северо-западе губернии, в мае 1900 г. поземельное устройство бурят Иркут-

ской губернии было приостановлено «до собрания ... подробных данных об условиях их веского быта».

В Забайкальской области к концу XIX в. земельные отношения отличались крайней запутанностью. Это было обусловлено особенностью её заселения в XVII–XIX вв., результатом чего стала чересполосица земель русских крестьян, казаков, бурят и эвенков, которая «вызвала массу поземельных споров, портивших взаимоотношения русских и инородцев» [7, с. 66]. По свидетельству Г. Н. Потанина, «количество земли, захваченной русскими кортами у инородцев, было, конечно, не велико, но с годами оно постепенно увеличивалось с постоянным ростом русской колонизации» [8, с. 279]. Положение в земельном вопросе осложнялось наличием в области различных категорий земельных собственников – государства (казны), Кабинета (царя и его семьи), Забайкальского казачьего войска – и неопределённостью собственности бурят и эвенков на занимаемые ими земли. Запутанность земельных отношений и вызванная ими острота поземельных конфликтов мешали дальнейшему росту производительных сил в Забайкалье. Для обеспечения будущих переселенцев землей правительство пошло на форсирование аграрной реформы в области путём уравнивания землепользования скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев и изъятия инородческих земель в колонизационный фонд.

Согласно закону «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области» (5 июня 1900 г.) устанавливались единая норма земельного надела – по 15 десятин на душу мужского пола – и одинаковый размер платежей без учёта разнообразия естественных природных ресурсов области, разницы хозяйственных укладов населения и интересов бурятского скотоводческого хозяйства, требовавшего обширных земельных пространств. Землеустроительные законы нанесли сильнейший удар по коренному населению: в колонизационный фонд передавалось 5 млн десятин земель из 6,78 млн, находившихся до этого в его пользовании [5, с. 382].

Поскольку реализация закона о землеустройстве была сопряжена с основательным изменением хозяйства и кочевого быта бурят и эвенков, он не мог найти понимания и поддержки не только у основной массы бурят, но и «степной аристократии», стоявшей во главе местного национального самоуправления. Поэтому в качестве подготовительной меры, предшествующей поземельному устройству, властями было решено провести в Забайкальской области административную реформу, предусматривавшую ликвидацию «Степного управления». По закону «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» (23 апреля 1901 г.) бурятские Степные думы как органы родового управления заменялись русскими территориальными единицами – волостями, во главе которых стояли крестьянские начальники, вводилось русское делопроизводство и суд. Тем самым упразднялось бурятское самоуправление, веками существовавшее и законодательно закреплённое в 1822 г. «Уставом об управлении инородцев», разработанного М. М. Сперанским. Призванное укрепить переселенческую политику империи, законодательство больно ударило по коренному населению.

Неразрывную связь двух законов – «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области», лишающего их земли, и «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», ликвидировавшего традиционные формы управления, – бурятское население чувствовало и понимало. Их неприятие вылилось в открытое сопротивление бурятских и эвенкийских крестьян проведению волостной реформы и в массовое движение бурятского народа за национальные права и свои «породные земли». Буряты отказывались уплачивать «темные поборы» в пользу нойонов и чиновников, долги ростовщикам, выполнять непосильные повинности. В Хоринском, Тункинском и других бурятских ведомствах происходили столкновения крестьян с нойонами по вопросам землепользования.

При введении волостной реформы в бурятских ведомствах правительство вынуждено было учитывать особенности функционирования родовой организации, в частности принцип выборности родоначальников, который после выхода Устава 1822 г. был законодательно закреплён в «Степном управлении». В

связи с этим вместо назначения должностных лиц была установлена их выборность. Однако, несмотря на это, при введении волостной реформы в различных местностях Забайкалья стали проявляться, а затем учащаться случаи неповиновения властям. Необходимо отметить, что для бурят, зависимых и покорных любому чиновнику русской администрации, это было делом неслыханным. 3 декабря 1902 г. в урочище Санага был созван сход бурят по вопросам о выборах должностных лиц сельского населения, на котором категорически было отклонено предложение крестьянского начальника о выборах. Собравшиеся мотивировали это тем, что «довольны старым положением, а от нового ждут вреда для себя» [3, с. 260]. Открытые выступления против волостной реформы вспыхнули среди крестьян Закаменской и Армакской инородных управ, галазутских, гочитских и агинских бурят [Там же, с. 384–385].

Добиваясь возвращения отрезанных земель и ликвидации новых административных органов, бурятское население также выдвигало требования создания условий для развития национальной культуры, религии и языка, предоставления национальной автономии. Бурятские ведомства Забайкальской области были объявлены на военном положении.

Выступления крестьян, тем не менее, в это время не приобрели широкого размаха, ограничивались, как правило, сельским или улусным обществом, родами или ведомствами и носили стихийный характер. Распространёнными формами выражения протеста против царского строя стали сугланы (собрания), совещания, общеобластные и общегубернские съезды бурят, проходившие под руководством национальной интеллигенции. Эти съезды и совещания выдвигали требования национального самоуправления, ограждения земельных угодий от изъятия в колонизационный фонд и захвата в пользу императорского Кабинета, введения всеобщего обязательного обучения и преподавания на родном языке, открытия новых школ и училищ, снятия ограничений приёма в высшие и средние учебные заведения.

Инициаторами выступлений против аграрной реформы были родовая аристократия и буддийское духовенство. Наибольшую активность проявили нойоны и ламы Хоринского и Агинского ведомств. Они были осведомлены о содержании проекта земельного закона ещё до утверждения его царём. Один из них – главный тайша Хоринской Степной думы Э. Вамбоцыренов – подал прошение царю, в котором попытался убедить его учесть интересы бурят и по-иному разрешить земельный вопрос. Подавались и другие прошения.

С принятием обоих вышеуказанных законов активность родовой знати ещё более усилилась. Способы борьбы оставались легальными – подача прошений, петиций и т. д. Но прошения стали гораздо более аргументированными, в чем можно убедиться, ознакомившись с текстами «приговоров» и ходатайств, составленными группами бурят личных ведомств (Ульдургинской «инородной управы» от 30 августа 1902 г.; восьми родов бурят Баргузинского ведомства от 3 января 1901 г. и др.). Суть ходатайств сводилась к просьбам о сохранении за ними исконных «породных» земель и системы родового управления.

Эти документы отражали насущные нужды бурят-скотоводов и их критическое отношение к административно-правовым актам царизма. Особенно показательным в этом отношении является прошение царю, поданное в декабре 1901 г., в котором от имени 10 тыс. забайкальских и иркутских бурят высказывалась просьба «освободить их от... тяжкой участи, в крайнем случае, повелев отложить реформу на 50–60 лет, пока буряты не примирятся с мыслью о реформе» [Там же, с. 211, 214, 260]. «Скотоводство, составлявшее единственное богатство бурят, с ограничением земельного надела, безусловно, уничтожится, – указывается в прошении. – А так как нет земли, годной для занятия хлебопашеством, и, кроме того, буряты ведут искони кочевой образ жизни, то естественно, столь неожиданная реформа может погубить ещё неокультуренных бурят». Этот документ, очевидно, в силу своей убедительности, привлёк особое внимание правительства и был рассмотрен царём. Тем не менее, просьбы учтены не были.

Не ограничиваясь прошениями, родоначальники стали посылать делегации от имени родовых сообществ к военному губернатору области, Приамурскому генерал-губернатору, высокопоставленным чиновникам в Петер-

бург и к самому царю в надежде добиться приостановления введения реформы. Одна из делегаций хоринских бурят, прибывшая в Читу в начале 1902 г. с ходатайством о сохранении Устава 1822 г., не добилась положительного результата ни у губернатора области, ни у Приамурского генерал-губернатора. Тогда была направлена делегация в Петербург от имени почти всех забайкальских бурят. Но никакие попытки обращения к правительству и отдельным его членам успеха не имели. В сентябре 1902 г., добиваясь встречи с Николаем II, группа бурят выехала в Ливадию, где он в то время отдыхал, но царь отказался принять делегацию, и она ограничилась подачей прошения дворцовому коменданту. Ответ на прошение последовал в ноябре. Царь отказался удовлетворить ходатайство об отмене закона о поземельном устройстве и волостной реформы.

На начальном этапе (1900–1903 гг.) национальное движение главным образом было направлено против земельно-административной реформы и носило стихийный характер. Это были отдельные выступления в форме подачи петиций и обращений царю. Социал-демократические организации в этот период не имели серьезного влияния на аграрное и особенно национальное движение. Несмотря на предпринятые усилия, борьба бурят за отмену введения законов 1900 и 1901 гг. не увенчалась успехом.

Уже в 1903 г. царское правительство предпринимает решительную попытку форсирования поземельного устройства в Забайкальской области. Однако при практической реализации намеченных мер оно столкнулось с серьезными трудностями, в частности чересполосицей как следствием предыдущих этапов колонизации. С проведением работ по землеустройству, когда «приток русских переселенцев внезапно усилился, захват инородческих земель стал принимать головокружительные размеры» [8, с. 279]. Протесты бурят против введения законов 1900–1901 гг., постепенно усиливавшиеся, ограничивали и сдерживали темпы работы вневедомственной комиссии и землеустроительных отрядов. Если в 1902 г. путём насилия и обмана со стороны крестьянских начальников в некоторых ведомствах (например, в Баргузинском) удалось провести выборы должностных лиц областного и сельского управлений, то уже в начале 1903 г. баргузинские буряты отказались от реформы. О враждебном в целом отношении к реформе говорится в постановлениях булучных сугланов, донесениях крестьянских начальников военному губернатору, сообщениях местных чиновников из Баргузина, Верхнеудинска. Просьбы бурят об отсрочке введения реформы, с которыми они неоднократно обращались к властям, были вполне аргументированными. В процитированной Ф. А. Кудрявцевым доверенности Куржетаевской «инородной управы», сохранившейся в архиве депутата II Государственной думы Б.-Д. Очирова, говорилось: «Неоднократно нас, кочевников, принуждают к принятию нового положения, утвержденного 23 апреля 1901 г. По обсуждению сего, мы находим, что таковое со временем непременно будет противоречить нашему кочевому хозяйству и духовному быту». Отсрочить введение реформы просили буряты 1-го и 2-го Сартуловского рода, Верхне- и Нижне-Баргултайского десятков, Гыгетуйского, Нарынского, Торейского, Алсанского и других десятков. Аналогичную просьбу высказал сход бурят 1-го Табангутского и 1-го Сартулового родов Ичетуйского десятка, состоявшийся 15 декабря 1903 г. [6, с. 35]. Отказались выбирать должностных лиц буряты 2-го участка Верхнеудинского уезда. 15 декабря 1903 г. военный губернатор представил начальству списки волостей, население которых отказалось от выборов. Приведённый перечень волостей свидетельствовал о широте движения против реформы. С протестом выступили Агинская, Цугольская, Онгоцонская волости, Оронгойская волость Селенгинского уезда, Ходайская волость Верхнеудинского уезда. 22 декабря 1903 г. военный губернатор доносил Приамурскому генерал-губернатору, что, по полученным от крестьянских начальников сведениям, добровольных выборов должностных лиц кочевыми инородцами нигде не состоялось.

О том, что обстановка в Забайкалье в 1903 г. значительно осложнилась по сравнению с предыдущим годом, говорит тот факт, что повеление царя о создании с 1 января 1903 г. новых органов управления и суда бурят и эвенков не было выполнено. Вновь назначенный Приамурский генерал-губернатор Субо-

тич был встречен по прибытии в Забайкалье и депутатами как родовичами, так и простыми людьми из всех ведомств бурят и тунгусов, которые отказались принять устройства и суда по положению 1901 года...». В своем письме министру внутренних дел В. К. Плеве он сообщал: «К вопросу о земле собравшиеся представители инородцев относились так нервно, что уже очевидно, что предлагаемое землеустройство застает население недостаточно подготовленным к этой реформе, слишком затрагивая его экономические интересы...» [Там же, с. 36]. Генерал-губернатор просил в интересах государства оставить землепользование у кочевого населения на прежних основаниях, то есть отказаться от административной реформы на три года, что, по его мнению, могло подготовить почву для её проведения.

Дальнейшие действия правительства явно свидетельствовали о растерянности и озабоченности положением дел в Забайкалье, сложившимся в результате подъёма движения бурят против реформы. Царские сановники были вынуждены рассмотреть вопрос о дальнейшем направлении землеустроительных работ в области, предложение Приамурского генерал-губернатора стало предметом обсуждения при министре внутренних дел. И хотя оно было отклонено, административно-судебную реформу было решено отсрочить на год. Только к концу 1904 г. насильственно проводимая реформа очного управления была в основном завершена.

За два столетия в составе Российской империи буряты впервые открыто выступили против законов государства. Отказ правительства удовлетворить многочисленные ходатайства бурят укрепляли их решимость продолжать борьбу против земельной и волостной реформ. Отдельные стихийные выступления постепенно стали выливаться в массовое общенациональное движение.

Новая волна национального движения приходится на начало 1904 г., когда должностные лица из местного населения стали отказываться от выполнения своих обязанностей. По существу это было продолжением протеста бурят против реформы волостного управления и вводимого в её рамках института «крестьянских начальников». В ответ на массовые отказы бурят правительство приняло решение об их замене лицами русского происхождении или из числа крещёных бурят. Всего, таким образом, было назначено до 90 чел. [3, с. 278]. Противостояние приняло ярко выраженный характер межэтнического конфликта. Правительство открыто показало своё недоверие бурятскому населению как инородцам и иноверцам. Сопротивление бурят введению реформы и ликвидации органов национального самоуправления теперь уже стимулировалось интересами самосохранения себя как этноса, что свидетельствовало о возросшем национальном самосознании.

Срыв выборов местных должностных лиц в 1904 г. стал частым явлением в Забайкалье. Читинский уездный начальник в своём рапорте 13 января сообщал, что в селении Агинском во время выборов «толпа, негодуя вновь назначенных должностных лиц, не расходилась... полетели камни головы несчастных должностных инородцев... Таким образом, акт приведения к присяге вновь назначенных инородческих должностных лиц состояться не мог...» [там же, с. 230]. Буряты Хоринского ведомства угрожали побить крещёных бурят, которые согласятся занять должности. Крестьянский начальник 1-го участка Верхнеудинского уезда доносил о беспорядках, которые произошли 31 января 1904 г. в Галзотской волости. Беспорядки происходили и в других ведомствах Забайкальской области. Размах движения бурят Закаменской и эвенков Армакской «инородных управ» был настолько велик, что введение нового административно-судебного устройства в них было отсрочено.

Прямой саботаж действий правительства, выразившийся в массовых выступлениях бурят против должностных лиц, назначенных властями, заставил Приамурского генерал-губернатора принять более решительные меры. Для наведения порядка в Агинском волостном управлении в Агу был направлен становой пристав и в распоряжение управы – десять солдат. Практика применения военной силы в условиях далёкой инородческой окраины свидетельствовала о серьезном ухудшении обстановки в Забайкалье в связи с ростом национального движения бурят и эвенков. 5 февраля 1904 г. местность, в которой располагались кочевья бурятских ведомств Хоринской, Селенгинской, Агинской и Баргузинской Степных дум, а также Онгоцаганской, Куржетаевской и Цонголь-

ской «инородческих управ», объявлялась на положении усиленной охраны. С введением в Забайкалье военного положения политика царских властей приняла характер открытых репрессий в отношении некоторых бурят. Забайкальский военный губернатор доносил Приамурскому генерал-губернатору, что им «по настоящее время подвергнуты административной высылке в Баргузинский уезд, в Верхне-Ангарское сельское общество 32 бурята и аресту при Читинской тюрьме трое бурят» [4, с. 107].

Репрессиям подвергались, прежде всего, представители родовой знати, а также другие активные участники выступлений, обвинённые в подстрекательстве к беспорядках. Так, ширетуй Агинского дацана был обращён в светское состояние и немедленно выслан в пределы Баргузинского уезда. То же самое произошло с гелун-ламой Онинского дацана Сангаровым. Карательные меры коснулись и представителей бурятской знати, находившихся в Петербурге: бывшего тайшу Хоринского ведомства Вамбоцыренова, Вампилова и Цыренова. С началом национального движения они в своих телеграммах агитировали соплеменников всячески сопротивляться проведению волостной реформы. Эти действия были квалифицированы властями как «вредная агитация», и 7 февраля 1904 г. Вампилов и Цыренов были высланы из Петербурга [3, с. 278].

В период реакции представители родовой знати оказались в положении заложников, так как репрессии в первую очередь были направлены против находившихся на виду у властей. В результате часть из них была вынуждена временно отказаться от активной борьбы против введения волостного управления, а другая, деморализованная давлением властей, стала поддерживать точку зрения правительства, убеждая своих соплеменников отказаться от сопротивления и принять реформу. В некоторых волостях им удалось это сделать (например, в Хоринском ведомстве).

В исторической литературе до конца не преодолён негативный подход в оценке роли родовой знати (нойонства), буддийского духовенства (ламства) в национальном движении [11; 3; 9; 2]. В частности, вынужденный отказ от борьбы, подчинение части из них властям профессор Н. П. Егунов объяснял малодушием и классовой ограниченностью [3, с. 291]. Сегодня такие оценки во многом устарели. Участие родовой аристократии, духовенства в национальном движении служит показателем изменения отношений между членами сообщества – рядовыми общинниками и родоначальниками – при возникновении угрозы его существованию. Необходимость защиты этнических интересов консолидировала народ. Наличие национального самоуправления, возглавляемого родовой аристократией, объективно выдвигало её на роль лидера.

Конечно, родовая аристократия не всегда играла прогрессивную роль, но даже в худших случаях она оставалась единственной частью нации, стоявшей на страже общенациональных интересов, и в глазах массы была символом национального единства. «Нужно помнить, – писал Л. Я. Штернберг, – что самый ненавистный родович – аристократ все же ближе инородцу, чем русский чиновник, ибо живёт той же жизнью, что и он, и национальное высокомерие ему не знакомо» [10, с. 553].

Репрессии со стороны правительства 1903–1904 гг. временно снизили активность бурятских выступлений против реформ. Но последующие события в жизни России – русско-японская война и первая русская революция 1905–1907 гг. – вызвали новую волну протеста.

Если в XIX в. национальный вопрос в Российской империи (за исключением Польши и Финляндии) находился в латентном состоянии, то в начале XX в. он превратился в общегосударственную проблему, требующую оперативного и вместе с тем крайне деликатного решения. Усиление диспропорций в развитии экономики между метрополией и национальными окраинами, оживление ассимиляторских действий бюрократии способствовали появлению и проявлению сепаратистских тенденций, носителем которых по преимуществу стала национальная интеллигенция. Административное рвение русского чиновничества, мало подготовленного к культуртрегерской роли, вызывало нарастание неприязни со стороны формирующихся национальных элит, начавших требовать территориальной автономии, децентрализации власти, вплоть до политического самоопределения и отделения от Российской империи [11, с. 81].

Революция 1905–1907 гг., вскрывшая накопившуюся и обострившуюся несправедливость в отношении «инородцев», явилась

мощным стимулом к небывалому подъему национального самосознания народов Российской империи. По мнению одного из видных представителей бурятской интеллигенции Э.-Д. Ринчино, «...она пробудила в них революционное и национальное самосознание и дала огромный толчок к их приобщению к европейской культуре... Революция 1905 г. доказала ему (самодержавию), что сибирские инородцы уже не покорные и верноподданные «дети белого царя» и не могут являться оплотом реакции в Сибири, так как они в целом примкнули к движению 1905 г., выдвинув требования свободы национального самоопределения и прочие революционные лозунги» [4]. Под воздействием революционных событий в стране развернулось мощное национально-освободительное движение.

В поражении Российской империи в войне с Японией буряты увидели слабость военной мощи государства, которое до этого внушало им только страх. Однако надежды бурятского народа на изменение отношения к нему правительства после войны оказались безосновательными. Неурожай 1905 г. и усиление гнёта вызвали рост недовольства бурят социально-экономической политикой правительства. С этого времени наряду с национальными всё настойчивее выдвигаются социально-экономические требования. Например, в «приговорах» бурятских крестьян Нурского булука Галзутской волости Верхнеудинского уезда, Угданского булука Хаоцайской волости, Дамнинского булука Кубдутской волости и других содержались требования уменьшения податей и обложения хозяйств в зависимости от их размеров и доходов. Крестьянский начальник 2-го участка Селенгинского уезда признавался, что суть требований крестьян состоит в том, чтобы урегулировать и облегчить натуральные повинности [3, с. 110].

Миссионерская политика государственной православной церкви, преследовавшая цель христианизации и русификации бурят, закладывала основу национальной неприязни, усугубившейся в дальнейшем на почве земельных споров. Православие, как отмечалось в докладе на октябрьском съезде монголо-бурят 1917 г., «прививалось инородцам при помощи кулаков и нагаек земской полициё... Отцы миссионеры, «просвещая» язычников и инородцев, охотно лазили в их мошны, причем учиняли над инородцами беспримерные и отвратительные насилия» [1, л. 2–3]. Русская революция, а также Манифест 17 октября 1905 г., «даровавший» свободу исповеданий, активизировали ламское духовенство.

Список литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Оп. 1.

2. Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923. Новосибирск, 1978 и др.

3. Егунов Н. П. Колониальная политика царизма и первый этап национального достижения в Бурятии. Улан-Удэ, 1963. С. 260.

4. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 100.

5. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. 1954. С. 382.

6. Кудрявцев Ф. А. 1905 год в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1936. С. 35.

7. Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, её современное состояние и её нужды. СПб., 1918. С. 66.

8. Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, её современное состояние и её нужды. СПб., 1918. С. 279.

9. Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1937 гг.). Улан-Удэ, 1971.

10. Штернберг Л. Я. Инородцы. Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 553.

11. Шелохаев В. Уроки модернизации старой России. Отношение к прошлому – ключ к будущему // Отечественная история. 1999. № 6. С. 81.

Статья поступила в редакцию 26.12.2011 г.

УДК 94 (57)
ББК С 18

Геннадий Доржиевич Басаев,
доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия),
e-mail: kafbur@mail.ru
Светлана Дмитриевна Хуташкеева,
соискатель, Бурятский филиал ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений»,
(Москва, Россия), e-mail: bfatiso@mail.ru

Кооперативное движение в Западном Забайкалье накануне и в годы Первой мировой войны

Статья посвящены становлению кооперативного движения накануне Первой мировой войны и его развитию в военные годы. Особое внимание уделено потребительской кооперации, которая помогла крестьянам участвовать в торговле и заполнить рынок доступными для населения товарами, а также оптовой торговле. В статье рассмотрена деятельность кредитных товариществ, решавших финансовые проблемы. Огромную роль в расширении кооперативного движения и создании объединённых союзов потребкооперации сыграло потребительское общество «Экономия». В статье рассмотрена деятельность кооперации в годы первой мировой войны, которая существенно повлияла на снабжение населения товарами первой необходимости. Общество «Экономия» провело ряд мероприятий по удержанию цен и закупке товаров. С его помощью был создан Закупсбыт, который позволил не только заполнить рынок, но и организовать снабжение армии.

Ключевые слова: кооперативное движение, потребительская кооперация, торговля, кредитные товарищества, Прибайкалсоюз, военное время.

Gennady Dorzhievich Basaev,
Doctor of History, professor, Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: kafbur@mail.ru
Svetlana Dmitrievna Khutashkeeva,
postgraduate, the Buryat branch of «Labour and Social Relations Academy»
(Moscow, Russia),e-mail: bfatiso@mail.ru

The Cooperative Movement in the Western Trans-Baikal Before and During World War I

The article is devoted to the establishment of the cooperative movement on the eve of World War I and its development during the war. Particular attention is paid to consumer cooperation, which helped farmers to participate in trade, and to fill the market with accessible for the public goods, and wholesale trade. The article describes the activities of credit unions, to solve financial problems. A huge role in the cooperative movement expansion and the establishment of joint unions was played by a consumer society ″Economia″. The article describes the activities of cooperation during World War I, which greatly affected the supply of essential commodities. Cooperative association ″Economia″ took a number of measures to retain the price and purchase goods. The association contributed to the establishment of ‘Zakupsbyt’, which helped not only to fill the market, but also to organize the supply of the army.

Keywords: cooperative movement, consumer cooperatives, trade, credit unions, Pribaikalsoyuz, wartime.

© Г. Д. Басаев, С. Д. Хуташкеева, 2012

Большую роль в снабжении товарами населения сыграло кооперативное движение. Одной из самых распространённых её форм стала потребительская кооперация. Её цель заключалась в рганизации снабжения своих членов товарами высокого качества за умеренную плату. Правительство к организации потребительских обществ относилось сдержанно. Открытие общества разрешалось при санкции министерства внутренних дел и финансов. На получение разрешения на организацию потребительского общества требовалось не менее года. Чем сложнее становилась ситуация на потребительском рынке, тем больше возникало обществ. Среди населения Западного Забайкалья общества потребителей кооперативного типа стали возникать с 1911 г. Первыми обществами потребителей были Каралаунское (Баргузинский уезд) и Карсаковское (Кударо-Бурятская волость, Селенгинский уезд). Несколько позднее возникли общества потребителей в Батурине, Оймуре, Кударе, Кабанске, Куналее и Харашибире [1, с. 38]. Причиной возникновения было желание пайщиков, объединив свои капиталы, обеспечить себя необходимыми товарами (ткани, мыло, керосин, спички и т. д.) по низким ценам. Для этого они производили оптовые закупки непосредственно у производителей в обход посредников. К 1914 г. в Западном Забайкалье сложилось 10 обществ потребителей. В городах России, в том числе и в г. Верхнеудинске, стали открываться потребительские общества «Экономия».

Так же стали возникать кредитные товарищества. В 1909 г. открываются Омулевское, Кабанское, Корсаково-Дуланское и Степно-Дворецкое товарищества. В 1912 г. насчитывалось 19 кредитных товариществ с общим капиталом в 205 090 рублей, объединивших 6060 членов, а в 1913 г. их уже стало 44 с общим капиталом в 400 247 рублей и 13 084 членами [2, с. 142].

Накануне войны разобщённые потребительские общества стали объединяться. Крупное объединение обладало рядом преимуществ по сравнению с мелкими кооперативами. Оно было менее уязвимо со стороны конкурентов, проще и быстрее решало назревшие вопросы, связанные с оптовыми закупками, реализацией, транспортировкой товаров и т. д. Первые союзы потребительской кооперации в Сибири возникли в 1912 г., через два года их было четыре [1, с. 53].

В январе 1914 г. в г. Верхнеудинске по инициативе потребительского общества «Экономия» на съезде кооператоров Западного Забайкалья, представленном Верхнеудинским, Кударинским, Харашибирским, Кабанским, Оймурским потребительскими обществами, а также Батуринским кредитным товариществом, было создано Прибайкальское торгово-промышленное товарищество кооперативов («Прибайкалсоюз»). Основной задачей стало «снабжение необходимыми товарами кооперативов, экономически тяготеющих к Верхнеудинскому рынку, ведение посреднических операций между ними, приобретение и сбыт продуктов сельского хозяйства, устройство складов, открытие отделений, торговых агентур, контор, а также приобретение фабрик, заводов и обрабатывающих предприятий в свою собственность, аренда и покупка движимого и недвижимого имущества, заключение отношений с кредитными, страховыми и другими финансовыми учреждениями» [3]. «Прибайкальское торгово-промышленное товарищество кооперативов состоит из кооперативных учреждений и учреждений на паях. Пай обязательный равняется ста рублям, при этом число паёв каждого товарища не ограничено», – записано в Договоре о появлении Товарищества под названием «Прибайкальское торгово-промышленное товарищество кооперативов» [4, л. 1]. С его созданием стало быстро расти количество обществ потребителей. Если ко времени образования товарищества было 10 обществ, то к концу 1916 г. – уже 109, а к концу 1917 г. – 206 [1, с. 52].

«Прибайкалсоюз» открыл свои операционные действия в марте 1914 г. в составе 9 кооперативных обществ с суммой капитала 509 р. В январе 1915 г. в него вступили 17 потребительских обществ и 3 кредитных товарищества. Капитал «Прибайкалсоюза» составил 2770 р. [3, с. 129].

Городские общества потребителей «Экономия» следом за Верхнеудинском возникли в Троицкосавске, Мысовске, Баргузине и Петровск-Заводске [5, с. 38–39]. Непосредственными причинами возникновения обществ были дефицит и дороговизна некоторых видов товаров. Объединение в обще-

ство позволяло суммировать свои капиталы и совершать закупки товара оптом у производителей. Тем самым добивались снижения цены на эти товары для собственного потребления и получали его бесперебойно, хоть и не всегда в достаточной мере.

В годы войны кооперативное движение активизировалось. В жестокой конкурентной борьбе против частных торговцев потребительские кооперативы выходили победителями как представители более крупного объединённого капитала. Спекуляция крупных торговых домов и острый дефицит промышленных товаров вызвали массовый приток крестьян в потребительскую кооперацию. Заявления крестьян Сибири с просьбой открыть кооператив стали поступать широким потоком с 1915 г. В результате конкуренции со стороны кооперативов, многие купцы ликвидировали свои дела и вкладывали капиталы в производство на войну [2, с. 443].

В условия товарного голода в годы войны благодаря усилиям потребительских кооперативных обществ рынок Западного Забайкалья насыщался товарами. Централизованными закупками занимался «Прибайкалсоюз», активно сотрудничая с потребительским обществом «Экономия» и с органами местного самоуправления города.

Верхнеудинское потребительское общество «Экономия» в годы войны прилагало все усилия для удержания цен на продовольствие и товары первой необходимости, однако ограниченность средств общества сокращала эффективность его деятельности. При магазинах Верхнеудинского общества потребителей «Экономия» (на Базарной площади в доме насл. Фролова и на углу Кяхтинской и Железнодорожных улиц в д. Белова) был открыт городской склад продуктов первой необходимости, их продажа производилась по заготовительной стоимости с начислением не более 5 % для возмещения обществу «Экономия» расходов по найму служащих, помещений, усушки, утряски продуктов. Помещение под склады Городская управа выделила бесплатно [6, л. 25].

Проблема с обеспечением продуктами питания и товарами первой необходимости населения г. Верхнеудинска обострялась. По инициативе «Экономии» был создан Продовольственный комитет, в состав которого вошли три представителя от Верхнеудинской управы и три от кооперативов [6, л. 10]. 25 июня 1915 г. на экстренном заседании Верхнеудинской городской думы Городской голова К. И. Легков выступил с предложением просить Читинское отделение Государственного банка о выделении ссуды в размере 20 тыс. рублей на приобретение продовольствия и товаров первой необходимости для населения г. Верхнеудинска. Представитель Верхнеудинского потребительского общества «Экономия» предложил ходатайствовать перед Продовольственным комитетом о выдаче городу беспроцентной ссуды на продовольствие в размере 100 тыс. рублей, поскольку для снижения дороговизны 20 тыс. рублей мало [6, л. 11].

Заготовку продуктов и товаров стало осуществлять потребительское общество «Экономия» под надзором Продовольственного комитета через Прибайкалсоюз. Так, в 1916 г. было заготовлено товаров на сумму свыше 130 тыс. рублей [3, с. 130].

За годы войны Прибайкальское торгово-промышленное товарищество кооперативов стало крупным учреждением кооперативной торговли, занимаясь торгово-посреднической деятельностью, оно проводило финансовые операции, умело работало с банками. В 1917 г. оно объединяло 195 обществ потребителей. В течение одного года (1917) оборот товарищества вырос более чем в 3,5 раза. Оно имело в кассе более 10 млн руб., товаров на сумму свыше 14,5 млн р. [5, с. 39].

В годы войны причиной роста потребительских обществ стала ситуация, когда достать продукты и одежду было невозможно, если человек не состоял в кооперативе. Это заставляло людей организовываться для совместной деятельности. В первый военный год наблюдался значительный рост кооперативов. Но многие из них, не обладая достаточными средствами, закрывались впоследствии. В 1919 г. в Восточной Сибири было 1735 обществ, в Западной Сибири – 3082, на Дальнем Востоке – 676 обществ [5, с. 52].

Упадок промышленности и торговли в масштабах страны породил необходимость создания ряда производств местными силами. Кооперация развивала только те производства, которые не требовали больших средств. Прибайкалсоюз скупал у частных

предпринимателей мелкие промышленные предприятия. В 1916 г., например, он купил в с. Новая Курба небольшой кожевенный завод производительностью около 500 кож в месяц, имевший пять дубильных и один потаржной чаны, четыре зольника, конную дуборезку. Завод выделывал сыромятную, сапожную и чирочную кожи, а также проводил в небольшом объёме дубление. При заводе была мастерская для шитья ичиг, изготавливающего около 120 пар в месяц. Завод использовал сырье местного происхождения, химические препараты доставлялись из России и Китая. Завод находился в 35 верстах от железнодорожной станции Онохой [6, л. 1]. В том же году в Верхнеудинске на Батарейной площади товариществом были приобретены паровая мукомольная мельница и лесопильный завод за 190 тыс. р. [7, л. 10]. Лесопильно-мукомольный завод имел паровой котел и машину, два мельничных 7/4 постава один Траппа, другой Жуковского, лесопильную раму и циркулярную поперечную пилу, паровую сушилку, вальцы для дробления зерна, сбойку для очистки зерна, крупорушку и четыре сортировки. Производительность мельницы составляла до 30 тыс. пудов в месяц, лесопильной рамы и поперечной пилы – более 800 деревьев в месяц. Зерно поступало из деревень округи, а лес сплавлялся с верховьев р. Уды. Завод находился на окраине г. Верхнеудинска в двух верстах от железнодорожной станции [6, л. 1]. В 1915 г. товарищество открыло в Верхнеудинске сушечно-пряничную мастерскую [7].

Прибайкалсоюз взял в аренду у правительства сроком на 30 лет маслобойный, чугунно-литейный и кирпичные заводы. В Троицкосавске и Верхнеудинске он владел типографиями [3, с. 130]. В феврале 1918 г. Прибайкалсоюз пустил в ход кожевенный и овчинный заводы в Петровском Заводе. Кожевенный завод, производивший 12 тыс. кож в год, был оборудован одним дубильным барабаном и дуботолкой, работавших на паровом двигателе. Овчинный завод выделывал 36 тыс. овчин в год. Сушка овчины проводилась паровым способом. При овчинном заводе была мастерская по пошиву шуб, производительностью 7200 штук в год [6, л. 2].

Промышленные предприятия Прибайкальского товарищества кооперативов выпускали предметы широкого потребления как для сельского, так и для городского населения. Наиболее ходовыми из них были полушубки, шапки, рукавицы, мыло, выделанная кожа и обувь (ичиги) [5, с. 40].

В годы Первой мировой войны объединение кооперативов шло и на уровне страны. Так, в 1916 г. на съезде потребительской кооперации, состоявшемся при Новониколаевском отделении Московского Народного Банка, была создана товарная комиссия по закупкам и сбыту под общим названием Закупсбыт. Торговая деятельность Закупсбыта была связана с реализацией и заготовкой хлеба, пушнины, мясо-молочных продуктов, меда, табака. В 1916 г. торговый оборот в золотом выражении представлял 514 326 руб., в 1917 г. – 1 626 619 руб., в 1918 г. – 8 034 581 р. [5, с. 63]. В 1918 г. в неё входили 34 кооперативных союза из 40 существовавших в Сибири, в том числе Прибайкалсоюз. Закупсбыт занимался не только снабжением местного населения, но и организовывал поставку в армию мяса, масла, зерна, фуража. В годы войны нелегко было скупать зерно у крестьян. Они часто не желали продавать хлеб для армии по низким ценам, в городах хлеб можно было реализовать по спекулятивным ценам. Кооператорам приходилось прилагать немало усилий для приобретения и поставки продуктов армии.

В 1918 г. в состав Прибайкалсоюза входило 226 кооперативов, 50 000 членов [5, с. 66]. Таким образом, рост кооперации среди населения наблюдался в моменты кризисных явлений в экономике, как это было в годы Первой мировой войны. Потребительская кооперация охватила большинство крестьянских хозяйств. Она позволила удовлетворить потребности населения в товарах первой необходимости, когда государство оказалось бессильным.

Список литературы

1. Хаптаев П. Т. Бурят-Монголия в период Октябрьской социалистической революции. Иркутск: ОГИЗ, 1947.

2. История Сибири. Т. 3. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968.

3. Ломакина И. Б. Возникновение и развитие «Прибайкальского торгово-промышленного товарищества кооперативов» (1914–1917 гг.) / Архивы Бурятии и историческая наука: материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию архивной службы Республики Бурятия. Улан-Удэ: Ком. по делам архивов РБ, 1998.

4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1153. Л. 102.

5. Алексеева В. К. Кооперативное движение в Сибири (конец XIX – начало XX века). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993.

6. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2829. Л. 1.

7. ГАРБ. Ф. 228. Оп. 4. Д. 17. Л. 10.

Статья поступила в редакцию 15.02.2012 г.

УДК 94(47)+2–9
ББК Т3(2р54)+29(2)

Евгений Викторович Дроботушенко,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: DRZZ@yandex.ru

Антирелигиозная деятельность власти в Забайкалье в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.

В статье даётся характеристика антирелигиозной деятельности властей в Забайкалье во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. на основе анализа документов Государственного архива Российской Федерации. Анализ проводится в контексте общей характеристики политики советского государства в отношении различных религиозных верований. Названный период времени – это череда трансформаций административного устройства региона. Автор описывает те территориальные единицы, в рамках которых рассматривается антирелигиозная деятельность властей. Упор делается на действия власти против православия и ламаизма. Связано это с незначительным числом последователей религиозных сообществ иных исповеданий в регионе, а так же с незначительным объёмом материалов, их характеризующих в архивных источниках. На основе анализа конкретных мер выделяются общие тенденции для Забайкалья. Определяются направления антирелигиозной деятельности власти. На основе анализа имеющегося материала автором делается вывод, что фонды одного из центральных архивов – Государственного архива Российской Федерации содержат значительный объём дел по антирелигиозной политике властей. Политика государства в отношении различных религиозных верований в регионе строилась в контексте общей политики и носила ярко выраженный антирелигиозный характер. Автором отмечается, что местные власти в Забайкалье были настроены на закрытие соборов, монастырей, церквей, дацанов и молитвенных домов.

Ключевые слова: антирелигиозная политика, православие, буддизм, ламаизм, собор, дацан, церковь

Evgeny Viktorovich Drobotushenko,
Candidate of History, Associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: DRZZ@yandex.ru

Anti-religious Activities of the Trans-Baikal Authorities in the Late 1920s - the First Half of the 1930s

The article describes the Transbaikal authorities' anti-religious activities in the second half of the 20s - first half of the 30s. in the 20th c. The description is based on the analysis of the Russian Federation State Archive documents. The analysis is performed in the context of the general characteristics of the Soviet policy in regard to different religious beliefs. At the given time there was a range of transformations in the administrative system of the region. The author describes the territorial units in which the authorities' anti-religious activities are considered. The emphasis is made on the government's actions against Christianity and Lamaism. This is done due to a small number of followers of other religious communities in the region, as well as with a small amount of materials, characterizing them in archival sources. Based on the analysis of specific measures some common trends for the Trans-

© Е. В. Дроботушенко. 2012

Baikal are distinguished. Directions of the authorities' anti-religious activities are determined. Based on analysis of available material, the author concludes that the reserves of one of the central archives - National Archives of the Russian Federation contain a significant amount of cases in the history of Orthodoxy in the Transbaikal in the XX century, including cases of anti-religious policy of the authorities. Government policy in regard to different religious faiths in the region, was constructed in the context of an overall policy and had a distinctly anti-religious character. The author notes that the local Transbaikal authorities were set to close churches, monasteries, churches, datsans and prayer houses.

Keywords: Orthodoxy, the Church, Orthodox monastery, state, religion, cult.

1920–1930-е гг. для Забайкалья – время территориальных преобразований. С 1920 г. территория современных Республики Бурятии и Забайкальского края входит в Дальневосточную Республику. Весной 1923 г. была образована Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика, а в 1926 г. вместо упразднённой Дальневосточной области был создан Дальневосточный край, в составе которого были Читинский и Сретенский округа.

Летом 1930 г. Бурят-Монгольская АССР, а также Читинский и Сретенский округа Дальневосточного края вошли в состав образованного Восточно-Сибирского края, который в 1936 г. разделён на Восточно-Сибирскую область и вновь образованную Бурят-Монгольскую АССР. В свою очередь, при разделении Восточно-Сибирской области в 1937 г. были образованы самостоятельная Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ.

Постоянное изменение административного устройства региона в характеризуемый в статье период времени, не влияло на политику государства в отношении религий. Данная политика носила яркий антирелигиозный характер (за исключением периода существования Дальневосточной Республики). Она отличалась активной антирелигиозной позицией местных властей при решении вопросов в отношении религиозных организаций и религиозных групп. Притом, что на уровне Центральной власти, согласно архивным источникам, данная политика часто бывала взвешенной. Много документов содержит в себе различного рода замечания в адрес местного руководства, отмены решений местных властей. Однако в целом политика несла антирелигиозную составляющую.

В конце 1920-х – первой половине 30-х гг. самая активная работа в отношении религиозных организаций различных исповеданий осуществлялись Центральным Исполнительным комитетом СССР. Персонально всей работой руководил член ЦИК Петр Гермогенович Смидович. Он являлся Председателем Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ЦИК СССР. Комиссия была создана в 1929 г. для решения вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций. В реальности существовало две комиссии: Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР (1929−1934 гг.) и комиссия с таким же названием при Президиуме ЦИК СССР (1934−1938 гг.). Решением вопросов деятельности религиозных организаций и существования религиозных групп занималась вторая комиссия [15, с. 155].

Значительный объём материала по истории антирелигиозной деятельности властей содержится в делах Государственного архива Российской Федерации. Часть документов содержит ведомости со статистическими сведениями о числе церквей, молитвенных домов, дацанов Восточно-Сибирского края. В целом они именуются «молельными зданиями». Однако следует отметить, что либо имеющиеся ведомости составлялись не слишком ответственно, либо часть данных со временем была утеряна. Данное замечание следует из того, что многие ведомости не содержат сведений по Забайкалью [12; 13]. Иные сведения говорят о религиозных объединениях и молитвенных зданиях в целом по Восточно-Сибирскому краю. Выделить среди них относящиеся к Забайкалью невозможно. Отметим и ещё один момент. В самих документах говорится о том, что в сведениях могут быть отклонения, т. к. местные органы власти целе-

направленно замалчивали истинную картину [5, л. 5, 59].

Отдельно можно выделить дела, посвящ1нные переписке по вопросам закрытия церквей, молитвенных зданий и дацанов. Данные дела содержат материал как по православным и буддийским объектам, так и по еврейским и римско-католическим [3; 9; 10; 11; 14 и др.]. Отметим, что в отношении Забайкалья сведения отрывочны и не дают возможности составить представление об антирелигиозной деятельности региональных и местных властей в отношении религиозных организаций и групп иудейского и католического исповедания.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг., согласно архивным источникам, характеризуется как время активной переписки верующего населения с органами власти по вопросам закрытия церквей и молитвенных зданий.

Несмотря на то, что официальных документов о закрытии той или иной церкви или молитвенного здания не было, многие из них фактически не функционировали по несколько лет. Это отмечается во многих официальных письмах с мест в органы власти Бурят-Монгольской АССР, а затем Восточно-Сибирского края.

Следует отметить, что центральные власти в 1930-е гг. в некоторых случаях шли навстречу верующим, однако препятствия встречались на уровне районных властей. Как, на череду просьб от общины верующих с 1933 по 1936 гг. о необходимости прислать православного священника для одной из церквей Балейского района. Требуемый священник был прислан, однако служба ему была запрещена Председателем Балейского районного исполнительного комитета товарищем Кравцовым [11, л. 6].

Ещё один пример отношения центральных властей к православию в регионе – это дело «Об отклонении президиумом ВЦИК ходатайства Краевого исполнительного Комитета о закрытии церкви в с. Ундино-Посельск Балейского района и об оставлении её в пользу верующих». Данное дело относится к 1937 г. Представляет оно собой переписку по поводу закрытия названной церкви районными властями, которые в оправдание своей позиции приводили аргументы об отсутствии в селе группы верующих, а так же то, что она не функционировала с 1933 г. Данная информация не соответствовала действительности и представляла собой не что иное, как попытку местных органов власти форсировать антирелигиозную работу. Ближайшая же церковь в случае закрытия находилась в 35 км [11, л. 1].

Для решения спорных вопросах на местах при Комиссии Советского Контроля при совете Народных Комиссаров Союза ССР было создано бюро жалоб, куда стекались все жалобы на действия местных и региональных властей в отношении религиозных групп. Согласно архивным источникам подобных жалоб в целом по стране было достаточно много. В одном из документов встречаем сведения о количестве поступивших жалоб на действия властей с 1924 по 1934 гг. среди наибольших по числу жалоб регионов нами не встречено Бурят-Монгольской АССР или Восточно-Сибирского края [5, л. 51–57; 11].

Процедура закрытия церкви и изъятия зданий заключалась не в простом «отбирании». В районе должны были делаться объявления о передачи здания церкви или молитвенного дома желающим группам верующих. При этом подобные объявления могли делаться не один раз. Осуществлялось ли данное правило в действительности сказать сложно, так как в источниках подобные действия упоминаются только в объяснительных районных властей на замечания из «центра».

Властями осуществлялось также обследование действующих строений культового назначения, после чего в комиссию по культам при президиуме ВЦИК СССР представлялись доклады по результатам работы, а также планы ликвидации действующих церквей, монастырей, молельных домов. Доклады об обследовании решением комиссии проводились в жизнь через НКВД, который в течение трёхмесячного срока занимался решением вопроса [1, л. 1].

Показательным в отношении характеристики закрытия православных церквей является объёмное дело, посвящённое закрытию собора в г. Сретенск Восточно-Сибирского края. Первая попытка закрытия была осуществлена ещё в 1930 г. Однако тогда решением Комиссии по вопросам культов при

Президиуме ВЦИК СССР собор был оставлен в пользу верующих. Повторная же попытка закрытия собора относится к 1934–1936 гг. Решение о закрытии собора к апрелю 1935 г. содержалось в Постановлении восточносибирского крайисполкома. Однако реальное закрытие состоялось раньше. Осуществлено оно было районными властями. Вполне естественно, что реакцией стала жалоба группы верующих в комиссию по вопросам культов при крайисполкоме и в Москву на имя М. И. Калинина. Действия районных властей оправдывались требованием трудящихся, отсутствием договора с какой-либо религиозной группой о пользовании собором и культовым имуществом. Отметим, что в источниках содержится значительное количество списков коллективов и членов семей работников коллективов, которые голосовали за закрытие собора. При этом рядом с фамилиями и инициалами стоят подписи, поставленные от руки и явно принадлежащие разным людям. Перечень коллективов, выступивших за закрытие, достаточно широк. Это собрания: преподавателей и студентов г. Сретенск, рабочих подсобных хозяйств воинской части, рабочих овчинно-шубного завода и др. [14, л. 10–31]. Складывается мнение, что действительно значительная часть населения г. Сретенск и его окрестностей выступала за закрытие собора. Здесь следует сказать, что община верующих в Сретенске была значительной. В одной из жалоб речь идёт о 1350 чел. взрослого населения. В этом же документе отмечается, что община была зарегистрирована и исправно платила взносы [14, л. 44].

Само закрытие осуществлено снятием печати с дверей собора. При этом отсутствуют какие-либо документы о приёме имущества. Интересно решение Центральных властей. Собор постановили закрыть, однако вопрос рассмотреть на краевом уровне и привлечь к ответственности виновных в самовольном закрытии. Вместе с окончательным решением о закрытии собора принято решение о реализации культового имущества. Она осуществлялась в соответствии со ст. 40 Постановления ВЦИК СНК РСФСР «О религиозных объединениях» [16, с. 40]. Итогом всей этой деятельности стало не просто закрытие собора, а его полное разрушение. Не была реализована и идея использования здания под «культурно-политический очаг» [14, л. 44].

Имеются данные и об ином отношении властей к религиозным организациям. В одном из писем, подписанным председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, последовавшим как ответ на жалобу от общины верующих, местные власти предупреждались о невозможности создания препятствий для верующих в осуществлении действий культового порядка в церквях Забайкалья [11, л. 9]. Другой документ содержит протокол заседания Комиссии по культам при ВЦИК СССР, в котором рассматривается вопрос о взимании авторского гонорара с церковных общин за церковные песнопения. Подобные случаи встречались на местах. Комиссия признала данные действия неправомерными [1, л. 2].

Традиционной для региона стала передача зданий бывших церквей и молитвенных домов, конфискованных у Русской Православной Церкви, под клубы. Обычно ходатайства об этом подавались с мест в ЦИК Союза СССР и в комиссию по вопросам культа. Мотивацией являлось наличие в селах колхозов и МТС. Часто районными властями предполагалась организация при открываемых клубах киноустановок. При этом обычно средства для клуба имелись в наличии к моменту закрытия церквей и молитвенных домов и к их конфискации. В 1930 г. управление Главнауки выступило с предложением об использовании церковных зданий под музеи [1, л. 3; 11, л. 3, 21; 14, л. 9].

Часто общины верующих, взамен конфискованных и разрушенных или используемых по иному назначению зданий церквей и молитвенных домов, просили у властей предоставить им иные помещения. Это пустующие здания небольших церквей, службы в которых длительное время не велись. Наряду со зданиями высказывались просьбы и о предоставлении предметов религиозного культа [14, л. 44].

Несмотря на наличие фактов изъятия церковного имущества без какой бы то ни было фиксации, следует сказать, что на уровне центральных властей существовала процедура учёта и переоценки предметов культового характера, находившихся в церквях и

молитвенных домах. Был разработан для посылки на места инструктивный циркуляр «по учёту и переоценке предметов культурного характера из драгоценных металлов». Целью переоценки являлась сохранность ценных вещей [6, л. 7].

Налогообложение религиозных организаций в рассматриваемый период времени осуществлялось в соответствии с законодательством о налогообложении. Архивные источники содержат объёмные переписки Комиссии по вопросам культа с Народным Комиссариатом Финансов и местными органами власти по порядку сбора налогов. Основной статьей был налог на нужды жилищного культурного строительства [4].

Учёт религиозных обществ и групп верующих Постановлением ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» был возложен на местах на регистрирующие их органы. Органами регистрации являлись городские Советы и районные исполнительные Комитеты. На уровне ЦИКов АССР, Крайисполкомов и Облисполкомов вопросами учёта занимались комиссии по вопросам культа. До начала 1930-х гг. данный вопрос находился в ведении НКВД. Однако в архивных источниках упоминается, что учёт данным ведомством велся очень плохо, что и привело к реформированию. Следует сказать, что перераспределение функций не дало ожидаемого результата. Краевые и областные комиссии не справились с учётом религиозных групп и организаций. В 1931 и 1932 гг. сведения, поступившие в Комиссию по культам при Президиуме ВЦИК, были не полными, а в 1933 г. подобные данные в центральные органы власти практически не поступили. Итогом стало появление Постановления ВЦИК и СНК СССР от 22 августа 1933 г. об усилении работы [3, л. 1; 16, ст. 62, 63].

В функции комиссий по вопросам культа входил не только учёт религиозных организаций и религиозных общин. Пожалуй основной работой было решение вопросов о закрытии церквей, дацанов и молитвенных домов.

Что касается Забайкалья, следует отметить, что Комиссия по культам при ЦИК Бурят-Монгольской АССР была создана 14 сентября 1931 г. Её Председателем стал Александр Николаевич Космачев. Находилась комиссия в г. Верхнеудинске. Упоминаний о подобной комиссии в г. Чите не встречено.

Антирелигиозная деятельность властей заключалась не только в закрытии храмов и конфискации имущества. В 1929 г. Комиссией по вопросам культов при Президиуме ВЦИК было принято решение о необходимости лишить служителей культа права пользоваться землёй наравне с другими лицами, к которым относились лишённые избирательных прав, имеющие источники существования от торговли и эксплуатирующие труд. Те священники, которые добровольно сняли сан и опубликовали об этом объявление в печати, имели возможность «на трудовое землепользование или заработок по службе» [1, л. 1].

Данных по высылке священников из забайкальских городов и сёл в 1930-е гг. в документах не встречено. Известно, что подобное активно осуществлялось в Московской области и сопровождалось раскулачиванием. При этом изъятие имущества у священнослужителей, не имеющих крестьянского хозяйства, признавалось властями не законным [1, л. 6].

Не встречено в архивах и сведений о снятии колоколов с православных храмов и использованию металла для нужд промышленности. Данное действие было применено в ответ на обращение Высшего Совета Народного Хозяйства о нехватки металла в стране. Известно, что активно данные действия реализовывались в крупных городах центральной России. Полученный металл шёл на чеканку монет, о чём говорилось в одном из писем Председателя СНК СССР А. И. Рыкова. В письме отмечалось, что данное дело не имеет политической окраски, однако излишней огласки ему предавать не следовало [2, л. 6].

Помимо антирелигиозной деятельности в отношении православия, в архивных документах содержатся дела о антирелигиозной деятельности властей в отношении распространённой в регионе северной ветви буддизма-ламаизма.

Документы содержат множеств дел, состоящих из писем Хамбо Агвана Доржиева в органы государственной власти по вопросам существования буддизма в Забайкалье. В них представлена характеристика действий представителей власти, по ним можно проследить

попытки буддийского духовенства сохранить церковную организацию.

Агван Доржиев известен как полномочный представитель Тибета в СССР. В плане своей деятельности по сохранению и развитию буддизма на территории советского государства он придерживался обновленческих позиций, в основе которых лежала попытка соединить основы буддизма и коммунизма. А. Доржиев имел определённое число последователей в среде ламаистского духовенства. На территории Забайкалья в некоторых дацанах были так называемые «ламы-обновленцы». Последователи же традиционного ламаизма получили в документах наименование «ламы-консерваторы». Достаточно показательной является переписка Хамбо Агвана Доржиева с Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР. В ней затрагиваются вопросы о нехватке ламаистского духовенства, отмечается, что службы в дацанах служить некому. Практически во всех, существовавших на 1933 г., дацанах оставалось по 2–3 ламы [10, л. 9].

Хамбо Агван Доржиев в письмах просил разрешить верующим буддистам по своей воле отдавать детей в «ламство», начиная с 7 лет. Также он просил увеличить число учеников хотя бы на один-два на дацан. При этом не отвергалась возможность посещения учениками параллельно с обучением на лам советских школ [10, л. 9].

Архивные источники не содержат сведений об ответе на письменные предложения главы ламаистского духовенства. Однако имеются иные сведения, которые хорошо иллюстрируют направление политики властей. Это письма о закрытии дацанов на территории Бурятской Республики, конфискации имущества и организации торгов по их продаже. Хамбо Агван Доржиев в письменной форме пытался противостоять закрытию дацанов. Однако его усилия, судя по отсутствию ответов на письма, были безрезультатными [10, л. 4, 5].

В первые годы после установления советской власти гонений на ламаистское духовенство в Забайкалье не было. Этого нельзя сказать о Центральной России, где был разграблен дацан Санкт-Петербурга. В период Дальневосточной Республики власти активно не вмешивались в дела религиозных организаций. Постепенно ситуация меняется, и в 1926 г. ламы лишены избирательных прав и были приравнены к «нетрудовому элементу». Однако основным способом борьбы с религией в данный период времени остаётся агитационная антирелигиозная работа. Так, один из архивных документов содержит сведения об антирелигиозном диспуте «Буддизм и коммунизм», который состоялся 18–19 марта 1928 г. Агван Доржиев в одном из писем на имя П. Г. Смидовича отмечал присутствовавшее на диспуте оскорбление чувств верующих [8, л. 9].

В 1930-е гг. активную работу в отношении верующих-ламаистов проводит общество «Безбожник». Часто действия носили оскорбительный характер для верующих. Тот же Агван Доржиев в очередном письме П. Г. Смидовичу говорил о бестактных действиях в отношении буддийской части населения БМАССР со стороны «малосведущей молодёжи». Подобные характеристики он применял и к действиям общества «Безбожник». В марте 1935 г. состоялось большое собрание, на котором обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе существования буддизма в Бурятской Республике. Следует отметить, что буддийское духовенство о данном собрании не знало, и обсуждение вопросов проходило в их отсутствии. Агван Доржиев отмечал, что на Собрании присутствовали только организаторы. В принятой собранием резолюции говорилось о недопустимости существования буддийской религии среди бурят-монгольского населения [8, л. 8].

В дальнейшем постепенно начинает реализовываться политика массовых репрессивных действий в отношении буддизма. Выражалась она в закрытии дацанов, конфискации имущества и его распродаже, аресте лам. В итоге, к 1936 г. в Забайкалье не осталось ни одного действующего дацана. В то же время, в одном из писем Доржиева отмечается, что количество верующих буддистов на территории Бурятской Республики достигало на то время 97 % от всего населения [8, л. 6].

Следует отметить, что не все ламы выступали с позиций консервативного или обновленческого ламаизма, вступая в дискуссии с представителями власти или антирелигиоз-

ного общества «Безбожник». Так, на упомянутом выше диспуте выступал Хамбо-лама Цыремпилов. Его выступление стало неожиданным для верующих и присутствовавшего там ламаистского духовенства. Его слова сводились к идеи о наличии разложения в религии [8, л. 4].

Параллельно с работой по учёту религиозных групп и организаций, закрытием церквей, дацанов и молитвенных зданий в 1930-е гг. властями велась работа по составлению списков памятников архитектуры, которые подлежали централизованной охране государства. Решении комиссии по вопросам культа, к ним могли относиться здания и строения православных монастырей, соборов, церквей, буддийских дацанов, католических костелов, мечетей, синагог, молитвенных домов, часовен. Зачастую они отдавались под музеи. В архивных документах нами встречены сведения о переданных под охрану государства как архитектурные памятники церквей в г. Иркутске [7]. Сведений по Забайкалью не встречено.

Исходя из изложенного материала, можно сделать несколько выводов. Во-первых, один из центральных архивов России содержит значительный объём материалов по поднимаемой проблематике. Рамки одной статьи не позволяют охарактеризовать их в полном объёме. При этом думается, что дальнейшая их проработка позволит более полно воссоздать историю взаимодействия государства и религий в регионе.

Следующий аспект – политика региональных и местных властей в отношении религиозных групп и организаций строилась в традиционном для них антирелигиозном духе.

Подходы местных, региональных и центральной власти отличались. На местах власти во многих случаях стремились быстро, часто с нарушением установленных норм закрывать церкви, молитвенные дома, конфисковывать имущество без его учёта. В некоторых случаях региональные власти, а чаще власти центральные отменяли решения местных властей и возвращали культовые здания верующим. Думается, не всегда прописанное на бумаге могло находить выражение в действительности. Однако сам факт наличия подобных документов говорит о том, что не всегда решения властей носили жёсткий антирелигиозный характер. Политика государства в отношении религиозных сообществ изменится в середине 1930-х гг., когда начнётся череда закрытия оставшихся православных монастырей, церквей и буддистских дацанов.

Список литературы

Источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 18.
4. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 29.
5. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 32.
6. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 38.
7. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 44.
8. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 61.
9. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 69.
10. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 131.
11. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 441.
12. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 434.
13. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 435.
14. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 450.

Литература

15. Кочетова А. С. Роль Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме (ВЦИК) ЦИК СССР в разработке религиозного законодательства 1930-х гг. // Молодой учёный. 2011. № 9. С. 155–160.

16. Постановление ВЦИК СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // Левоневский Валерий Станиславович. URL: http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr6632.htm (дата посещения: 09.11.2011).

Статья поступила в редакцию 20.02.2012 г.

УДК 7.071.1:93
ББК 87.8:63

Надежда Анатольевна Семёнова,
Забайкальский государственный университет (Чита, Россия),
e-mail: Semenova.Nadia@mail.ru

Образование читинского отделения союза советских художников (1945–1964 гг.)

В статье рассматривается история создания Читинского отделения Союза Художников СССР и его начальный период деятельности. Раскрываются взаимодействия с органами местной власти и художественной общественностью. На примерах показано вмешательство партийных органов в творческий процесс, а также возникающие трудности и пути их решения на начальном этапе образования союза. Выявляются основные особенности развития Читинского отделения СХ СССР, творческие успехи, принёсшие всероссийскую и республиканскую известность Забайкальским художникам, и итоги их деятельности в период становления. Рассматривается процесс вовлечения молодёжи, школьников в художественное творчество, различные методы работы с начинающими талантливыми художниками области в послевоенный период. В статье показана взаимосвязь Читинского отделения СХ СССР с живописцами соседних регионов и столицы.

Ключевые слова: Союз художников, отделение, бюро, члены, кандидаты, творческий актив, мастерская, выставки.

Nadezhda Anatolievna Semyonova,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: Semenova.Nadia@mail.ru

The Development of the Chita Division of the Soviet Artists Association (1945–1964)

In this article the history of creation of the Chita branch of the USSR Artists Association and its initial stage of activity is considered. Interactions with organs of local government bodies and artistic public are discovered. Using certain examples it has been shown how the party bodies interfered into the creative process, as well as the arising difficulties and ways of their solution at the initial stage of the union formation. The paper reveals main features of the Chita branch development, its creative success which brought the All-Russia and republic popularity to Trans-Baikal artists, and the results of their activity in formation. The author also considers the involvement of the youth, schoolchildren into art creativity, and various methods of work with beginners, talented artists of the region during the post-war period. In the article the interrelation of Chita branch of the USSR Union of Artists with painters from the neighbouring regions is shown.

Keywords: the Union of Artists, branch, bureau, members, candidates, creative, active, workshop, exhibitions.

Цель данной статьи – рассмотреть историю создания и начальный период деятельности Читинского отделения Союза Советских художников, выявить особенности его развития, раскрыть взаимодействие с органами власти и общественностью, показать основные итоги его развития и творческие успехи.

В 30-е гг. в стране происходили значительные изменения в области культуры, были ликвидированы многочисленные объедине-

© Н. А. Семёнова, 2012

ния работников искусств. Вместо них создавались единые союзы советских писателей, художников, кинематографистов, артистов, композиторов. В советском искусстве наступал период единообразия.

Подобная ситуация наблюдалась и в Восточной Сибири. В 1933 г. в Иркутске на краевой конференции работников изобразительного искусства был создан Восточно-Сибирский краевой ССХ (Союз Советских Художников). Его филиал был открыт в Чите. Представителем в союзе от читинских художников стал Сверкунов И. П., который неоднократно бывал в Иркутске на совещаниях, съездах. И. П. Сверкунов, П. И. Кашкаров и другие художники Читы принимали участие в художественных выставках Иркутска и других городов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В этот период начинался процесс накопления творческих сил, решались организационные вопросы по созданию самостоятельной организации в Чите. В 1938 г., по инициативе И. П. Сверкунова, возглавлявшего художественную студию, было организовано Читинское Оргбюро Союза Советских художников (ЧОБ ССХ). В состав первого правления Оргбюро вошли И. Поликарпов, С. Смиренин, А. Плякин. Билет № 1 был выдан «старейшине забайкальского живописного цеха» П. И. Кашкарову [1, л. 1.]

Главным направлением ЧОБ ССХ в первые годы деятельности, включая годы Великой Отечественной войны, являлась плакатная живопись. Художники работали в мастерской «Окна ТАСС», созданной в 1941 г. Мастерская существовала как хозрасчётная единица в ведении и под контролем ЧОБ ССХ. В годы войны художниками было выпущено 427 названий плакатов, организовано две выставки живопись-графика, трёх выставки агитплаката, одна из них передвижная [2, л. 46].

В результате завершения ВОВ, мастерская «Окна ТАСС», выполнявшая заказы военного времени, была закрыта. В связи с отсутствием в Чите и области организации, которая могла выполнять заказы по художественному оформлению клубов, красных уголков, написанию портретов, наглядных пособий, рекламы и т. д. Облисполкомом было принято решение на её базе организовать новую мастерскую – «Стол Заказов». Мастерская «Стол Заказов» проработала 9 месяцев − с января по октябрь 1946 г., после чего решением собрания ЧОБ СХ была преобразована в Читинское товарищество «Художник», находящееся под контролем российского товарищества «Всекохудожник». Но и эта мастерская проработала совсем немного. В июле 1947 г., в результате ликвидации товарищества «Художник» мастерская была закрыта. Облисполком в этих условиях восстановил мастерскую «Стол Заказов» [3, л. 120]. К концу 40-х гг. мастерская имела более пятидесяти рабочих мест, из которых более 80 % занимали художники. «Стол Заказов» давал возможность зарабатывать не только художниками-профессионалами, но и начинающим талантам [4, л. 80].

В 1948 г., в связи с перерегистрацией в стране организаций и предприятий, встал вопрос о прекращении деятельности «Стола Заказов». Мастерская не имела утверждённых штатов и как самостоятельная организация существовать не могла. Художники неоднократно обращались в Отдел по делам искусств, Художественный фонд СССР, «Всекохудожник» с просьбой об оформлении «Стола Заказов», но получали отказ по причине отсутствия штатных единиц в мастерской. В 1950 г. решение вопроса было найдено в выделении местным отделом по делам искусств три штатных единицы, что дало возможность сохранить мастерскую [5, л. 121].

«Стол Заказов» позволил объединить не только вернувшихся с фронта художников, но и молодых авторов, в числе которых П. Е. Аносов, М. И. Артамонов, В. Ф. Никитин, А. Ф. Потепалов, Е. Г. Отрадных, В. И. Кузин [6, с. 14–18].

Все произведения художников строго контролировались Художественным Советом при Союзе Советских художников и Главрепорткомом через уполномоченных. На произведении, разрешённом для «выхода в свет», ставился штамп установленного образца, после чего его могли распространять [7, л. 37, 85]. С 1950 г. художникам выдавались эталоны для написания портретов руководителей партии и правительства, утвержденные контролирующими органами. Система шаблонного выполнения работ не давала художникам показать своё видение картины, и если художник позволял в своём произведении

небольшие отклонении от образца, то работа не принималась. Это свидетельствовало о попытке партийных органов контролировать не только политические и экономические сферы общественной деятельности, но и культурные [8, л. 123].

В послевоенный период в стране расширился диапазон творческой деятельности художников. Одним из главных направлений в их работе являлась выставочная работа. В соответствии с Постановлением Совета министров РСФСР от 08.04.1948 г. «Об итогах Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности» Читинский Облисполком принял решение о проведении ежегодных сельских, районных и областных выставок. Возглавил эту работу оргкомитет, в состав которого входили представители райисполкомов, облисполкомов, начальники отдела культуры, члены отдела Агитации и пропаганды райкома КПСС, обкома КПСС, директора и художественные руководители ДК, художники [9, л. 1].

Ежегодно в области велась работа по выявлению самодеятельных художников, проводились консультации, при ДК создавались кружки ИЗО, через печать и радио освещался ход подготовки к областной выставке. За 1949 г. в области было выявлено более 30 талантливых художников. В 1949 г. на областную выставку в поселке Агинское было отобрано 8 картин 12 самодеятельных художников [10, л. 18].

Итогом работы 1949 г. стало проведение областной выставки, посвящённой 70-летию И. В. Сталина. На выставке экспонировалось более 200 работ местных художников. Её открытие посетили представители партийных органов, общественных организаций, гости БМАРССР, заслуженый деятель искусств тов. Мердыгеев, народный мастер по чекану тов. Намжелон, художник Чикотеев. Выставку посетили более 10 тыс. человек [11, л. 14об.-15].

На областной выставке внимание зрителей привлекли работы: шахтёрская серия И. Т. Блохина, портреты коллег художника В. Н. Голубева, «Улица Ленина» Д. И. Иванова В выставке принимали участие и самодеятельные художники. Одиннадцать лучших работ читинских художников было отобрано на Всесоюзную выставку 1949 г. в Москве [12, л. 65].

В это же время начинается тесная творческая взаимосвязь забайкальских художников с художниками БМ АРССР. Они готовили и проводили совместные мероприятия, выставки, конференции, обменивались опытом. В июле 1950 г. читинские художники участвовали на межобластной выставке в г. Улан-Удэ, где экспонировали около 100 своих работ [13, л. 117].

Читинские художники пытались наладить взаимосвязь не только с художниками из соседних регионов, но и центральной России. В 1949 г. И. В. Поликарпов и А. М. Федотов были командированы в дом творчества «Гурзуф» в Крым, встречались и работали с известными советскими художниками, посещали мастерские московских художников, присутствовали на открытии Всесоюзной художественной выставки 1949 г. в Москве [14, л. 81; д. 5, л. 6]. После возвращения из творческой командировки, на общем собрании Оргбюро художники делились впечатлениями, рассказывали об условиях работы художников из столицы, высказывали мнение о необходимости таких командировок.

Кроме членов и кандидатов Союза СХ СССР в работе Оргбюро принимали участие начинающие талантливые художники. Они составляли творческий актив организации. Его количественный состав на протяжении рассматриваемого периода колебался от 6 до 15 человек. Так, в 1950 г. он составлял 6–7 чел., 1956 г. – 10–11 чел.; 1962 г. – 12–15 чел. Они участвовали в работе мастерской «Стол Заказов», посещали занятия ИЗО студии, где совершенствовали своё мастерство, были участниками коллективных выездов за город для написания картин с натуры, которые в последующем экспонировались на областной выставке.

В феврале 1953 г. прошла областная художественная выставка, посвящённая выборам в местные Советы и Дню Советской армии. В ней приняли участие 22 художника. Они представили 77 работ живописи, графики и скульптуры. В выставке принимали участие и пять начинающих художников из районов области [15, л. 1].

Художники А. М. Федотов, Б. А. Чередник, В. Н. Голубев, И. Т. Блохин состав-

ляли костяк ЧОБ ССХ. Будучи членами СХ СССР, они вели работу по повышению профессионального мастерства среди читинских художников, популяризацию их творчества, участвовали в конференциях, устраивали выставки. СХ СССР финансировал творческую деятельность, представляя членам организации бесплатные мастерские, организовывал творческие поездки по регионам [16, л. 18].

В 1953 г. И. Т. Блохин получил творческую командировку в Оловянинский район в колхоз им. Сталина, а А. М. Федотов – на озеро Байкал. Итогом их творческой деятельности стали картина «Чабан» И. Т. Блохина и серия пейзажей под названием «Сюита о Байкале» А. М. Федотова [17, л. 1].

По итогам таких командировок проводились творческие отчёты по проделанной работе. Отчёты проводились как закрытые, как перед Оргбюро, так и перед общественностью города, с приглашением членов отдела Агитации и пропаганды горкома КПСС, обкома КПСС и другими представителями власти. От результатов обсуждения зависели дальнейшие условия для профессионального роста художника, которого могли командировать в дома творчества художественного фонда СССР [18, л. 15].

Тенденция творческой активности в изобразительном искусстве наблюдалась не только в Забайкалье, но и по всей стране. Это вызвало необходимость преобразований в структуре организации СХ СССР.

В 1957 г. прошёл I Всесоюзный съезд советских художников, учредивший единый Союз художников СССР и его новый устав. По решению съезда все Оргбюро СХ СССР были переименованы в областные отделения Союза художников СССР.

Уставные требования поставили в сложное положение ЧОБ ССХ. На начало 1957 г. в состав ЧОБ ССХ входило 9 человек: 4 – члена и 5 – кандидатов. Специальное образование имели 4 человека. Для утверждения ЧОБ в качестве отделения союза художников не хватало количества членов и кандидатов ССХ СССР, специалистов с высшим и средним специальным образованием, отсутствие систематического плана работы, творческих отчётов, производственных и творческих мастерских [19, л. 130].

В 1957 г. на общем собрании ЧОБ ССХ обсуждался вопрос о сохранении самостоятельного статуса ЧОБ ССХ или о прикреплении его к Иркутскому или Улан-Удэнскому. На собрании присутствовали член правления ССХ СССР В. С. Рогаль, секретарь обкома КПСС Данилюк Л. П., зам. начальника управления культуры Ю. И. Владимиров В итоге собрание приняло решение о сохранении самостоятельности ЧОБ ССХ, но с условиями устранения недостатков в работе [20, л. 124, 130, 138].

С этого периода активизируется деятельность Читинского отделения СХ СССР. Художники регулярно экспонировали свои работы на республиканских и всероссийских выставках. На республиканскую выставку 1957 г. было представлено 9 работ читинских художников: «Саяны» И. Т. Блохина, «Байкал», «Прибайкалье», «Река Витим» А. М. Федотова, «Пожилой колхозник» В. Н. Голубева, «Приезд княгини Волконской к мужу декабристу в Забайкалье» Б. А. Чередника, «Судоверфь на реке Шилке», «В Сретенском затоне» Н. В. Еремеева, «Полдень» А. В. Стелькина [21, л. 42].

На протяжении всего периода существования организации кадровый вопрос был одним из наиболее острых. Систематические заявки на приезд специалистов в Читу оставался не решённым до начала 60-х гг. Причинами этого служили отдалённость региона, отсутствие производственных мастерских, жилого фонда, выставочной галереи и т. д. К концу 1959 г. Читинское отделение СХ СССР состояло из 2 членов и 5 кандидатов СХ СССР, что соответственно усложняло положение ЧО СХ СССР [22, л. 121]. Этот вопрос был решён не только принятием в члены и кандидаты молодых талантливых художников Читы, но и приездом специалистов из других регионов страны. В Забайкалье приезжают Л. С. Новицкий, С. М. Федотов. После окончания Иркутского художественного училища в Читу возвращаются В. И. Форов, Я. И. Шплатов, В. Д. Пинигин, Ю. А. Круглов, В. Г. Мольнар, А. В. Колчанов, которые активно включаются в творческую жизнь Читинского отделения СХ СССР.

Новицкий Л. С., выпускник Иркутского художественного училища и Московского государственного художественного института

им. В. И. Сурикова, приехал в Читу уже сложившимся портретистом. Главным направлением в своей работе он видел создание тематических картин, которые в последующем стали визитной карточкой забайкальского искусства. В конце 1962 г. Новицкий Л. С. был избран председателем правления Читинского отделения СХ СССР и возглавлял его почти десять лет [23, л. 6].

Приезд специалистов оживил творческую деятельность забайкальских художников. За период 1962–1964 гг. Читинским отделением СХ СССР было организовано и проведено в городе и области 20 выставок работ забайкальских художников, из которых в было проведено 10 выставок, в воинских частях – 4, на шахтах и рудниках – 4, две передвижные выставки охватили 26 населённых пунктов области. Художники провели 8 выставок репродукций в школах города [24, л. 1].

В 1963 г. картина «Прибайкалье» И. Т. Блохина экспонировалась на передвижной выставке художников РСФСР. Его имя вошло в каталог межобластных, зональных, всесибирских и всероссийских выставок [25, с. 115–119].

В это же время велась подготовительная работа к участию в зональной выставке «Советский Дальний Восток», на которую было принято 42 работы пятнадцати читинских художников. В течение года читинские художники приняли участие в двух всесоюзных выставках с графическими работами И. А. Табакова и Л. С. Новицкого, двух республиканских, посвящённых «45-летию Советской Армии и 100-летию Енисейского пароходства», где учавствовали – работы Л. С. Новицкого, Ю. А. Круглова, Е. Г. Отрадных [26, л. 2].

Кроме выставочной работы, художники активно участвовали в общественной жизни города и области. Они проводили встречи в творческих мастерских, давая мастер-классы по написанию картин, читали лекции по вопросам изобразительного искусства на предприятиях, в учебных заведениях, воинских частях. В 1963 г., при областном доме политпросвещения, были проведены годичные курсы художников-оформителей. Всё это свидетельствовало о начале нового этапа в деятельности Читинского отделения СХ СССР [27, л. 1].

Таким образом, Читинское областное отделение ССХ на данном этапе сумело сохранить самостоятельность, преодолевая организационные и творческие трудности, выйдя на новый этап развития и внося весомую лепту в развитие российской культуры.

Список литературы

Источники

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
2. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.
3. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 2. Л. 120.
4. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.
5. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 2. Л. 121.
6. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 2. Л. 37, 85.
7. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 5. Л. 123.
8. ГАЗК. Ф. Р–63. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
9. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.
10. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 5. Л. 14 об. − 15.
11. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 4. Л. 65.
12. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.
13. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 4. Л. 81.; Д. 5. Л. 6.
14. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
15. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.
16. ГАЗК, ф. Р– 1905. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
17. ГАЗК, ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.
18. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 17. Л. 130.

19. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 17. Л. 124, 130, 138.
20. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 18. Л. 42.
21. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 23. Л. 121.
22. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.
23. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
24. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.
25. ГАЗК. Ф. Р–1905. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

Литература

26. Иманакова Е. Г. Читинское отделение Союза художников России: очерк истории // Забайкалье. Полифония мира. Кубанские новости, Краснодар, 2008. С. 14–18.

27. Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1996 год. Чита, 1996. С. 115–119.

Статья поступила в редакцию 20.01.2012 г.

История развития России

History of development of Russia

УДК 94 (571.53)
ББК 63.3

Лев Михайлович Дамешек,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(Иркутск, Россия), e-mail:dameshek@rambler.ru
Ирина Львовна Дамешек,
доктор исторических наук, профессор,
Восточно-Сибирская государственная академия образования
(Иркутск, Россия), e-mail:dameshek@rambler.ru

Россия и Сибирь: место Сибири в процессах социально-экономического развития империи

Статья посвящена анализу места Сибири в процессах социально-экономического развития российского государства в XIX – нач. XX вв. Прослеживается история складывания административного устройства Сибири, подчеркивается роль в этих процессах М. М. Сперанского и Н. Н. Муравьёва-Амурского. Дана оценка демографических процессов, происходивших в Сибири, определена численность русского и коренного населения, отмечена сибирская демографическая особенность – преобладание сельского населения над городским.

Анализ экномического развития Сибири свидетельствует о том, что основные отрасли развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для европейского центра. Сибирь поставляла в центр пушнину, драгоценные металлы (серебро, золото), продукцию сельского хозяйства – зерно и масло. Увеличению поставок последних способствовало окончание строительства Транссиба, который связал Сибирь с центром страны. В статье сделан вывод о том, что Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, социально-экономическое развитие, административное устройство, промысловая и земледельческая колонизация.

Lev Mikchailovich Dameshek,
Doctor of History, professor, Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia), e-mail: dameshek@rambler.ru
Irina Lvovna Dameshek,
Doctor of History, professor,
East-Siberian State Academy of Education,
(Irkutsk, Russia), e-mail: dameshek@rambler.ru

Russia and Siberia: Siberia in the Social and Economic Development of the Russian Empire

The article is devoted to the analysis of the role Siberia played in the social and economic development of the Russian state in the 19th – early 20th cc. The au-

© Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, 2012

thors follow the history of the administrative development of Siberia; emphasize the contribution of M. M. Speransky and N. N. Muraviov-Amursky. The demographic situation in Siberia has been assessed, the number of the Russian and local population has been determined, one demographic peculiarity has been pointed out – rural population prevails the urban one.

The analysis of the region economy proves that major industries development was one-sided. The region served mostly as a supplier of the raw materials for the European center. Siberia delivered fur, silver and gold, corn and vegetable oil to the center. The amount of deliveries increased thanks to Trans-Siberian Railway which connected Siberia and the Russian center. The authors come to the conclusion that Siberia had quite developed agriculture and transport, but rather weak industry.

Keywords: Russia, Siberia, social and economic development, administrative structure, trade and agricultural colonization.

Присоединение Сибири к России является одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией [21, с. 583]. Дальнейшее взаимоотношения центра и вновь присоединённых восточных территорий в немалой степени определялось характером присоединения этих земель к России. Разделяя точку зрения датского историка О. Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации», следует отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации, как освоения пустопорожних земель, и прямой экспансии, под которой авторы понимают захват чужой территории. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном порубежье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределили «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям [14, с. 134–143]. Последние рассматривались как данники московского царя, т. е. подданные государства, которые наряду с русскими крестьянами должны были нести определённые податные обязанности на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и в соответствии с конституцией США не считались гражданами государства [8, с. 91].

Начавшаяся одновременно с этим промысловая и земледельческая колонизация Сибири своим важнейшим следствием имела инкорпорацию Зауралья в систему экономических, административных и социокультурных связей империи. Историю хозяйственного освоения этой огромной территории можно проследить по датам основания сибирских городов. Принципиально важным моментом в ходе хозяйственного освоения, наряду со строительством острогов и крепостей, стало возникновение земледельческих центров, превращение земледелия из сопутствующего промысла в самостоятельную отрасль хозяйства. Строительство Московского почтового тракта позволило установить регулярные по тем временам отношения с центром, усилило поток новых переселенцев в лесостепные районы, способствовало укреплению безопасности проживающего населения.

В организации административно-территориального устройства восточных территорий московские, а затем и петербургские власти использовали схемы, уже апробированные в центре страны. В XVIII в. управление Сибири при некоторой специфике приобрело формы и содержание, характерные для централизованного государства. В XIX в. Сибирь вступила как неразрывная составная часть России. В административном отношении она составляла единое генерал-

губернаторство, однако в 1822 г. в результате преобразований М. М. Сперанского была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами соответственно в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Иркутске. Западно-Сибирское генерал-губернаторство включало в себя Тобольскую и Томскую губернии, Восточно-Сибирское – Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область.

Дальнейший процесс властного освоения сибирских территорий империей сопровождался существенными изменениями в административно-территориальном устройстве азиатских окраин. В этом смысле пик нововведений приходится на середину XIX столетия. В период пребывания Н. Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского – авт.) на посту генерал-губернатора (1841–1861 гг.) из восточных округов Иркутской губернии – Вехнеудинского и Нерчинского в 1851 г. была образована Забайкальская область с центром в Чите [19]. В этом же году Камчатское приморское управление получило статус области, а в 1858 г. было образована новая административная единица – Амурская область, в состав которой вошли все земли по левому берегу Амура. Все три области Дальневосточного региона в управленческом отношении были подчинены генерал-губернатору Восточной Сибири. Таким образом, накануне эпохи «великих реформ» территория азиатской России в административном отношении делилась на 4 губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую, и четыре области: Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую. Однако на этом административное переустройство Зауральского края не закончилось. Активизация дальневосточной и среднеазиатской политики России отчётливо показала, что существующее административно территориальное устройство не отвечает новым политическим и экономическим реалиям, стратегическим интересам государства. Фактор отдалённости, наряду с необходимостью усиления экономического присутствия, настоятельно диктовал потребность усиления административной власти на местах. Именно поэтому в 1882 г. было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в Омске и объединяющее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайчскую области. Одновременно с этим было упразднено генерал-губернаторство Западной Сибири, а губернии Тобольская и Томская подчинены министерству внутренних дел на «общем основании». Спустя два года, в 1884 г., было учреждено Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей [20]. Таким образом, произошло конституирование административно-территориального отделения Дальнего Востока от собственно Сибири. Нерешённым вплоть до начала XX в. оставался лишь вопрос о Забайкальской области, которая неоднократно «передавалась» из одного генерал-губернаторства в другое, но в конечном итоге, вернулась «на круги своя» – в Иркутское генерал-губернаторство.

Таким образом территориальные границы исследуемого региона в основном сформировались во второй половине XIX в. Это была историко-географическая и политико-административная реальность Российской империи рассматриваемого периода. Не случайно авторы юбилейного официального издания «Азиатская Россия», посвящённого 300-летнему юбилею Дома Романовых, под понятием «Сибирь» подразумевали территорию названных четырёх губерний и двух областей [1, с. 44]. Именно в этих административно-территориальных границах реализовывалась имперская идеология и практика. Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединённых землях. Россия как бы росла, крепла за счёт новых территорий, а русское государственное ядро, по справедливому замечанию А. В. Ремнёва, поглощало имперские окраины [21, с. 31]. Важная роль в этом процессе отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земледелием, научить их строительству крепостей и городов, но прежде всего духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Вот почему переселенческая политика являлась важной составной частью колонизационного процесса.

Для того, чтобы объективно оценить демографические процессы, протекавшие в Сибири, необходимо определить общую числен-

ность русского и коренного населения на протяжении всего изучаемого периода. Для этого сопоставим данные 7-ой ревизии (1816 г.) и материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В итоге получается, что за 81 год с 1816 по 1897 гг. численность пришлого, главным образом, русского населения, возросла с 651 тыс. душ м. п. до 2310 тыс. душ м. п., или на 354,8 %. За этот же отрезок времени численность коренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м. п. до 413 тыс. душ м. п., или на 87,7 %. Таким образом, получается, что темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышали темпы роста коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удельного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25 % в 1816 г. до 15 % в 1897 г. [13, с. 265; 18, с. 3]. Большая часть переселенцев оседала в районах Западной Сибири. Так, например, в период с 1816 по 1854 гг. в Сибирь (в границах начала XIX в.) переселилось около 119 тыс. душ м. п. (58,87 %), в Томской – 40760 душ м. п. (34,3 %), а на долю Иркутской губернии пришлось лишь 8093 души (6,81 %) [13, с. 269].

Подобная же ситуация наблюдается и пореформенные десятилетия. В период с 1861 по 1891 гг. в Сибири водворилось примерно 450000 переселенцев, в том числе в Западной Сибири 350000, а в Восточной Сибири – около 100000 [11, с. 24]. Объясняется это рядом обстоятельств. Западная Сибирь была расположена ближе к Европейской части страны, здесь находились наиболее плодородные земли. В Восточной Сибири активно заселялась Енисейская губерния, особенно Минусинская котловина. Иркутская губерния и Забайкалье в силу отдалённости от «коренных» губерний империи, сложности природно-климатических условий, малопригодных для земледелия, в меньшей степени привлекали внимание переселенцев. На протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс усилился в начале XX столетия после строительства транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Если с 1896 г., по 1906 г. в Сибирь переселилось 1,1 млн человек, то за 1906–1914 – 3 млн человек, или в 2,7 раза больше. Как и в дореформенный период, основная масса переселенцев (68 %) оседала в Западной Сибири, на долю Восточной Сибири приходилось 32 %. Отличительной чертой демографической картины Сибири является крайняя неравномерность распределения населения. Если в губерниях Западной Сибири, составляющих 26 % территории региона, разместилось 8,8 млн. человек, то в Восточной Сибири на 74 % территории проживало лишь 30 % населения. В 1912 г. средняя плотность населения составила 2,5 человек на 1 км^2. в Западной Сибири и 0,4 человека на 1 км^2 в Восточной Сибири. Для сравнения укажем, что в 1913 г. в Англии приходилось 130 жителей на 1 км^2, Германии – 102, США – 8, России – 6.

Ещё одной особенностью демографических процессов в Сибири было явное преобладание сельского населения над городским. Она отражала характер развития экономических отношений в регионе. Сибирские города, возникшие как военные и административные центры, к началу XIX в. утратили эти функции и всё больше превращались в места сосредоточения промышленности и торговли. В предреформенные годы в Азиатской России насчитывалось около четырёх десятков городов, однако все они находились на разных ступенях развития. Лишь в шести их них население превышало 10 тыс. человек. В Западной Сибири – это Тобольск – 16 тыс., Омск – 18 тыс., Томск − 15 тыс., Барнаул − 12 тыс.; в Восточной Сибири – Иркутск – 28 тыс., Красноярск – 10 тыс. Такие города, как Тобольск и Иркутск стали настоящими торгово-промышленными центрами. В то же время в Сибири было немало и «сельских» городов, население которых не превышало 1–3 тыс. человек. Это Ишим, Ялуторовск, Кузнецк в Западной Сибири, Киренск в Иркутской губернии и др. Некоторые города выполняли роль пограничных форпостов на юго-востоке Азии. В целом же удельный вес городского населения в пореформенной Сибири был вполне сопоставим с Европейской Россией и находился на уровне 10 %. К концу XIX – нач. XX вв. в результате интенсивного притока переселенцев в Сибирь, оседавших преимущественно в сельской местности, это соотношение изменилось. Если в Европейской России в 1900 г. удельный вес горожан

вырос до 12 %, то в Сибири, наоборот, снизился до 8 %. Накануне первой мировой войны эти показатели составляли соответственно 27 и 13 % [4, с. 69].

Крестьянское движение на Восток объективно приводило к изменению этнической картины Азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала Европейскую метрополию. Дальнейшее нарастание потока переселенцев в начале XX в. породило острый спрос на удобные для занятия сельским хозяйством земли, образовался дефицит пригодных для заселения земель. В этих условиях правительство приступило к землеустройству аборигенов на принципиально новых основаниях. Тем самым был провозглашен курс на ликвидацию сословия «инородцев», слияния их с русским крестьянским населением. Реализация этой идеи, по замыслу её петербургских творцов, не ограничивалась одной Сибирью Воплощение на практике проекта «большой русской нации», о котором пишет Л. И. Горизонтов [5], предусматривало постоянное расширение имперского ядра за счёт поглощения окраин. Вариации этой политики можно проследить на примере других окраин империи [2]. Задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и карелировалась идей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым решалась стратегическая задача окраинной политики − усиление политического единства империи. Представляется так же, что сам факт опережающих темпов роста сельского населения Сибири по сравнению с Европейской Россией свидетельствует о том, что темпы агарной колонизации существенно опережали индустриальную [10].

Изучение экономического развития Сибири свидетельствует о том, что со времени присоединения её к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства – сельское хозяйство, промышленность, промыслы – развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для Европейского центра. Интересы последнего защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое выражение в разработке и практическом осуществлении законодательства в финансовой, в том числе налоговой политике, во внешнеэкономической деятельности. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от Европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф. Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся…». Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться [3]. Вигель в своих высказываниях довольно точно очертил ориентацию правительственных интересов в Сибири. Для московских, а затем и петербургских царей и императоров Сибирь на протяжении XVII и XVIII столетий оставалась неисчерпаемым поставщиком столь необходимой государству пушнины [17]. После того, как соболь – наиболее ценный объект пушного промысла – был почти повсеместно выбит, на смену пушнины пришли драгоценные металлы.

Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча к середине XIX в. выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 т. пуд. золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пуд., или 11,9 %, то к 1856–1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1343 и 1048 пуд. Доля сибирской золотодобычи в масштабах государства составляла 78 %. Основным районами добычи и выплавки цветных металлов были Алтайский и Нерчинский горные округа, принадлежащие императорскому Кабинету [24, с. 27]. Накануне отмены крепостного права на заводах этих округов выплавлялось свыше 95 % общероссийского производства серебра, свинца и меди [15, с. 119]. В пореформенный период в связи с отменой подневольного труда и примитивной технологией производство цветных металлов резко сократилось – свинца в 4 раза, меди – в 2 раза. Из горнодобывающей отрасли, получившей сравнительно быстрое развитие в начале XX в., следует отметить соледобывающую и каменноугольную, доля которых в общероссийском производстве составляла соответственно 12 и 14,5 %. Осталь-

ные отрасли горнодобывающей промышленности развивались слабо и неритмично. В конце XIX – нач. XX вв. из этой плоскости выходит обрабатывающая промышленность, особенно те её отрасли, которые были связаны с обработкой местного сырья. В. А. Скубневский пришёл к обоснованному выводу о том, что «наиболее значительный отряд рабочих обрабатывающей промышленности был сосредоточен в пищевом и овчинно-шубном производствах». Сопоставляя показатели о числе занятых рабочих в обрабатывающей промышленности Сибири с «ведущими промышленными районами страны», историк характеризует их как «мизерное», но в то же время «вполне сопоставимое» с аналогичными показателями других окраин государства, например, Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Дальнего Востока [23]. Такое совпадение не случайно. Оно было порождено основными принципами экономической политики империи в отношении Азиатских окраин государства, которое рассматривало эти территории как сырьевой придаток промышленно развитого центра. В. Г. Тюкавкин, И. А. Асалханов, Л. М. Горюшкин, авторы коллективных работ на основе изучения развития земледелия Сибири конца XIX – нач. XX вв., приходят к выводу о резком возрастании товарности земледелия в рассматриваемый период. Это выразилось в общем увеличении посевных площадей, преимущественном росте посевов пшеницы и овса в частности. За период с 1901 по 1913 гг. размер посевных площадей в Сибири вырос с 3,6 до 7,1 млн дес., т. е. почти на 170 %. Преимущественный рост посевов пшеницы за эти же годы составил от 1,4 до 3,5 млн. дес. В структуре посевных площадей около половины приходилось на пшеницу, что свидетельствовало о развитии товарного производства. Рост посевных площадей приводил к увеличению валовых сборов зерна. В Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях валовые сборы составили: в 1901–1905 гг. – 158 млн пуд., в 1906–1910 гг. – 204 млн пуд., 1913 – 305 млн пуд. Увеличение валовых сборов пшеницы за соответствующие годы выразилось в следующих показателях – 64, 89, 148 млн пуд [12, с. 318]. Сибирский хлеб, особенно после завершения строительства Транссиба, буквально хлынул на российский рынок, что составило серьезную конкуренцию помещичьим хозяйствам Европейской России. Однако тарифная политика правительства (челябинский тарифный перелом 1896–1911 гг.), искусственное завышение цен на ввозимый в европейскую Россию сибирских хлеб, снижала конкурентоспособность последнего и сдерживала экспорт. Сохранение помещичьего землевладения в Европейской России накладывало отпечаток на экономическую политику правительства в Сибири.

Тенденции, связанные с ростом товарности, происходили и в мясомолочном скотоводстве. Сибирское маслоделие росло стол стремительно, что за короткий срок обогнало многие известные маслодельческие центры страны. Ввоз масла на территорию Европейской России не облагался пошлинами. В результате прибыли от ввоза масла были столь значительными, что в Сибири началась «масляная лихорадка». Бурными темпами шёл процесс перегруппировки стад, приобреталось оборудование для переработки молока, создавались частные и кооперативные маслодельческие заводы. За два неполных десятилетия XX в. экспорт масла из Сибири вырос до 4,5 млн пуд., что в стоимостном выражении составило 68 млн р. [6, с. 3–11]. Значительная часть масла шла на внешний рынок. Только в одном 1913 г. за границу было отправлено 4448,7 тыс. пуд., или 74,1 % произведённого в Сибири масла [12, с. 318].

Развитие сибирской экономики было невозможно без создания устойчивой системы коммуникаций, связывающих Сибирь с основными промышленными и финансовыми центрами империи. В этом смысле существенную роль сыграло установление почтовой и телеграфной связи региона с Европейской Россией. Первой по времени была установлена почтовая связь. Ещё в 1800 г. Павел I учредил особый сибирский почтамт в Тобольске, а в 1804 г. в Иркутске открывается экспедиция почтовых сообщений. В 1830 г. в России были образованы почтовые округа, в том числе и сибирский. В 1862 г. решением правительства округ разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а в 1880 г. был образован Иркутский почтово-телеграфный округ, компетенция которого распространялась на все административные

образования Восточной Сибири [7]. Однако гораздо более значимым стало установление телеграфного сообщения Сибири с губерниями Европейской России. В 1863 г. была установлена телеграфная связь между Екатеринбургом и Омском, спустя два года телеграф появился в Томске, в следующем − в Иркутске, в 1866 г. телеграф связал Тюмень с Тобольском.

Однако отметим, что «возможности и характер торговли в значительной степени определялись состоянием транспорта» [16, с. 147]. Главной экономической артерией, связывающей Сибирь с промышленно развитиями районами Европейской России, оставался Московский тракт. По нему шёл основной поток грузов внутренней и внешней торговли. Однако скорость движения была невысокой – от 30 до 55 верст в день в зависимости от качества дороги. При слабой развитости гужевого транспорта стоимость перевозок зачастую превышала стоимость самого товара. Поэтому исключительно важным стало начало технического переворота на транспорте, связанного со строительством сети железных дорог.

Первой из сибирских железных дорог стала Екатеринбург−Тюменская, сданная в эксплуатацию в 1885 г. Однако в последующие годы строительство железных дорог в Сибири велось очень быстрыми темпами. К 1913 г. в Азиатской России функционировали Амурская, Уссурийская, Китайско-Восточная, Забайкальская, Сибирская, Алтайская и ряд других железных дорог. В этом же году была сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка Тюмень–Омск, проходившая по густонаселенным уездам с развитым маслоделием и излишками товарного хлеба, строились Алтайская, Кальчугинская, Кулундинская и Минусинская железные дороги. Всего в 1915–1917 гг. на территории Сибири функционировали Омская (2318 км), Томская (1815 км), Забайкальская (1720 км) железные дороги, принадлежащие казне. Кроме того, четыре дороги принадлежали частным акционерным обществам: Алтайской (750 км), Кальчугинской (245 км), Минусинской (454 км) [22, с. 365], которые соединяли важные экономические районы с транссибирской магистралью. Таким образом, в первые 10 лет XX в. в Сибири было построено около 6000 км железных дорог, или около 700 км в год и 45 крупных мостов через реки Иртыш, Обь, Енисей. Транссибирская магистраль прочно связывала Сибирь с центром страны. Она являлась основной артерией, по которой в обоих направлениях непрерывно перемещались потоки грузов. Стремительно растущий водный транспорт уступал ей по грузообороту, обслуживал внутренние потребности. К 1917 г. общее число транспортных рабочих Сибири достигло 160 тыс. человек. Из этого числа железнодорожники составляли 118,5 тыс., водники – примерно 40–45 тыс. [15, с. 148].

На протяжении всего имперского периода место Сибири как поставщика сырья в экономике России оставалось неизменным. Правда само понятие «сырье» менялось. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII в. это была пушнина, то затем золото стало основной статьёй сибирского «экспорта» в Европейскую Россию. Во второй половине XIX и начале XX столетий на первое место по значимости выходит продукция сельского хозяйства – прежде всего это масло. Именно это агарное сырьё служило основным источником для работы местной перерабатывающей промышленности и основной статей внутреннего вывоза и экспорта за границу. Ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7 % от общей массы народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2 % стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % числа перевозок, 5,5 % торговых заведений, 4 % наёмных рабочих России. В городах проживало 12 % населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность [9, с. 5–7].

Список литературы

1. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 44.

2. Бахтурина А. Ю. Институты и структура управления национальными окраинами // Административно-территориальное устройство России. С. 169–201.

3. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 191. (Автор считает необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован А. С. Кузнецовым, а затем А. В. Ремневым. См.: Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 12.; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск. 1995. С. 17).

4. Винокуров М. А. Суходолов А. П. Указ. соч. С. 69.

5. Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 129–150.

6. Горюшкин Л. М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Новосибирск. 1990. С. 3–11.

7. Гольдфарб С. Иркутская почта. Иркутск, 1998. С. 264–267.

8. Дамешек Л. М. Проблема интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г.). Новосибирск, 2003. С. 91.

9. Зиновьев В. П. Рабочие Сибири 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 5–7.

10. Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от агарного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVII–XX вв.: сб. материалов Всерос. конф. «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX в.». (Новосибирск. 22–23 сентября 2003 г.) Новосибирск, 2003. С. 185–193.

11. История Сибири. Л. 1968. Т. 2. С. 24.

12. История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 312–313, с. 318.

13. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 265.

14. Кристенсен О. Г. История России в XVII в. М., 1989. С 134. 143.

15. Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 119.

16. Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 147.

17. Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972.

18. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 3.

19. ПСЗ-1. Т. 38. № 29125: ПСЗ -2. Т. 26. № 25394, 24811.

20. ПСЗ- III. Т. 2. № 886: Т. 4. № 2524.

21. Ремнёв А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск. 1995. С. 15.

22. Рабочий класс Сибири в Дооктябрьский период. Новосибирск. 1982. С. 365.

23. Скубневский В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 гг.)

24. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 27.

Статья поступила в редакцию 20.12.2011 г.

УДК 378.(571.6)
ББК 74.58 (255)

Ольга Павловна Еланцева,
доктор исторических наук, профессор,
Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток, Россия), e-mail:elantceva@lib.dvgu.ru

«Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке

В статье на основе сохранившихся уникальных архивных документов – телеграмм и писем первого директора Восточного института Алексея Матвеевича Позднеева (1899–1903 гг.) – раскрывается сложнейший процесс становления принципиально нового высшего учебного заведения на Дальнем Востоке России: от завершения строительства учебного корпуса и формирования профессорско-преподавательского состава, владеющего китайским, корейским, японским и другими восточными языками до организации учебного процесса и научных исследований, создания для их обеспечения солидной учебно-методической, библиотечно-информационной базы. В статье раскрыта значительная роль А. М. Позднеева, А. В. Рудакова, Е. Г. Спальвина, Г. В. Подставина и других тружеников Восточного института в реализации как отдельных государственных поручений, так ответственной государственной задачи, подчеркивается политика Министерства народного просвещения и местной власти по отношению к институту и его руководителю.

Ключевые слова: государственная политика Российской империи, высшее образование, Министерство народного просвещения, Восточный институт, история Дальнего Востока, региональная власть, А. М. Позднеев.

Olga Pavlovna Elantseva,
Doctor of History, professor
Far-Eastern FederalUniversity
(Vladivostok, Russia), e-mail: elantceva@lib.dvgu.ru

“Absolutely new institution and unexplored undertaking”: on Establishing Vladivostok Oriental Institute

On the basis of the remained unique archive documents – telegrams and letters by Alexey Matvejevich Pozdnejev, the first Head of the Oriental Institute (1899–1903), – the article reveals the most complicated process of establishing an essentially new higher educational institution in the Far East of Russia: from the completion of the educational building construction and the formation of teaching staff speaking the Chinese, Korean, Japanese and other oriental languages, to the organization of the educational process and scientific research, creation of the solid educational, methodological and informational base. The article shows a considerable role of A. M. Pozdnejev and other professors of the Oriental Institute in the fulfillment of separate state commissions and significant state problem, the article also underlines the policy of the Russian Empire Ministry for National Education and that of local authorities to the Institute and its administration.

Keywords: the Russian Empire state policy, higher education, the Ministry for national education, the Oriental Institute, history of the Far East, regional government, A. M. Pozdnejev

© О. П. Еланцева, 2012

В 2011 г. «Гуманитарный вектор» опубликовал интересный материал О. Н. Полянской «Монголоведение в университетах России в XIX – начале XX вв. Восточный институт во Владивостоке». Автор справедливо отмечала, что Восточный институт зарождался как один из центров монголоведения в России, а его первый директор – монголовед Алексей Матвеевич Позднеев – внёс весомый вклад в развитие этого нового направления.

Цель данной статьи состоит в раскрытии тех трудностей и противоречий, сложнейших ситуаций, которые приходилось преодолевать вузу, его директору, профессорско-преподавательскому коллективу и студентам. Документальной основой предлагаемого материала послужили сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург) и в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ, г. Владивосток) телеграммы и письма Алексея Матвеевича Позднеева 1899 – 1903 гг., то есть периода его директорства. Эти документы позволяют увидеть несколько иную, может быть, не совсем официальную историю Восточного института. Некоторые письма и телеграммы другого, торжественно-поздравительного характера, направленные в адрес института и его руководителя, уже нашли частичное отражение в публикациях [2].

Архивные документы свидетельствуют, что выработка концепции принципиально нового учебного заведения и его основополагающих документов проходила в условиях острой дискуссии на государственном уровне и заняла несколько лет. Первоначально предполагалось открыть институт в 1903 г, а первый выпуск сделать в 1907 г. Однако в конце XIX в. геополитическая, экономическая и военная ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе менялась стремительно. По справедливому замечанию А. М. Позднеева, в деле открытия Восточного института во Владивостоке нельзя было упускать «не только ни одного лишнего месяца, а даже и одного дня» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 91, л. 93].

Видимо, поэтому сама организация института отличалась динамичностью. 9 июля 1899 г., то есть тогда, когда по традиции в университетах России полным ходом шла подготовка к новому учебному году, Николай II подписал Указ, гласивший: «Ординарному профессору Императорского Санкт-Петербургского университета, доктору монгольской словесности, Действительному Статскому Советнику Позднееву Всемилостевейше повелеваем быть Директором Восточного института» [5, Ф. 733. Оп. 151.Д. 91.Л. 131]. По некоторым данным, 28 июля А. М. Позднеев получил аудиенцию у Николая II, во время которой император выразил надежду, что Восточный институт не замедлит дать России сведущих деятелей Дальнего Востока [1, 8]. Алексей Матвеевич с полной готовностью принял должность директора института и не остановился перед лишениями и неудобствами, вызванными переездом к новому месту службы. 15 сентября 1889 г. он прибыл во Владивосток.

О самых срочных и неотложных делах, которые пришлось решать Алексею Матвеевичу Позднееву в начальные дни и недели деятельности в Приамурском крае, становится известно из телеграмм, отправленных им в Санкт-Петербург, в Министерство народного просвещения (МНП). В первой из них он сообщал: « … здание Института будет окончено [в] будущем июне. Более подготовлен гимназический интернат. Просил Даттана ускорить его отделку, уступить интернат под временное помещение Института. Получил согласие». Здесь же Алексей Матвеевич затронул обширный круг директорских и преподавательских забот: «...купил, заказал необходимую [для] аудитории [и] общежития мебель, посуду, белье, выписал книги, составляю учебные планы, программы, литографирую китайские тексты предложенных чтений» и далее констатировал: « ... открытие Института сделалось возможным» [5. Ф. 733. Оп. 151. Д. 90, л. 227]. Эта последняя фраза телеграммы А. М. Позднеева позволяет предположить, что не было полной уверенности в том, что институт начнёт работу в 1899 г.

18 октября 1899 г. канцелярия Министерства народного просвещения зарегистрировала краткий доклад из Владивостока: «К открытию Восточного Института все готово. Почитаю счастливейшим долгом, что с разрешения Вашего Превосходительства первое высшее учебное заведение восточной Сибири будет открыто 21 октября. Позднеев» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90, л. 230].

Ещё через несколько дней, 22 октября, в Министерстве получили телеграфное сообщение от Алексея Матвеевича: «Высокое предначертание Бозе почившего императора Александра III осуществлено державною рукою его преемника обожаемого монарха Николая II. Почитаю счастливейшим долгом донести Вашему Превосходительству: сегодня после молебствия о благоденствии августейшей четы и всего царствующего дома совершено торжественное открытие Восточного Института, получены масса приветственных телеграмм и адресов.

Обширный Приамурский край оживлён чувством живейшей благодарности Вашему Превосходительству, которому он обязан свершением этого великого события. А. М. Позднеев» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90. Л. 237].

В нескольких приведённых выше документах отражена внешняя сторона событий, общий эмоциональный настрой. Особенно хорошо видно, что, несмотря на отсутствие институтского корпуса, необходимость формирования библиотеки, методического обеспечения учебного процесса и многие другие проблемы и трудности, настроение у директора уверенное. Препятствия преодолевались. Он осознавал значимость и ответственность решаемого государственного дела, он «счастлив исполнением возложенных поручений», а «служащие Института горят желанием поработать на благо Родины» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90. Л. 227, 230, 237 и др.].

В конце ноября 1899 г., когда отошли на второй план эмоции и неотложные дела, связанные с началом работы института, А. М. Позднеев отправил министру народного просвещения Н. П. Боголепову подробное письмо, подчеркивая в нём ещё раз: «21 октября свершилось открытие Института, которое прошло так торжественно и гладко, как я не ожидал и сам, владивостокцы же действительно никогда не видели у себя подобного акта. С 1 ноября начались правильные занятия и до сего времени идут они так успешно, что нужно только благодарить Бога …» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90. Л. 271].

Большая часть письма отведена основной директорской заботе – завершению постройки общего здания для Восточного института и мужской гимназии г. Владивостока, «об обстоятельствах коей я и позволю себе доложить Вашему Высокопревосходительству, – писал Алексей Матвеевич. – Когда я приехал во Владивосток, здание уже более года стояло заколоченным и без малейшего производства работ, так как целые полтора года никаких сумм на постройку не отпускалось. Правда, их обещал дать заимообразно Даттан, но, очевидно, обещаниями и ограничился».

Позволим себе прервать уважаемого профессора, директора вуза, обратив внимание его на первую оценку дальневосточного общества, знаковой фигурой которого являлся Адольф Васильевич Даттан. «Самой характерною чертою нашей удалённейшей окраины, – замечал Алексей Матвеевич, – необходимо признать недостаточность здесь русского элемента вообще. Ведь главнейшие деятели в Приморской и Амурской областях – иностранцы, раскидывающие повсюду, как пауки, свои сети к ... гнету русского народа и русской действительности. Во главе таких дельцов стоит и почетный попечитель местной гимназии г. Даттан, который, несомненно, до известной степени способствует благосостоянию нашей гимназии, хотя доставляемая им в этом отношении польза, по моему мнению, едва ли равняется и одной тысячной доли того вреда, который приносит он краю вообще. Владеющий миллионным состоянием лично и поверенный фирмы, исчисляющей свои обороты уже десятками миллионов, этот человек держит в своей зависимости весь край, привык быть властным и жаждет одного только почёта и поклонения, не забывая при этом его дешёвой благотворительности на казенный счёт своим камрадам» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90. Л. 270, 270-об.].

Познакомившись с делом постройки учебного здания, А. М. Позднеев обнаружил, что «строительного комитета здесь собственно никогда не существовало, – был только один Даттан, ибо все делалось по его желанию, намерениям и предложениям. Этим и объясняю я то обстоятельство, что пока здание строилось вчерне и нужно было входить в сношения с разными лицами, постройка велась хозяйственным способом, когда же началась мелкая отделка, материалы для которой могли быть приобретаемы исключительно от Даттана, – здание стали сдавать подрядчику,

de fakto поставленному впрочем тем же Даттаном» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90.Л. 270-об.]. Как эта оценка А. М. Позднеева, современника Даттана, разительно отличается от мнений, утверждаемых столетием позже и рисуемых Адольфа Васильевича Даттана только с положительной стороны, известным предпринимателем и общественным деятелем русского Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. [3, 175–176].

По признанию Алексея Матвеевича, при исследовании истории строительства одно обстоятельство поразило его «как громом». «В самом деле, только что [весной 1899 г.] отпущено на окончательную отделку [здания] 89000 р. и вдруг, когда ещё не получено этих денег, оказывается, что их уже недостаточно и нужно новое ассигнование» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90. Л. 271]. Это-то и побудило Позднеева «сесть за делопроизводство по постройке. Оно было весьма поучительно для познания характеров и отношений действующих лиц. Много повстречал я в этом делопроизводстве курьёзов, много тёмненьких сторон, но строго криминального – ничего. Конечно, постройку можно было бы вести расчётливее, хотя для того, чтобы влагать свою душу в казённое дело, нужно очень много и, пожалуй, это могло быть почитаемо здесь за нечеловеческое требование» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90. Л. 271-об.].

Алексей Матвеевич решил проверить саму смету на строительство учебного корпуса и здесь-то обнаружил неожиданную разгадку: «На странице 178-й при подводе итогов за отдельные работы значатся суммы ... 217220 р. 27 к. вместо 227820 р. 27 к. Очевидно 10600 р. пропущено при подсчёте итогов ... то есть перерасхода не было. Техническая ошибка, не замеченная многими, читающими смету». [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90. Л. 271-об.].

А. М. Позднеев, понимая, в какой сложной и неприятной ситуации будет находиться министр Н. П. Боголепов, обосновывая и запрашивая дополнительное финансирование расходов на строительство здания во Владивостоке, предложил возможный вариант решения проблемы: завышение стоимости строительства в три–четыре тысячи руб., вызванное «единственно задержкою денег со стороны Министерства», погасить за счёт государства. «Полтора года остановки работ, – пояснял свою позицию А. М. Позднеев, – сказались очень сильно. Нужно было распустить рабочих, снять леса, собрать, уложить, укупорить и хранить все материалы, содержать сторожей; теперь, когда снова начались работы, материалы старых лесов оказались во многом не готовы, пришлось ставить вместо старых новые доски, которые прежде назначались на настилку полов ...» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90. Л. 272].

Недостающие 10000 р. А. М. Позднеев предлагал использовать со спецсчёта гимназии, подчинявшейся теперь директору Восточного института. При этом он высказал Н. П. Боголепову свое обоснованное беспокойство: «... мне страшно лишать себя специальных средств. Я не могу ручаться, что материалы, употребленные на постройку здания, вполне соответствуют своему назначению, а посему, если в [любом] новом здании, по истечении одного-двух лет оказывается необходимость в перестилке полов, поправки штукатурки и других ремонтах, то у нас это, может быть, потребуется по преимуществу. Из каких же средств буду я удовлетворять этим потребностям, не имея оборота в специальных средствах?» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 90. Л. 272].

Почти год ушёл на достройку институтского здания и гимназических помещений. В начале осени 1900 г. Алексей Михайлович телеграфировал в Министерство народного просвещения: «31 августа закончена приемка [в] казну зданий Восточного Института и после молебна первого [сентября], вступительных публичных лекций Спальвина второго [сентября], Подставина четвертого [сентября], сегодня, пятого, начаты правильные занятия. Переведено [на] второй курс восемнадцать студентов, принято первокурсников студентов тридцать, вольнослушателей с офицерами девять, казеннокоштных одиннадцать» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 92. Л. 62].

Сдача нового здания в эксплуатацию подразумевала новый комплекс работ по его обустройству и облагораживанию прилегающей к нему территории. Постоянными заботами А. М. Позднеева стали не только «поправка полов, окраска стен, поновление парт и скамеек», но проведение водопровода во дворы института, устройство мостовой и тротуаров,

разбивка институтского сада и т. д. [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 173-об.].

Однако очень скоро почувствовалась чрезвычайная теснота здания для совместного размещения института и гимназии. Катастрофически не хватало учебных аудиторий, помещений для администрации, преподавателей и профессоров, для студенческой и преподавательской читален, для книгохранилища библиотеки и архива. А. М. Позднеев неоднократно обращался к Приамурскому генерал-губернатору и в Министерство народного просвещения с просьбой «о скорейшем разрешении постройки нового здания гимназии по представленным … планам и смете » [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 184]. Реализация этой задачи будет осуществлена значительно позже.

В свою очередь и Приамурское генерал-губернаторство в случае необходимости получить консультацию, решить тот или иной вопрос прибегало к помощи и содействию Восточного института. Так, в 1900 г. А. С. Беневский, исполняющий должность (и. д.) Приамурского генерал-губернатора, направил А. М. Позднееву письмо следующего содержания: «Милостивый Государь Алексей Матвеевич! За последнее время в цензуру стали особенно часто поступать, и притом в значительном количестве, книги, журналы и рукописи на китайском и японском языках. В прежние годы, когда число означенных изданий было крайне незначительно, цензура таковых производилась частью в Императорской Академии наук, частью в Министерстве Иностр[анных] Дел. В настоящее же время в виду все увеличивающегося числа произведений печати этой категории и отсутствия в упомянутых ведомствах достаточного числа лиц, владеющих названными иностранными языками, издания эти не могут быть рассматриваемы в упомянутых учреждениях. В виду сего управляющий Министерством Внутренних Дел просит меня сообщить, не окажется ли возможность поручить цензирование произведений печати на китайском и японском языках кому-либо из подведомственных мне чинов, хорошо знакомому с означенными языками, а также с местными условиями.

Принимая во внимание, что лицо, удовлетворяющее необходимым условиям для исполнения означенных обязанностей можно найти только во вверенном Вашему Превосходительству Восточном институте, я покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, не признаете ли Вы возможным указать такое лицо … Благоволите принять уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности» [6, Ф. 702. Оп. 3. Д. 219. Л. 2, 2-об.].

Через несколько дней от Алексея Матвеевича в г. Хабаровск, в адрес и. д. Приамурского генерал-губернатора ушло письмо. Оно небольшое, но весьма любопытное и показательное по постановке вопросов, по стилю изложения, по уровню отражения Российской истории начала XX столетия и истории взаимоотношений первого директора Восточного института с региональной властью. Содержание документа раскрывает высокий профессионализм управленца А. М. Позднеева, его дипломатические способности и умение предложить вышестоящему руководителю наиболее оптимальный выход из затруднительного положения и, по возможности, тут же оговорить условия выполнения взятых на себя обязательств. Приведем его почти полностью, опустив лишь некоторые мелкие детали. «Милостивый Государь Аркадий Семенович, – читаем в письме, – вследствие предложения Вашего Превосходительства … имею честь доложить, что лиц, совмещающих в себе знание китайского и японского языков в Восточном Институте ныне нет, также точно как доселе никогда не бывало их ни в Санкт-Петербургском университете, ни в Императорской Академии наук, ни в Министерстве Иностранных Дел. Если помянутые учреждения в прежние годы были в состоянии производить цензуру сочинений на обоих этих языках, то это лишь потому, что в данном случае они всегда действовали коллективно, другими словами, – лица, стоявшие во главе этих учреждений, получая предложения процензоровать литературное произведение на том или другом языке, всегда поручали выполнение этого дела одному из своих сочленов, сообразно специальности его познания.

Имея в виду, что в Петербурге в настоящую пору ни в составе университета, ни в составе Академии наук, ни даже в Министерстве Иностранных Дел нет ни одного лица научным образом знакомого с китайским и

японским языками и изучавшего быт и литературы означенных стран, *Восточный Институт почитает своим долгом придти в данном случае на помощь Правительству и принять на себя обязанность цензоровать потребные книги, журналы, рукописи* [выделено мной – О. Е.]; но эту обязанность он равным образом может исполнять только коллективно; при условии же совместной работы Конференции [Совета] Института, на рассмотрение её могут направляемы произведения на языках: китайском, японском, корейско-маньчжурском, монгольском, калмыцком, бурятском и тибетском.

Что касается условий, на которых Восточный Институт мог бы исполнять цензорские обязанности, то казалось бы удобнее всего было применить к нему как права и обязанности, так и вознаграждения, узаконенные для отдельных цензоров по иностранной цензуре, существующие в Москве, Киеве, Вильно, Ревеле, Одессе и других торгово-промышленных и портовых городах России, с тем лишь различием, что права и обязанности были бы присвоены здесь не отдельному лицу, а Конференции Института, которая уже сама ответствовала бы как за исправность выполнения обязанностей, так и распределяла бы причитающееся ей вознаграждение между своими членами, пропорционально понесённым каждым из них трудом.

Покорнейше прошу принять уверение в чувствах моего глубочайшего уважения и преданности, с коими имею честь пребывать Вашего Превосходительства покорнейшим слугою. А. Позднеев» [6, Ф. 702. Оп. 3. Д. 219. Л. 4, 4-об].

В течение нескольких лет Восточный институт выполнял данное государственное поручение – осуществлял цензуру очень большого количества различных изданий на восточных языках. Это важное и сложное дело напрямую мало относилось к основной задаче института – подготовке специалистов, знающих восточные языки, быт, культуру, экономику и политику Китая, Кореи, Японии.

Непростой процесс начального этапа формирования, налаживания учебно-воспитательного процесса и научных изысканий в Восточном институте отразили сохранившиеся телеграммы и письма А. М. Позднеева. Весной 1903 г., когда приближалось торжество по случаю первого выпуска Восточного института, директор советовался с новым министром народного просвещения Г. Э. Зингером: «Милостивый Государь Григорий Эдуардович! … Хотелось бы мне, по долгу, вознаградить всех моих сотрудников в деле устройства Института, – но как? – это для меня большой вопрос …Четыре года тому назад мы вступили в жизнь решительно без всякой предварительной регламентации своей грядущей деятельности; мы не имели ни проверенных опытом планов, ни испытанных программ; у нас не было решительно никаких, даже самых ничтожных пособий ни для изучения живой, разговорной речи, подлежащих нашему преподаванию народностей, ни учебников по [их] истории, религии, праву, географии занимаемых ими пространств и проч.» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 67 об.]. Все это предстояло создать и было создано, по меткому выражению А. М. Позднеева, основными тружениками Института «и эти труженики суть: и. д. китайской словесности Аполлинарий Васильевич Рудаков, состоящий при Институте со дня его основания, и работающие со второго года инспектор Института, и. д. профессора корейской словесности Григорий Владимирович Подставин и и. д. профессора японской словесности Евгений Генрихович Спальвин » [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 7-об.].

Алексей Матвеевич был самым опытным профессором и администратором в Восточном институте. Службу он начал 26 апреля 1876 г., а со 2 марта 1881 г. уже читал лекции в Санкт-Петербургском университете; ещё через пять лет состоял в звании ординарного профессора [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 92. Л. 312]. Во второй половине 1890-х гг. по инициативе МНП его привлекли как одного из главных специалистов по выработке Положения о Восточном институте. Став директором, за короткий срок он вывел Восточный институт на должную высоту, сделал его учреждением, действительно необходимым Дальнему Востоку России. Неслучайно, когда у Алексея Матвеевича Позднеева заканчивался срок службы, установленный по МНП за выслугу лет, а случилось это 21 апреля 1901 г., Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков просил министра оставить А. М. Позднеева директором Восточного ин-

ститута ещё на пять лет [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 92. Л. 232-об.].

Алексей Матвеевич не боялся брать на себя самое тяжелое бремя забот. В период формирования высшего учебного заведения нового типа – Восточного института, пока не было преподавателей (их надо было ещё найти или подождать год-полтора, а то и два их возвращения из-за границы), он в течение трёх лет читал лекции по двум кафедрам, сначала по истории и географии Дальнего Востока, а потом по кафедре монгольской и маньчжурской; он положил начало изданию «Известий Восточного Института»; показывал активный пример создания учебно-методической базы преподаваемых дисциплин. Благодаря взаимопониманию и дружному взаимодействию директора и профессорско-преподавательского состава нового вуза, начиная с 1899/1900 учебного года по 1902/1903 учебный год включительно, были «составлены и изданы курсы по всем предметам преподавания, никогда не входившим ещё в круг университетской науки» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 65-об.], В количественном выражении это означало свыше шестидесяти литографированных книжек и томов.

В Институте был установлен твёрдый порядок, о котором в 1903 г. А. М. Позднеев рассказывал в одном из писем министру народного просвещения так: « … студенты неукоснительно посещают лекции, исполняют письменные работы и представляют отчёты, не смеют опустить вечерних занятий, не смеют пойти без формы или в полуформе, не поклониться при встрече и пр.; … профессоры также точно не опускают лекций и никогда не идут на них без подготовки, … мы не знаем карточной игры и сходимся лишь для разговора за общим обеденным столом; … вся эта моя молодёжь, если хотите, люди единой семьи и единых убеждений » [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 66-об., 67].

Наиболее трудное время в новом вузе всегда выпадало на начало учебного года, когда из зарубежных научных командировок возвращались студенты. Осенью 1903 г. таковых было 75 человек. Каждый из них «обязан был привезти, – писал А. М. Позднеев Г. Э. Зингеру, – и действительно привозил с собою материалы для отчёта о своей поездке. Профессорам приходится ознакомляться с этими материалами и засим руководить студентов в написании отчётов, обсуждая с ними план той или другой работы и указывая им для пополнения и объяснения различных частей её соответственные пособия на восточных языках. Недоумения, возникающие у студентов при чтении этих пособий, вызывают новые объяснения профессоров» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 173]. Нередко, готовясь к очередным консультациям, профессорам и преподавателям приходилось «подолгу заниматься в библиотеке, чтобы разыскать и прочитать надлежащие памятники» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 173].

В этой связи понятно решение, предложенное в свое время А. М. Позднеевым и закреплённое Конференцией Восточного института, согласно которому комплектование каждого из отделов библиотеки (японского, китайского, корейского и др.) курировал профессор, преподававший соответствующие дисциплины. Каждый из них владел информацией о самых новейших изданиях по своему профилю, где бы они ни выходили, предлагал самое ценное приобрести для библиотеки, а институт, по возможности, закупал рекомендуемую литературу.

Всё время в течение сентября и даже в октябре профессора, опираясь на собранные студентами материалы и богатые ресурсы институтской библиотеки, тщательно и кропотливо трудились с каждым автором отчёта.

Директор института считал «сохранение подобного рода письменных отчётов … делом первостепенной важности», так как видел в них большую пользу для формирования у студентов навыков и умений «обращаться с разборкою материалов». К тому же многие из таких студенческих работ постепенно выходили на уровень обстоятельных исследований «неведомых нам стран Дальнего Востока. Примеры уже напечатанных в «Известиях Восточного Института» описаний «Ханькоу» – Надарова, «Хулань-чэна» – Шкуркина, «Чифу» – Сивякова, «Бутхи» – Горяинова и др. – являются наилучшим свидетельством сказанного», – замечал А. М. Позднеев [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 173, 173-об.]. Интересно, что первые выпускники Восточного института оценивали свой опыт подготовки отчётов и их публикацию с точки зрения по-

нимания, «чего стоит научный и учебный выбор, составление и издание скромных по внешнему облику сборников восточных текстов, хрестоматий, подстрочных словарей, курсов лекций и т. д. » [2, с. 81].

Масштабы работы со студенческими отчётами о командировках раскрывают цифры, приводимые А. М. Позднеевым в письме от 14 сентября 1903 г. Г. Э. Зингеру: «Возвращающиеся из командировок студенты привозят весьма солидные отчёты и теперь всё мое время проходит в их исправлении и печатании. Издание ведётся в трёх типографиях и даёт почти ежедневно три печатных листа» [5, Ф. 733.Оп. 151. Д. 602. Л. 184-об.]. Показатели, которым сегодня можно только позавидовать.

Однако заведённые в Восточном институте порядки не всегда и не всех устраивали. Серьезная подготовка к зарубежным поездкам, которая велась в течение почти всего учебного года, а затем ответственная школа оформления письменных отчётов по их итогам вызывала недовольство той части студентов, которая с трудом справлялась с заданием. Кое-кого из учащихся не устраивали обязательные вечерние занятия с лекторами восточных языков, специально приглашёнными из Китая, Кореи, Японии для проведения практических занятий. Алексей Матвеевич, хорошо понимая с высоты своего опыта и профессионализма восточника значимость вводимых порядков, писал в ноябре 1899 г. министру Н. П. Боголепову о них осторожно и, как нам кажется, не совсем уверенно. «В Институте как учебная, так и нравственно-воспитательные стороны идут, слава Богу, хорошо. Уроки расписаны у меня так, что студенты заняты целый день и почти не имеют времени для внешних общений, а это лучшее средство к удалению всякого рода беспорядков. Указанное распределение занятий не вызвало собой ни малейших недовольствий и, Бог даст, станет институтскою традициею» [5, Ф. 733.Оп. 151. Д. 90. Л. 272].

В начале 1903 г. часть студентов-восточников в течение нескольких дней саботировала посещение институтской столовой, мотивируя это нарушением меню (оно, кстати, утверждалось в министерстве), неряшливым столовым бельём и не всегда хорошим качеством блюд. Понятно, что их «бунт» произошёл на волне роста революционной активности в России в целом и во Владивостоке в том числе, но он принес директору, всем профессорам и преподавателям Института, его студентам большие волнения и переживания, нашедшие отражение в письме А. М. Позднеева министру народного просвещения Э. Г. Зингеру. «Милостливый Государь Григорий Эдуардович! ... невыносимо тяжело мне даже в настоящую минуту, когда впечатления несколько ослабли. Все свои силы отдал я Институту и, поистине, поставить в три с половиной года совершенно новое учреждение и неизведанное дело, да ещё при существующих условиях быта, лучше, чем стоит оно в настоящую пору, – едва ли возможно. Стоит только подумать, что за этот срок обоснован с внешней стороны целый громадный корпус, составлена библиотека с 45000 томов, собран изрядный музей, издано 12 томов «Известий восточного Института» … Я не смею даже ставить себе эту заслугу: это – счастье, это – Божия милость земли Русской.

А теперь все это опозорено, поругано, и кем? Людьми – истинно ничтожными; людьми, которым совершенно чуждо убеждение, что жить – значит трудиться, которые бегут от труда и стремятся лишь даже не устроить себя, а только попасть на готовый праздник жизни. Этот тот полуживотный мир, который бессмысленно говорит Вам: «рабочий день сократи, а жалованье прибавь!». Но этот мир одарён словом и он злобно терзает вас своею клеветою, забрасывает грязью своих порочных рассуждений в ту пору, как Вы, в сознании важности лежащего на Вас долга и совершаемого Вами дела, не имеете даже и времени, чтобы хоть как-либо стереть эту грязь» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 65-об.].

События в Восточном институте интересовали Владивосток. В этой связи А. М. Позднеев признавал: «… ежедневно переживаю я целый ад мучений, доставляемых мне владивостокским обществом … Ведь по истине при всем сознании своей правоты мы всё же чувствуем и видим доселе одно лишь оплевывание со стороны общества, да при этом невольно ещё возникает вопрос, а что скажет Министерство? Оно-то поддержит ли нас? Покажет ли оно этому обществу и студентам, что признаёт нашу правоту?...» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 67].

Нравственной боли и переживаний директору Восточного института доставил Приамурский генерал-губернатор Д. И. Суботич, который будучи во Владивостоке, совершил, по мнению А. М. Позднеева, бестактность, не нанеся ему визита. «Разумеется, – визит его для меня лично столько же нужен, сколько, по пословице, – прошлогодний снег; но при исключительных условиях институтского дела не заехать ко мне значимо демонстративно указать обществу как бы недовольство заведёнными мною порядками … для меня ясно также, что, по крайней мере, в настоящую пору у меня остаётся поддержка только в Царе и Министерстве» [5, ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 67-об.]. В самое ближайшее время Д. И. Суботич попытался исправить свою оплошность, лично встречаясь с директором Восточного института во Владивостоке и Николаевске, а Приамурское генерал-губернаторство направило телеграмму по случаю четырёхлетия института, особо подчеркивая роль А. М. Позднеева в авторитете этого учебного заведения: «… благодаря Вашему знанию, сердечной любви к институту и твёрдости направления, Вами данного, такое дальнейшее направление только лишь может возвеличить наш институт. В виду сего необходимо, чтобы все знали, что изменения режима не будет».

Однако обида на студентов, на региональную центральную власть (причина ее, видимо, в невыплате пенсии) А. М. Позднеева все-таки осталась. Он решил покинуть службу во Владивостоке, передав руководство Восточным институтом достойному преемнику: Д. М. Позднееву, П. С. Попову или А. В. Рудакову. Сохранилось несколько писем Алексея Матвеевича в МНП, содержащих характеристики на каждого потенциального директора Восточного института.

Почему выбор Позднеева пророчески пал на Аполлинария Васильевича Рудакова? Какие обстоятельства позволили ему в 1903 г. прийти к следующему выводу: «… при настоящем положении дел выбор г. Рудакова на должность директора Восточного Института будет положительно самым лучшим … никто солиднее его не поведет в настоящую пору Института в научном отношении, а это, бесспорно, составляет основную задачу Института» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 170]. Действительно, А. В. Рудаков возглавлял Восточный институт с 1906 г. по 1917 г., а во Владивостоке прожил до конца своих дней.

А. М. Позднеев обратил внимание на А. В. Рудакова во время его командировки в Китай для приготовления к профессорскому званию при предполагавшемся тогда к открытию Восточном Институте. В течение трёх лет он «усерднейшим образом, научно и практически изучал Китай во всех многоразличных проявлениях его жизни. Приобретенные обширные знания и многочисленные записи уже к концу пребывания в Пекине, ставили Аполлинария Васильевича в разряд наших лучших синологов» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 169].

А. В. Рудаков отличался высокой трудовой результативностью, исполняя должность профессора китайской словесности в Восточном институте. Он сумел «значительно упорядочить собранные материалы и выяснить массу вопросов и задач, разрешение которых предстоит современным синологам. За эти четыре года, – подчёркивал А. М. Позднеев, – Аполлинарий Васильевич издал все курсы своих чтений и напечатал исследования «Общество И-Хэ-туань, или Большого кулака», «Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене», а в настоящую пору окончил печатанием своё обширное «Описание Гириньской провинции» (в Маньчжурии), который в течение настоящего месяца [то есть июля 1903 г.] он представит Санкт-Петербургскому университету в качестве своей магистерской диссертации».

«Необходимо заметить, – продолжал А. М. Позднеев, – что А. В. Рудаков во всё время пребывания в Институте никогда не оставался исключительно на своей специальности и, помимо своего основного предмета, – китайской словесности, – читал ещё студентам то географию и историю Востока, то маньчжурский язык. Таким образом ему уже самым ближайшим образом известно дело ведения трёх отдельных [предметов], помимо того самая его специальность, – китайская литература, лежащая в основе литературы японской и корейской, ставит его в положение толкователя для профессоров корейской и японской словесности» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 169, 169-об.]. А. М. Позднеев, видел в А. В. Рудакове руководителя в силу его

характера: «довольно флегматичный и спокойный по своему характеру г. Рудаков всегда серьезно вдумывался в научные и воспитательные задачи Института».

Можно ли спокойно читать следующие слова умудрённого жизненным и управленческим опытом Алексей Матвеевич: «… нельзя не пожалеть этого молодого человека, давая ему такое тяжёлое назначение и это не только по тем опасностям и трудностям, которые, несомненно, выпадут на его долю при исключительных характере и взглядах на науку и Институт г.инового начальника Приамурского края [имелся ввиду, видимо, генерал-губернатор Д. И. Суботич], но главным образом потому, что в г. Рудакове уже в настоящую пору образовывается хороший учёный, из него, несомненно, выработался бы блестящий профессор, а между тем назначение на должность директора по неволи заставит его сократить научные занятия, ибо неразлучный с молодостью и недостаток авторитета и опыта утроит для него труд, разрешения студенческих и гимназических дел, равно как и всякого рода канцелярских и экономических дрязг.

Чтобы до известной степени предохранить г. Рудакова от могущих быть на него недовольствий, казалось бы лучшим, даже не назначать его на должность, а только поручить ему, как старейшему профессору Института, исправление обязанностей директора впредь до выбора соответствующего лица, причём впоследствии этот выбор мог бы остановиться на нём же самом, если он в самом деле оправдает небезосновательно возлагаемые на него надежды [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 168, 168-об., 169, 170].

Ноябрь 1903 г. – это последние дни работы Алексея Матвеевича Позднеева в Восточном институте. 24 ноября 1903 г. от него в Петербурге получили, как минимум, две телеграммы, отправленные из Владивостока. В первой А. М. Позднеев обращался к товарищу министра просвещения Лукьянову: «Покорнейше прошу содействия Вашего Превосходительства разрешению выезда моего [из] Владивостока»; во второй телеграмме он просил министра народного просвещения Г. Э. Зингера «сообщить Приамурскому генерал-губернатору разрешение моего выезда [к] новому месту служения, оставив Институт, согласно параграфу четырнадцатому Положения» [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 188]. В тот же день Г. Э. Зингер телеграфировал в г. Хабаровск, Приамурскому генерал-губернатору Н. П. Линевичу: «В виду назначения директора Восточного Института Позднеева членом Совета Министерства народного просвещения разрешаю ему сдать должность директора согласно статьи четырнадцатой Положения Института инспектору [5, Ф. 733. Оп. 151. Д. 602. Л. 189-об.].

Итак, прошло четыре года, в которых уместился, пожалуй, самый сложный этап в становлении высшего учебного заведения нового типа – Восточного института во Владивостоке – от первого набора студентов в 1899 г. до их первого выпуска в 1903 г. За это время было достроено здание института, сформирован небольшой, но инициативный, творческий, работоспособный профессорско-преподавательский состав, создана богатая востоковедческая библиотека, разработаны десятки новых курсов, ранее не читаемых ни в одном из российских университетов, апробирована и упорядочена система летних командировок студентов для практических занятий в Китай, а позднее в Японию и Корею.

Письма и телеграммы директора Восточного института Алексея Матвеевича Позднеева отражают только часть проблем, которые пришлось решать, обращаясь в Министерство народного просвещения, в Приамурское генерал-губернаторство и иные инстанции. Удачно, кратко и заинтересованно составленные А. М. Позднеевым эпистолярные документы служили весомым управленческим компонентом. Они открывали путь к решению производственных, финансовых, кадровых и многих других вопросов Восточного института, способствовали установлению прочных связей с внешним, российским и зарубежным миром. Как бы тяжело ни приходилось Восточному институту, он всегда откликался на помощь Российскому государству.

Список литературы

1. Дальневосточный государственный университет. История и современность 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.704 с.

2. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах 1899–1939. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 628 с.

3. Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.

4. Полянская О. Н. Монголоведение в университетах России XIX–XX вв. Восточный институт во Владивостоке // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 48–52.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА), СПб.

6. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), г. Владивосток.

Статья поступила в редакцию 25 ноября 2011 г.

УДК 390 (=512.2)
ББК 65.5

Евдокия Кимовна Алексеева,
кандидат исторических наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
(Якутск, Россия), e-mail: Aeks07@mail.ru

Трансформации в традиционном питании тунгусоязычных этносов Якутии

В статье освещаются вопросы трансформации традиционного питания эвенов и эвенков Якутии. Отмечено, что издревле важную роль в жизнеобеспечении тунгусов играла традиционная мясо-рыбная модель питания. Показано, что изменения в системе питания народов Севера произошли за счёт усовершенствования технологии ведения хозяйства; расширения хозяйственно-экономических и этнокультурных контактов. Важную роль в трансформации культуры питания сыграли социально-экономические реформы, начавшиеся с 1980-х гг. Кроме того, отмечается отрицательная роль природно-экологических изменений в традиционном питании народов Севера. Подчёркивается, что несмотря на современное смешение и использование кухонь разных народов, в питании тунгусов, продолжающих заниматься традиционной хозяйственной деятельностью и ведущих кочевой образ жизни, сравнительно стойко сохраняется его традиционный слой.

Ключевые слова: эвены, эвенки, традиционное питание, трансформационные изменения, традиционная хозяйственная деятельность.

Evdokia Kimovna Alekseeva,
Candidate of History, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia), e-mail: Aeks07@mail.ru

Transformations in the Traditional Food of the Tungus-speaking Ethnoses in Yakutia

The article highlights the issues of transformation of traditional food of the Evens and the Evenki in Yakutia. It notes that the traditional meat-fish model of food has played an important role in the Tungus life-support since the earliest times. It shows that the change in the system of food of the Northern peoples took place at the expense of improving the technology of housekeeping; through increasing the economic and ethno-cultural contacts. The socio-economic reforms which started from the 1980s played an important role in the transformation of the culture of food. Furthermore, it notes that the natural and ecological change have a negative role in the traditional food of the Northern peoples. The article emphasizes that the level of preservation of traditional layer of food is comparatively strong among the Tungus who continue to be engaged in traditional economic activities and lead a nomadic life and that is so in spite of the present-day confusion and use of cuisine of various peoples in Tungus food.

Keywords: the Evens, the Evenki, traditional food, transformational changes, traditional economic activity.

© Е. К. Алексеева, 2012

В комплексе систем жизнеобеспечения любого этноса основная роль принадлежит пище как одной из составляющей повседневной витальной потребности человека. На общественном уровне этническая культура питания часто характеризуется как стабильное, устойчивое явление [1, с. 190]. Но с течением времени этническое питание наряду с другими компонентами традиционной культуры подвергается трансформации в соответствии с изменениями окружающей природной и социальной сред, с изменением образа жизни, быта, социально-экономического развития общества и др. Так, в течение XX в. Россия прошла период кардинальных экономических, социальных и политических трансформаций, что не могло не сказаться на развитии коренных малочисленных народов Севера, на их традиционной хозяйственной деятельности, что в первую очередь привело к трансформации этнических культур этих народов, в том числе культуры питания.

В данной статье предпринята попытка освещения трансформации традиционного питания эвенов и эвенков. По данным Всероссийской переписи 2002 г. на территории Республики Саха (Якутия) проживало 18232 эвенка и 11657 эвенов. Большинство из них расселены в Северной Якутии (8060 эвенков и 7562 эвена). В основном представители исследуемых этносов являются сельскими жителями, поскольку подавляющее большинство работающего населения занято в традиционных отраслях хозяйства: оленеводство, рыболовство, пушной промысел.

Обширная территория Севера Якутии в географическом отношении делится на тундренную, таёжно-тундренную, горно-таёжную и таёжную зоны. Издревле здесь проживают и ведут хозяйство наряду с эвенами и эвенками юкагиры и чукчи. В соответствии с природно-климатическими и ландшафтными зонами республики у народов, населяющих её, можно выделить два типа оленеводства – тундренный и таёжный. Исторически для эвенов и эвенков было характерно оленеводство таёжного типа, тундренный тип наблюдается у эвенов Аллаиховского, Усть-Янского, Нижнеколымского и Булунского улусов. У эвенов данных улусов, проживающих вдоль крупных рек, рыболовство как вид хозяйственной деятельности также занимает значительное место. Соответственно элементы материальной культуры, в том числе и питание тунгусов той или иной природно-географической зоны имеют некоторые отличия.

Издревле важную роль в жизнеобеспечении тунгусов играла традиционная модель питания, основанная на употреблении мясной, рыбной пищи, а также продуктов собирательства, что наиболее ярко отражено в лексике, связанной с традиционной пищей. В этническом питании эвенов и эвенков, несмотря на современное смешение и использование кухонь разных народов Евразии, сравнительно более стойко сохраняется её традиционный слой, в особенности в тех районах компактного проживания, где продолжают заниматься традиционной хозяйственной деятельностью и ведут кочевой образ жизни.

Анализ собранных материалов показывает, что в трансформации системы питания эвенов и эвенков можно выделить два этапа:

I этап – с XVII в. – до 1950-х гг.;

II этап – с 1950-х гг. до наших дней.

В питании эвенов и эвенков до 1930-х гг. XX в. преобладали продукты, связанные с охотничье-оленеводческим и рыболоводческим хозяйственно-культурным типом (мясорыбная модель питания). Местный набор пищевого сырья издавна дополнялся привозными продуктами (мука, крупы, соль, чай, сахар, табак и водка), ассортимент которых расширился с середины XX в. Явление товарообмена и торговли возникло с момента начала контактов в основном с русским населением с начала XVII в. С тех пор жители Крайнего Севера получили возможность обменивать предметы производства в результате своей хозяйственной деятельности на товары неместного происхождения. Этот факт получил начало интеграции сначала в государственную экономическую систему царской России путём объясачивания, а затем и в мировую экономическую систему. Процесс вхождения в российско-советское экономическое пространство, безусловно, сыграл решающую роль в изменениях жизни и системе жизнеобеспечения, в том числе и культуры питания народов Севера [1, с. 61].

Хотя с XIX в. расширился ассортимент привозных продуктов благодаря торговле на ярмарках, тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. по-прежнему основой питания тунгу-

сов являлись продукты, добытые и изготовленные в собственном хозяйстве: мясо, рыба, дикорастущие съедобные растения. Традиционные способы жизнеобеспечения сохраняли своё определяющее значение весьма длительное время, включая и советский период.

Известно, что социальный фактор играет немаловажное значение при формировании пищевого набора. В дореволюционный период больше мясных блюд и покупных продуктов наблюдается в пищевом рационе состоятельных семей, а малообеспеченные довольствовались однообразной пищей в малых количествах. Некая унификация у народов Севера наблюдается после 1930-х гг., когда стали удовлетворяться основные потребности населения в пище. К этому времени относится первоначальное приобщение к городской цивилизации, культуре, различным блюдам и рецептам других народов.

Коренное изменение в пищевом рационе местных жителей произошло в конце 1940-х гг., т. е. в послевоенные годы. Немаловажное воздействие оказали развитие пищевой промышленности в стране, торгово-экономические связи, централизованное снабжение населения, расширение сети предприятий общественного питания, бытового обслуживания, электрификация, газификация и др. Всё это существенно повлияло на ассортимент продуктов и способы приготовления пищи.

При этом в 1950−80-е гг. происходило выравнивание уровней потребления у различных социальных групп, вызванное тем, что для всех граждан бывшего СССР были созданы единые социально-экономические основы быта. Это обстоятельство привело к тенденции нивелирования зональных особенностей пищи [2, с. 191].

Со времени организации колхозов в юго-восточной Якутии начинается процесс неуклонного улучшения материального благосостояния эвенов и эвенков. Это в первую очередь сказалось на улучшении количественного и качественного состава их пищи. Исчезло различие в пище эвенских и эвенкийских семей, связанное с принадлежностью их к тем или иным имущественным группам. Ушли в область преданий такие нищенские виды пищи, как заболонь, травы и полуиспорченная квашеная рыба.

Кроме квашеной рыбы, из старинных способов запасания рыбы впрок у эвенов и кочевых эвенков юго-восточной Якутии в 1960-х гг. уже были утратили своё применения *«нокча», «колбо», «таки», «урган», «чарда» и «барча»*. Это было связано с изменившимися вкусами современных тунгусов, а также с распространением таких современных методов запасания, как засолка, копчение и вяление [3, с. 69].

Свежая рыба ныне идет на уху, на жарку, на пироги, из неё делают котлеты. Все ещё излюбленным блюдом остается строганина. Появилось новое блюдо – салат из мелко рубленой мороженой рыбы, заправленой солью, перцем, репчатым луком и растительным маслом. Данное блюдо больше подаётся на праздничный стол. Строганину также по сравнению с прошлым стали подавать с зеленым луком, перцем, горчицей.

В связи с созданием крупных оленеводческих хозяйств в колхозах, совхозах эвены и эвенки стали больше употреблять мясо домашнего оленя. В начале ноября в оленеводческих посёлках производился ежегодный забой оленей, мясо которого сдавалось государству. Мясо зимнего забоя хранился в ледниках колхозов, совхозов. Свои запасы мяса храниось в личных самодельных подвалах.

В настоящее время наблюдается обогащение кухни народов Севера традиционными блюдами других народов. Но при всем этом тунгусская пища продолжает оставаться в целом традиционной. Данные наших полевых материалов свидетельствуют, что до сих пор среди эвенов и эвенков предпочтение отдается мясным и рыбным блюдам. Основные привозные продукты, такие как мука, хлеб, соль, чай, макаронные изделия, растительное масло, к середине XX в. приобрели статус традиционных [7, с. 79].

Если в 1970–80-х гг. оленеводство составляло основу экономики северных совхозов, покрывая убытки других отраслей, и как рентабельная отрасль оказывало положительное влияние на экономику северных хозяйств и социальную жизнь населения, то в начале XXI в. оленеводство переживает глубокий социальный и экономический кризис. Отмечается сокращение поголовья оленей, что имеет прямую связь с трансформацией традиционного питания народов Севера. Повсемест-

но сокращается потребление оленьего мяса, приготовление мясных блюд традиционным способом. Например, по сообщению наших информантов, в Магаданской области в связи со сокращением поголовья оленей, а то и полным его исчезновением коренное население редко или вообще не употребляет в пищу оленину [4, л. 4]. Ныне также редко, особенно в летний период, оленина потребляется теми эвенами и эвенками Якутии, которые проживают в нетрадиционной среде, т. е. в наслегах, сёлах [6, л. 7].

Большинство населения с начала 1990-х гг. перешли на частное оленеводство. Частники стали заниматься продажей мяса, устанавливая свои расценки. Цены особенно поднимают в летнее время, когда в сёлах у некоторых семей не бывает запаса мяса.

Что касается другого вида хозяйственной деятельности – рыболовства, то оно также продолжает занимать большое социально-экономическое значение для коренных народов Севера. Продукция отрасли – прежде всего продукт питания самого населения. Например, у аллаиховских эвенов рыба занимает в питании больше места, чем мясо. Рыболовство здесь является основной хозяйственной деятельностью населения, это также связано с сокращением поголовья оленей. Так, в Аллаиховском улусе имеется только одно оленеводческое хозяйство в с. Оленегорск [5, л. 14].

На традиционное питание влияют и изменения окружающей природной среды. Известно, что промышленное освоение Севера повсеместно проходило на территориях проживания коренных малочисленных этносов. Экологическая ситуация на Севере особенно обострилась во второй четверти XX в. в связи с промышленным освоением, которое в настоящее время перестаёт быть очаговым и становится сплошным. С середины 1950-х гг. началось крупномасштабное освоение Западной и Восточной Сибири. В настоящее время одной из территорий, где ведётся активное промышленное освоение, является Южная Якутия. Негативными последствиями экологически не проработанных технико-экономических обоснований и проектов, ведение работы на основе устарелых технологий явилось то, что значительная часть северных территорий оказалась в состоянии экологического бедствия: загрязнены территория, воды, наблюдается сокращение площадей оленьих пастбищ и охотничьих угодий, ухудшилось их качественное состояние, сокращается сама среда обитания малочисленных народов Севера, занятых традиционными видами хозяйственной деятельности. Таким образом, экологическая неблагополучная ситуация отрицательным образом сказывается и на здоровом питании северян.

Итак, в целом итоги исследования можно обобщить следующим образом:

Анализ материалов показывает, что изменения в системе питания народов Севера происходило по следующим направлениям:

– усовершенствование технологии ведения хозяйства (наряду с транспортным направлением оленеводства получило развитие мясное направление, произошло усовершенствование орудий охоты и промысла);

– расширением хозяйственно-экономических и этнокультурных контактов (взаимовлияние в культуре, товарообмен, иноэтнические заимствования);

– социально-экономические преобразования (экономические реформы 1980-х гг. и т. д.)

– отрицательные последствия в традиционном питании народов Севера имеют произошедшие за последнее время природно-экологические изменения, связанные с промышленным освоением северных территорий.

В конце XIX – начале XX вв. в питании эвенов и эвенков преобладал традиционный набор продуктов, связанный с охотничье-оленеводческим хозяйственно-культурным типом (мясо-рыбная модель питания). Местный набор пищевого сырья издавна дополнялся привозными продуктами, ассортимент которых расширился с середины XX в. С этого времени наблюдается совершенствование системы питания эвенов и эвенков на базе традиционной.

Важную роль в трансформации культуры питания сыграло, начиная с 1980-х гг., изменение образа жизни в результате радикальных экономических реформ. Из-за этих процессов многие сохранявшиеся до недавних пор традиционные блюда эвенов и эвенков утрачены, что в большей степени наблюдается в нетрадиционной среде их проживания

(в сёлах, наслегах). На сегодня основой сохранения культуры питания, в частности традиционных блюд, выступают традиционные промыслы – оленеводство, охотничий промысел, рыболовство.

В традиционной культуре питания тунгусов хотя и утрачены некоторые национальные блюда, обряды, обычаи, а национальная кухня претерпела влияние кулинарных традиций других народов, тем не менее, она сохраняется благодаря тому, что занимает определённое место в современных праздничных церемониях и тем самым является одним из символов этнической самобытности.

Список литературы

1. Ёсида Ацуси. Культура питания гыданских ненцев (интерпретация и социальная адаптация). М.: Изд-во РАН, 1997. 252 с.

2. Материальная культура народов России: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1995. 236 с.

3. Николаев Н. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. 204 с. с илл.

4. ПМА, 2009.

5. ПМА, 2010.

6. ПМА, 2011.

7. Харючи Г. П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 225 с.

Статья поступила в редакцию 16.12.2011 г.

УДК 902.7
ББК 63.5 М. 18

Ирина Александровна Маласханова,
аспирант,
Восточно-Сибирская государственная академия образования
(Иркутск, Россия), e-mail: irmala86@mail.ru

Научное сотрудничество М. Н. Хангалова с деятелями ВСОРГО

Выдающийся ученый, этнограф, педагог Матвей Николаевич Хангалов, живший на рубеже XIX–XX вв., внес огромный вклад в развитие этнографической науки сибирского региона, просвещение бурятского народа. Сотрудничество с деятелями ВСОРГО, такими как Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, Н. Н. Агапитов было плодотворным, осуществлялось оно во многом посредством переписки. Сотрудничеством это являлось взаимовыгодным, так как М. Н. Хангалов прекрасно знал изнутри быт, культуру, язык бурят. Работы ученого-этнографа являются бесценным источниковым материалом по изучению фольклора и этнографии бурятского народа. Основная научная заслуга Хангалова состоит в том, что он сохранил для будущего своего народа его богатейшее духовное наследие, лучшие памятники его культуры.

Ключевые слова: бурятская этнография, сотрудничество с деятелями ВСОРГО, Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, Н. Н. Агапитов, Иркутская учительская семинария, бурятский шаманизм, шаманские ритуалы, обряды, фольклор бурят, переписка, эпистолярное наследие.

Irina Aleksandrovna Malaskhanova,
postgraduate,
East-Siberian State Academy of Education
(Irkutsk, Russia), e-mail: irmala86@mail.ru

M. N. Hangalov's Cooperation with Scholars of the East Siberian Branch of the Russian Geographic Society

An outstanding scholar, ethnographer, teacher Matvei Nikolaevich Hangalov who lived at the edge of the XIX–XX centuries made great contribution to the development of ethnographic science of the Siberian region, education of the Buryat people. Scholarly cooperation with the East Siberian Branch of the Russian Geographic Society, namely with G. N. Potanin, D. A. Klements, N. N. Agapitov was fruitful, such cooperation was carried out mainly by means of correspondence. This cooperation was mutually advantageous as M. N. Hangalov was himself an ethnic Buryat knowing perfectly from inside the Buryat every day life and culture, their language. His works represent the wealth of various materials on folklore, ethnography of the Buryat people. Hangalov's main scholarly merit consists in the fact that he has preserved for the future rich spiritual heritage of the Buryats, the best monuments of their culture.

Keywords: the Buryat ethnography, cooperation between G. N. Potanin, D. A. Klements, N. N. Agapitov, the East Siberian Branch of the Russian Geographic Society, Irkutsk teachers' seminary, Buryat shamanism, shamanist rituals, Buryat folklore, epistolary heritage, letters.

© И. А. Маласханова, 2012

Матвей Николаевич Хангалов − крупнейший бурятский этнограф, фольклорист и педагог, живший и творивший на рубеже XIX−XX в.; один из первых исследователей ранней истории и культуры бурятского народа, собиратель фольклора, открывший огромное богатство устного народного творчества бурят, сохранивший от бесследного исчезновения ценнейшие памятники духовной и материальной культуры Бурятии и внесший неоценимый вклад в изучение традиционного общества и этнографии бурятского народа. Имя Хангалова, как учёного этнографа, исследователя и собирателя, хорошо известно в научных кругах нашей страны и за её пределами. Свидетельством этому служит не только избрание его действительным членом Русского географического общества, но и полученный Матвеем Николаевичем диплом от Министерства народного просвещения и изящных искусств Франции о присвоении ему звания лауреата [9, с. 5].

Говоря о научном сотрудничестве Матвея Николаевича с деятелями Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО), которые являлись для него своего рода учителями, можно перечислить целую плеяду выдающихся учёных просветителей, как Н. Н. Агапитов, Н. Г. Потанин, Д. А. Клеменц, Д. А. Першин. Каждый из них сыграл определённую роль в становлении и развитии М. Н. Хангалова как учёного. Это общение было двухсторонним, так как и Матвей Николаевич Хангалов был для них и помощником, и переводчиком, знатоком традиций и обычаев.

Во время учёбы в Иркутской учительской семинарии М. Н. Хангалов, под влиянием деятелей ВСОРГО и их трудов начинает интересоваться вопросами истории края, его культурой и этнографией. Выполняя обычное учебное задание − написать сочинение на свободную тему, он представил реферат «Обряд теломытия у шаманов». Необычность темы, знание материала, живой интерес к предмету исследования − всё это не могло не обратить на себя внимания. Хангаловым заинтересовался правитель дел ВСОРГО Н. Н. Агапитов, преподававший в семинарии педагогику [3, с. 9]. Агапитов представил пытливого воспитанника своим друзьям-этнографам Д. А. Клеменцу, Н. М. Ядринцеву, путешественнику Г. Н. Потанину и др. Они-то и приобщили юного Хангалова к изучению фольклора и этнографических материалов.

Большую роль в формировании учёного сыграл Григорий Николаевич Потанин. Г. Н. Потанин (1835–1920 гг.) − русский исследователь Центральной Азии и Сибири, выдающийся учёный, общественный деятель. В 1863–1899 гг. (с перерывами) совершил ряд экспедиций: в Монголию, Туву, Северный Китай, Тибет. Совместно с женой – А. В. Потаниной (1843–1893 гг.) собрал ценные этнографические материалы. В 1887 г. был избран правителем дел ВСОРГО. Он, соглашаясь на этот пост, планировал подготовить отчёт о путешествии в Китай, поскольку именно в Иркутске была сосредоточена основная часть собранных материалов.

Будучи правителем дел ВСОРГО в 1887–1890 гг., Григорий Николаевич показал себя не только как всемирно известный учёный-путешественник, но и как выдающийся организатор науки. При нем создались такие отделы как, физическая география, этнография, статистика [10, с. 143].

На фоне общего оживления дел в Восточном отделе наиболее выразительные перемены произошли в области этнографического изучения коренных народов Восточной Сибири, прежде всего бурят. Организованная по инициативе Потанина этнографическая секция развернула активные работы в этом направлении, прежде всего по сбору эпического наследия бурят Иркутской губернии и Забайкалья. Он привлёк к работе представителей коренного населения, ставших впоследствии видными учёными − М. Н. Хангалова, П. Баторова. Под его редакцией вышли первые труды этих исследователей.

Среди многих других проявлений научного творческого организационного таланта Григория Николаевича нельзя не отметить его умение находить, поддерживать и выращивать нужные науке и обществу кадры, особенно среди молодёжи. И вся эта работа проводилась, преимущественно, посредством переписки [4, с. 6].

Научное сотрудничество и дружественные отношения Григория Николаевича и Матвея Николаевича общеизвестны, о чём свидетельствуют многие доказательства −

различные документы ВСОРГО, переписка учёных, воспоминания современников.

Обращаясь к письмам, как ценнейшему и наиболее правдивому источнику, в которых, как правило, описывались научные и личные вопросы, находим этому подтверждение. Следует отметить, что в пятитомном собрании переписки Г. Н. Потанина, в частности в последних двух томах, датирующихся 1884–1919 гг., писем, адресованных М. Н. Хангалову, не более двух десятков, при условии, что в данном издании они учтены не все.

Первое письмо из четвертого тома датируется февралем 1888 года (г. Иркутск); обращение в начале письма «Многоуважаемый Матвей Николаевич» демонстрирует уважение и бережное отношение Потанина к адресату, хотя нужно отдать должное эпохе и стилю письма, т. е. обращению, принятому в то время. Изучая письма и анализируя их содержание, можно сделать вывод, что речь зачастую шла о чисто техническом переводе как материала, собранного самим Г. Н. Потаниным, так и работ М. Н. Хангалова, о советах опытного учёного начинающему научную деятельность этнографу, по тому или иному вопросу, к примеру:

«…Для статьи о внешнем быте бурят я пришлю Вам программу. Я хотел перед отсылкой статьи о «Зэгэтэ-аба» просмотреть её, но уезжаю в Селенгинск, а, потому, не имея времени,Ю и поспешил Вам отослать. Относительно каменных памятников действительно лучше ограничиться пока внешним описанием их и перечислением. Если можно, то составьте им карту и рисунки. Раскопки следует производить по инструкции опытной рукой и с разрешения Императорской археологической комиссии.

При чтении ″Хана Гужира″ некоторые места оказались требующими разъяснения с Вашей стороны, будьте добры ответить на следующие вопросы…» [4, с. 88].

«Не сможете ли также получить у бурят ответа на следующие вопросы: какая гора самая высокая; какая река самая большая; какая самая высокая трава; какая рыба самая ценная; существуют ли какие-нибудь правила относительно приносимых жертвоприношений? Может ли в семейном жертвоприношении участвовать прижитый от незаконного брака сын?» [4, с. 91].

Зачастую Григорий Николаевич в письмах спрашивает у Матвея Николаевича о правильности произношения каких-либо терминов, о точности написания бурятских имён или названий; поручал разобрать конкретные вопросы, случалось так, что они находили или сталкивались с одним и тем же материалом и совместно уточняли какие-то неясные места в текстах: «Если вы следите за иркутскими новостями по ″Восточному обозрению″, то Вы, верно, прочитали о том, что мы из вашей статьи о Зэгэтэ-аба сделали публичное чтение. Потому эту статью я думаю печатать в 3-м выпуске XIX тома наших ″Известий″, но этот выпуск будет набираться, вероятно, в мае или июне.

Мы избрали Вас за Ваши заслуги по собиранию этнографических сведений в члены Отдела. Ваши сказки бурятские мы не сможем сейчас напечатать, так как в Отделе нет денег. Поэтому затеянный том со сказками сдавать в набор ещё нельзя, не заручившись деньгами. Хочу написать о делах в Петербург.

Прочитал интересную сказку у Вас о Гужире. Напишите, пожалуйста, как следует правильнее писать имя Гондол или Годол; у Вас так и этак написано… Составьте, пожалуйста, подробное описание обрядов шаманских… существуют ли какие-нибудь правила относительно приносимых жертвоприношений?» [4, с. 91].

Заканчивая очередное письмо, Григорий Николаевич обращается к Матвею Николаевичу: «Пожалуйста, не поленитесь и будьте добры ответить на это письмо по всем предложенным пунктам. Готовый к услугам, Григорий Николаевич» [4, с. 91].

В материалах или литературе указывается о том, что науке, только зарождающейся в Сибири, не хватает финансирования на экспедиции, на её развитие, издание каких-либо трудов, в частности и об этом также упоминается в переписке.

«Ваши сказки бурятские мы не сможем сейчас напечатать, так как в Отделе нет денег. Поэтому затеянный том со сказками (а их с якутскими набралось много) сдавать в набор ещё нельзя, не заручившись деньгами» [4, с. 90].

После возвращения из экспедиции 1884–1886 гг. Потанин планировал подготовить отчёт, находясь в Иркутске, но постоянная занятость не позволила ему это осуществить, он был вынужден уехать в Петербург и там заняться отчётом.

В приведённом ниже письме очень объёмно и отчётливо представлены отношения между адресатами, описывающими различные рабочие моменты: «Письмо Ваше и вслед за ним рукопись ″Гэсэр-Богдо-хан″ получил. Больше спасибо как за Гэсэра, так и за ответы на мои вопросы. Гэсэра увезу собой в Петербург и постараюсь непременно издать его где бы то ни было, или в Иркутске, или в Петербурге. Повезу также и рукопись Вашу «Зэгэтэ-аба», несмотря на то, что в неё вобраны всё легенды, а также выбрано все, что относится до облавы; в ней всё дано, ещё остаётся большой и интересный материал о быте бурят. Потому постараюсь на досуге из первой рукописи сделать особую статью и, если же удастся, поместить в Петербургских изданиях. Пришлю в Иркутск. Присланные статьи сданы в типографию. Пожалуйста, сообщите об обычае ставить посуду отверстием внутрь дома в честь заян? Да, ещё каких рассказов о горах Бохана, о шаманах Бохане…» [8, с. 1]. Это письмо датируется 6 июля 1890 г., а отчёт о путешествии вышел в свет 1893 г. в Петербурге.

Их научная деятельность не ограничивалась только консультациями, важным моментом являлось совместное издание трудов, одним из первых и наиболее важных является «Абай – Гэсэр-богдо-хан», опубликованный в описании путешествия Г. Н. Потанина «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествия Г. Н. Потанина 1884–1886» [9, с. 282]. К слову, упоминая о совместных изданиях, следует сказать, также о выдающемся труде «Балаганский сборник», составленном Матвеем Николаевичем и подготовленным к изданию Григорием Николаевичем.

М. Н. Хангалов не забывал советов и иркутских учителей, в частности Н. Н. Агапитова. Насколько воспитанник семинарии высоко ценил и считался с его авторитетом, говорит такой факт. В 1880 г. он, молодой учитель, присылает ему рукопись своей работы об обрядах посвящения и похорон шаманов. Николай Николаевич прочитал её и пришёл к выводу: для того чтобы взяться за редактирование статьи, необходимо самому ознакомиться на месте с излагаемыми в ней вопросами; с другой стороны, описания только названных обрядов было недостаточно. Требовалось исследовать тему шире, углубить содержание материала, дать научное обобщение; словом, работа предстояла большая.

И Н. Н. Агапитов добивается командировки ВСОРГО для поездки к эхирит-булагатским, ольхонским, унгинским, аларским, боханским бурятам; приезжает к Хангалову, беседует и обсуждает с ним план предстоящей работы; в его сопровождении посещает улусы, знакомится и детально изучает бурятское шаманство. В результате рождается новая крупная работа – «Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии» − плод научного и творческого содружества начинающего краеведа и зрелого исследователя-этнографа. Она опубликована за их подписями в 1883 г. в «Известиях ВСОРГО». В «Примечаниях» к этой работе Николай Николаевич пишет: «Г-н Хангалов оказывал во всё время поездки неоценимые услуги в качестве переводчика и лица, интересующегося предметом исследования; результаты поездок были так разнообразны и неожиданны, что г. Хангалов, природный бурят, сознался, что «вот он думал, что совсем хорошо знает религию своего народа, на деле открылось много такого, чего он не подозревал» [9, с. 237].

Совместный труд Н. Н. Агапитова и М. Н. Хангалова явился подлинным научным открытием – в нём подробно показывается история развития и состояния бурятского шаманства.

Также горячо поддерживал Матвея Николаевича в его научной и собирательской работе, поощрял и всячески помогал ему Дмитрий Александрович Клеменц, революционный деятель, этнограф, археолог, путешественник, публицист. Поскольку Матвей Николаевич живо интересовался проблемами хозяйственно-экономического плана, быта, права, этики бурят, то его деятельность, как мы отмечали, поощрялась и ценилась по достоинству Д. А. Клеменцем. Он считал, что работы Матвея Николаевича представляют собой «энциклопедию бурятского быта».

Дмитрий Александрович любезно берётся за подготовку к печати его статьи «Общественные охоты у северных бурят». Обрабатывает её, дополняет рядом сведений, а также заново написанным введением, статья публикуется за подписями Д. Клеменца и М. Хангалова в сборнике «Материалы по этнографии России».

Об этом моменте также говорится в предисловии к трёхтомному собранию сочинений М. Н. Хангалова, написанном доктором исторических наук С. Г. Жамбаловой: «Появление в 1910 г. статьи ″Общественные охоты у северных бурят (зэгэтэ-аба – охота на росомах)″ в ″Материалах по этнографии России″ не только способствовало её широкой известности, но и вызвало острую полемику в научных кругах того времени. Проблемы, поднятые М. Н. Хангаловым в этой, написанной в соавторстве с Д. А. Клеменцем («Введение» и редактирование), а также и в других работах учёного, не оставляют равнодушными и современных научных работников – осмысление богатейшего наследия выдающегося представителя бурятского народа до настоящего времени остается актуальной задачей» [9, с. 13].

Совместная работа Дмитрия Александровича и Матвея Николаевича также осуществлялась во многом посредством переписки: «Многоуважаемый Государь Дмитрий Александрович!

Весной 30 апреля я писал Вам о своём согласии принять на себя командировку от Музея Александра III относительно собираний материалов о шаманизме у бурят и высылаю 17 тетрадей, в которых записаны материалы о шаманстве. Теперь повторяю своё согласие на командировку для собираний материалов и коллекций…

Хотелось бы побывать на устье реки Оки, прежде буряты жили до прихода русских, по слухам, на этих местах, но с тех пор могли сохраниться шаманские предметы и изображения на скалах… Необходимо побывать у Нижнеудинских бурят, которые не исследованы» [8, с. 7].

В сборе материалов учёный торопился, ибо сознавал, что многие вещи, характеризующие быт и религиозные представления людей, со временем забываются, пропадают, уходят в небытие. В 1907 г. в письме к Д. А. Клеменцу он пишет: «Будьте так добры, Дмитрий Александрович, пожалуйста, сообщите, получили ли Вы моё письмо и согласны ли собирать материал о шаманстве, боюсь, чтоб они не потерялись… Когда получите коллекции, не могу дождаться ответа, Дмитрий Александрович, письма и предложения о командировке…» [8, д. 6].

В 2012 г. исполняется 150 лет со дня рождения Иннокентия Александровича Подгорбунского. Известно, что они с Матвеем Николаевичем были современниками, жили, работали в одно время и где-то в научном мире их пути переплетались.

Протоиерей Иннокентий Александрович Подгорбунский, педагог, учёный, активный деятель ВСОРГО, также внёс свою лепту в формирование взглядов учёного Матвея Николаевича, в частности в вопросе бурятского шаманизма.

В самом начале своей учёной деятельности о. Иннокентий, совместно с Г. Н. Потаниным, издаёт каталог выставки предметов жизни лам, позднее один составляет каталог буддийской коллекции музея. Учёная деятельность о. И. А. Подгорбунского создаёт о нём мнение как о знатоке буддизма и авторитете в области монголоведения. Учёные работы о. Подгорбунского печатались в «Иркутских епархиальных ведомостях» и других изданиях: «Известиях» и «Трудах» ВСОРГО, в еженедельнике «Восточное обозрение», «Сибирском сборнике» и др.

К трудам И. А. Подгорбунского по изучению местных инородцев и шаманства принадлежат статьи: «Шаманы и их мистерии», «Из мифологии монголов и бурят шаманистов: Тенгрии. Хаты», «Идеи бурят-шаманистов о душе, смерти, загробном мире и загробной жизни», «Буряты: физический тип и духовная личность бурят», «Буряты. Исторический очерк».

Известно, что Иннокентий Александрович поддерживал дружественные связи с М. Н. Хангаловым. В различных источниках есть этому подтверждение. Из Протоколов заседаний Распорядительного комитета ВСОРГО: « И. А. Подгорбунский доложил, что при содействии М. Н. Хангалова возможно издать текст бурятской поэмы об Абай-Гэсэр-Хане с переводом на русский язык. В литературе имеются неполные тексты монгольских вари-

антов в сочинениях Г. Н. Потанина, но лишь в русском переводе. Бурятский текст предполагает самобытные черты. Для выполнения этих работ необходимо г. Хангалову дать некоторую субсидию рублей около 50.

Постановлено: ассигновать 50 рублей при составлении сметы на 1905 г. и поручить переговоры с г. Хангаловым И. А. Подгорбунскому» [5, с. 51].

Учитывая направление научной деятельности И. А. Подгорбунского, можно сделать вывод, что Иннокентий Александрович и Матвей Николаевич работали над общей темой.

В «Сибирском сборнике» под редакцией И. Г. Шешунова имеются статьи И. А. Подгорбунского, в которых он опирается на материал, собранный Матвеем Николаевичем. Например, видно фактическое сравнение материала и дополнения автора. «Из мифологии бурят и шаманистов»: «Всех тенгриев буряты считают девяносто девять, из коих пятьдесят четыре живут в западной части неба и почитаются существами добрыми, а сорок четыре в восточной и почитаются существами злыми. Списком этих существ мы обязаны М. Н. Хангалову, хотя не можем здесь не заметить, что список этот далеко не полон и далеко не постоянен, как и следует этого ожидать у народа, верования которого сохраняются устно, и в различных пересказах, конечно, варьируются весьма различно. Поэтому к списку г. Хангалова мы присоединим и имена тех тенгриев, которые известны нам помимо его списка» [7, с. 2].

Переплетение интересов Матвея Николаевича и Иннокентия Александровича связано с ещё одним их увлечением: оба старались выделить, выявить и создать бурятский алфавит. Цель у них была общей – упрощение языкового барьера, создание единого, более простого образца алфавита для бурятских детей, а также работы с оригинальными текстами. Известно, что Хангалов ещё в 1878 г. составлял учебник для бурятской школы – «Первую учебную книгу бурятско-русского языка», в 1902 г. он завершил составление букваря для бурятских детей. Однако эти работы не были изданы. Матвей Николаевич упорно высказывал мысли о необходимости создания библиотек при школах, проведении внеклассного чтения для основательного овладения детьми русского языка. Он выступал горячим сторонником, пропагандистом и проводником в массы идей дружбы народов.

В последние годы о. И. А. Подгорбунский интересовался преимущественно вопросами языка монголов и бурят. Так, в 1908 г. им был составлен и издан «Русско-монголо-бурятский словарь». В последних выпусках «Известий» отдела были напечатаны статьи «Несколько заметок по фонетике бурятского языка, в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов», «Материалы для грамматики разговорного бурятского языка: Несколько заметок о глаголах в бурятском языке», «Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка: Загадки кудинских и балаганских бурят» [6, с. 2].

Все приведённые факты красноречиво говорят о внимательном и дружеском отношении учёных к представителю малочисленного народа, важности и значении исследований последнего. Сотрудничество Матвея Николаевича с выдающимися учёными рубежа XIX–XX вв., несомненно, являлось плодотворным и взаимовыгодным. Благодаря этому сотрудничеству наука обогатилась многими новыми сведениями о коренном населении Прибайкалья – бурят, закладывался фундамент дальнейшего изучения и развития этнографической науки в целом. Наибольшим вкладом в этнографическую науку стали описания и наблюдения за бытом, нравами, культурой, верованиями бурятского народа, а также записи народной словесности, позволившие в то время сравнить и сопоставить бурятский народ в системе народов, населяющих Сибирь середины XIX − начала XX вв.

В своём выступлении на межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 150-летнему юбилею со дня рождения М. Н. Хангалова, С. Г. Жамбалова верно подметила, что не следует забывать роли русских учёных, которые привлекли М. Н. Хангалова в молодом возрасте к научной работе и постоянно поддерживали его во все годы жизни и деятельности [1, с. 9], что «его научная деятельность открыла большие перспективы для дальнейшего изучения истории и культуры бурят» [2, с. 7].

Список литературы

1. Жамбалова С. Г. Матвей Николаевич Хангалов – этнограф, учёный мирового значения // Хангаловские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 24 октября 2008. Усть-Ордынский, 2008.

2. Жамбалова С. Г. О жизни и деятельности М. Н. Хангалова: известные и малоизвестные факты // Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. Иркутск: Оттиск, 2010.

3. Залкинд Е. М. М. Н. Хангалов. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1945.

4. Письма Г. Н. Потанина / под ред. Н. А. Логачева, Ю. П. Козлова, А. Г. Золотарева [и др.]. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. Т. 4.

5. Протокол заседаний Распорядительного комитета ВСОРГО за 1904 г. В отчете ВСОИРГО за 1904 г., составленном Правителем дел Н. Н. Козьминым. Казань: Типогр. Импер. ун-та, 1906.

6. Свинин В. В., Сазонова с. А. В. И. Подгорбунский как этнограф и музейный работник // Дуловские чтения 1997 года: материалы докл. и сообщ. региональной науч.-практ. конф. Иркутск, 1997.

7. Сибирский сборник / под ред. И. Г. Шешунова // Приложение к «Восточному обозрению», 1894 г. Вып. V и VI. Иркутск: Тип.. К. И. Витковской, 1894.

8. Фонд М. Н. Хангалова, ИМБТ СО РАН. Ф. 4. Оп. (письма Д. А. Клеменца М. Н. Хангалову и М. Н. Хангалова Д. А. Клеменцу, 1891–1908 гг. Д. 6; письмо Г. Н. Потанина М. Н. Хангалову, 1887–1889. Д. 8. С. 1).

9. Хангалов М. Н. Собрание сочинений / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. Т. 1, 2.

10. Шиловский М. В. Полнейшая самоотверженная преданность науке / Г. Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск: Сова, 2004.

Статья поступила в редакцию 03.03.2012 г.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ORIENTAL STUDIES

УДК 94 (510). 08+572.9
ББК 63.3 (5 КИТ)+ 63.529 (5 МОНГ)

Саяна Баировна Намсараева,
кандидат исторических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии, тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(Москва, Россия), e-mail: namsaraeva@gmail.com

Дилеммы цинской миграционной политики в приграничном Хулун-Буире на примере участи мусульман – *таранчи*

Данная статья посвящена проблемам цинской стратегии формирования этнического состава Хулун-Буира, района КНР граничащего с российским Забайкальем. Известно, что в течение XVIII в. туда был передислоцирован значительный контингент в основном из состава маньчжурских и монгольских знамённых войск. Однако, автор анализирует малоизвестный эпизод о высылке из Хулун-Буира мусульман землепашцев, известных также как уйгуры – *таранчины*, принудительно ввезенных туда ранее, и предполагает рассматривать его в качестве поворотного момента в определении дальнейшей стратегии развития этого приграничного региона. Автор выявляет ряд причин, почему цинские стратеги в ущерб экономическим интересам развития Хулун-Буира, решили создать здесь вблизи границ с Россией, по выражению О. Латтимора, зону «статичную» и закрытую [14, с. 377]. Новые данные, найденные автором в цинских архивных документах, в целом, пополняют наши сведения о формах контроля континентальных империй над периферийными полиэтничными регионами, и особенностях цинского режима управления приграничными территориями у границ Забайкалья, в частности.

Ключевые слова: континентальные империи, российско-китайская граница, Цинская империя, приграничные территории Китая, Хулун-Буир, знамённые войска, цинская миграционная и этническая политика, уйгуры – тарянчины.

Sayana Bairovna Namsaraeva,
Candidate of History, Associate professor
the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetian Studies of SB RAS
(Moscow, Russia), e-mail: namsaraeva@gmail.com

Dilemmas of the Qing Migration Policy in Frontier Hulun-Buir: Case Study of the Muslim Taranchi–Uyghurs' Replacement

Ethnic composition of Hulun-Buir (China's frontier region with Russian Eastern Siberia) was formed and constantly reshaped during the last three centuries. For example, Qing officials relocated ethnically hybrid Manchu-Mongol banner troops into the region to serve the border. The case of relocation of Taranchi'– Uyghurs examined in the paper shows that an attempt to vary local 'banner' population by

© С. Б. Намсараева, 2012

'non-banner' land cultivators, was considered by Qing officials as abortive and non-perspective. This paper is based on recently published Qing archival sources and investigates why Hulun-Buir continued to develop as 'frontier of exclusion' (expression introduced by Owen Lattimore) [14, p. 377], where trade and economic development have been neglected due to proximity of the Russian border. The author examines different models of the continental colonial administration with the example of Qing policy in frontier regions, and specifically focuses on complicities of the Russian-Chinese frontier in Hulun-Buir.

Keywords: continental colonialism, Russian-Chinese frontier, Qing Empire, China frontiers and borderland, ethnic composition of Hulun-Buir, Qing banner troops, policy of forced migration, 'Taranchi'– Uyghurs.

Известный исследователь Внутренней Азии и, в частности, Маньчжурии Оуэн Латтимор писал, что, исходя из политико-географических условий, фронтирные (т. е. расположенные вдоль границ) территории Китая[1] условно можно подразделить на два противоположных типа: «динамичные» ('dynamic') на юге; и «статично-неподвижные» ('static') на севере [24, с. 377]. Начиная с конца XVII в., под «северными приграничными землями» (北方边疆) подразумевались все земли, простиравшиеся вдоль линии границ с Россией, так как именно с этого периода первые договоры[2], заключённые между Российским и Цинским государством, привели к разграничению земель и установлению линии границы между этими странами [5].

Воспринимая соседство с Россией как потенциально напряжённое, связанное с возможной агрессией и угрозой, Цинские власти установили на северных приграничных территориях совершенно особый режим управления местностью и формы контроля над населением, связанные в первую очередь с задачами по организации охраны границы, ведения караульной службы и пресечения попыток несанкционированного перехода. Именно поэтому Латтимор охарактеризовал эту зону как «статичную», так как она была очерчена линией границы, и «напряжённую», так как, по замыслу цинских стратегов, она несла в себе функцию «заградительно-оборонительного» буфера (封闭保收)[3] [12, с. 84].

Данная статья рассматривает круг вопросов, касающихся создания подобного «заградительно-оборонительного» буфера в Хулун-Буире, граничащего с российским Забайкальем. Хулун-Буир был местом первых территориальных споров за обладание Приамурьем с момента первых контактов (не всегда мирных)[4] между Российской и Цинской империей, и стратегически чрезвычайно важным приграничным районом, находящимся на стыке разных регионов: Монголии, Маньчжурии, Забайкалья и Приамурья. Через Хулун-Буир также шёл кратчайший «ход в Китайское государство из Даур от Нерчинского острогу», как писал российский посланник к маньчжурскому двору Николай Спафарий [1, с. 147]. В частности, в статье будут рассмотрены особенности цинской миграционной политики в приграничных землях, сформулированной как «*имин шибянь*»[5] (переселять людей, [чтобы с их помощью] охранять границы) на примере Хулун-Буира. Автор ставит задачу проследить, каким образом цинская миграционная политика XVIII века предопределила формирование современного этнического состава этого региона.

[1] Заметим, что в соответствии с современным административно-территориальным устройством Китая, статусом «приграничных земель» (边疆地区) обладают огромными территориями, занимающими около 60 % территории всей страны.

[2] К первым договорам относится Нерчинский договор 1678 г., Буринский и Кяхтинский договоры 1727 г.

[3] Переводы на русский язык разноязычных источников и литературы осуществлены автором статьи, за исключением случаев, где указан другой автор перевода.

[4] Например, осады Нерчинского острога в 1657 г., Алабазинского острога в 1685 и 1686–87 гг.

[5] 移民实边

Этноистория Хулун-Буира

Первое, что бросается в глаза при приземлении в аэропорт города Хайлар – столицы муниципального округа Хулун-Буир[1] АРВМ, это огромный рекламный плакат, на котором изображена группа представителей местных этнических групп, одетых в разнообразные яркие национальные костюмы. Надпись на плакате приветствует гостей и призывает «познакомиться с традициями народов Хулун-Буира и ощутить очарование степной культуры»[2]. Действительно, Хулун-Буир считается одним из самых многонациональных регионов КНР и насчитывает около 38 различных народностей, проживающих здесь. Однако мало кто задумывается о том, что эти народы, представленные на плакате в качестве «местных», на самом деле таковыми не являются. Большинство из них появилось здесь не по своей воле, а в результате переселенческой политики, проводившейся цинскими властями в течение XVIII в.

Различные историко-географические описании Хулун-буирских земель цинского периода[3] детально описывают поэтапное заселение этих почти пустующих земель. В первую очередь, цинские власти передислоцировали сюда военный контингент из состава маньчжурских и монгольских знаменных войск, состоящий из приамурских народов тунгусо-маньчжурского происхождения и монголов разных родов из Южной и Западной Монголии. На самом деле, степные равнины Хулун-Буира не всегда были безлюдными. Эти земли входили в ареал кочевий различных монгольских и тунгуских родов, но именно дауры и дурбед-монголы (кит. 杜尔伯特蒙古ду-эр-бо-те мэн-гу), когда-то жившие здесь, в свои преданиях называют Хулун-Буирские степи своей родиной[4] [10]. Некоторые русскоязычные источники XVII в. также сообщают, что в этих местах жили некие «кочевые торгочины»[5]. В XVII в. в связи с участившимися военными конфликтами с русскими казаками в Приамурье многие местные народы, видя в новых соседях потенциальную угрозу, покинули эти земли и откочевали вглубь Дунбэя. Они примкнули к маньчжурам, которые в это время активно консолидировали вокруг себя все родственные народы Маньчжурии, создавая с ними широкие альянсные союзы [3]. Войдя в состав знамённых войск, они тем самым увеличили военную мощь маньчжуров, направленную в тот период на завоевание Китая и Северной Монголии. Подобная миграция большей части приамурских народов на юг отвечала интересам маньчжуров, так как одновременно появлялась возможность «лишить русских опоры в Приамурье» [4]. Таким образом, до определения линии границ с Россией стратегия цинских властей в Хулун-Буире заключалась в том, чтобы способствовать миграции приамурских народов вглубь Дунбэя, оста-

[1] В 2010 г. Хулун-Буирский аймак был преобразован в муниципальный округ в составе Автономного Района Внутренняя Монголия (АРВМ).

[2] 领略民族风情，感受草原文化

[3] Различные описания Хулун-Буирских земель в большинстве своём построены по компилятивному принципу, т. е. куски из более ранних произведений почти целиком заимствуются в новом сочинении с добавлением сведений более позднего времени, как это было принято в цинской историографии. Основными источниками по истории Хулун-Буира можно считать следующие произведения: «呼伦贝尔 副都统 衙门册报志稿», что можно перевести как «Реестровые записи Хулун-Буирского *фудутуна*, составленные в 1897 г. на маньчжурском языке. Перевод на китайском языке был опубликован в 1983 г. в сборнике «呼伦贝尔 史料丛书», где были собраны основные источники по истории края. Следующий источник « 呼伦贝边务调查报告书» (Рапорты об охране границ в Хулун-Буире) был составлен гарнизонным командиром *фудутуном* Сун Сяоляном (宋小梁) in 1909. Чен Тинхен (程廷恒) и Чжан Цзяфань (张家璠) в 1922 г. опубликовали «Полное описание Хулун-Буирских земель» (呼伦贝尔志略) [13]. Есть несколько описаний, составленных авторами даурского происхождения; например, перу знаменитого общественного деятеля и писателя Мерсе (кит. имя Го Дафу 郭道甫) принадлежит сочинение «Хулун-Буирский вопрос» (呼伦贝尔问题) и др.

[4] В XVI в. *дурбед* монголы покинули эти места и переместились в Южную Маньчжурию, в район современного города Дацин провинции Хэйлунцзян. Подробнее о дурбедах Хэйлунцзяна [10].

[5] «Торгочины» упомянуты в «Отписке нерчинского воеводы Д. Д. Аршинского тобольскому воеводе П. И. Годунову», составленной в 1670 г. (www.vostlit.info) и в «Выписке о путях в Цинскую империю», написанную русским посланником Николаем Спафарием 1675 г. [1].

вить приграничные земли с Россией в запустении.

Соглашения Буриинского и Кяхтинского договоров 1727 г., помимо уточнения линии границы также предусматривали открытие беспошлинной приграничной торговли в Кяхте и Цурухайту, который находился как раз на Хулун-Буирском участке границы, и отправку торговых караванов до Пекина. В этот период среди основных мер цинского двора по созданию регулярной службы по охране границ и сопровождению торговых караванов вглубь Маньчжурии стало образование Хулун-Буирского наместничества, отдельной военно-административной единицы, во главе которой стоял *фудутун* офицер крупного соединения знаменных войск, расквартированных в Хайларе. Границы наместничества были определены следующим образом: на востоке − до горной гряды Большого Хингана, на юго-западе − до границ с Халхой (Цэцэнхановский аймак), с запада до севера – вдоль реки Аргунь по линии границы с Россией. Первыми в 1732 г. сюда были переведены три тысячи знамённых дауров с семьями из Цицикара, затем группа уланцабских знаменных монголов из Южной Монголии. В 1734 г. из Цэцэнхановского аймака были переселены две с половиной тысячи знамённых барга-монголов. Позже Хулун-буирский гарнизон был усилен − из Цицикара было переведено несколько тысяч дауров, солонов[1] и орочонов. Затем в Хулун-Буир было направлено несколько групп ойратских родов Алтая, которые согласились перейти на сторону маньчжуров после разгрома Джунгарского ханства в середине XVIII в.[2] Всё это разноязыкое воинство было поделено на знамёна в основном по принципу этнической близости, с образованием нескольких знамён солонов, знамён барга-монголов, в состав которых включили дауров, и отдельного знамени, состоящего из ороченов. По принципу внутренней организации Хулун-Буирские знамёна отличались и от монгольских сеймовых, и от маньчжурских «восьмизнамённых» войск, представляя как бы смесь этих двух типов организации войска[3].

Судя по «Реестровым записям Хулун-Буирского фудутуна», знамёна периодически дробились, укрупнялись, к их составу причислялись новые группы солдат, при этом принцип этнической и языковой близости не всегда соблюдался[4]. Так, группы «вновь прибывших» образовывали новое знамя с обозначением «новые» (新); таким образом, возникли знамёна «новых барга» и знамёна «новых ойратов». А группы «старожилов» получали приставку «старый» (旧). Так, например, первая группа ойратов была переселена в Хулун-Буир в 1731 г., они представляли собой тех ойратов, которые были пленены ещё императором Сюанье (девиз правления Канси 1662–1722 гг.) во время войны с джунгарским ханом Галданом в 1697 г. Другая часть ойратов была сослана в Хулун-Буир в 1755 г. сразу после подавления восстания Амурсаны в Синьцзяне. Соответственно, эти две разные группы ойратов, прибывшие в разные времена, стали называться как знамена «старых ойратов» и знамёна «новых ойратов».

Знаменные войска постоянно перемещали из гарнизона в гарнизон практически каждые 10–15 лет. Например, знамёна солонов и дауров в 70-е гг. XVII в. были размещены в вотчине маньчжуров в Нингута, затем они были переведены в Цицикар, прежде чем оказаться в Хулун-Буире [17, с. 25]. Как пишет американский исследователь Кристофер Этвуд: «…все обитатели Хулун-Буира глубоко осознавали, что они составляют общество мигрантов и переселенцев, которых послали сюда с единственной целью – служить Цинскому государству. Воинская служба стала их главным предназначением и смыслом их жизни» [18, с. 5].

Оторвав от родовых мест и родовых кланов, заменив многим казнь службой на окраине империи, цинские власти планомерно создавали из переселённых в Хулун-Буир

[1] Этнонимом «солоны» в цинских источниках называли различные группы эвенков, сильно ассимилированных с монголами, которые вошли в состав знамённых войск.

[2] Другая же часть ойратов оказалась зачислена в чахарские знамённые отряды [27].

[3] Подробнее о структурных различиях между двумя типами этих знамен см. специальные исследования Йошики Енатцу [23], Кристофера Этвуда [18] и Алугуй Сарула [87].

[4] Отчасти из-за частых смешанных браков между представителями разных знамен, этнический принцип формирования знамён было трудно сохранить.

народов профессиональное военное сообщество. Войска стали нести регулярную охрану границ; за каждым знаменем был закреплён участок границы и определённая территория − кочевье внутри наместничества, примерно соответствующая современному расположению их национальных автономных уездов в Хулун-Буире. Общим языком для этого гарнизонного сообщества стал маньчжурский язык, хотя ни для кого из них он не был родным.

Прибытие уйгуров-таранчи в Хулун-Буир

Работая с цинскими источниками и литературой по истории Хулун-Буира, мне повстречался один любопытный документ, повествующий, казалось бы, о малозначительном эпизоде, произошедшем в середине XVIII в. Речь идёт о попытке разнообразить состав местного знаменного населения, «разбавив» его неслужилым земледельческим населением[1].

Весной 1760 года 49-летний император Хунли[2] получил срочный доклад от Хурчи[3], гарнизонного командующего в Хулун-Буире. Хурчи возглавлял один из самых закалённых в боях отряд монголо-маньчжурских «восьмизнаменных» войск. После пяти лет победоносной военной кампании в Синьцзяне и окончательного разгрома Джунгарского ханства его отряд был передислоцирован в 1759 г. назад в Хулун-Буир для продолжения службы по охране границ. В своём докладе Хурчи докладывал трону об удручающих обстоятельствах, в которых оказался доблестный гарнизон по возвращении домой:

«…Сопроводив войска в Хулун-Буир, [Ваш] недостойный раб увидел, что солонские войска и отряды барга-монголов не имеют средств к существованию, всё находится в запустении, нет скота, а [войско], чтобы выжить, ест рыбу и побирается. В последние годы здесь была большая засуха, не было урожая, а от зимних холодов и снежных бурь пал почти весь скот. Сейчас осталось немного скота, верблюдов и того меньше, не хватает ездовых лошадей для караульной службы. А ведь граница с Россией тянется около 200 *ли* и идёт на север вплоть до гор[4]. Места [здесь] степные и пустынные, лесных угодий для охоты нет, не сравнить с Бутхэ[5]. Ваш раб Хурчи, неоднократно удостаивавшийся императорской милости, спешит сообщить, что солдаты страдают, а их силы истощены. Им [надо] охранять границу, а [от них в таком состоянии] нет никакой пользы» [цит. по 11, с. 79].

В качестве выхода из тяжёлой ситуации Хурчи предлагал прислать из Синьцзяна мусульман, которых ойраты (западные монголы) называли «*таранчи*»[6] – *землепашцы. Хурчи считал, что они могли бы научить «знамённый» гарнизон обрабатывать землю и возделывать урожай: «…Тогда через несколько лет ситуация исправится: зерна будет достаточно, скот расплодится, а войска обретут силу и мощь. Это пойдёт только на пользу службе по охране границы» [цит. по: 11, с. 79].*

Хурчи имел все основания рассуждать подобным образом, так как во главе своего семитысячного Хулун-Буирского войска он побывал в городах-оазисах Южного Туркестана, когда подавлял там восстание мусульман ходжа, и видел, как мусульмане *таранчи* выращивали зерно в Илийском крае Северной Джунгарии. Тут необходимо пояснить, что многолетние военные кампании в Джунгарии подорвали экономику Цинской

[1] Выдержки из переписки на маньчжурском языке между императором, членами Военного Совета (*Цзюньцзичу*), генералом наместником Хэйлунцзянского округа и командиром Хулун-Буирского гарнизона *фудутуном* знаменных войск в переводе на китайский язык Го Мэйлань [11].

[2] девиз правления Цяньлун с 1736 по 1795 гг.

[3] В кит. транскрипции Ху-эр-ци (湖爾起).

[4] Имеются в виду северные отроги горного хребта Большой Хинган.

[5] Бутхэ − горная и лесистая местность, расположенная к югу от Хулун-Буира в районе современного города Цицикар.

[6] 塔里雅沁回子. Группа тюркоязычных мусульман, переселенных ойратами из оазисов Южного Туркестана – Яркенда и Хами в период существования Джунгарского ханства в Илийский край для возделывания там целинных земель. Подробнее о мусульманах *таранчи* см. сборник архивных документов, посвященных природопользованию и земледелию цинского периода (清代奏折汇编——农业;环》中国科学院地理科学与资源研究所, 中国第一历史档案馆。 商务印书馆), хранящихся в Первом историческом архиве КНР [15].

империи, поэтому император Хунли поставил задачу для знамённых войск, дислоцированных в Синьцзяне, обеспечивать себя зерном и фуражом. Специальные войска «зелёного знамени», в основном состоящие из китайцев, должны были возделывать земли с помощью колонистов. Хурчи полагал, что такая же модель «самообеспечения» могла бы быть применена и в Хулун-Буире. Император Хунли поручил члену Военного совета[1] генералу Фухэну[2] рассмотреть этот вопрос. Вскоре Военный совет распорядился прислать в Хулун-Буир сто семей мусульманских *таранчи* в качестве рабов из числа сосланных из разных областей Синьцзяна в китайскую провинцию Ганьсу. В своём распоряжении Фухэн рассуждал следующим образом:

«… Надеюсь, что знамённые солоны, что издавна вели *монгольский образ жизни*[3] (курсив мой), скоро ″станут на ноги″ и вернутся к своим исконным занятиям. Что же касается предложения, чтобы ссыльные мусульманские[4]преступники учили солонов возделывать землю, с одной стороны, это может быть полезно. Но, с другой стороны, солоны могут быть *заражены привычками ханьцев*[5] (курсив мой). Впоследствии будет трудно излечить их и вернуть к исконной безупречной морали. Ситуация неизбежная. По сему приказываю, как только наладится гарнизонная жизнь, доложить мне как землепашество отразилось на жизни [знамённых], чтобы принять окончательное решение.

Эксперимент оказался более чем удачным, в течение трёх лет солдаты хулунбуирского гарнизона − солоны, барга-монголы и ойраты построили отводные ирригационные каналы от реки Халха, вспахали целину, стали собирать урожаи ячменя и проса. Хурчи регулярно докладывал Военному совету о ходе своего проекта: сколько купили быков для распашки, как распределили семьи *таранчинов* по гарнизону; также он сетовал, что если бы одна треть ссыльных мусульман не умерла бы от болезней и сурового климата, то урожаи второго и третьего годов были бы значительно выше. Вскоре Хурчи сообщил, что гарнизонная служба в Хулун-Буире наладилась, что солдаты научились хорошо обрабатывать землю, что зерна и фуража запасено впрок, что теперь он намерен привлечь больше солдат к пахотным работам, чтобы расширить ирригационные каналы и засеять больше площадей.

Но Военный совет вдруг подал прошение императору Хунли запретить Хулун-Буирскому гарнизону заниматься хлебопашеством и отправить мусульман-*таранчи* обратно в Улясутайский край поднимать целину там. Военный совет опасался, что занятие земледелием подорвёт воинское искусство «знамённого» гарнизона. Генерал маньчжур Фухэн писал:

«…Покорнейше докладываем трону, что солоны испокон веков жили и кормили себя охотой и не занимались землепашеством. С малых лет они учатся охотиться, а к зрелым годам становятся искусными [стрелками]. Ныне же солоны усердно занялись землепашеством. [В этом лишь] краткосрочная выгода, а в будущем это, [несомненно], принесёт лишь вред. Солдаты стали *приобретать привычки ханцев*[6] (курсив мой) и скоро забудут свои исконные ратные навыки, начнут пренебрегать своим [воинским] мастерством. Для охраны границ какая будет польза?» [Ibid, с. 83].

Вскоре после сбора урожая все *таранчины* были направлены через Улясутай в Урумчи, а оттуда в Илийский край, где разворачивался другой «проект» по распашке целинных земель. На этом недолгое пребывание мусульман-*таранчи* в Хулун-Буире было завершено.

В этой переписке, на мой взгляд, содержатся очень интересные представления цинского двора о неких специфических чертах, присущих разным народам, об их разных навыках, которые могут быть ценными для использования. Особый интерес вызывает выражение «*привычки ханьцев*», использованное для рассуждений о туркестанских мусульманах.

[1] Военный совет (*Цзюньцзичу*) играл роль высшего совещательного органа при императоре с неограниченными полномочиями. Число членов Совета было ограничено (до 8 человек), в него входил только близкий круг маньчжурских и монгольских военачальников. Подробнее о Цзюньцзичу см. исследование Beatrice S. Bartlett [9].

[2] 傅恒

[3] 蒙古 方式生活

[4] 回子

[5] 沾染汉习

[6] 从习汉俗

Судя по всему, для маньчжуров и китайцы-ханьцы и мусульман-*таранчи* представляли собой один культурно-хозяйственный тип землепашцев, в отличие от кочевников-скотоводов и охотников, к которым маньчжуры относили себя, монголов и родственные им группы тунгусо-маньчжурского происхождения. Можно также предположить, что термин *ханьцы*, который в наше время употребляется как этноним и самоназвание китайцев, в понимании маньчжуров имел несколько иное значение и употребление, как видно из приведённых выше примеров. Скорее всего, это был своеобразный культурный идентификатор, один из ярлыков для классификации народов Цинской империи по типу хозяйствования, независимо от их происхождения, языка и религиозных воззрений. Видимо, поэтому с точки зрения маньчжуров мусульмане-*таранчи* были людьми того же сорта, что и китайцы-ханьцы. Примечательно, что маньчжуры также отождествляли с китайцами-ханьцами и многочисленные земледельческие народы юга и юго-запада Китая, всячески способствуя их ассимиляции с китайскими колонистами [28]. К тому же многие исследователи цинского Китая уже не раз отмечали, что понимаемые сейчас как этнонимы такие слова, как «маньчжуры», «монголы», «хуэйцзу» и т. д., в цинских источниках имели несколько иную смысловую нагрузку: они нередко указывали нетолько на этническое происхождение, сколькона принадлежность к военно-политическому альянсу, к которому примыкала менее значимая группа и, соответственно, получала право называться именем своего нового союзника и могущественного соседа [22; 21; 25; 26 и др.][1].

Второй важный момент, затронутый в этой переписке, это тревога цинских военачальников, что знамённые войска из-за занятия земледелием могут утратить свои ратные навыки, так как будут «заражены привычками ханьцев». Это тревога как раз отражает состояние маньчжурских знамённых войск после завоевания собственно китайских земель. Дело в том, что знаменные войска, расквартированные в гарнизонах по китайским городам, очень скоро попали под «тлетворное» влияние китайской городской рафинированной культуры. Второе и третье поколения знамённых, выросшие в городских гарнизонах, были уже совсем далеки от идеала доблестных маньчжурских воинов старых дней и их «исконной безупречной морали». Дело дошло до того, что в 1730–40-х гг., император Хунли начал кампанию по возрождению исконного маньчжурского образа жизни среди знаменных войск – то, что знаменитый исследователь цинского периода Марк Эллиот назвал как «Manchu way» [22]. Настоящий маньчжурский воин должен был быть не только искусным наездником, хорошо стрелять из лука, говорить по-маньчжурски, но и вести скромный аскетичный образ жизни. Исследователь Майкл Чан приводит такие факты, что дело доходило о того, что знамённым войскам было запрещено использовать пороховые мушкеты, чтобы солдатам не утратить навыки стрельбы из лука [20, с. 186]. Император Хунли во время своих регулярных инспекционных поездок по южным приморским провинциям Китая устраивал смотры знамённых гарнизонных войск, чтобы убедиться, что они ещё не утратили свою боеспособность, а масштабные облавные охоты в летней императорской резиденции в Жэхэ стали своеобразными военными учениями для знамённых войск, размещённых в Монголии и Маньчжурии. Поэтому сохранение исконного маньчжурского, или *монгольского*, по выражению генерала Фухэна, образа жизни в знамённых войсках и поддержание их боеспособности было напрямую связано с безопасностью маньчжурского трона и способностью обеспечить господство Цинов над завоёванными народами и территориями.

Видимо, именно поэтому Военный совет так опасался за состояние боевого духа Хулун-Буирского гарнизона, так как он имел особую ценность для цинских военачальников – он составлял авангард цинских войск. Знаменные войска хулунбуирского *фудутуна* сыграли большую роль в наступательных действиях цинской армии. Восемь знамен дауров и солонов, как сообщает историко-

[1] Так, например, исследователь Дж. Липман, характеризуя эволюцию современного этнонима «хуэйцзу», пишет: «…В цинский период ″хуэйцзу″ обычно, но не всегда, называли оседлых тюркоговорящих мусульман Синьцзяна, тех, кого сейчас называют «уйгуры». Но с течением времени этим этнонимом стали обозначать и группы мусульман китайского происхождения в китайских провинциях» [25, с. 106].

географическая хроника «Хулунбэй'эр чжилюэ», принимали участие в усмирении Синьцзяна, подавлении мятежей в провинциях Ганьсу, Нинся, Юньнани и Цинхае, в военных кампаниях в Улясутае, Тибете и на Тайване [13][1]. Этот эпизод, в котором выражена тревога за боеспособность и боевой дух знаменного гарнизона где-то далеко в Хулун-Буире, свидетельствует о том, что, даже вступив в период своего «ратного триумфизма»[2], наступившего после 1760-х гг., когда, казалось бы, были повержены все внешние враги, а территория империи достигла небывалых размеров, цинские стратеги понимали, что их господство удерживается только с помощью боеспособной и эффективной армии. Поэтому, запретив Хулун-Буирскому гарнизону заниматься хлебопашеством, Военный совет посчитал, что гарнизон должен быть занят только военной службой, дав поручение «восьми торговым кланам» провинции Шаньси (八大家) снабжать гарнизон всем необходимым [16]. Как сказано в «Описании Хулун-Буирских земель»: «…Их [дауров, солонов и барга-монголов] стали снабжать всем [необходимым], чтобы [они] были заняты [только] охраной границы» [13].

Выводы

Цинские стратеги в ущерб экономическим интересам развития Хулун-Буира решили создать вблизи границ с Российским Забайкальем своеобразную милитаризованную зону. Поэтому начиная с середины XVIII в., суть миграционной политики властей заключалась в том, чтобы заселять эти земли не просто колонистами или ссыльными, как это было в других приграничных землях Цинской империи, а только самыми боеспособными знамёнными отрядами цинских войск, которые состояли из кочевых народов монгольского и маньчжуро-тунгусского происхождения. Поэтому, рассматривая многонациональный состав приграничных территорий современного Китая, особенно важно понимать, что во многом это результат цинской миграционной политики, создавшей некий искусственный конгломерат народов, перемещённых не по своей воле. В этом смысле история Хулун-Буира является одним из ярких подтверждений данного тезиса.

Список литературы и источников

1. Арсеньев Ю. А. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. СПб., 1882. С. 154–165.

2. Кормазов В. А. Барга. Экономический очерк. Харбин, 1928.

3. Мелихов Г. В. Процесс консолидации маньчжурских племён при Нурхаци и Абахае (1591–1644 гг.) // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

4. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.

5. Мясников В. С. Историография пограничко-территориальных проблем Китая. От традиционных подходов к современной интерпретации // Границы Китая: история формирования / под общ. ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

6. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. I. 1608 –1683. М., 1969.

[1] Из солонских и даурских войск вышла плеяда известных цинских военачальников, например генерал Хайланча. Он провёл в военных походах более 40 лет, принимая участие во всех завоевательных кампаниях императора Хунли во всех концах империи. Вот примерная география его походов: разгром Джунгарского ханства, усмирение тибетских родов в Цзиньчуани на севере провинции Сычуань; покорение Тайваня; военная кампании против Непальского королевства, когда Хайланча во главе тысячного отряда солонов и дауров дошёл до Катманду в 1793 г. [14]. Другим известным военачальником Хулун-Буирских войск был барга-монгол Дугар, который также много лет воевал против Джунгарского ханства. Он стал цинским наместником в Улясутае, под началом которого был весь контингент цинских войск, расположенных в Илийском крае и Западной Монголии [9].

[2] ″Martial Triumphism″ по образному выражению Майкла Чана [20, с. 206].

7. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. II. 1686 –1691. М., 1972.

8. Алугуй Сарула. Лунь Циндай Хулуньбей'эр дифан де цибинчжиду цзици течжэн // Чжунго бяньцзян шиди яньцзю. № 20 (Март). 2010. С. 12–21. [К вопросу об особенностях управления Хулун-Буирскими знаменами цинского периода].

9. Бао Гуйцинь (Монг. На-ри-линь-ма). Циндай мэнгу гуаньши чжуань. Пекин: Миньцзучубаньше, 1995. [Биографии цинских сановников монгольского происхождения].

10. Бухэ. Хэйлунцзян Ду-эр-бо-тэ мэнгуцзу цыдянь. Пекин: Миньцзучубаньше. [Энциклопедия Хэйлунцянских дурбэд-монголов].

11. Го Мэйлань. Циндай "та-ли-я-цинь хуэйцзу" дунцянь Хулуньбэй'эр кайкэн дунтянь шимо // Чжунго бяньцзян шиди яньцзю. Пекин, 2001. № 4. С. 78–84. [Об отправке мусульманских земледельцев-«тарянчинов» на восток для обработки целинных земель в Хулун-Буире в период правления династии Цин].

12. Ма Жухэн, Ма Дачжэн. Циндай дэ бяньцзян чжэн'цэ. Пекин, 1994. [Приграничная политика династии Цин].

13. Хулуньбэй'эр чжилюэ // Да'у'эр цзиляо цзи. Пекин, 1996. [Описание Хулунбуирских земель].

14. Цингунчжэньцзан Хайланьча маньвэнь цзоучжэ хуэйбянь/ Чжунго ди'и лиши дан'аньгуань. Пекин, 2008. [Доклады трону от Хайланчана. Сборник архивных документов на маньчжурском языке из дворцовых запасников].

15. Циндай цзоучжэ хуэйбянь – нун'е; хуанцзин // Чжунго ди'и лиши дан'аньгуань. Пекин, 2005. [Доклады трону. Сборник рапортов о земледелии и окружающей среде].

16. Цуй Гуаньюй. Хулуньбэй'эр фэнюнь. Хайлар, 2008. [Из истории Хулун-Буира].

17. Эвэнькэ цзичжици гайкуан бяньсецзу. Хух-хот,1987. [Обозрение эвенкийского хошуна].

18. Atwood Ch. State service, Lineage and locality in Hulun-Buir // East Asian history (30), 2007. Pp. 5–22.

19. Bartlett Beatrice S. Monarchs and Ministers: The Grand Council in Mid-Ch'ing China, 1723–1820 // Berkeley, CA: University of California Press. 1991.

20. Chan Michael G. A Court on Horseback: Imperial Touring and the Construction of Qing Rule, 1680–1785. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center / Harvard University Press, 2007.

21. Crossley Pamela Kyle. The conquest Elite of the Ch'ing Empire // The Cambridge history of China, Vol. 9. Ed. by Willard J. Peterson. Cambridge University press, 2002.

22. Elliot Mark. The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.

23. Enatsu Yoshiki. Banner legacy: the rise of the Fengtian local elite at the end of the Qing. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, The University of Michigan, 2004.

24. Lattimore Owen. 1962. The Frontier in History // Studies in Frontier History. London: Oxford University Press, 1962.

25. Lipman Jonathan N. A Fierce and Brutal People: On Islam and Muslims in Qing Law // Empire at the margins: culture, ethnicity, and frontier in early modern China / Ed. by Pamela Kyle Crossley, Helen Siu, and Donald Sutton. University of California Press, 2006. P. 83–110.

26. Rawsky Evelyn S. The Last Emperors: The social history of Qing Imperial institutions. London, 1998.

27. Serruys Henry. 1978. The Čaqar population during the Ch'ing // Journal of Asian History, 12 (1978). P. 58–79.

28. Sutton D. Ethnicity and the Miao Frontier in the Eighteenth Century // Empire at the Margins: Culture, Ethnicity and Frontier in Early Modern China / (Eds.) Pamela K. Crossley, Donald Sutton and Helen F. Siu. Berkeley: University of California Press, 2006. P. 469–508.

Статья поступила в редакцию 30.03.2012 г.

УДК 294.321
ББК 63

Марина Васильевна Аюшеева,
кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), e-mail: ayagma@yandex.ru

О некоторых архивных документах ЦВРК ИМБТ СО РАН по истории бурятского буддизма в XIX в.

В статье рассмотрены уникальные архивные документы на старописьменном монгольском и русском языках о деятельности буддийской церкви Восточной Сибири, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, впервые вводимые в научный оборот. Эти документы по содержанию разделены на 2 условные группы: материалы по функционированию собственно буддийской церкви и материалы, характеризующие участие буддийской церкви в общественно-политической жизни российского государства. Автор на материалах документов из канцелярии пандита хамбо-лам показывает механизм осуществления контроля царской администрацией бурятского духовенства, формирования штата лам, получения увольнительных билетов, разрешений. Проиллюстрирован бюрократический характер взаимоотношений между буддийской церковью и царской администрацией. Также показана роль буддийских священнослужителей в жизни бурят.

Ключевые слова: ЦВРК, архивные документы, история бурятского буддизма, буддийское духовенство, пандита хамбо-ламы, царское правительство, Положение 1853 г.

Marina Vasilievna Ayusheeva,
Candidate of History, the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetian Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia), e-mail: ayagma@yandex.ru

About Some Archival Documents on History of the Buryat Buddhism in the XIX century

In the article unique archival documents in old Mongolian script and Russian language about activities of the Buddhist church of Eastern Siberia, stored in the Center of Oriental manuscripts and xylographs (COMX) of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science are observed for the first time thus getting available to a wide circle of scholars. These documents in accordance to their contents are divided into 2 conditional groups: materials on functioning of the Buddhist church and the materials characterizing participation of Buddhist church in the political life of the Russian state. The author on basis of the documents from the office of the pandita khambo-lamas shows the mechanism of control by imperial administration over the Buryat clergy, formation of the staff of lamas, obtaining certificates, permissions for trips, etc. Bureaucratic character of relations of the Buddhist church with the imperial administration has been vividly illustrated. Also the role of Buddhist clergy in the life of the Buryat population is shown.

Keywords: Centre of Oriental manuscripts and xylographs, archival documents, history of the Buryat Buddhism, pandita khambo-lamas, tsarist administration, Decree of 1853.

© М. В. Аюшеева, 2012

С конца XVIII в. в Забайкалье фиксируется рост числа дацанов и численности буддийского духовенства. Царское правительство обращает пристальное внимание на состояние буддизма, на усиление его роли среди бурятского населения. Последнее вызывает его озабоченность, и для осуществления контроля над этим процессом, оно направляет комиссии для изучения состояния буддийской церкви. С целью управления делами буддийской церкви были разработаны положения и регламентации, ограничивающие её деятельность, которые завершились утвержденным в 1853 г. «Положением о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» с приложением штатного расписания. Так, согласно «Положения» делами буддийской церкви ведал хамбо-лама, который подчинялся генерал-губернатору, а назначение настоятелей-ширетуев совершалось по рекомендации хамбо-ламы военным губернатором Забайкальской области с утверждением генерал-губернатором Восточной Сибири. Но и другие более или менее важные вопросы также требовали согласования с вышестоящими инстанциями царской администрации. Как свидетельствуют архивные документы, с администрацией генерал-губернатора согласовывался отпуск штатных лам на лечение на минеральных водах или по другим причинам, включение в число штатных лам и хувараков, исключение из податного состояния и т. д.

В данной статье рассмотрены документы о деятельности канцелярии пандита хамболам Восточной Сибири, хранящиеся в архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) ИМБТ СО РАН, написанные на русском и старописьменном монгольском языках.

В архивном фонде хранится личный фонд хамбо-ламы Ч.-Д. Иролтуева (1845–1918), состоящий из 36 единиц хранения (фонд № 10), в котором представлены документы на русском, старописьменном монгольском, английском и тибетском языках, крайние даты документов 1703–1935 гг. [1].

Материалы по деятельности хамбо-лам с. Ванчикова, Ш. Мархаева. Д. Гомбоева. Д.-Д. Итигелова [2], Г. Цыремпилова не выделены в отдельные фонды, они хранятся в составе общего архивного фонда, в разных единицах хранения, сгруппированных по тематико-временному принципу.

В целом, имеющийся архивный материал по данной теме можно разделить на две группы: материалы по функционированию собственно буддийской церкви и материалы касательно общественно-политических вопросов.

К первой группе мы относим, прежде всего, разнообразную корреспонденцию, между канцеляриями буддийских дацанов, пандита хамбо-ламы и представителями царской власти. Даная группа материалов была обусловлена необходимостью соблюдения требований, предъявляемых к буддийскому духовенству «Положением о Ламайском духовенстве Восточной Сибири» 1853 г.

В частности, согласно пункту 40 данного Положения пандита хамбо-лама и ширетуи – настоятели дацанов не могли покидать пределов своих приходов, а при необходимости должны были испрашивать дозволения военного губернатора Восточной Сибири. Однако, этот порядок распространялся не только на ширетуев и хамбо-лам, но и на всех штатных лам, хувараков и банди. Прежде всего, лама, желающий получить отпуск, должен был обратиться с письменным разрешением на имя ширетуя своего дацана, далее его прошение с приложением письма ширетуя посылалось хамбо-ламе, который в свою очередь ходатайствовал перед органами власти о выдаче разрешения. Так, например, проследить этапы и сроки прохождения всех инстанций от заявления ламы, желающего поправить здоровье на минеральных водах, до получения им разрешения, билета, видеть можно по материалам «Дела 1876 г. об отпусках штатным ламам» [3], в котором представлены следующие документы:

1. Письмо (medegülelge) на имя пандита ламы Мархаева от ширетуя Гэгэтуйского дацана Балдан-Иши Доржиева с просьбой о предоставлении ему отпуска для лечения на минеральных источниках и в окрестностях Гусиноозерского дацана с 1 марта сроком на один год. Письмо датировано 15 января 1876 г. В верхней части письма имеется приписка «Получено 4 февраля 1876 г., вх. № 120» [3, л. 4а-б].

2. Донесение пандита хамбо на имя военного губернатора Забайкальской области от 4 февраля 1876 г. исх. № 8., в котором он хо-

датайствует о разрешении отпуска ширетую Гэгэтуйского дацана Балдан-Иши Доржиеву на шесть месяцев для лечения на минеральных водах, с замещением должности ширетуя гецул-ламой данного дацана Сунравом Дымбеновым [3, л. 3 а-б].

3. Предписание военного губернатора, генерал-майора на имя пандита хамбо от 2 марта 1876 г. за № 861 (г. Чита), в котором разрешён отпуск ширетую Гэгэтуйского дацана Балдан-Иши Доржиеву на минеральные воды сроком на 6 месяцев, но отмечено, что в увольнительном виде должно быть указано, по каким именно минеральным водам он увольняется. На листе 5а имеются две записи: вверху листа «Получено 18 марта 1876 г.», и с левого края: «выдан вид 22 марта № 175» [3, л. 5 а-б, 6б]. Также имеются два штемпельных почтовых знака «Чита 5 марта 1876 г.» и «Селенгинск 11 марта 1876 г.».

4. Краткая записка за подписью хамболамы, в которой сообщается о продлении отпуска ширетую Гэгэтуйского дацана Доржиеву для лечения на минеральных водах на три месяца [3, л.. 87б, 98а].

5. Вид № 175, выданный ширетую Гэгэтуйского дацана Балдан-Иши Доржиеву для лечения на минеральных водах сроком на шесть месяцев, за подписью пандита хамбо Мархаева [3, л. 92б]. На обороте документа запись о продлении Вида сроком на 3 месяца, за подписью хамбо-ламы Гонбоева от 25 сентября 1876 г. № 429 [3, л. 92 а–б]. В данном документе согласно предписанию военного губернатора указано, на какие минеральные источники направляется Доржиев «на свободное пребывание на минеральных водах Селенгинского округа Болтомурского, Екадутского, Юнгорбойские …».

6. Письмо ширетуя Гэгэтуйского дацана Доржиева на имя пандита хамбо-ламы от 23 декабря 1876 г., в котором сообщается, что все ещё нуждается в восстановлении здоровья на минеральных водах своего прихода, отмечено также, что с письмом возвращается выданный ему ранее хамбо-ламой Мархаевым билет [3, л. 91 а–б, 94а].

Данные документы ярко иллюстрируют, что контроль за перемещениями буддийских священнослужителей был строгий, а сама процедура достаточно бюрократической, что в целом потребовалось около двух месяцев для рассмотрения ординарного дела в канцеляриях военного губернатора Забайкальской области и пандита хамбо-ламы.

Согласно переписке между хамбо-ламой и генерал-губернатором, до 1876 г. получение увольнительных билетов носило формальный характер, и не было отказов в их предоставлении. Однако, как следует из других материалов дела 470 «Дело 1876 г. Об отпусках штатным ламам», с апреля-мая 1876 г. генерал-губернатором было отказано ряду лам в отпуске в виду отсутствия медицинских показаний, заверенных окружным врачом. Сохранилось письмо хамбо-ламы от 29 мая 1876 г. на имя генерал-губернатора, содержащее прошение о возможности предоставления увольнительных билетов без медицинского освидетельствования, а лишь по заверению хамбо-ламы и ширетуев дацанов в необходимости лечения на минеральных водах. В нём отмечалось, что не во всех приходах есть доктора, и что выезд к ним должен сопровождаться получением разрешения от светского начальника, а приглашение доктора в дацан требовало финансовых затрат. Однако, как показывают архивные материалы, доводы хамбо-ламы не были услышаны. В письме от 3 сентября 1876 г. № 4873 (г. Чита) военный губернатор, генерал-майор сообщает пандита хамбо-ламе о том, что «без медицинских свидетельств выдавать разрешения на отпуск ламам не имеет возможности» [3, лл. 68 а–б, 79 а, 73а–74б].

Не только отпуск для лечения, но и другие отлучки из дацана требовали получения разрешительных документов. Как известно, на военной службе в то время состояли бурятские казачьи полки. Для приведения к присяге казаков-бурят, буддистов по вероисповеданию, требовалось присутствие буддийского священнослужителя. Сохранились письма из Забайкальского казачьего войска, адресованные хамбо-ламе о необходимости присылки штатного ламы для исполнения обрядов и приведения к присяге [10, л. 105а-106а].

Подобные меры, безусловно, вызывали дополнительные затруднения, и вынуждали планировать многие мероприятия, в рассматриваемых нами случаях (лечение!), за несколько месяцев вперёд. Подобный порядок получения разрешительных билетов стеснял перемещения лам, в то же время способство-

вал контролю над ламами, тем самым ограничивал влияние духовных лиц на светское население.

Также согласно Положению 1853 г. буддийская церковь была ограничена в вопросах увеличения числа дацанов и штатных лам. К «Положению 1853 г.» был приложен «Штат ламайского духовенства Восточной Сибири», в котором насчитывалось всего 285 штатных духовных лиц, распределённых по 34 дацанам. Эти священнослужители были освобождены от уплаты налогов, им полагалось выделение земли в зависимости от статуса.

Документы в этой группе представлены, главным образом, прошениями на зачисление в число штатных лам, прошениями на перевод из духовного состояния в светское, перепиской об исключении из списков податного населения и пр. Также к данной группе документов относятся ежегодно предоставляемые пандита хамбо-ламой сведения о числе штатных лам.

В пунктах 22, 24, 27, 28, 29, 30 «Положении 1853 г.» был прописан порядок приема новых священнослужителей: для пополнения числа хувараков была организована школа при Гусиноозерском дацане. Число хувараков было регламентировано – 35 человек. Из их числа выбирались банди, затем гецулы и гелонги, которые могли замещать вакантные места в бурятских дацанах. На самом деле обучение проходило во всех дацанах, но согласно пункту 24 Положения 1853 г. лишь хувараки, выпускники школы при Гусиноозерском дацане, имели, право замещать вакантные должности в бурятских дацанах. Списки штатных лам и хувараков ежегодно уточнялись и высылались пандита хамбо-ламой к 1 маю забайкальскому военному губернатору и генерал-губернатору Восточной Сибири.

В архивном фонде ЦВРК также хранится несколько дел, характеризующих процедуру утверждения кандидата в числе штатных лам. В делах № 793, 655, 2433 и др. имеются письма-прошения ширетуев ряда дацанов о принятии в духовное звание кандидата на должность штатного ламы, отдельно отмечается наличие разрешения от его родового общества, которое соглашалось нести за него повинности. Пандита хамбо-лама писал ходатайство на имя генерал-губернатора Восточной Сибири или военного губернатора Забайкальской области о переводе кандидатов из светского состояния в духовное, с приложением прошения самого кандидата, письма ширетуя дацана, увольнительного письма от общества. Затем следовала долгая переписка с канцелярией генерал-губернатора или забайкальского военного губернатора с просьбой исключить из числа податных с приложением всех документов. Если кандидат в хувараки был из казачьего сословия, то велась переписка и с войсковым правлением Забайкальского Казачьего войска. При положительном решении вопроса на имя хамболамы высылалось свидетельство, выдаваемое кандидату. При исключении из духовного звания данное свидетельство должно было быть выслано через хамбо-ламу в канцелярию военного губернатора.

Отдельную группу составляют документы, связанные, наоборот, с исключением из числа штатных лам и переводе в податное состояние. Как правило, указываются две причины: плохое состояние здоровья и тяжёлое материальное положение родных. Исключение из числа духовных лиц также требовало соблюдения всех формальностей. Например, дело 505, озаглавленное «Дело 1876 г. Об увольнении из духовного звания штатных лам» (на 63 лл.) содержит различные документы, как то: прошение штатного ламы на имя настоятеля дацана, донесения ширетуев на имя пандита хамбо-ламы, письмо пандита хамбо-ламы с приложением всех документов в канцелярию генерал-губернатора. В письме указывалось, в какое родовое управление должен быть зачислен бывший лама. Также имеются ответы из родовых управлений, подтверждающие факт зачисления. Например, письмо от головы цонгольского рода на имя исполняющего должность хамбо-ламы, ширетуя Гонбоева от 7 апреля 1876 г. за № 352, в котором сообщается, что в его род поступили бывшие ламы Цонгольского дацана гецул Цыдэн Тагтаев и гелун Гатабдоржи Гунтупов [4, л. 18а].

Рассмотренные документы характеризуют дацанское делопроизводство, и в некоторой степени отражают функционирование буддийской церкви. Тем не менее, следует отметить, что регламент, разработанный для получения официального разрешения, не всегда соблюдался ламами, и было большое

число заштатных лам. Известен ряд случаев, когда оформление всех разрешений и уведомлений, требовавшихся согласно Положению 1853 г., происходило после свершившегося факта: например перестройки дацана. Учитывая долгий процесс оформления увольнительных билетов, ламы могли отправляться за пределы своего прихода и без соответствующего документа. Так, например, при отставке хамбо-ламы Г. Ч. Ванчикова его самого не застали в Гусиноозерском дацане – резиденции пандита хамбо-лам Восточной Сибири, и представители светской власти не знали о его точном местонахождении. Согласно архивным материалам, хамбо-лама Ванчиков вернулся в Гусиноозерский дацан лишь спустя полгода после отстранения от должности.

Положение 1853 г. закрепляло роль и контроль государства, царской власти над развитием и функционированием буддизма. Многие инициативы, утвержденные Положением, были основаны на уже сложившихся буддийских монашеских уставах и правилах монастырского общежития. Например, пункты 51–53 Положения регламентируют порядок избрания и деятельность старост, на которых возлагалось заведывание дацанским движимым и недвижимым имуществом. Так, в «Деле 1876 г. Об утверждении дацанских старост» содержатся материалы о выборах старост, их ходатайства о прекращении полномочий в виду истечения 3-летнего срока, переписка с военным губернатором по поводу утверждения или снятия с должности и т. д. [5].

Функции старосты были, видимо, гораздо шире, чем проведение учёта дацанского имущества, например, описи движимого и недвижимого имущества Цугольского дацана за 1916 г. заверены печатью старосты данного дацана, если судить по письму наказного атамана на имя пандиты хамбо-ламы, в котором выражается просьба о том, чтобы ширетуй и староста Цонгольского дацана оказали содействие в розыске виновных инородцев [11, л. 129 а].

Значительную часть архивных материалов представляет переписка о ремонте, перестройке дацанов и другие документы о деятельности буддийской церкви Восточной Сибири: например, телеграмма губернатору от хамбо-ламы Ч. Иролтуева с просьбой разрешить бесплатный провоз медикаментов и продуктов через таможню.

Также согласно пункту 59 Положения 1853 г., бурханы и прочие религиозные предметы должны были заказываться на средства дацанов через кяхтинскую таможню по особому представлению хамбо-ламы к забайкальскому губернатору. В 1868 г. поднимался вопрос о том, чтобы ввоз китайских товаров религиозного культа, книг находился в ведении ширетуев [6, л. 26а]. Эта инициатива буддийского духовенства не имела положительного решения.

В ведении хамбо-лам находились не только вопросы регулирования буддийской общины, её связей с царской администрацией, но и вопросы общественного характера. Так, царская администрация возложила в обязанности буддийской церкви ведение регистрации и учёта народонаселения. Среди бумаг хамбо-ламы Г.-Ч. Ванчикова сохранилось его письмо и. д. губернатора от 13 марта 1868 года за № 1030, в котором он спрашивает о порядке ведения метрических записей, какие обряды проводятся при рождении, смерти и бракосочетании прихожан: «Прошу Вас, милостивый государь, доставить мне сведения, где и как в настоящее время ведутся о бракосочетавшихся и родившихся инородцах книги. С какого времени и почему распоряжению они учреждены, каким образом в них производится запись и почему не ведётся особой книги об умерших…» [7, л. 12а−15б, 19а−20а]. Для подготовки ответа губернатору, пандита хамбо-лама Ванчиков запросил данные о численности населения в приходах, рождении, смертности, регистрации браков от всех ширетуев по указанной форме. Ширетуями бурятских дацанов были собраны данные о состоянии гражданского населения, количестве умерших, родившихся, вступивших в брак. Например, в донесениях ширетуя Гунейского дацана отмечалось, что собрать полные сведения невозможно, поскольку часть прихожан вышла из ведения его прихода. Среди сведений об умерших милостынедателях ширетуем Гунейского дацана отмечены, в частности: пол, дата смерти, имя, фамилия умершего, принадлежность к тому или иному отоку, причина смерти, указывалось, кто из лам прибыл для чтения молитв, а также, в каком месте был захоронен

умерший. В таблице о новорожденных отмечено, что за отчётный год родилось 4 мальчика и одна девочка, в графе «дата» приведена дата рождения и отдельно дата, когда было дано имя, в следующей графе приведены имя новорожденного, данные о родителях (имя, фамилия, вероисповедание и кто из лам дал имя). В метрической книге о бракосочетаниях засвидетельствовано 5 свадеб, даны сведения о дате мероприятия, имена жениха и невесты и кто из лам при этом присутствовал [7, лл. 154а–160а].

Поскольку русская православная церковь вела специальные метрические книги, в которых регистрировалось гражданское состояние, то в данном случае была предпринята попытка ввести подобную практику и в деятельность буддийской церкви. Отвечая на вопросы губернатора, хамбо Ванчиков, в частности, разъясняет: «По обряду религии, родители новорожденных, хотя обязаны сообщать ламе для освещения молитвами вновь рождённых, на это как со стороны ламы, так и полиции, побуждения никаких нет. Живущие в отдаленных местах исполняют обряды тогда, когда бывает по близости лама». В этом же письме говорится, что по исповеданию «ламайской веры обряд крещения» состоит в чтении молитв, которыми освящается вода для омовения младенца; что при заключении брака для благословления новобрачных также читаются молитвы, «но доказательства прав, родившихся от этих браков по религии ничего нет … различия между законнорожденными и незаконнорожденными детей инородцев, по религии ламайской веры преимущества прав и различия нет. А принимающий на себя незаконнорожденную детю для воспитания даёт ему свое право и преимущество наравне со своими детьми по порядку гражданства» [7, л. 22а-23б]. В фонде нами обнаружен документ, озаглавленный как «Дело 1877−79 гг. по обвинению ширетуя Бургалтайского дацана Гэлэкжамцо Раднаева в неправильной метрической записи» [8, л. 36–60]. Как следует из данного документа российская администрация осуществляла тщательный контроль за ведением этих поручений, при недолжном исполнении обязанностей по регистрации и учёту новорожденных проводились специальные расследования. Например, ширетуй Раднаев был отстранен от должности на время следствия, вместо него был назначен исполняющим обязанности ширетуя – гелон лама Банзаракцаев.

Рассмотренные выше документы свидетельствуют о том, что буддийская церковь к концу XIX в. исполняла помимо духовных, и административные функции, а её роль в жизни бурятского населения была значительной.

Ко второй группе можно отнести документы, характеризующие разностороннюю деятельность буддийского духовенства. Буддийская церковь в Бурятии была не только духовным, но своего рода политическим, культурным центром. Ряд административных реформ, предпринятых царской администрацией на рубеже XIX−XX вв. вызвал волну недовольства среди бурятского населения, определённую роль в этом процессе сыграла и позиция буддийского духовенства. Канцелярия пандита хамбо-ламы, руководители бурятской буддийской церкви принимали активное участие в проведении общебурятских съездов, вели переписку с представителями царской администрации о получении разрешения на проведение съездов. Подтверждением этому являются многочисленные решения и протоколы сугланов (собраний) прихожан Харганатской и других волостей, на которых были утверждены выборные – представители от обществ.

Размежевание земельных дач между русским и бурятским населением, приравнивание в правах на землю оседлого земледельческого русского населения и бурят, ведущих кочевое хозяйство, не могло не вызвать волну тревог и волнений среди бурятского населения. Свою роль в этом вопросе сыграла и буддийская церковь. В личном архиве хамбо-ламы Иролтуева хранятся различные докладные записки, прошения, донесения к генерал-губернатору и другим вышестоящим чиновникам по поводу необходимости отмежевания земель, отмены административной реформы, возврата к управлению по Уложению 1822 г.

В документах начала XX в. больше внимания уделено вопросам реформирования уже самой буддийской церкви: проходят съезды буддийского духовенства и прихожан для выработки новых религиозных положений. Например, в деле 696 (931) «Документы по истории хоринских и аларских бурят»

(115 лл.) хранится «Наказ представителям бурятского народа, избранным в состав комиссии по делам Буддийского вероисповедания под председательством Гр. С. Котляровского» [9, лл. 15а−16б]. Наказ был принят съездом бурят в Гусиноозерском дацане 16 июля 1916 г.

Буддийская церковь не оставалась в стороне от более или менее значимых событий в истории русского государства. Среди архивных материалов хранится значительное количество докладных записок и телеграмм о проведении молебствий за здравие царской семьи, о проведении хуралов во славу русского оружия, например, письмо пандита хамболамы Итигелова на имя губернатора о проведении панихид в честь 100-летнего юбилея Отечественной войны [10, л. 84а], или же письмо пандита хамбо Иролтуева на имя читинского губернатора о проведённых молебствиях за здравие царицы и новорожденного [10, л. 86а].

Ряд документов свидетельствует о поездке делегации бурятских лам во главе с хамбо Иролтуевым в Порт-Артур для помощи и поддержки воинов. Имеется удостоверение, выданное бывшему пандита хамбо-ламе в том, что он с разрешения иркутского генерал-губернатора по собственному желанию следует с 2 помощниками в район военных действий для оказания медицинской помощи и исполнения духовных потребностей реквизированных инородцев [8, л. 61].

Бурятские ламы также участвовали в благотворительной деятельности, неоднократно среди штатных лам объявлялся сбор пожертвований на нужды воинов, сбор экспонатов для пополнения музейных коллекций и т. п. Исполняющим должность хамбо-ламы Ванчиковым в 1868 г. был организован сбор экспонатов среди ширетуев и штатных лам бурятских дацанов на выставку организованную Обществом любителей естествознания при Московском университете. Например, согласно письму ширетуя Булутумурского дацана Шагжинова от 20 мая 1868 г. на данную выставку им был пожертвован ритуальный музыкальный инструмент бишкигур, штатным ламой Вагжин-Доржи Нанжодовым – статуэтка богини Цаган Дара Эхэ, штатным ламой Михактуевым – Аюши бурхан [6, д. 31а-б]. Более полная информация об этом событии содержится в письме хамбо-ламы в Дашковский этнографический отдел музея при Императорском Московском университете с перечислением посылаемых «вещей при описи в трёх ящиках и тюках» [6, л. 34а–35а]. В описи даны краткие пояснения к посылаемым предметам, например: «8. Замбал, благодает богатство; 9. Мандал и толи, 8 медных чашечков, которые ставятся пред Бурханами, пара тазов маленьких медных музыкальных под названием Дыншик, которые звоняют держа в обе руки» [Там же]. Сохранилось письмо от ширетуя Джидинского дацана Цэнгунова на имя габжу ламы Гусиноозерского дацана Гуру-Дарма Цыремпилова, в котором он сообщает о получении извещения о том, что за сделанное пожертвование на выставку он награжден бронзовой медалью [6, л. 29а].

Рассмотренные нами документы, характеризующие политику царизма по отношению к буддийской церкви, равно как и положение буддийской церкви в Восточной Сибири, содержат ценные сведения не только по истории буддийской церкви Восточной Сибири, но и по истории взаимоотношений между буддийским духовенством и царской администрацией, по истории интеграции бурят в российское общество.

Список литературы

Литература

1. Аюшеева М. В. Личный архив Ч. Иролтуева в собрании Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН // Память мира: историко-документальное наследие буддизма: материалы межд. научно-практ. конф. Москва, 25–26 ноября 2010 г. М.: РГГУ, 2011. С. 337–344.

2. Ванчикова Ц. П. Материалы и документы о жизни и деятельности бурятских лам // Ц. П. Ванчикова. История бурятского буддизма: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 147 с.

Источники

3. ЦВРК ИМБТ. ОФ 470 (657). Дело 1876 г. Об отпусках штатным ламам. 105 л.

4. ЦВРК ИМБТ. ОФ 505. Д. 1876 г. Об увольнении из духовного звания штатных лам. 63 л.

5. ЦВРК ИМБТ. ОФ 445. Д.. 1876 г. Об утверждении дацанских старост. 63 л.

6. ЦВРК ИМБТ. ОФ 2431. Материалы о деятельности дацанов. 1868 г. 149 л.

7. ЦВРК ИМБТ. ОФ 2432. Материалы о деятельности дацанов. 318 л.

8. ЦВРК ИМБТ. ОФ 704. Архив хамбо-ламы Ирелтуева. 70 л.

9. ЦВРК ИМБТ. ОФ 696. Документы по истории хоринских и аларских бурят. 115 лл.

10. ЦВРК ИМБТ. Ф. 28. (Ф. М. Шмулевич). Оп. 1. Д. 24. Материалы буддийского духовенства Восточной Сибири. 176 л.

11. ЦВРК ИМБТ. Ф. 28. (Ф. М. Шмулевич). Оп. 1. Д. 28. Ламаистские обряды. 110 л.

Статья поступила в редакцию 26.01.2012 г.

УДК94(571.54)
ББК Е3(2Р54)

Бутит Цыдыпмункуевна Жалсанова,
кандидат исторических наук,
Государственный архив Республики Бурятия
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: butit62@mail.ru

Фонды тунгусских инородных управ и родовых управлений в Государственном архиве Республики Бурятия как источники по истории тунгусов в XIX– начале XX вв.

В статье впервые рассматривается и вводится в научный оборот комплекс документов четырёх фондов тунгусских органов местного самоуправления XIX – начала XX в., хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия. Согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г., у тунгусов, одного из аборигенных народов Сибири, были учреждены органы местного самоуправления, действовавшие в рамках российского законодательства и норм обычного права. В основу системы самоуправления был положен принцип наименьшего вмешательства во внутренние дела сибирских народов, сохранения уклада их жизни. Всего было образовано семь самостоятельных административных учреждений тунгусов, из которых одна − Урульгинская Степная дума − функционировала в Восточном Забайкалье, а шесть – на территории Западного Забайкалья в Баргузинском крае. В настоящее время тема истории тунгусских органов местного самоуправления практически не исследована, поэтому ее изучение чрезвычайно актуально с научной точки зрения. Архивные документы фондов тунгусских инородных управ и родовых управлений являются ценным историческим источником и позволяют исследовать историю тунгусского народа, их жизнь и быт в указанный период. Для детального изучения вопроса архивные документы объединены в несколько групп по видовому составу: организационно-распорядительные документы, отчётная документация, документы протокольного характера.

Ключевые слова: Устав об управлении инородцев 1822 г., Степная дума, инородная управа, родовое управление, кочевые инородцы, бродячие инородцы, суглан, ясак.

Butit Cydyptmunkuevna Zhalsanova,
Candidate of History,
State Archive of the Buryat Republic
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: butit62@mail.ru

Documents of Non-Russian Municipality, Kin Administration in the State Archives of Buryatia as Sources of the Tungus History in the 19th and early 20th cc.

In the article for the first time a complex of documents of four collections of the Tungus local self-government bodies of the 19th and early 20th centuries, stored in the State archives of the Republic of Buryatia, is considered and introduced into scientific circulation. In accordance with the Charter about administration of non-Russian peoples of Siberia issued in 1822 the local Tungus self-governing bodies have been established. They functioned within the framework of Russian legislation and the norms of customary law. The basis of the system of self-government was laid on the principle of the least interference in the internal affairs of Siberian peoples,

© Б. Ц. Жалсанова, 2012

preservation of their way of life. All together there were founded seven independent administrative institutions of the Tungus, one of which Urulginskaya Steppe Duma functioned in the Eastern Trans-Baikal area, and other six on the territory of Western Trans-Baikal in Barguzin region. At the present time the theme of the history of the Tungus local self-governing bodies has not been studied yet, so its investigation is extremely important from the scientific point of view. Archival documents of the collections of the Tungus non-Russian municipality and kin administration are a valuable historical source; they give an opportunity to explore the history of the Tungus people, their life and way of living for the mentioned historical period. Archival documents are divided into several groups according to their group specificity: organizational-administrative documents, report documents, protocol documents.

Keywords: Charter about administration of non-Russian peoples of Siberia 1822, Steppe Duma, non-Russian municipality, kin administration, nomadic non-Russian peoples, wandering non-Russian peoples, suglan, yasak.

В современной России проводятся административные реформы, в которых важная роль отводится органам местного самоуправления. Особое место занимает реализация Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131–ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», основной идеей которого является привлечение «местных ресурсов» к решению административных и хозяйственных задач. В связи с этим есть необходимость обратиться к уникальному опыту организации местного самоуправления народов дореволюционной Сибири. Согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского, была учреждена система органов местного самоуправления сибирских народов, основанная на законах российского государства и нормах обычного права, которая оказала огромное влияние на хозяйственную, социально-политическую и культурную жизнь части аборигенов Сибири.

Трёхступенчатая система органов местного самоуправления в виде Степных дум, инородных управ, родовых управлений должна была способствовать сбору податей в казну, исполнению предписаний вышестоящих органов, ведению учета населения и т. д. :

1. Родовое управление – низшее звено: для отдельных улусов и стойбищ рода, насчитывавших не менее 15 семейств; подчинялось инородной управе.

2. Инородная управа – средняя ступень, состоявшая из нескольких стойбищ и улусов, или нескольких родовых управлений; подчинялась Степной думе.

3. Степная дума – высшая административная единица, объединявшая много родов, она могла состоять из нескольких родовых управлений или нескольких инородных управ; подчинялась окружному управлению.

Особым видом управления являлись также сугланы, определяемые Уставом как «мирское собрание инородцев». В целом, они представляли собой общественные собрания, на которых рассматривали вопросы по землепользованию, калыму, долговым взысканиям, потравам посевов и покосов, лечебному делу, школьному образованию, нравственному состоянию населения. На общественных собраниях также проходили выборы должностных лиц.

Всего по Уставу 1822 г., на территории Сибири было учреждено 18 Степных дум: 12 у бурят, 4 у хакасов, 1 у эвенков, 1 у якутов, также инородные управы и родовые управления в составе Степных дум или же как отдельные административные учреждения.

Безусловно, важное место среди них занимают органы местного самоуправления тунгусов (эвенков), одного из коренных этносов Забайкалья. В настоящее время тема истории тунгусских органов местного самоуправления является неисследованной, поэтому её изучение чрезвычайно актуально с научной точки зрения.

Согласно Уставу 1822 г. тунгусы были отнесены к бродячим народам, приравненным в правах с кочующими инородцами, т. е. они составляли особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от него по управлению. На тунгусов распространялся сбор ясака, освобождение от рекрутской по-

винности, они имели полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами в своих землях, другим же сословиям запрещалось самовольно селиться на их землях.

Тунгусы управлялись своими собственными родоначальниками и почётными людьми, из которых составлялось своё управление. Такие уголовные преступления, как возмущение, намеренное убийство, грабеж, насилие, изготовление ложной монеты и хищение казенного и общественного имущества были изъяты из ведения местного самоуправления, в остальных же случаях тунгусы управлялись по своим законас и обычаям [1, с. 396–397].

Отличие от кочевых народов заключалось в том, что тунгусам отводились целые полосы земли и на них не распространялись земские и губернские повинности, не предусматривались расходы на содержание степного управления [1, с. 398].

В ходе административной реформы по Уставу об управлении инородцев 1822 г. тунгусы, населявшие Восточное Забайкалье, вошли в состав Урульгинской Степной думы с центром в с. Урульга. В административном отношении дума состояла из 6 инородных управ – Урульгинской, Оловской, Маньковской, Шундунской, Кужертаевской, Онгоцонской, которым подчинялись 37 родов с численностью 8084 человек. Территория думы была обширной и включала в себя плодородные земли в верховьях р. Онон, ниже по течению, а также земли по рекам Ингода, Шилка и т. д. Функцию глав Урульгинской думы осуществляла династия князей Гантимуровых. Дума была ликвидирована после введения волостной реформы 1901 г. По устройству и функциям Урульгинская дума в целом не отличалась от Степных дум Забайкальской области, занимаясь хозяйственными вопросами.

Источником для исследования истории тунгусов Восточного Забайкалья служит корпус архивных документов Государственного архива Забайкальского края, в котором хранятся 3 фонда тунгусских органов самоуправления:

1) фонд Урульгинской Степной думы, состоящий из 520 единиц хранения за 1824–1890 гг.;

2) фонд Урульгинской инородной управы (386 ед. хр. за 1822–1899 гг.);

3) фонд Начальника эвенкийских родов (38 ед. хр. за 1752–1822 гг.)

Тунгусы же, населявшие Западное Забайкалье, были объединены в несколько инородных управ и родовые управления. Так, в Баргузинском ведомстве были учреждены Баргузинская тунгусская инородная управа, Баунтовское, Верхнеангарско-Чильчагирское, Нижнеангарско-Киндигирское,Подлеморско-Шимагирское и Кучитское родовые управления. В Селенгинском ведомстве была учреждена Армакская инородная управа со смешанным тунгусским и бурятским населением. Малочисленные роды тунгусов также входили как административные единицы в состав Степных дум, так, например, род Малобельских тунгусов входил в состав Аларской Степной думы.

Из вышеперечисленных тунгусских учреждений в Государственном архиве Республики Бурятия хранятся 4 фонда (225 ед. хр. за 1831–1923 гг.): Баргузинской тунгусской инородной управы, Баунтовской инородной управы, Нижнеангарско-Киндигирского и Подлеморско-Шемагирского родовых управлений. Фонды были сформированы из архивов инородных управ и родовых управлений, поступивших на государственное хранение в 1920-х гг.

Фонды представлены делопроизводственными документами, которые содержат интересные сведения об их административной, хозяйственно-экономической, судебной деятельности. В данной статье предпринята попытка охарактеризовать часть корпуса архивных документов Государственного архива Республики Бурятия, объединенных в три группы по видовому составу, об истории местного самоуправления тунгусов в XIX – начале XX вв.: 1) организационно-распорядительные документы; 2) отчетная документация; 3) документы протокольного характера. Вне поля исследования остались документы о судебной деятельности органов местного самоуправления, о распространении крещения среди тунгусов, о состоянии народного образования, ярмарках и т. д. Надо отметить, что эти фонды практически не исследованы и историки не обращались к ним.

Значительную часть фондов составляют организационно-распорядительные документы – это указы, приказы, распоряжения, наставления, инструкции вышестоящих учреждений, регламентирующие сбор податей и повинностей, предоставление отчётности, распространение земледелия, принятие мер по борьбе с эпидемиями, пожарами, эпизоотией, назначение выборов, утверждение должностных лиц и т. д.

Важное место среди них занимают предписания вышестоящего начальства, следившего за состоянием охотничьего промысла. Охота играла значительную роль в хозяйстве тунгусов и служила источником сбора пушнины в казну государства. В 1888 г. Читканский волостной судья Стельмашенков пишет шуленге Киндигирских тунгусов: «Если же вопреки сего будет за кем-либо замечено в скрытии соболей и продажи их мимо торгов, то вы, за данное им послабление, и виновные будут подвергнуты ответственности» [2].

В 1911 г. Главное управление землеустройства и земледелия направляет предписание «О запрещении продажи и хранении убитых соболей, соболиных мехов и шкур без печати, клейма и пломбы» [3]. В 1913 г. Баргузинский уездный комиссар предписывает «принять самые энергичные меры, чтобы вся добытая тунгусами пушнина не попала в руки частных скупщиков, а сдавалась в родовое управление для продажи с торгов и расчёта затем вырученными деньгами с продовольственным отделом и покупки на таковые нового количества продуктов» [4].

Ежегодно Забайкальское областное управление направляло предписания о торговле мехами, устанавливало цены на пушнину. В 1892 г. цена соболя была 20 р. за шкурку, выдры – 13 р., медведя – 9 р., лисицы, волка, росомахи – по 2 р., белки – 27 коп., самыми дешёвыми были тарбаганьи шкурки – по 5 коп. [5].

Много распорядительных документов связано с правом тунгусов на земли. В предписании крестьянского начальника 1-го участка Баргузинского уезда Нижнеангарско-Киндигирскому родовому управлению от 22 июня 1903 г. указывалось, что «на землях бродячих инородцев не имеет права селиться никто без согласия общества тунгусов, отразившемся в общественном приговоре. В виду сказанного предписываю родовому управлению не разрешать никому из лиц, не принадлежащих к обществу тунгусов, строить дома, занимать участки земли без общественных приговоров, утвержденных крестьянским начальником» [6].

По предписанию крестьянского начальника 1-го участка Баргузинского уезда Нижнеангарско-Киндигирскому родовому управлению от 11 января 1911 г. запрещалась самовольная охота на землях, предоставленных в пользование тунгусам, в случаях же обнаружения нарушителей необходимо было составлять протоколы и направлять их к нему для привлечения виновных к законной ответственности [7].

Следующую группу источников составляет отчётная документация, где особое место занимают отчёты и рапорты, содержавшие основную информацию о жизнедеятельности тунгусских обществ. В отчётах можно найти статистические сведения о количестве тунгусов, занятиях и промыслах. Согласно отчёту Баргузинской тунгусской инородной управы за 1872 г. насчитывалось 516 ревизских душ [8], которые подразделялись на 4 рода: Лимагирского, Мунгальского, Баликагирского и Чильчагирского [9]. Центр управы находился в урочище Бодон. Самым малочисленным среди тунгусских обществ было Подлеморско-Шемагирское родовое управление, в котором на 1 января 1909 г. числилось 24 мужчины и 25 женщин, всего 49 тунгусов Шемагирского рода [10]. В Баунтовскую управу входили тунгусы двух Чильчагирских и 3-го Киндигирского родов [11], в Нижнеангарско-Киндигирское управление – тунгусы Киндигирского рода.

Основными занятиями тунгусов были оленеводство, охота и рыболовство. Оленеводство занимало значительное место в хозяйстве тунгусов, служило источником их благосостояния. Олени использовались для езды верхом и как вьючное животное. Размеры оленьего стада были незначительны, так, у баунтовских орочон насчитывалось всего 665 оленей, у подлеморских тунгусов на 49 человек приходилось 65 оленей [12].

Интерес представляют отчёты органов местного самоуправления о состоянии рыболовства, охоты, скотоводства и ремесла. Так, в ведомости Баргузинской инородной управы

за 1873 г. отмечается, что «жители ведомства сей управы ловят рыбу в р. Баргузин и её притоках, в основном ловят язя, окуней, леньков, тайменей, сигов, щук и сорог» [13]. В 1871 г. баргузинскими тунгусами было добыто «медведей – 1, коз – 20, кабарги – 25, белок – 800» [14]. В хозяйстве тунгусов имелись «рогатый бык лучшего качества для приплода и работ, а корова вообще для домашнего хозяйства» [15].

Охота служила источником не только для пропитания, но и средством для уплаты ясака. Баунтовские орочоны добывали мясо лосей, диких оленей, коз и птиц. Так, в среднем в год орочоны промышляли 20 кабанов, 600 кабарги, 50 лисиц, 20 волков, 5–10 медведей, 10–15 выдр, 50 сохатых, 100 изюбрей, 800 коз, 20–25 соболей, 20000 белок [16]. Для охоты они использовали пороховое ружье – дробовик и берданку. Патроны к ружьям орочонам выдавались через родовых старост согласно заявкам и договорам из Читинского артиллерийского склада [17].

Охотникам выдавались удостоверения, выдаваемые крестьянскими начальниками. Например, в удостоверении, подписанном крестьянским начальником 1-го участка Баргузинского уезда, указывалось, что «для свободного прохода в речку подлеморских тунгусов для охотничьего промысла с сентября 1907 г. по 1 января 1908 г. Кроме хозяина тунгуса и 4 охотников, имеющих такие удостоверения, входить никто не имел права». Удостоверения должны были предъявляться инородной управе или родовому управлению, которые делали отметки «об отсутствии у охотников спиртных напитков и для проверки числа охотников» [18].

Документы протокольного характера представлены общественными приговорами (решениями) собраний при инородной управе и родовых управлениях, дающих большой фактический материал об их хозяйственной и административной деятельности. Собрания проводились два раза в год, в марте и декабре. На мартовских собраниях распределяли порох и свинец, производили раскладку казённых сборов, обсуждали различные хозяйственные вопросы. Большинство тунгусов съезжались на главный суглан в декабре, который переходил в ярмарку с продажей пушнины, сбором ясака, сдачей в аренду сенокосных и рыболовных угодий. Все дела решались с общего согласия, приговоры заносились в книгу установленного образца.

В отличие от бурятских органов местного самоуправления, тунгусы не собирали деньги на мирской капитал, т. е. на содержание инородной управы и родового управления: наём писаря, жалованье родоначальникам, пособия неимущим, плата за доставление почты и разные мелкие расходы. Все мирские расходы производились из доходов, получаемых за отдачу в аренду сенокосных угодий и рыболовных оброчных статей. Так, в 1908 г. общественным приговором тунгусов Подлеморско-Шемагирского родового управления реки Большая Черемшанка, Кудалды, Урбикан и Томпа были отданы в арендное содержание за 4117 р. на срок с 1 сентября 1908 г. по 1 марта 1909 г. На деньги, вырученные от отдачи с торгов зверопромышленных речек, содержали родовое управление, уплачивали ясак в размере 41 р. 40 коп., заготавливали для тунгусов с торгов по приговорам общества товары и припасы в необходимом количестве. Товары и припасы хранились в магазине при родовом управлении, на них велась товарно-учётная книга, и в случае необходимости выдавались они тунгусам на сугланах [19].

Отдача тунгусскими обществами рек в аренду находилась под строгим наблюдением вышестоящего начальства, с согласия которого производилась процедура аренды. Например, в 1911 г. крестьянский начальник Баргузинского уезда подал объявления об отдаче с торгов в Нижнеангарско-Киндигирском родовом управлении с 1 октября для зверопромышленности нижеследующих речек, принадлежавших тунгусам Киндигирского рода: Горячая, Берно, Аея, Фромиха, Ироктакань, Акуликан, Аркуликан [20].

Общественными приговорами избирались все должностные лица органов местного самоуправления в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г. Имеются приговоры об избрании шеленгой Подлеморско-Шемагирского родового управления А. Шадрина [21], головы Баунтовской инородной управы И. Найканчина [22] и т. д.

На общих собраниях, кроме вопросов административной и хозяйственной деятельности, решались проблемы общественного

призрения. Так, общественным приговором Нижнеангарско-Киндигирского родового управления от 7 июня 1910 г. был решён вопрос о содержании одинокой престарелой тунгуски В. Симорчиной: «Престарелая инородка Варвара Симорчина, не имея родственников и никакого имущества и необходимый за ней уход в виду того, что лишилась зрения, а потому поговорив между собой, единогласно постановили: престарелую Симорчину содержать со счёта общества и какой будет на неё расход, таковой принять и расходовать из мирского капитала, в том и расписуемся» [23]. Или другой приговор родового управления от 11 мая 1911 г. об оказании помощи Ф. М. Уринчину, нуждавшемуся в лечении: «Уринчина с первым речным пароходом отправить для излечения на Туркинские минеральные воды и просить контору Туркинской больницы не отказать в принятии больного Уринчина в больницу для лечения, расход на лечение будет уплачен нашим родовым управлением … из наших сумм, а после излечения Уринчина деньги, какие будут израсходованы, взыскать с него в возврат, в чем и расписуемся» [24].

Таким образом, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия документальные источники фондов позволяют исследовать историю тунгусских органов местного самоуправления в XIX – начале XX в., содержат существенную информацию о жизни и быте тунгусов.

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 328. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–16об.
3. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 22. Л. 29.
4. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.
5. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 67. Л. 84–84об.
6. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 40. Л. 20–20об.
7. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 57. Л. 4–4об.
8. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.
9. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–4.
10. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
11. ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 41. Л. 329об.
12. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14. Л. 163–164об.
13. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8
14. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 8. Л. 4
15. ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8
16. ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1 Д. 28. Л. 24.
17. ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.
18. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14. Л. 56.
19. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 15.
20. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 57. Л. 49–49об.
21. ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1.
22. ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
23. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 51. Л. 42–42об.
24. ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 57. Л. 81–81об.

Статья поступила в редакцию 25.03.2012 г.

УДК 94(5)
ББК 63.3

Снежана Сергеевна Цыпилова,
аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: ai_qing@mail.ru

Конституционные права женщин в социалистической и современной Монголии

В статье на основе изучения нормативных документов и исторической литературы рассмотрены изменения правового положения женщины, закреплённого в Конституциях Монголии 1924, 1940, 1960 и 1992 гг. Автор пришла к выводу, что права и возможности женщин на конституционном уровне в настоящее время значительно расширились. В социалистическом монгольском обществе государство активно обеспечивало социальную поддержку и защиту женщин, что и было закреплено в Конституциях 1940, 1960 гг. В современном монгольском обществе женщина стала экономически активным, полноправным участником общественных отношений, принимает участие в государственно-управленческой деятельности. Вместе с тем автор отмечает, что женщина часто сталкивается с дискриминацией.

Ключевые слова: конституция Монголии, монгольская женщина, права женщин, конституционные права, монгольское общество.

Snezhana Sergeevna Tsypilova,
postgraduate student,
the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetian Studies of SB RAS
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: ai_qing@mail.ru

Women's Constitutional Rights in Socialist and Contemporary Mongolia

On the basis of the study of legislative documents and historical literature the paper investigates the legal status of women as fixed in the 1924, 1940, 1960 and 1992 constitutions of Mongolia. The author concluded that women's rights and opportunities at the constitutional level are now greatly enhanced. In the socialist society the Mongolian government actively provided social support and protection for women, which was proclaimed in the Constitutions of 1940, 1960. In modern Mongolian society women became economically active, enjoying full rights of the society members, participating in the state administration system. However, the author notes that a woman often deals with discrimination.

Keywords: Constitution of Mongolia, a Mongolian woman, women's rights, constitutional rights, the Mongolian society.

В традиционном монгольском обществе женщины находилась в подчинённом положении, обусловленном патриархально-бытовым укладом жизни. Они вели домашнее хозяйство, занимались воспитанием детей, а также помогали ухаживать за животными, принимали участие в стрижке шерсти и дублении шкур и другой «мужской» работе. Так как аратское хозяйство в основном держалось на женском труде, то в семейной жизни монгольская женщина пользовалась относительной свободой. Её положение на протяжении многих веков было немногим лучше, чем положение женщин в других восточноазиатских странах. Монгольская женщина была свободна в решении мелких хозяйственных вопросов. Муж мог посоветоваться с ней при принятии важного решения. Однако женщи-

© С. С. Цыпилова, 2012

на имела ограниченные имущественные права, допускалось многоженство, сохранялись такие пережитки группового брака, как левират[1] и сорорат[2].

Переход монгольского государства к социалистическому развитию страны в XX в. обусловил приобретение монгольской женщиной совершенно иного социально-правового положения, которое было закреплено первой социалистической монгольской Конституцией в 1924 г.

Вопросы, касающиеся правового положения женщины в монгольском обществе, мало изучены в отечественной науке. Работы были опубликованы в советский период, положение монгольской женщины рассматривалось в общем контексте положения женщины в социалистических странах. В данной статье рассматриваются конституционные права и свободы женщины в социалистическом и современном монгольском государстве.

В 1921 г. в Монголии победила Народная революция, которая не только освободила страну от иностранной экспансии, но и изменила форму монгольской государственности. 20 мая 1924 г. скончался Богдо-гэгэн, религиозный глава Монголии. Его кончина стала поводом для ускорения процесса перехода к республиканской форме правления.

На состоявшемся 7 июня 1924 г. пленуме Центрального комитета МНРП, президиум ЦК МНРП постановил учредить в стране республиканское правление. Так закончился переходный период к новой форме государственной власти.

Начались работы по подготовке первой Конституции. 19 мая 1922 г., была создана комиссия, в состав которой входили министр юстиции Н. Магсаржав, Ж. Цэвээн (Ц. Жамцарано), Бат-Очир и другие. Им была дана директива: «… вкратце принять примеры из Конституции таких стран как Англия и др., и составить её в соответствии с нынешней формой власти» [2].

Члены комиссии серьёзно отнеслись к порученному заданию, помимо изучения конституционного опыта зарубежных стран, они уделили особое внимание историческим традициям монгольского государства, попытались актуализировать принципы основных законов великого монгольского государства «Их цааз» и «Халх журам».

Первая конституция Монгольской Народной Республики была принята 26 ноября 1924 г. I Великим государственным Хуралом (Улсын Их Хурал), подписана председателем Великого Хурала Жадамбой, заместителем председателя Бадрахом и секретарем Гэлэгсэнгэ Дугаржанцаном. Конституция закрепила изменение государственного строя страны. Так, Конституция гласила: «Монголия объявляется полноправной Народной Республикой, в которой высшая государственная власть принадлежит трудящемуся народу» [6, с. 7]. Основная задача Монгольской Республики заключалась в уничтожении с корнем остатков старого деспотического порядка и мировоззрений, существовавших при поработителях и угнетателях, и в укреплении основ нового республиканского строя на основе полной демократизации государственного управления» [5, с. 74]. Вся земля, её недра, лесные и водные богатства объявлялись общенародным достоянием. В Конституции декларировались свобода слова и печати, право граждан на участие в шествиях, на организацию союзов, на бесплатное образование. Избирательные права получали все граждане, кроме лиц, живущих за счёт эксплуатации чужого труда, бывших светских и церковных феодалов, лам, постоянно проживающих в монастырях.

Особый интерес для нас представляет статья 10 Конституции, которая гласила, что «все граждане независимо от национально-

[1] Левират – брачный обычай, по которому вдова была обязана или имела право выйти замуж за брата своего умершего мужа. Левират как пережиток группового брака был широко распространён у многих народов в эпоху родового строя. Долгое время сохранялся у ряда народов (на Кавказе, в Средней Азии, у евреев и др.) в эпоху распада родового строя и в классовом обществе. На этом этапе сохранению левирата способствовал обычай калыма (женщина, за которую уплачен калым, считалась собственностью рода или семьи, купивших её).

[2] Сорорат – обычай, по которому мужчина вступал в брачные отношения с несколькими женщинами − родными или двоюродными сестрами. Впервые описан

Л. Г. Морганом, термин введён Дж. Фрейзером, собравшим сведения о существовании сорората у многих народов Америки, Азии, Океании и Африки. Сорорат долгое время сохраняется в классовых обществах в позднейшем варианте женитьбе вдовца на сестре умершей жены.

сти, вероисповедания, мужчины и женщины пользуются равными правами» [6, с. 10]. К тому же женщины обладали равными с мужчинами правами избирать и быть избранными (статья 34). То есть, женщина получила равноправие во всех областях хозяйственной, культурной и общественной жизни, а также возможность принимать участие в государственной деятельности.

На основе Конституции в последующие годы были изданы дополнительные акты, законы, в т. ч. Уголовный Кодекс в 1925 г., Свод гражданских законов в 1927 г. Но для фактического равноправия женщин лишь издания законов было не достаточно.

Анализируя первую монгольскую Конституцию, можно констатировать её преимущественно политический характер – закрепление нового строя, новых основ государственной власти. Первая Конституция МНР стала исторически важным документом, согласно которому была сменена теократическая власть, законодательно подтверждена новая политическая структура и провозглашена Республика. Конституция 1924 г. ознаменовала собой ломку общественных и семейных отношений, хранивших в себе феодально-родовые пережитки. Если прежде монгольская женщина находилась в подчинённом положении, а сфера её деятельности ограничивалась семейными обязанностями и воспитанием детей, то в послереволюционной Монголии начинала складываться иная картина.

В 1923 г. ЦК МНРП организовал подотдел по работе среди женщин, в задачу которого входило активное вовлечение женщин в культурно-просветительскую и общественно-политическую деятельность. Необходимо отметить, что в дореволюционной Монголии уровень грамотности среди женщин был очень низким, число неграмотных женщин составляло 99 % [4, с. 91]. С целью ликвидации неграмотности в стране открывались школы, высшие учебные заведения. Особое внимание уделялось повышению уровня образования среди женщин. Обучение сводилось не только к получению базового школьного образования, с женщинами также «проводились беседы о личной гигиене, о том, как они должны вести себя во время беременности и в послеродовый период, как ухаживать за новорождёнными детьми» [1, с. 33]. При женотделах организовывались краткосрочные курсы по подготовке работников среди женщин. Если в дореволюционной Монголии ни одна женщина не была представлена в государственных учреждениях и предприятиях, то в 1923 г. начали работать 7 женщин, в 1924 г. – 38, в 1926 г. – 60 [1, с. 34].

С первых дней между СССР и МНР установились дружественные отношения и сотрудничество. Советский Союз оказывал постоянную помощь братской монгольской республике, в т. ч. и культурную. Ежегодно отправлялись на учебу в советские вузы и на краткосрочные курсы юноши и девушки, осуществляли визиты женские делегации для ознакомления с постановкой работы среди женщин в СССР.

Становление новой формы государственности в МНР сопровождалось трудностями, вызванными неустойчивой политической обстановкой в стране и в мире. Однако, к 1940-м гг. в стране сформировались отдельные элементы административно-командной системы: признаки централизованной системы управления народным хозяйством, государственного планирования и т. д. За МНРП окончательно закрепилось монопольное положение на политической и общественной арене действий.

Глубокие перемены, произошедшие в социальной структуре общества, в экономической, политической сферах, вызвали необходимость разработки нового Основного закона. 30 июня 1940 г. VIII Великий государственный Хурал утвердил новую Конституцию. Фактически это была вторая, после конституции Советского Союза, конституция социалистического типа. Конституция закрепляла статус Монголии как независимого государства, определяла социалистический путь развития страны.

Наибольший интерес для нас представляет статья 90, специально посвящённая правам женщин: «Женщине в МНР предоставляются равные права с мужчиной в экономической, государственной, культурной, просветительской, политической и других сферах общественной деятельности. Выполнение этих прав обеспечивается предоставлением женщине равных с мужчиной условий труда, отдыха, социального страхования, получения

образования, государственной охраной интересов материнства и детства, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания» [6, с. 48]. Согласно этой статье запрещается каким-либо образом чинить препятствия для осуществления равных прав женщин. Новым является то, что на конституционном уровне было запрещено выдавать замуж несовершеннолетнюю девуёку, а также запрещалось многоженство.

Интересным является тот факт, что положения статьи 90 во многом повторяют положения статьи 122 Конституции СССР от 1936 г[1].

Конституция 1940 г. стала первой в своем роде конституцией, которая не только обеспечивала равноправие женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни, но также объявляла защиту материнства и детства сферой ведомства государства. Получение женщиной при беременности отпусков и пособий гарантировало ей социальную защиту на то время, которое она была оторвана от трудовой деятельности. Женщина получила равное с мужчиной право трудиться. Она стала экономически самостоятельной. И это во многом определило характер отношений в семье. Семья начинала выстраиваться по типу эгалитарной семьи, где муж и жена имели самостоятельные заработки, женщина перестала быть экономически зависимой от мужа.

Период с 1940 по 1960 гг. имел большое значение для монгольского общества. Важным было официальное признание МНР в 1945 г. как независимого государства на международной политической арене. Вслед за развенчанием культа личности И. Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. последовало и в МНР осуждение культа личности Х. Чойбалсана. Так, в МНР установился недолгий период «оттепели».

За двадцатилетие был осуществлен переход к планово-командной системе народного хозяйства. Значительные успехи были достигнуты в сфере народного образования, культуры и здравоохранения.

6 июля 1960 г. была принята новая Конституция страны, которая гласила, что в МНР «осуществлены коренные революционные социально-экономические преобразования, создана новая, социалистическая экономика, одержана победа социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве страны, достигнуты огромные исторические успехи в повышении материального и культурного уровня жизни трудящихся» [5, с. 225].

Согласно статье 76 граждане МНР имеют равные права независимо от пола, расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, социального происхождения и положения.

В Конституции декларируются права граждан на труд, на отдых, на ежегодные отпуска рабочим и служащим с сохранением заработной платы и предоставлении трудящимся возможности воспользоваться услугами санаториев и домов отдыха, театров, клубов и других учреждений.

Согласно статье 79 государство берёт на себя ответственность по социальному обеспечению и защите граждан. Так, граждане имеют право на материальную помощь в старости, при потере трудоспособности, в случае болезни, потери кормильца. Это право обеспечивается, в частности, оказанием помощи трудящимся через систему социального страхования, государственных пенсий, специальных фондов кооперативных организаций, а также широким развитием сети лечебных учреждений, курортов, бесплатной медицинской помощью трудящимся, развитием системы охраны труда.

Также граждане МНР имели право на бесплатное образование, право свободно участвовать в управлении государством и обществом, а также в руководстве хозяйственной жизнью страны. Всем гражданам МНР, достигшим 18-летнего возраста, находящимся в здравом уме, предоставлялось право изби-

[1] Статья 122 Конституции СССР 1936 г. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов.

рать и быть избранными во все органы государственной власти.

Согласно статье 84 женщине, также как и в предыдущих конституциях МНР, предоставлялись равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Но помимо этого государство предоставляло помощь многодетным матерям, способствовало расширению сети родильных домов, детских яслей и садов. Воспрепятствование в какой-либо форме равноправию женщин запрещалось законом.

Государство всячески поддерживало вовлечение женщин в общественно-производственную деятельность, в т. ч. с помощью повышения образовательного уровня среди женщин. В 1970 г. девушки составляли 49,3 % всех учащихся средних школ, 36 % учащихся средних специальных школ и 36 % всех студентов вузов [4, с. 94]. Большое число девушек обучалось в медицинских учебных заведениях, в техникумах по специальности воспитателя, преподавателя или работника легкой промышленности.

Всё большее число женщин принимало участие в управлении разными отраслями народного хозяйства. Монгольские женщины составляли 46,5 % трудящихся, занятых на промышленных предприятиях, 51 % занятых в сельском хозяйстве, в сфере здравоохранения было представлено 70,3 % женщин, в области культуры и искусства – 33 %, среди учёных – 28 %, среди педагогов – 46 %, среди делегатов в Великом народном хурале – 21,6 % женщин [4, с. 102, с. 110]. И хотя женщины были представлены во многих отраслях народного хозяйства, преимущественно они были заняты в непроизводственной сфере, и лишь некоторая часть была задействована в управлении государственными делами.

На протяжении 1960–1990-х гг. МНР продолжало следовать по социалистическому пути развития. Однако первые признаки кризиса социалистической системы в СССР и странах Восточной Европы, а затем начало перестройки в СССР не могли не отразиться и на МНР. Победа демократических сил весной 1990 г. заложила основу для радикальных демократических преобразований в стране, которые должны были изменить весь политический строй государства, характер жизнедеятельности монгольского общества. Становление новой демократической формы правления в Монголии привело к необходимости разработки нового Основного закона страны. Для разработки концепции и текста новой Конституции Монголии в ноябре 1990 г. вторая сессия Великого государственного Хурала 12-го созыва сформировала специальную комиссию во главе с первым президентом страны П. Очирбатом. В состав комиссии вошли члены МНРП, а также других политических партий, появившихся в стране к тому времени [3].

В разработке проекта Конституции принимали активное участие видные монгольские юристы и общественные деятели – заслуженный юрист МНР Б. Чимэд (первый вариант проекта). Другие варианты проектов Конституции были представлены группой государствоведов во главе с известным юристом Д. Лундээжанцаном, председателем Монгольской социал-демократической партии известным публицистом Б. Батбаяром. Представленные конституционные проекты опирались как на собственный опыт конституционно-правового строительства, так и учитывали теорию и практику современного конституционализма в развитых демократических государствах [3].

Конституция Монголии была принята 13 февраля 1992 г. В преамбуле Конституции главной целью государства объявлялось построение и развитие гуманного, гражданского, демократического общества.

Принятие в 1992 г. новой Конституции стало основополагающим, системообразующим мероприятием в организации жизни монгольского общества на новых демократических основах.

В новой Конституции наглядно проявляется тенденция расширения прав и свобод человека. На конституционном уровне закрепляется принцип равенства всех перед законом и судом, каждый человек объявляется субъектом права.

В статье 16 Конституции перечислены основные права и свободы человека в Монголии. Так, значительно расширяются конституционные гарантии прав и свобод, а именно:

− право на жизнь, единственным исключением является применение смертной казни

за особо тяжкие преступления, указанные в Уголовном Кодексе Монголии;

− право на неприкосновенность и свободу, не допускаются пытки, грубое обращение, оскорбление человеческого достоинства. Личные и семейные секреты, тайна переписки, неприкосновенность жилища граждан находятся под защитой государства;

− право на защиту адвоката; на справедливый суд; на личное участие в собственном судебном процессе; на апелляцию решений суда;

− свобода вероисповедания, свобода убеждений, свобода слова, право на проведение мирных демонстраций и митингов, право на поиск и получение информации;

− право на жизнь в экологически чистой, безопасной внешней среде, право на защиту от загрязнения природы и стихийных бедствий;

− право на свободный выбор профессии, на обеспечение хороших условий труда, на получение заработной платы, на отдых, на ведение собственной хозяйственной деятельности. Никто не может быть подвергнут принудительному труду.

Интересы семьи, матери и ребенка защищаются государством. Особо говорится о равных правах женщины с мужчиной в политической, экономической, общественной, культурной жизни, в семейных отношениях. Изменилось отношение к браку. Если прежде брак между молодыми людьми основывался на договоренности между семьями и имел в основном экономический смысл, то согласно Конституции «…брак между совершеннолетними мужчиной и женщиной основывается на равноправных, добровольных отношениях между ними…» [6, с. 176].

Переход к рыночной экономике, приватизация государственных активов, ликвидация государственных субсидий, разрушение системы дошкольных и внешкольных учреждений негативно сказались на положении женщин. Юридически они пользовались равными правами с мужчинами во всех сферах деятельности, но фактически существовала дискриминация в отношении женщин. Формирующийся рынок труда не принял женщину как профессионала. Частные компании неохотно принимали женщин на работу, ссылаясь на то, что они часто берут больничные, уходят в отпуск по беременности. Уровень женской безработицы и бедности резко возрос и, несмотря на экономический рост с 2002 г., процент людей, живущих в условиях крайней нищеты, оставался выше 30 %. [8]. Высокую долю среди бедного населения составляли женщины. Небольшим было представительство женщин и в парламенте, в 1996 г. всего 7 женщин [7]. Экономическое, социальное неблагополучие переходного периода в монгольском обществе породило такие «женские» проблемы, как насилие в семье, торговля женщинами и детьми, проституция.

Вместе с тем возросло влияние женских неправительственных организаций, одной из целей которых являлось обеспечение людей социальной защитой. Женские НПО принимают активное участие в законотворческой деятельности, в решении вопросов безработицы, информатизации и иных проблем на местном и общегосударственном уровне.

Таким образом, за прошедшие годы Монголия превратилась в подлинно независимое демократическое государство, в котором роль женщины существенно изменилась. Начиная с 1924 г. права женщин в Монголии на конституционном уровне значительно расширились. Теперь она полноправный участник во всех сферах общественной деятельности, а также в семейно-брачных отношениях, что не менее важно.

В первой Конституции МНР в 1924 г. был рассмотрен на государственном уровне вопрос о правовом положении женщины. Впервые за историю Монголии был закреплен конституционный принцип равенства двух полов, и это, несомненно, был шаг в освобождении, эмансипации женщины.

Конституции 1940, 1960 гг. предоставляли женщине по-социалистически широкие права и свободы. Идея равенства полов, их возможностей в советской Монголии во многом осуществлялась за счёт административных мер, социальной защиты государства. В решении «женского» вопроса МНР во многом заимствовала опыт СССР. Так, положения Конституции МНР 1940 г., касающиеся прав и интересов женщин, во многом были схожи со статьями Конституций СССР. Пути преодоления безграмотности среди женщин, их вовлечения в общественно-политическую деятельность, поддержка и защита материн-

ства, детства – многое осуществлялось по примеру Советского Союза.

Значительно изменилась ситуация в постсоветской Монголии. Несмотря на равенство прав, декларируемое в Конституции 1992 г., в их реализации женщины столкнулись со многими трудностями, в т. ч. с дискриминацией, социальными, психологическими проблемами.

В современных условиях равноправие двух полов достижимо с помощью антидискриминационной политики, которую обязано проводить государство. Для женщин такая политика означает создание условий, позволяющих ей наравне с мужчинами пользоваться своими правами и основными свободами. Акцент состоит не только в закреплении равноправия, а в практическом воплощении в жизни прав, которые содержит законодательство. Равенство возможностей достижимо при условии разрушения традиций неравенства двух полов в обществе, а также стереотипов, которые стали частью обыденной жизни. Эти стереотипы проявляются в культуре, обычаях. Они распространены в общественном сознании. Они используются как сила, закрепляющая патриархальный стиль жизни общества. Задача государства – не закреплять, а разрушать стереотипы и нормы неравенства.

Список литературы

1. Банчиков Г. Г. Брак и семья у монголов. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1964. 59 с.

2. Гуреева Н. П. Некоторые вопросы развития конституционализма в Монголии URL: http://vestnik.mgimo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=654 (дата обращения: 05.11.11).

3. День провозглашения Республики // Новости Монголии. URL: http://www.expomongolia.ru/uploads/mnews/NM_47.PDF (дата обращения: 29.10.11).

4. Женщины мира в борьбе за социальный прогресс / редкол.: Н. А. Ковальский (отв. ред.) [и др.]. М.: Мысль, 1972. 381 с.

5. История Монголии, XX век / редкол.: Г. С. Яскина (отв. ред.) [и др.]. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

6. Монгол Улсын Үндсэн хуулиуд 1924, 1940, 1960, 1992. Улаанбаатар хот, 2007. 198 с.

7. Oyunbileg B. A Changing Asia: Women in Emerging Civil Societies. The Integral Role of Women's NGOs in Political Development in Mongolia. URL: http://www.onlinewomeninpolitics.org/beijing12/rpt_chan1.pdf (дата обращения: 29.10.11).

8. Rossabi Morris. Women in Modern Mongolia. URL: http://asiasociety.org/countries/traditions/women-modern-mongolia (дата обращения: 05.10.11).

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2011 г.

УДК 373. 68
ББК 4р кр

Майя Бальжинимаевна Шойндонова,
аспирант, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им В. Р. Филиппова (Улан-Удэ, Россия),
e-mail: shmayab@mail.ru

Подготовка кадров для сельского хозяйства Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг.

В статье рассмотрены вопросы подготовки сельскохозяйственных кадров в Бурят-Монгольской республике в 1920–1930 гг. Обеспеченность сельскохозяйственными кадрами в эти годы была крайне низкой, и формирование квалифицированных кадров для сельского хозяйства стало одной из главных задач государства. Изучение исторического опыта формирования специалистов для сельского хозяйства является актуальным в современных условиях, ибо успех развития сельского хозяйства во многом зависит от правильного решения кадрового вопроса. В 1920–1930-е гг. складывается система профессиональной подготовки специалистов. Были открыты Бурят-Монгольский зооветинститут, высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, сельскохозяйственные техникумы, колхозные школы и различные курсы по подготовке сельскохозяйственных кадров. Появились новые профессии, связанные с новыми формами организации труда, возросла группа работников умственного труда. В 1939 г. насчитывалось 12–13 сельскохозяйственных специальностей.

Ключевые слова: специалисты сельского хозяйства, колхозные школы, сельскохозяйственные учебные заведения, школы крестьянской молодежи, кадры массовых квалификаций, руководящие работники, профессиональная подготовка.

Maiya Balzhinimaevna Shoindonova,
Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Philippov (Ulan-Ude, Russia), e-mail: shmayab@mail.ru

Training Personnel for Agriculture in Buryat-Mongolia in 1920–1930

The problems of training agricultural personnel in the Republic of Buryatia were considered in this article. The number of the qualified personnel was extremely low, so one of the main tasks of the state was to train the qualified personnel for agriculture. Learning the historical experience of the agrarians' development is up to date as the success of the agriculture development depends on the right decision of the personnel issue. The system of the professional training for specialists was created in the 1920s-1930s. The Buryat-Mongolian zoo-technical and veterinary Institute, Higher Communist Agriculture school, agricultural secondary schools, collective farms schools and different courses were established to train the personnel. New professions connected with new forms of labor organization appeared, the number of intellectually working people increased. There were 12–13 agricultural specialties in 1939.

Keywords: agriculture specialists, collective farms schools, agricultural educational institution, schools for young peasants, personnel of mass qualifications, leading workers, professional training.

© М. Б. Шойдонова, 2012

В 1920–1930-е гг. социалистическое переустройство забайкальской деревни, социально-технические преобразования, которые происходили в деревне, во главу угла ставили задачу подготовки рабочих кадров для сельского хозяйства нового уровня. Формирование сельскохозяйственных кадров в эти годы стала одной из главных задач государства. От правильного подбора и подготовки кадров во многом зависел успех сельскохозяйственного производства. Поэтому изучение исторического опыта обеспечения сельскохозяйственного производства кадрами имеет актуальное значение и в современных условиях, когда успех развития сельского хозяйства во многом зависит от правильного решения кадрового вопроса. Изучение проблемы подготовки сельскохозяйственных кадров в республике в 1920–1930-е гг. нашло отражение в исследованиях ряда учёных.

Образование и развитие сельскохозяйственных учебных заведений, подготовка специалистов аграрного сектора в рассматриваемый период отражены в «Очерках истории культуры Бурятии» [17]. В работах А. Г. Янданова, А. А. Дуринова проанализирована подготовка кадров массовой квалификации в школах колхозной молодёжи [6; 31]. В работах Л. А. Зайцевой и А. П. Попова показана роль Бурят-Монгольского зооветеринарного института – Бурятского сельскохозяйственного института – Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова в деле подготовки специалистов для сельского хозяйства. [7; 8]. Вопросу подготовки квалифицированных кадров для села в рассматриваемый период посвящёны ряд работ Л. А. Зайцевой, А. Е. Карначёва, А. Л. Яковлева [9; 10; 11; 21]. Авторы подробно проанализировали проблемы подготовки специалистов по отраслям сельского хозяйства.

Определённый вклад в разработку проблемы внесли диссертационные работы А. К. Бардамовой и А. О. Дагдановой. В исследовании Бардамовой А. К. показана подготовка сельскохозяйственных кадров в учебных заведениях профессионально-технического образования в Забайкалье с 1724 по 1958 гг. А. О. Дагданова рассматривает развитие средних специальных учебных заведений Бурятии, но больший акцент сделан подготовке кадров культурно-просветительского и кооперативного направления, вопросы подготовки кадров сельскохозяйственного профиля рассмотрены частично [1; 5].

В 1921 г. в Сибири работали 152 ветеринарных врача, 375 ветфельдшеров, 157 агрономов [7, с. 7]. В Бурят-Монгольской АССР на момент образования (1923 г.) обеспеченность сельскохозяйственными кадрами была крайне низкой. Насчитывалось всего 44 специалиста: 7 агрономов, зоотехник, 4 ветеринарных врача, 13 ветеринарных фельдшеров, 14 землеустроителей и 5 гидротехников. Из них с высшим образованием только 7 человек. [4, с. 65]. Число специалистов по республике на данный период составляло всего 6,4 % от количества специалистов по Сибири [7, с. 7; 4, с. 65].

В 1924 г. ветеринарную службу в республике представляли типовая ветлечебница и 27 примитивных ветеринарных амбулаторий, в которых насчитывалось 5 ветеринарных врачей, 27 фельдшеров, а зоотехников вообще не было [14, л. 6.]. Техников-землеустроителей работало 14 человек [19, с. 32].

Неустроенность сельскохозяйственной территории, запутанные и обострённые земельные отношения между разными социальными группами, между коренным и русским населением представляли серьезную и трудную проблему и требовали скорейшего решения земельного вопроса, от которого зависело успешное восстановление и развитие сельского хозяйства республики. А для этого требовались землеустроительные кадры. С 1926 по 1929 гг. при Наркомземе Бурят-Монгольской АССР в г. Верхнеудинске действовали двухгодичные землеустроительные курсы. За три года квалификацию техников землеустройства на этих курсах получили 120 человек [4, с. 65].

Согласно постановлению Совета Народных Комиссаров РСФСР № 73 от 7 августа 1928 года землеустроительные курсы в Верхнеудинске были преобразованы в землеустроительный техникум в составе одного землеустроительного отделения со сроком обучения – 3 года, а через год открылось животноводческое отделение [12, л. 350]. В 1930–1931 учебном году землеустроительное отделение было передано в организованный в городе Кяхта землеустроительный

техникум. В 1930 г. в селе Аларь был открыт техникум кормодобывания, а в Верхнеудинске начала действовать одногодичная высшая колхозная школа по подготовке колхозных кадров с приёмом – 120 чел. [17, с. 111]. Согласно приказу по Наркомзему СССР от 5 декабря 1931 года было открыто первое высшее учебное заведение – агропедагогический институт, который в 1931–1932 учебном году осуществил приём 46 студентов. [7, с. 10] Поскольку ведущими отраслями сельского хозяйства республики были мясное животноводство и овцеводство, агропединститут был призван готовить высококвалифицированных специалистов для этих отраслей, а также для молочного скотоводства и кормодобывания. Особый дефицит ветеринаров наблюдался в Усть-Ононском, Агинском, Селенгинском, Хоринском районах, где больше было развито животноводство. Трудности в обслуживании возникали из-за отдалённости друг от друга животноводческих точек. Отсутствие транспорта не позволяло ветеринарам оказывать качественную и своевременную помощь. Республика находилась в крайне тяжёлых условиях по эпизоотиям, угроза которых постоянно шла со стороны Монголии. Степень укомплектования охранно-карантинными пунктами, лабораториями была слабой. В письме заместителя председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР Д. З. Лебедя В. М. Молотову от 3 января 1934 г. говорилось, что в Бурят-Монгольской АССР животноводство пришло в упадок. Если в 1929 г. общее поголовье скота составляло 3220 тыс. голов, то в 1933 г. сократилось до 1016 голов и составляло 31 % от предыдущего показателя. [20, с. 43] Основными причинами столь значительного сокращения скота указаны потери от яловости и большого отхода молодняка, эпизоотические заболевания. Кроме этих причин были и другие: массовый забой скота крестьянами как для продажи, так и для потребления, падёж скота. Для восстановления поголовья скота в республику было завезёно необходимое поголовье скота улучшенных пород, обеспечена кормовая база, началась активная борьба с эпизоотиями. Районную ветеринарную сеть в 1935 году должны были представлять 52 ветеринарных врача, а фактически их было 33 [14, л. 1]. В охранно-карантинных пунктах на конец 1936 г. вместо 5 врачей, имелся всего 1 врач [14, л. 6]. Необходимо было ликвидировать дефицит кадров ветеринаров и расширять ветеринарную сеть. В 1935 г. ветврачебных пунктов намечалось иметь в наличие – 45, ветфельдшерских – 79, а к 1937 г. соответственно 79 и 123. На деле же в 1935 г. было 17 врачебных и 89 фельдшерских, а к 1937 г. соответственно 44 и 95. На ветеринарное обслуживание на одного врача выходило 26667 голов скота и на одного фельдшера – 9524. [14, л. 21–23, 32]. При такой нагрузке ветеринарные работники не могли оказать необходимую помощь животным. В 1935 г. был открыт ветеринарный факультет, а институт стал называться Бурят-Монгольский зооветинститут. До начала Великой Отечественной войны институтом было подготовлено 48 ветеринарных врачей и 63 зоотехника [7, с. 44].

Для подготовки руководящих кадров для колхозов и совхозов в 1932 г. была создана Бурят-Монгольская высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, в которой на трёхгодичном отделении готовили руководящих работников для партийных и советских органов, на двухгодичном отделении – руководящих работников для МТС, МСС, совхозов и колхозов [2, с. 166].

В 1932 г. в селе Агинск открыт зооветеринарный техникум с отделениями «Овцеводство» и «Ветеринария» с планом приёма по 60 человек на отделение, в Селенгинском аймаке на местном бюджете в 1933 г. организован техникум мясного и молочного скотоводства с отделениями «Молочное скотоводство», «Мясное скотоводство» и «Организация животноводческого хозяйства». План приёма на каждое отделение составлял 40 чел. [15, л. 1].

Организация учебных заведений сопровождалась серьёзными трудностями: не хватало преподавательских кадров, набор студентов в учебные заведения происходил тяжело из-за малого количества молодых людей, имеющих среднее образование, наблюдался большой отсев учащихся по разным причинам. Не было разработанных учебных программ, не хватало учебников и учебных пособий. Но, несмотря на эти сложности, уже в 1932–1933 гг. из этих учебных заведений было выпущено 44 землеустроителей-техников, 54 зоотехника и ветеринара, 21 коваль, 11 агрономов,

было подготовлено 56 председателей колхозов [4, с. 65].

Наряду с высшими и средними учебными заведениями действовали школы и курсы. В марте 1928 г. IV пленум Сибирского крайкома ВКП(б) принял решение об организации в учебных заведениях профтехобразования отделений по подготовке трактористов, электромонтёров и других специалистов, об открытии в деревне школ повышенного типа с профессиональным уклоном – школ крестьянской молодёжи (ШКМ) [18, с. 52]. Для поступающих в ШКМ в колхозах организовывались кружки, курсы и специальные группы по обучению батраков и бедняков. При школе организовывались параллельные классы – укороченные школы колхозной молодёжи. Впоследствии эти школы стали прикреплять к крупным хозяйствам, чтобы через них вести подготовку колхозных кадров. ШКМ стали базой для организации специальных курсов по подготовке различных специалистов для села. Например, летом 1930 г. при трёх таких школах были организованы курсы по подготовке счетоводов. В 1932–1933 учебном году в Бурятии насчитывалось 61 ШКМ, где получали образование 6448 учащихся. В 1934 г. с введением обязательного всеобщего семилетнего образования, школы колхозной молодёжи были преобразованы в семилетние и средние школы [22, с. 44].

Важным событием была организация с 1934 г. районных колхозных школ (РКШ), где готовились кадры массовых квалификаций [22, с. 50]. В республике действовали республиканская государственная школа по подготовке и переподготовке руководящих колхозных кадров, постоянные республиканские школы животноводов, полеводов, пчеловодов, счетоводов и другие. Кроме этого стали проводиться 9-месячные курсы ветеринарных фельдшеров и 6-месячные курсы ковалей.

В условиях Бурят-Монголии, где животноводство было ведущей отраслью в экономике, вопрос о необходимости подготовки животноводческих кадров массовых профессий стал одним из главных. В начале 1930-х гг. чаще всего практиковалось направление колхозников на продолжительные курсы в лучшие животноводческие колхозы и совхозы для знакомства с их опытом и изучения форм и методов хозяйствования. По возвращении с курсов, колхозники внедряли передовой опыт в организацию труда в животноводстве.

Значительную работу по подготовке кадров для животноводства проводили машинно-тракторные станции. Они организовывали курсы, семинары, совещания, которыми охватывались доярки, конюхи, чабаны и другие работники. На этих курсах работники получали элементарные знания по ветеринарии и зоотехнии. Это способствовало правильной организации содержания и кормления скота.

Организацией курсов по животноводству без отрыва от производства занималось Бурят-Монгольское отделение «Агротехзнание». На 1 декабря 1935 г. по линии «Агротехзнание» через двухнедельные курсы подготовлено 2293 животновода. [16, л. 6.] 15 декабря 1935 г. «Агротехзнание» и Селенгинский государственный племенной рассадник симментальского скота организовали 2-месячные курсы, где взяли обязательство обучить 90 доярок-скотниц и 70 телятниц и на месячных курсах – 50 контролёров-учётчиков. [13, л. 24.] По окончании курсов «Агротехзнание» выдавало свидетельство. Появились новые специальности − «доярка», «скотник», «конюх», «учетчик» и другие.

8 апреля 1936 г. Селенгинский зооветеринарный техникум открыл годичные курсы для подготовки из системы «Агротехзнание» 45 человек инструкторов – животноводов по крупному рогатому скоту, овцеводов и полеводов. Для проведения курсов отделением «Агротехзнание» было отпущены средства в сумме 90000 р. из расчёта стоимости обучения одного курсанта в год – 2000 р., или 166,7 р. в месяц. В случае сверхпланового обучения «Агротехзнание» доплачивало инструкторам по 2000 р. за каждого курсанта, если же был недобор, то недоплачивали по 2000 за каждого неукомплектованного. Из отпускаемых сумм обучающимся выплачивалась стипендия в среднем размере по 115 р. с дифференциацией в зависимости от успеваемости, но не менее 100 р. и не допускалось повышение больше, чем на 10–12 р. Курсантам техникум предоставлял общежитие, организовывал питание. Большое внимание уделялось общему образованию. В течение первого месяца обучения выявляли пробелы

в знаниях, для отстающих вводились дополнительные общеобразовательные предметы. Производственную практику проходили в окрестных колхозах и своём учебном хозяйстве [13, л. 6.] Инструкторы должны были в дальнейшем организовывать курсы в своих колхозах. Организация курсов позволила колхозникам осваивать различные профессии, повышать квалификацию, что способствовало развитию животноводства и полеводства.

Для проведения краткосрочных курсов республиканское отделение «Агротехзнание» привлекало в качестве инструкторов преподавателей и студентов сельскохозяйственных учебных заведений. Преподаватель зооветинститута Хунданов Л. Е. организовал в июне-июле 1936 года 2-месячные курсы по подготовке 25 ветеринарных санитаров из числа колхозников Аларского аймака [13, л. 7]. С 23 июня по 10 сентября 1936 г. во время каникул студентка Омского сельскохозяйственного института ветеринарного факультета М. Ф. Чернавская подготовила на двухмесячных курсах 25 ветеринарных санитаров из колхозников Кяхтинского аймака. Колхозники должны были овладеть элементарными теоретическими и практическими ветеринарными навыками в соответствии с программой и в дальнейшем самостоятельно работать ветсанитарами в своих колхозах. Аналогичная работа была проведена в Кяхтинском и Боханском аймаках студентами агрономического факультета того же учебного заведения Л. И. Дубровской и А. А. Рудаковым. Студентка Иркутского сельскохозяйственного техникума Е. А. Алексеева в Кяхтинском аймаке подготовила телятниц и доярок [13, л. 9, 12, 14, 18]. Такие договоры об организации курсов были заключены со студентами других высших сельскохозяйственных учебных заведений страны. На 1 января 1937 г. из 33655 колхозников, занятых в животноводстве, число обученных на курсах «Агротехзнание» составляло 34 % [22, с. 92]. На 1 января 1939 г. в колхозах республики (в новых границах) работали 225 агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей и фельдшеров [17, с. 111].

В конце 1920–1930-х гг. в Бурят-Монголии подготовка сельскохозяйственных кадров велась через разветвлённую сеть учебных заведений: Бурят-Монгольский зооветеринарный институт, Бурят-Монгольскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу, Бурят-Монгольский сельскохозяйственный техникум, Кяхтинский землеустроительный техникум, Агинский зооветеринарный техникум, Селенгинский техникум мясного и молочного скотоводства, школ крестьянской молодёжи, районных колхозных школ, курсы системы «Агротехзнание».

Постепенно занятие сельским хозяйством из образа жизни превращается в профессию, складывается система профессиональной подготовки. В социальной структуре колхозного крестьянства появилась категория работников, различающихся как по характеру труда, так и по роли в организации производства (механизаторы, руководители колхозов, бухгалтеры, счетоводы, работники животноводства и полеводства. Появились новые профессии, связанные с новыми формами организации труда – бригадиры полеводческих бригад, заведующие животноводческими фермами и другие. Возросла группа работников умственного труда, как за счёт специалистов сельского хозяйства, так и за счёт работников административно-управляющего персонала (председателей колхозов, их заместителей, бухгалтеров и т. д.). В 1939 г. насчитывалось 12–13 сельскохозяйственных специальностей. [3, с. 38].

Список литературы

1. Бардамова А. К. Становление и развитие системы профессионально-технического образования в Забайкалье: 1724–1958 гг.: дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006, 235 с.

2. Батуев Б. Б. Развитие высшего и среднего специального образования.// Народное образование Бурятской АССР за 40 лет. Улан-Удэ, 1984. С. 166–180.

3. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 25–43.

4. Бурят-Монгольская АССР за десять лет. Материалы к докладу правительства Бурят-Монгольской АССР на пятой юбилейной сессии ЦИК БМ АССР о советском, хозяйственном и социально-культурном строительстве за 1923–1933 гг. М., Иркутск, 1933. 137 с.

5. Дагданова А. О. История становления и развития ссузов в республике Бурятия: 1923–1991гг.: дис… канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 229 с.

6. Дуринов А. А. Народное образование в первые годы Советской власти. // Народное образование Бурятской АССР за 40 лет Улан-Удэ, 1984. С. 3–8.

7. Зайцева Л. А., Попов А. П. Нам 75 лет: История Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. акад. им. В. Р. Филиппова, 2006. 240 с.

8. Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии: очерки истории БГСХА. Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. 260 с.

9. Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2011. 320 с.

10. Зайцева Л. А. МТС и подготовка кадров массовых профессий для сельского хозяйства Бурятии // Из истории Бурятии XIX–XX веков: соц.-филос. аспекты. Улан-Удэ; РИО БГСХА, 1999. С. 52–66.

11. Зайцева Л. А., Карначёв А. Е., Яковлев А. Л. Институт дополнительного профессионального образования и инноваций БГСХА им. В. Р. Филиппова (История формирования системы подготовки и повышения квалификации кадров сельского хозяйства Бурятии (20-е гг. XX − нач. XXI в.). Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2008. 224 с.

12. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 248. Оп. 20. Д. 11. Л. 350.

13. НАРБ. Ф. 691. Оп. 1. Д. 895.

14. НАРБ. Ф. 691. Оп. 7. Д. 4146.

15. НАРБ. Ф. 691. Оп. 7. Д. 4662. Л. 1.

16. НАРБ. Ф. 691. Оп. 7. Д. 4664. Л. 6.

17. Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2. Улан-Удэ. 1974. 647 с.

18. Очерки истории профессионально-технического образования в Сибири. 1917–1980 / Костенков П. П., Душанов В. П., Чирков А. Д. М.: Высш. шк., 1985. 285 с.

19. Рукавишников И. К итогам землеустроительных работ в Бурреспублике // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 32–37.

20. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 4. 1934–1936 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, П. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 1055 с.

21. Яковлев А. Л. Формы и методы подготовки механизаторских кадров в Бурят-Монгольской АССР в 1930–1950-е гг. // Народы Сибири в составе российского государства: история и современность. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. С. 293–299.

22. Янданов А. Г. Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства Бурятии (1929–1937 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1975. 116 с.

Статья поступила в редакцию 20.12.2011 г.

УДК 94 (571.54)
ББК 63.3–283.2(2Рос.Бур)

Маргарита Максимовна Боронова,
доктор исторических наук, профессор
Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: mboronova@yandex.ru

Национальная интеллигенция и борьба за автономию бурят в составе Российского государства

В статье освещается история борьбы бурятского народа за национальную автономию в составе Российского государства. Показана руководящая роль национальной интеллигенции, сформулировавшей идеологию, основные цели и задачи национального движения бурят в условиях самодержавной России. Особое внимание уделено роли дореволюционной бурятской интеллигенции в решении «бурят-монгольского» вопроса в начале XX в. Рассмотрена деятельность наиболее известных ее представителей в образовании национальной автономии бурят в начале XX в. Показан их вклад в решение проблем культурно-национального развития бурятского этноса в составе Российского государства. Дана оценка деятельности Ц. Жамцарано, Б. Барадина, Э-Д. Ринчино и других известных деятелей дореволюционной бурятской интеллигенции.

Ключевые слова: автономия, идентичность, консолидация, культура, идеология

Margarita Maksimovna Boronova,
Doctor of History, Professor,
Buryat State University
(Ulan-Ude, Россия), e-mail: mboronova@yandex.ru

The National Intelligentsia and the Struggle for Buryat Autonomy in the Russian State

The article covers the history of the Buryat people's struggle for their national autonomy within the Russian State. It shows the leadership role of the national intelligentsia, formulated the ideology, main objectives and tasks of the national movement of Buryats in the face of Russian autocracy. Special attention is paid to the role of the pre-revolutionary intelligentsia in dealing with the "Buryat -Mongol" issue in the early 20th century. We consider the activities of its most famous representatives of national autonomy in the formation drilled in the early XX century; show their contribution to the solution of the problems of cultural and national development of the Buryat ethnic group within the Russian state. The estimation of Ts. Zhamtsarano, B. Baradina, Э-D. Rinchino and other famous figures of the pre-revolutionary Buryat intellectuals has been given as well.

Keywords: autonomy, identity, culture, ideology, consolidation.

В юбилейный год 350-летия вхождения Бурятии в состав России хочется вспомнить и отметить самые яркие и эпохальные события совместной истории. К таким историческим датам, безусловно, относится образование национальной автономии бурят в составе Российского государства. Это события стало поистине ключевым и судьбоносным в истории бурятского народа. Оно ознаменовало собою длительный период борьбы за национальное самоопределение и стало решающим фактором сохранения этнической идентичности в условиях российской государственности. Важнейшую роль в этой борьбе сыграла национальная интеллигенция.

В истории любого этноса и народа интеллигенция занимает особое положение, определяемое той важной ролью, которую

© М. М. Боронова, 2012

она играет в развитии социума. Её основным качеством является озабоченность судьбою своего народа, способность нравственно сопереживать ему, готовность посвятить свою жизнь служению идеям национального возрождения. Подлинный интеллигент не просто неравнодушен, он активно неравнодушен к судьбе своего народа. Он чувствует свою сопричастность и ответственность за все, что происходит в обществе. При этом его отличает независимость мышления, способность критически воспринимать повседневную реальность, обострённое чувство социальной справедливости.

Данным характеристикам в значительной степени отвечала общественно-политическая деятельность дореволюционной бурятской интеллигенции. Поколение бурятских интеллигентов начала XX в. было крайне малочисленным и составляло лишь небольшую часть в составе этноса. Однако тот вклад, который оно внесло в развитие национального образования, этнической консолидации, самосознания и культуры бурят трудно переоценить.

Это поколение, как правило, получило светское образование в русских учебных заведениях, было хорошо знакомо с достижениями европейского, российского и в целом мирового культурного прогресса. Сформировавшись на стыке цивилизаций Востока и Запада, оно, тем не менее, сохранило свою глубоко национальную природу и не утратило связи с традиционной «почвой».

Бурятскую интеллигенцию дореволюционного периода советские историки обычно называли «старой», «буржуазной интеллигенцией», противопоставляя её новому поколению бурят-интеллигентов, сформировавшемуся уже в условиях советского строя. Наиболее яркими представителями так называемой «старой» плеяды интеллигентов были учёные Цыбен Жамцарано, Базар Барадин, Михаил Богданов, религиозные и общественные деятели Агван Доржиев, Бато-Далай Очиров, Эльбек-Доржи Ринчино. Каждый из них прошёл сложный жизненный путь, отдавая все силы служению своему народу.

Бурятская интеллигенция начала XX в. находилась в гуще общественной жизни и ощущала себя влиятельной политической силой. Идейные взгляды большинства её представителей сформировались в условиях подъёма национального движения бурят, вызванного ужесточением колонизаторской и русификаторской политики царизма на рубеже XIX–XX вв.

Будучи интеллектуальной элитой своего народа, эта интеллигенция сформулировала идеологию национального движения бурят. Главными его задачами в условиях самодержавной России должны были стать: национальное самоуправление бурят в виде автономии, возвращение им захваченных земель в достаточном количестве для ведения традиционного скотоводческого хозяйства, развитие национального образования и школы на основе использования общей монгольской письменности, свобода религиозного вероисповедания для бурят-буддистов.

Следует отметить, что национальное движение бурят в начале XX в. не было идейно однородным, существовали разные подходы, взгляды на цели и задачи его развития. Однако, несмотря на это, данные требования активно обсуждались на Всебурятских съездах 1905–1906 гг. и стали основополагающими. Именно участие интеллигенции в национальном движении бурят придало ему организованный и целенаправленный характер.

Следует отметить, что общественно-политические взгляды национальной интеллигенции формировались под сильным влиянием народнических идей, что было вполне закономерным для национальных окраин России. Слабое развитие капитализма и почти полное отсутствие пролетариата делали местное население крайне невосприимчивым к идеям марксизма. Поэтому не случаен тот факт, что бурятская интеллигенция того периода в массе своей примыкала к партии эсеров и разделяла основные положения её программы.

Особенно привлекательным для неё был эсеровский вариант решения национального вопроса, который предусматривал право каждой нации на самоопределение и широкую автономию для всех национальностей, населявших Россию. «При этом идейная ориентация местной интеллигенции, – как пишет Ю. С. Ширапов, – зависела не только от той социальной среды, на которую традиционно опирались народники, но и от уровня их образования и культуры. Чем выше был этот уровень, тем меньше симпатии они испыты-

вали к марксизму…. И наоборот, чем ниже этот уровень, тем сильнее возникало у них желание связать свою судьбу с российской социал-демократией…» [6, с. 120].

Особое значение в вопросах выживания бурятского этноса отводилось религии. В условиях общей экономической и культурной отсталости края религиозный фактор играл исключительно важную роль, оставаясь единственной формой идеологии, доступной для понимания народу. Буддизм как часть национальной культуры, безусловно, являлся стержнем традиционного образа жизни монгольских народов, выполняя большую культурно-воспитательную функцию [2, с. 39–47]. В условиях усиления русификаторской политики правительства, в том числе путём насильственной христианизации, буддизм становится не просто религией, но и одним из важнейших факторов политической борьбы за консолидацию и сохранение этноса. Поэтому именно буддийская религиозная традиция должна была стать главным фактором общемонгольской консолидации.

Стремясь к духовной интеграции бурят Забайкальской области и Иркутской губернии, Ц. Жамцарано и А. Доржиев, начиная с 1906 г., предпринимают ряд шагов, направленных на распространение буддизма среди западных бурят. С этой целью А. Доржиевым был составлен новый бурятский алфавит, так называемое «агвановское письмо». Единый алфавит, по мнению его создателя, призван был также служить делу национальной консолидации бурят перед лицом нарастающей угрозы деэтнизации и ассимиляции.

Следует отметить, что вокруг выдвинутых вопросов развернулась оживленная и острая полемика. Оппонентом Ц. Жамцарано и А. Доржиева выступил М. Н. Богданов. По его мнению, время «изолированных национальных групп уже ушло», капитализм неизбежно «разрушает почти все национальные различия, какими бы китайскими стенами они не отгораживались», поэтому спасение бурят «в возможно скором и прочном усвоении цивилизации»[1, с. 47].

В период революций 1917 г. и гражданской войны в России национальное движение бурят получило новый импульс к развитию. Эти годы стали периодом наибольшей политической активности национальной интеллигенции, которая стремилась использовать новую социально-политическую ситуацию в стране для решения «бурят-монгольского вопроса». В сложных, быстроменяющихся условиях выдвигались и рассматривались разные сценарии национально-государственного самоопределения бурят. Одним из таких вариантов становится идея объединения монгольских народов в единое государство, оформившаяся к 1919 г. Реализация выдвинутой идеи предусматривала восстановление исторического ареала проживания монгольских народов путем создания самостоятельного, суверенного государства, свободного от влияния Китая и России. Сторонниками этой идеи выступали Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Э.-Д. Ринчино, полагавшие, что это отвечает интересам данных народов, разбросанным по разные стороны государственных границ. Однако попытка создания такого государства на основе идеи панмонголизма не увенчалось успехом. «Великое монгольского государство», не получив признания мировых держав и не успев фактически сложиться, вскоре прекратило свое существование [3, с. 38–39].

Трудный процесс борьбы за историческое самоопределение бурятского народа в итоге был решён в рамках новых общественно-политических институтов. Первым шагом в этом направлении стало образование двух бурят-монгольских областей в составе Дальневосточной республики (ДВР) 12 февраля 1921 г. и РСФСР – в конце октября того же года [4, с. 146; 157].

Решающий вклад в образование Бурят-Монгольской автономной области ДВР сыграла «старая» интеллигенция. Ценою огромных усилий, путём дипломатии и лавирования ей удалось убедить большевистское руководство в необходимости предоставления национальной автономии бурят-монгольскому народу.

В докладной записке В. И. Ленину, подготовленной Э.-Д. Ринчино в марте 1920 г., указывалось, что предоставление автономии для бурят-монгольского народа соответствует интересами внешней политики Советской России, и будет способствовать развитию мировой революции в странах Азии. В частности, отмечая внешнюю экспансию Японии, стремившуюся объединить под знаменем паназиатской идеи народы Азии в борьбе с революционной Россией, Э.-Д. Ринчино пишет:

«…забытые инородческие массы Сибири не остаются глухими к паназиатской пропаганде Японии». Однако «…заботы (большевиков – прим. автора) об улучшении положения инородцев …в силу общности языка, письменности и единства культуры инородческих народностей Сибири с народами Азии, будут немедленно просачиваться за границу, и вызывать соответствующие результаты…»[5, с. 55].

Написанное ярко и убедительно, это послание было внимательно прочитано Лениным, о чем свидетельствуют многочисленные пометки на полях. Для лидера большевиков оно стало важнейшим источником информации о положении дел в Забайкалье, и, безусловно, повлияло на его позицию в решении бурятского вопроса. Тогда же, как отмечает А. А. Елаев, с подачи Э.-Д. Ринчино термин «бурят-монголы» стал официально использоваться во всех документах и на практике. Введение этого термина в политический лексикон имело важное консолидирующее значение для монгольских народов, подчеркивая общность их происхождения, культуры, религии, традиций и языка.

Однако с победой большевиков в гражданской войне и окончательным установлением Советской власти роль и влияние «старой» интеллигенции постепенно уменьшаются. Для новой власти эта интеллигенция, несмотря на её политическую лояльность, все же была идейно чуждым элементом. Слишком независимая, образованная и критически мыслящая она не могла быть верным союзником и проводником идей большевистского руководства в массы. Дореволюционная бурятская интеллигенция была социальным «продуктом» старой эпохи, поэтому её судьба в новых, изменившихся политических условиях была предрешена.

На смену ей приходит новое поколение молодых национальных лидеров, стоявших уже на идейных позициях марксизма и полностью разделявших линию коммунистической партии. Яркими представителями этого поколения были М. Н. Ербанов, В. И. Трубачеев, М. И. Амагаев, М. М. Сахъянова. Несмотря на идейно-классовые различия они, тем не менее, довели дело своих предшественников до логического конца. В результате их совместных усилий 30 мая 1923 г. была образована Бурят-Монгольская автономная социалистическая республика. Так завершилась многолетняя самоотверженная борьба бурятской интеллигенции за национальную автономию бурят-монгольского народа в составе Российского государства.

Список литературы

1. Богданов М. Н. Бурятское возрождение // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 47–50.

2. Герасимова К. М. Об исторических формах национальной культуры бурят // Труды Бурятского института общественных наук СО РАН. Серия философия, социология, история. Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятии. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 1995. 120 с.

3. Курас Л. В., Бабаков В. В. Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX века) // Вестник Бурятского университета. Серия: история. Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1997. С. 38–39.

4. История Бурятской АССР. Т. II. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1959. 638 с.

5. Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М.: Антал, 1994. 175 с.

6. Ширапов Ю. С. Марксизм и бурятская интеллигенция: материалы регион. науч. конф., посвящённой 65-летию образования кафедры истории БГСХА и 80-летию со дня рождения Б-М. М. Митупова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. сельскохоз. академии, 2004. 161 с.

Статья поступила в редакцию 28.11.2011 г.

УДК 930 (571.54)
ББК П. 14

Елизавета Николаевна Палхаева,
кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия) e-mail: palelizaveta@yandex.ru
Наталья Евгеньевна Жукова,
аспирант, Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия) e-mail: nataliiiuk@mail.ru

Бурятская автономия: эволюция идеи и её оценка в исторической литературе

Статья раскрывает процесс становления идеи национальной автономии бурятского народа, пути и средства достижения цели национально-государственного самоопределения. Большое внимание в работе уделено взаимодействию различных уровней государственной власти в процессе реализации национально-государственной автономии бурятского народа. Основная мысль статьи заключается в обозначении бурятской автономии как консолидирующего фактора в процессе развития этноса. В статье анализируются многообразные подходы к оцениванию последствий образования Бурят-Монгольской АССР, что стало следствием различных этапов как в развитии общества, так и в развитии самой исторической науки. В результате обобщения представленного материала авторами сформулирован вывод о прогрессивности идеи автономизации на конкретном историческом этапе.

Ключевые слова: автономия, национально-государственное строительство, самоопределение, автономная область.

Elizaveta Nikolaevna Palkhaeva,
Candidate of History, Associate professor
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: palelizaveta@yandex.ru
Natalia Evgenievna Zhukova,
Post-graduate,
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: nataliiiuk@mail.ru

Buryat Autonomy: the Evolution of Ideas and Assessment in the Historical Literature

The article reveals the process of formation of the national autonomy idea of the Buryat people, the ways and means to achieve the goal of the national self-determination. A lot of attention in the work is given to the interaction between different levels of the state power in the process of realizing the national-state autonomy of the Buryat people. The main idea of the article is to indicate the Buryat autonomy as a consolidating factor in the process of the ethnic development. The article analyzes various approaches to the evaluation of the effects of the Buryat-Mongolian autonomous soviet socialist republic development as a result of different phases of the society development and that of the historical science. As a result of the material generalization the authors came to the conclusion that autonomization at a certain historical stage might be a progressive idea.

Keywords: autonomy, the national-state building, self-determination, autonomous region.

© Е. Н. Палхаева, Н. Е. Жукова, 2012

Появление идеи автономии бурят многие исследователи относят к началу XX в., ко времени зарождения национального движения. Однако её оформление в требования административной автономии происходило в ходе революционных кризисов 1917 г. и гражданской войны. Своего рода катализатором процесса самоопределения послужило образование ДВР, когда подобная абстрактная конструкция приобрела характер конституционной нормы.

Впервые идея об организации собственного управления в Забайкалье прозвучала в период подъема общественного движения, вызванного революцией 1905–1907 гг. Так, в 1905 г. на первом съезде бурятского народа в г. Чита было принято решение о необходимости организации местного самоуправления [1,с. 190], что в немалой степени способствовало становлению автономистской концепции.

К моменту революции 1917 г. велись дискуссии о необходимости самоопределения, принимались проекты, отражающие требование политико-территориальной самоорганизации в том или ином виде. К таким нововведениям относился документ о местном самоуправлении, принятый на первом общебурятском съезде 23–25 апреля 1917 г., который определил схему местного управления по форме сомон-хошун-аймак, где её низовая административная единица строилась по территориальному принципу [5, с. 32]. Однако, данное положение считалось временным, работающим до выделения Учредительным собранием особой бурятской территории и не получившим впоследствии поддержки Временного правительства.

Одновременно отмечалась неготовность бурятского населения к подобным нововведениям. Так, например, 25–29 июля 1917 г. Восточно-Сибирский краевой съезд представителей исполнительных комитетов общественных организаций, проходивший в Иркутске, принял решение, что буряты не могут иметь самостоятельных уездных единиц, потому что аймаки слабы экономически и культурно, у них недостаёт возможностей содержать земства и обеспечить их интеллигентными кадрами. Краевой съезд не признал права бурят на политическое самоопределение, но предоставил им широкую свободу культурной автономии [4, с. 5].

Особая роль в актуализации идеи национально-государственной автономизации принадлежит известной Декларации прав народов России, принятой в 1918 г., где и провозглашалось право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

Однако в Забайкалье принятие данного документа не означало быстрого проведения в жизнь планов государственного самоопределения. В 1918 г. идея автономизации не получила одобрения со стороны новых советских органов власти, которые предлагали ограничить самоопределение бурят вопросами культуры. По этой причине проходивший 7–20 июня в Верхнеудинске съезд Советов Прибайкалья, в котором наряду с представителями всех русских районов участвовали делегаты части бурятских аймаков и хошунов, постановил, что «самоопределение бурят, ввиду вкраплённости их в русское население, следует распространить только на духовное развитие этой народности. Административная автономия в форме аймаков для разрешения земельных вопросов является только тормозом, поэтому аймаки... в разрешении земельных вопросах никакого участия принимать не должны» [13, с. 310].

Следует отметить и то обстоятельство, что первоначально советская власть не была готова предоставить автономию бурятскому народу. Негативное отношение Советов к бурятскому самоуправлению не было недоразумением и обуславливалось, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, сторонники советской власти, исходя из классовых позиций, расценивали аймачные учреждения бурят как «национальные органы буржуазии», и во- вторых, подобная позиция перекликалась с мнением бурятских большевиков, что следует из выступлений М. М. Сахьяновой и В. М. Трубачеева, где они говорили об отсутствии реальной необходимости в автономии. В одном из выступлений М. М. Сахьянова говорила: «...Бурятский народ... не может отгородиться своими национальными организациями от общего хода революции и зажить своеобразной монголо-бурятской жизнью, а должен встать в ряды рабочих и крестьян и вместе с ними строить жизнь на началах революционного социализма» [2, с. 49].

Проблема строительства бурятской автономии не была решена и при белом правительстве адмирала А. В. Колчака [1, с. 129], в том числе и по причине «великодержавных» представлений о будущим государстве. Однако, в ситуации противостояния Омского и Забайкальского правительства, во главе с атаманом Г. Семеновым, была предпринята попытка реализовать идеи автономизации в рамках создания единого монгольского государства. Первым шагом к намеченной цели стал съезд, проходивший в 1919 г. в г. Чита, который поставил своей задачей образовать Велико-Монгольское государство, в состав которого на правах федерации должны были войти Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят [6, с. 130].

Л. В. Курас отмечает, что стремление бурят к созданию общемонгольского государства не в последнюю очередь обуславливалось, с одной стороны, негативным отношением сибирского правительства Колчака к органам бурятской автономии, с другой, «реальными успехами национального движения, когда в течение двух лет Бурнацком автономно руководил органами местного самоуправления...» [8, с. 71]. С окончанием семеновского правления подобные идеи перестали быть реалистичной перспективой и не влияли на ход национально-государственного самоопределения.

Подобная позиция кардинально изменилась в связи с принятием Политбюро ЦК РКП(б) постановления от 14 октября 1920 г. В нём признавалось «необходимым проведение в жизнь автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют ещё автономных учреждений, в первую голову для калмыков и бурят-монголов...» [2, с. 49].

Первое законодательное оформление идея автономии получила в рамках основного закона ДВР, который был принят 27 апреля 1921 г., где отдельная глава называлась «Автономия бурят-монгольской народности». В Конституции, в частности, указывалось: «Всем туземным народностям и национальным меньшинствам на территории республики предоставляется право на широкое самоопределение», под которым понималось культурно-национальная автономия национальных меньшинств и административная автономия бурятского народа. «Вся территория, населенная бурят-монгольским народом, выделяется в особую область», население которой объявлялось самостоятельным «в сфере организации суда, административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни» [2, с. 99–100].

Реализацией проектов территориального размежевания стало принятие 9 января 1920 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом постановления об образовании Бурят-Монгольской Автономной Области в составе РСФСР, что несомненно ускорило процесс национально-государственного обособления бурят. Созданный ранее в конце 1920 г. Бурмонавтупр, приступил к более активным действиям по образованию отдельного от ДВР национально-государственного образования. Также он проводил работу, направленную на культурное строительство и готовил проект по организации национальной автономии к предстоящему Учредительному собранию ДВР.

Постепенно происходит дальнейшее закрепление ведущей роли большевиков в деле создания бурятской автономии. В период с 28 октября по 5 ноября 1920 г. был созван Учредительный съезд бурят-монголов Восточной Сибири, на котором коммунисты заняли ведущие позиции среди иркутских бурят. Под их полным контролем съезд утвердил проект положения об автономии, а также принял документ под названием «Обращение съезда к бурят-монгольскому народу». В «Обращении» подчеркивалась исключительная роль советов в деле освобождения народов и содержалось напоминание о необходимости мировой революции: «помните, что только победа Советской власти, окончательная победа рабочих и крестьян над буржуазией всего мира обеспечит и гарантирует трудящимся и угнетенным свободу в дальнейшем» [2, с. 54].

Идея бурятской национальной автономии институцианализировалась в Постановлении от 30 мая 1923 г. об образовании Бурят-Монгольской АССР, что стало одновременно заключительным этапом формирования бурятской автономии и началом кардинально новых взаимоотношений БМАССР с федеральным центром.

Советские исследователи положительно оценивали идею и реализацию бурятского самоопределения. Так, А. А. Бартанова пишет, что «самостоятельное государственное существование в единой семье народов Советского Союза открыло бурятскому и эвенкийскому народам безграничный простор для их национального возрождения, ликвидации на путях социализма фактического неравенства, расцвета их экономики и культуры» [2, с. 84]. А, например, Г. Л. Санжиев подчёркивает, что «автономная республика имела все признаки социалистической национальной государственности», и её государственное устройство «являлось выражением национального суверенитета» [9, с. 41]. При этом в контексте советской концепции истории принятые формы национальной автономии предполагались наиболее приемлемыми. Н. Д. Шулунов считал, что «...национальная советская государственность явилась наилучшим средством ликвидации политической, экономической и культурной отсталости бурятского народа, ускорения темпов социально-экономического развития; они сыграли огромную роль в утверждении идеологии интернационализма... и в формировании интернационалистического сознания и образа жизни народов Бурятии» [11, с. 486].

Современные подходы к оценке процесса самоопределения выглядят более взвешенными и рациональными. Например А. Елаев говорит, что идеи автономизации, овладевшие бурятским массами к 20-м годам, были осуществлены на практике, но вместе с тем необходимых условий для образования собственной государственности, каковой являлась проектируемая республика, было ещё недостаточно, что порождало трудности на пути её создания и развития [6, с. 166].

Тем не менее, он считает, что образование БМАССР было подготовлено всем ходом исторического развития бурятского общества в составе Российского государства. Национально-территориальный принцип, на основе которого происходило создание республики, был во многом противоречив и его реализация вызывала споры территориального, хозяйственного и административного характера. Однако других приемлемых путей создания бурятской автономии выработано не было. Принципы и идеи, положенные в основу образования республики, оказывали влияние на её развитие и в дальнейшим [6, с. 173].

В. В. Демидов полагает, что с образованием Бурят-Монгольской АССР её национальная обособленность ликвидировалась. Территория республики формировалась под влиянием не только национального, но и других факторов: хозяйственно-бытовых, исторических, географических и т. д. Принцип объединения национально обособленных единиц в единый национальный автономный союз потерпел в Бурятии сокрушительное поражение, как, впрочем, и в других национальных районах страны [5, с. 6].

Историк А. В. Сушко обращает внимание на то, что создание автономии было инструментом советизации бурятского населения. Признание коммунистами аймачных и хошунных органов национального самоуправления, допуск националистов к управлению ими, амнистирование бурят — участников антисоветской борьбы, начавшаяся работа по созданию бурят-монгольской автономии позволили власти добиться признания основной массой бурят Советской власти [10, с. 101].

Е. Н. Палхаева и К.Б-М.Митупов в статье «Становление национальной государственности бурятского народа в 20–30-е гг.» обращают внимание на то, что объединение автономных областей в единую автономную республику произошло по инициативе местных руководителей, отмечают, что отличительной чертой национально-государственного строительства Бурят-Монгольской автономной области РСФСР стало отсутствие административных связей с центром, так как область находилась в административном подчинении Иркутской губернии [8, с. 28].

Таким образом, идея бурятской национальной автономизации прошла длительный путь своего формирования, где точкой отсчёта принято считать начало XX в. Особую актуальность данная идея приобретает в связи с революционными преобразованиями в нашей стране, которые заметно демократизировали национальные отношения и привели к процессам конструирования бурятской автономии. Так, наибольшую актуализацию планы по созданию бурятской автономии приоб-

ретали в период первой русской революции 1905–1907 гг., когда были приняты первые решения об организации местного самоуправления, и во время Российской революции 1917 г., которая стала мощнейшим толчком к конструированию форм бурятской автономии. Исходной посылкой национальной интеллигенции было требование установления национально-культурной автономии, однако в ходе решения задач установления советской власти на территории Забайкалья ЦК РКП(б) было принято решение о поддержке идеи национально-государственной автономии. По причине советизации Забайкалья не получает развития идея самоопределения бурятского народа в форме единого монгольского государства, ввиду отсутствия реальных предпосылок создания государства на основе монгольского этноса.

Необходимо отметить, что в целом процесс автономизации бурят положительно оценивался учёными-историками. Однако сказывается различие методологических установок советского и современного периодов. Так? если для советской историографии было характерно полное приятие форм, методов советской автономизации, то оценивая значение образования республики, современные авторы также формулируют ряд негативных последствий и показывают её инструментарный характер. Все же нельзя не согласиться с тем, что появление собственных форм государственности привело к ускорению этнической консолидации бурят, к развитию собственной материальной и духовной культуры.

Список литературы

1. Бабаков В. В. Бурнацком-Бурнардума: первый опыт национально-государственного строительства: дис. ... канд. истор. наук. Улан-Удэ, 1997. 190 с.
2. Бартанова А. А. Образование БМАССР. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1964. 32 с.
3. Батуев Б. Б., Сахьянова М. М. Страницы политической биографии. Улан-Удэ: Бурятское кн.изд-во, 1992. 35 с.
4. Варнавский П. К., Дырхеева Г. А., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2003 г. 105 с.
5. Демидов В. А., Демидов В. В. Бурятия: от степных дум к автономии. Новосибирск.: СибАГС, 2001. 162 с.
6. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М. 2000. 350 с.
7. Конституция РСФСР. URL: http://www.hist.msu.ru (дата обращения: 17.10.11).
8. Курас Л. В., Базаров В.Б, Шагдуров Ю. П. История Бурятии в вопросах и ответах. Улан-Удэ, 1992. Вып. 3.
9. Палхаева Е. Н., Митупов К. Б-М. Становление национальной государственности бурятского народа в 20–30-е гг. // Вестник Бурятского гос. ун-та. Сер. История. Улан-Удэ. Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2002 Вып. 4. С. 22–35.
10. Санжиев Г. Л. Ленин В. И. и национально-государственное строительство в Сибири 1917–1937 гг. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1971. 176 с.
11. Сушко А. В. Гражданская война в Сибири: национально-политический аспект // Вопросы истории. 2008. № 5. 101 с.
12. Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919−1923 гг.). Улан-Удэ, 1972. 492 с.

Статья поступила в редакцию 26.02.2012 г.

УДК 930
ББК 63.2

Виктория Владимировна Доржеева,
кандидат исторических наук, доцент,
Северо-Восточный государственный университет
(Магадан, Россия), e-mail: dorvic68@mail.ru

Документы Государственного архива Магаданской области об изменении положения коренных малочисленных народов Северо-Востока СССР (1930−1953 гг.)

На основе анализа архивных документов представлены основные направления деятельности, роль государственных органов и местной администрации по изменению положения коренных малочисленных народов советского Северо-Востока в период 1930–1953 гг. Проанализирован состав документов, отложившихся в фонде Административно-гражданского отдела Дальстроя в Государственном архиве Магаданской области, исследованы их информационные возможности, исследуемые документы разделены на группы.

Ключевые слова: Государственный архив Магаданской области, коренные малочисленные народы Северо-Востока, Административно-гражданский отдел, Дальстрой, кочевники.

Victoria Vladimirovna Dorzheeva,
Candidate of History, Associate professor,
The North-Eastern State University
(Magadan, Russia), e-mail: dorvic68@mail.ru

The State Archives of Magadan Region about Changing the Status of Native Minorities of the USSR North-East (1930–1953)

Analyzing the archival documents the author points out the main direction of the state and local authorities' activities and their role in changing the status of the native minorities in the North-East of the Soviet Union in 1930-1953. The article also reveals the composition of the documents found in the "Dalstroy" administrative and civil department of the state archives in Magadan, their informative value and classification.

Keywords: State Archives of Magadan region, native minorities of the North-East, administrative and civil department, Dalstroy, nomads.

Изменение положения коренных народов Северо-Востока[1] – тема, получившая достаточное освещение в научной литературе. О различных аспектах модернизации традиционного уклада, деятельности государственных органов в этой сфере есть сведения в трудах, посвящённых советскому периоду истории Северо-Востока России [3]. Отметим, что содержание работ, посвящённых истории и культуре коренных народов советского Севера, в советской историографии во многом определялось господствующими идеологическими установками. Исследователи, в полном соответствии с доктринальными установками, отмечали неуклонный рост экономики и культуры коренных народов, представляя это как закономерный результат реализации госу-

[1] Территория Северо-Востока России включает в себя тундровые и лесотундровые пространства Чукотского полуострова, северное побережье Охотского моря, лесную зону Приколымья и восточные районы Якутии. К коренным народам Северо-Востока относят чукчей, эскимосов, эвенов и эвенков, юкагиров, чуванцев, коряков, якутов.

© В. В. Доржеева, 2012

дарственной политики. Негативные последствия проводимой государственной политики (рост заболеваемости у коренных народов, прежде всего, туберкулёзом, распространение в среде аборигенов алкоголизма, венерических заболеваний) не находили адекватного отражения в исследованиях. Тем не менее, советская историография внесла заметный вклад в изучение истории северных этносов, была сформирована обширная информационная база, не потерявшая актуальности и сегодня.

Система органов власти на Северо-Востоке складывалась постепенно и отражала региональные особенности. В период 1920–1930-х гг. на территории Северо-Востока складывалась система органов управления, проводивших государственную политику по становлению и укреплению советской власти в регионе [2]. В 1924 г. была сформирована государственно-общественная организация, обладавшая директивными полномочиями по отношению к органам государственного управления, – Комитет содействия малым народностям северных окраин (Комитет Севера). Основная задача Комитета Севера – «содействие планомерному устроению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении» [Цит. по: 4, с. 224]. В последующий год были созданы региональные отделения Комитета Севера на Дальнем Востоке и в Сибири, обеспечивающие его деятельность непосредственно на местах.

Как отмечают исследователи, на рубеже 1920–1930-х гг. произошло изменение сущности государственной политики по отношению к северным и северо-восточным окраинам страны [7]. Значительную роль в этих процессах сыграла индустриализация, носившая форсированный характер. Для формирования топливно-сырьевой базы, обслуживающей создаваемую индустрию, в годы первой пятилетки создаются специфические организации – интегральные комбинаты – Норильскстрой, Воркутакомбинат, Ухтакомбинат и др. [5]. На рубеже 1920–1930 гг. в верховьях Колымы были разведаны значительные запасы золота. В ноябре 1931 г. Совет Труда и Обороны принял постановление № 516 «Об организации государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы «Дальстрой»». Постановлением СНК СССР от 4 марта 1938 г. трест был передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное Управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР (ГУ СДС НКВД СССР) [9, с. 60–61, 76]. Для обеспечения деятельности территория Дальстроя была выделена в самостоятельную административную единицу. В первые годы существования (1932–1935) территория Дальстроя охватывала 400–450 тыс.кв. км., но по мере разворачивания его деятельности увеличивалась и в 1953 г. она достигла 3 млн. кв. км [7, с. 108].

Для руководства действовавшими на этой территории национальными районами (Ольским, Среднеканским, Северо-Эвенским), промышленными районами (Ягоднинским, Сусуманским, Тенькинским) и городским советом г. Магадана, в июне 1938 г. приказом НКВД СССР № 00363 был образован административно-гражданский отдел (АГО) Дальстроя. На АГО Дальстроя возлагались административно-советские функции: по руководству деятельностью Магаданского горисполкома, поселковых советов, проведение финансовых мероприятий, руководство культурно-просветительными учреждениями, органами народного образования, здравоохранения, социального обеспечения; планирование народного хозяйства районов Колымы, обеспечение работы коммунальных и бытовых предприятий и учреждений; учёт и регистрация гражданского населения, регистрация актов гражданского состояния; утверждение местных бюджетов [1, Ф. р-38. Оп. 1. Д. 57. Л. 18–19]. Начальник АГО находился в непосредственном подчинении у начальника Главного управления Дальстроя.

В настоящее время документы административно-гражданского отдела Дальстроя сосредоточены в отдельном фонде Государственного архива Магаданской области (ГАМО) Р-38. Несмотря на значительную востребованность документов этого фонда исследователями, в научный оборот в основном введена информация, относящаяся к непосредственной деятельности Дальстроя. Использование документов Дальстроя, хранящихся в названном фонде, существенно расширяет исследовательскую базу учёно-

го, изучающего историю коренных народов Северо-Востока России в 1930–1950-х гг.

В фонде р-38 ГАМО сосредоточены документы внутреннего делопроизводства АГО за весь период его существования с 1938 по 1953 гг. В декабре 1953 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Магаданская область. Дальстрой был передан в ведение министерства цветной металлургии и лишён функций политического руководства.

По избранной теме изменения положения коренных народов Северо-Востока в 1930–1950-е гг., фонд ГАМО р-38 содержит значительный массив документов.

Документы этого фонда разнообразны по характеру и содержанию. По избранной тематике документы условно можно разделить на три группы. Первая, самая многочисленная группа включает приказы начальника Главного управления и начальника Политического управления Дальстроя[1] по различным аспектам деятельности АГО. См., например: Приказ № 166 по АГО Дальстроя от 16.06.1951 «О проведении курсов переподготовки курсов и повышения квалификации учителей»; Приказ № 196/а по АГО Дальстроя от 13. 08. 1961 «О работе Северо-Эвенского райисполкома»; Приказ № 114 по АГО Дальстроя от 10. 05. 1952 «Об итогах хозяйственной деятельности колхозов Среднеканского района за 1951 год»; Приказ № 179 по АГО Дальстроя от 24. 06. 1952 «О перераспределении ассигнований на капитальный ремонт больниц между районами Колымы» и др. [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 56. Л. 68, 86. Там же Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 63. Л. 38–44, 73].

В промышленно-хозяйственной сфере направления деятельности АГО были разнообразны. Так, например, в приказе № 46 по Главному и Политическому управлению Дальстроя от 17 октября 1940 г. отмечалось плохое снабжение коренного населения «в глубинных пунктах» необходимыми товарами, а учёт труда в некоторых колхозах находится в «состоянии полного развала» [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 23].

В годы Великой Отечественной войны пушнина стала ценным экспортным товаром и на её заготовку обращалось особое внимание. Охотников, в основном представителей коренных народов, руководство стремилось поощрять. Особое внимание было к охотникам-женщинам, которых за перевыполнение плана заготовок пушнины награждали грамотами и ценными подарками, объявляли им благодарности и пропагандировали их опыт. В документах есть сведения о женщинах-охотниках, перевыполнявших планы заготовки пушнины в годы войны. Так, в 1942 г. Мангруни Мария выполнила план на 318 %, Болдухина Вера – на 260 %, Хуркан Елизавета – на 196 % [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 1. Л. 94,96. Приказ № 340 по Главному и политическому управлению СДС от 17. 06. 1943 «Об итогах выполнения государственного плана заготовок пушнины в сезон 1942/43 гг.»].

В приказах отражена и деятельность Административно-гражданского отдела Дальстроя в социальной сфере. В годы войны привлечение женщин-северянок к производственному труду становится важной задачей для административных органов. В максимально короткие сроки необходимо было обеспечить страну оборонным металлом, в первую очередь – оловом. Развитие горнодобывающей промышленности дало новый импульс развитию местной промышленности. Продукция всех видов традиционных промыслов была очень востребована возросшим населением рабочих поселков. Значительным спросом у местного и приезжего населения пользовалась меховая одежда и обувь. Женщины колхоза «Ударник» Марковского района Чукотки в 1941 г. проявили себя при выполнении военного заказа, осуществляя пошив тёплой одежды для Красной Армии [6, Ф. 22. Оп. 1. Д. 78. Л. 43]. Однако серьёзной проблемой оставалась неразвитость системы детских дошкольных учреждений. Женщинам не с кем было оставить детей. Для организации оздоровительной работы среди детей коренного населения было решено в 1941–42 гг. в Тауйске, Ямске, Таватуме и Гарманде (национальные поселки на Охотском побережье) организовать постоянно действующие круглосуточные детские комбинаты

[1] Главное управление Дальстроя осуществляло общее руководство трестом. В 1939 г. Политотдел Дальстроя был реорганизован в Политическое управление, осуществлявшее партийное руководство (Широков А. И. Государственная политика… С. 108, 121).

для детей в возрасте старше 1 года. Приказом Главного и Политического управления № 126 Административно-гражданский отдел был обязан организовать тщательный уход за детьми и постоянное медицинское обслуживание детей, посещающих детские комбинаты. Кроме этого, предписывалось проводить активную разъяснительную работу среди местного населения «о значении данного мероприятия». Интересно отметить, что в данном приказе особо было оговорено помещать детей «…в указанные комбинаты… исключительно по просьбе родителей» [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 1. Л. 35. Приказ № 126 от 20. 03. 1941 «О выборах хозяйственных центров для коренного населения и о мероприятиях по оздоровдению коренного населения Колымы»]. Вероятно, это указание явилось следствием чрезмерной активности на местах, и случаев насильственного помещения детей в ясли и комбинаты.

Для обучения детей кочевников, на Северо-Востоке была избрана форма школы – интерната с бесплатным обучением, проживанием и питанием детей. В задачи Административно-гражданского отдела входила организация их деятельности. Проблем в этом деле было очень много. В приказе «Об интернатах школ» от 02.1941 г. отмечены недостатки в работе интернатов: теснота, разбросанность и неприспособленность помещений, недостаточная обеспеченность мебелью и хозяйственным инвентарём, постельными принадлежностями, нательным бельём, одеждой и обувью детей кочевого населения. В ряде интернатов отсутствовали бани-прачечные, была неудовлетворительная санитарная обстановка, учащимся предоставлялось однообразное питание [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 1. Л. 28]. Административно-гражданскому отделу было указано на недопустимое отношение «к вопросу создания нормальных условий в работе интернатов школ Колымы» и определена обязанность увеличить бюджет на приобретение необходимого инвентаря. Отметим, однако, что позднее, с началом войны, другим приказом по Главному и Политическому управлениям Дальстроя было предписано сократить ассигнования местных бюджетов в 1941 году [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 1. Л. 76].

Вторую группу документов составляют докладные записки руководства Главного и Политического управления Дальстроя и руководства АГО в адрес вышестоящих органов. См., например: Докладная записка Жучаева Д. А. о работе АГО Дальстроя заместителю министра внутренних дел СССР от 12.10.1950 г., Докладная записка исполняющего обязанности начальника АГО Дальстроя Кочерова А. А. начальнику Политического управления Дальстроя МВД СССР Буланову П. С. от 5. 8. 1952 г. и др.

Серьёзной социальной проблемой в изучаемый период оставался высокий уровень заболеваемости населения туберкулёзом. В докладной записке исполняющего обязанности начальника Административно-гражданского отдела Агапита Кочерова начальнику политического управления Дальстроя полковнику Буланову сообщалось о проведенном медицинской экспедицией Хабаровского краевого здравотдела обследовании населения. Обследование выявило повышение уровня заболеваемости туберкулезом в 1949 г. среди населения Ольского и Северо-Эвенского районов [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 10. Л. 115]. В докладной записке о работе Административно-гражданского отдела заместителю министра внутренних дел СССР в 1950 г. детализируются данные, полученные медицинской экспедицией Хабаровского краевого здравотдела. В документе приведены цифры заболеваемости туберкулёзом у местных жителей: у 533 человек был обнаружен туберкулёз (в том числе у 243 детей), а из общего количества обследованных у 22 % зафиксирована активная форма туберкулёза. При этом отмечалось, что большая часть больных с открытой формой туберкулёза «не изолирована и инфицирует окружающих» [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 52. Л. 64]. В этом же документе обозначены причины высокого уровня заболеваемости туберкулёзом в среде коренного населения. Среди причин были названы: жилищная неустроенность населения, когда колхозники размещались в жилых помещениях «за счёт уплотнения односельчан», многие проживали в плохо приспособленных помещениях, что приводило к «скученности, … антисанитарии и тормозило привитие среди населения культурно-гигиенических навыков» [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 52. Л. 59].

Для решения этой проблемы строилась сеть медицинских учреждений. В одной из докладных записок начальника АГО 1952 г. отмечен рост сети медицинских учреждений на территории Дальстроя [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 10. Л. 120].

В документах этой группы отражены и иные направления деятельности Административно-гражданского отдела по изменению положения коренного населения региона. В докладной записке начальника АГО в январе 1941 г. приводились сведения о выполнении плана ликвидации неграмотности и о сети изб читален. Судя по документу, большинство изб-читален были плохо оборудованы, а у АГО не было точных данных об охвате населения учёбой, работа по комплектованию школ ликбеза только начиналась [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 5. Л. 19].

Интерес представляет предложенная начальником Политического управления Дальстроя идея заменить на рыбных промыслах труд женщин-колхозниц на неквалифицированных работах (мойке и укладке рыбы в чаны) «трудом оргсилы», то есть трудом заключенных [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 12. Л. 8. Докладная записка Начальнику Главного управления Дальстроя от начальника Политического управления Дальстроя. 11.03.1941].

Третья группа документов – внутренняя отчётно-статистическая документация Административно-гражданского отдела Дальстроя. См., например: Справка о количестве населения в районах Колымы по состоянию на 01.01.1952., Статистические сведения по народному просвещению на Колыме 1932 г., справка о количестве коренного населения от 01.01.1944 г. [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 24. Л. 6. Д. 10. Л. 12, 109]. В рамках нашей темы интерес представляют, прежде всего, данные о количестве населения. Динамику численности коренного населения в трёх районах Колымы демонстрирует таблица. В пояснении к приводимым количественным данным, автор этой сводки указывает, что основной причиной уменьшения количества коренного населения в указанный период следует считать эпидемию кори 1947 г., а так же высокий уровень заболеваемости туберкулёзом [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 10. Л. 29. Сводка о количественном изменении состава коренного населения за 5 лет (1944–1948 гг.)]. Отметим, что всего, по статистическим данным АГО, в 1944 г. в национальных районах Колымы проживали: орочей (эвенов)- 2139 чел., якутов − 592 чел., камчадалов − 784 чел., юкагиров − 175 чел., всего коренного населения – 3690 человек [1, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 10. Л. 12]. Таким образом, убыль коренного населения в период 1944–1948 гг. была значительной и составила более 10 %.

Таблица 1

Динамика количества коренного населения национальных районов Колымы (1944–1948 гг.)
Сост. по: ГАМО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.

	Орочи (эвены)		***Якуты***		***Камчадалы***		***Юкагиры***		***Всего***	
Национальные районы	***прибыло***	***умерли***	***прибыло***	***умерли***	***прибыло***	***умерли***	***прибыло***	***умерли***	***прибыло***	***умерли***
Среднеканский р-н	–	13	–	49	–	–	–	34	–	96
Ольский р-н	–	77	–	2	97	–	–	–	97	79
Северо-Эвенский р-н	–	161	–	–	–	40	–	–	–	201
Итого	–	251	–	51	97	40	–	34	97	376

Таким образом, документы фонда Административно-гражданского отдела Дальстроя, хранящиеся в ГАМО, позволяют глубже исследовать комплекс проблем, связанных с изучением государственной политики советского периода по отношению к коренным малочисленным народам Северо-Востока СССР в период 1930–1950 гг.

Список литературы

1. Государственный архив Магаданской области (ГАМО).

2. Первый ревком Чукотки (1919–1920 гг.): сб. док и материалов. Магадан: Кн. изд-во, 1957. 130 с.; Ревкомы Северо-Востока СССР (1922–1928 гг.): сб. док. и материалов / ред. коллегия: В. С. Флеров [и др.]. Магадан: Кн. изд-во, 1973. 240 с. ; Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.). Магадан: Кн. изд-во, 1961. 249 с. ; За власть Советов (из истории борьбы за установление советской власти в Камчатской области). 1920–1922 гг. : док. и материалы. Владивосток, 1967; Советы Северо-Востока: сб. док. и материалов. Ч. 1 (1928–1940 гг.) / сост. В. Г. Гончаров, С. В. Гунько, Б. И. Мухачев [и др.]. Магадан: Кн. изд-во, 1979. 287 с.; Местные Советы Приморья. Страницы истории: сб. док. 1922–1985 гг. / сост.: с. И. Лазарева, И. Н. Старостина, А. А. Торопов [и др.]; под общ. ред. А. И. Крушанова.- Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 327 с. ; Летопись жизни и творчества народов Северо-Востока РСФСР. 1917–1985: сб. док. / науч. ред. С. В. Захаров. Петропавловск- Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1986. 191 с. и мн. др.

3. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народностей Севера. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 569 с. ; Гущин И. В., Афанасьев И. А. Чукотский национальный округ. Магадан: Кн. из-во, 1956. 104 с.; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965. 403 с.; Нефедова С. П. Культурное строительство на Чукотке (1917–1958 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки / отв. ред. А. И. Крушанов, В. А. Ежов ; АН СССР, ДВ центр, труды СВКНИИ.- Магадан: СВКНИИ. 1971. С. 81–158; Кузаков К. Г. Ожившая тундра. Социализм и судьбы народов Севера Дальнего Востока. Владивосток: Кн. изд-во, 1973. 197 с.; История и культура народов Северо-Востока СССР: материалы 3-й сессии Дальневосточных исторических чтений по проблемам истории Северо-Востока СССР.- Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. 239 с.; Организационно-политическое укрепление Советов на Дальнем Востоке СССР (окт. 1917−1983 гг.): сб. науч. тр. / АН СССР. ДВНЦ, Ин-т истории, археологии и этнографии народов ДВ ; отв. ред. С. И. Лазарев. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1985. 124 с.; Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в историю / под общ. ред. Н. Н. Дикова. Магадан: СВКНИИ, 1996. 105 с. и мн. др.

4. Сергеев М. А. Указ. соч.

5. Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.

6. Центр хранения современной документации Магаданской области (ЦХСД МО).

7. Широков А. И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. 460 с.

8. Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан: Кордис, 2000. 151 с.

Статья поступила в редакцию 03.03.2012 г.

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2 Рос. Бур)

Владимир Батомункуевич Базаржапов,
доктор исторических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: olzonat@mail.ru
Наталья Владимировна Олзоева,
соискатель,
Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: olzonat@mail.ru

Развитие земледелия и кормовой базы в колхозах Бурят-Монгольской АССР в послевоенные годы (1945–1953)

В данной статье рассматривается важный для нашей страны и республики Бурятия период послевоенного восстановления экономики 1945–1953 гг. Актуальные вопросы развития аграрного производства в земледелии изучены на примере колхозов Бурят-Монгольской АССР. В работе проанализированы данные документальных источников из фондов Национального архива республики Бурятия, на основании которых выявлены процессы восстановления и развития посевных площадей, их структуры, урожайности и валовых сборов всех видов сельскохозяйственных культур, в т. ч. и кормовых. Многие из этих материалов введены в научный оборот впервые. Особую ценность и научную новизну работе придаёт проведённый сравнительный анализ восстановления и развития земледелия в колхозах Бурят-Монгольской АССР с другими регионами страны (Сибирью, Восточной Сибирью), а также в целом с РСФСР, на основании которого были сделаны выводы об особенностях и трудностях восстановительного периода в республике.

Ключевые слова: послевоенные годы, Бурят-Монгольская АССР, колхозы, восстановление, развитие земледелия, кормовая база, посевные площади,

Vladimir Batomunkuevich Bazarzhapov,
Doctor of History, professor,
East-Siberian State University of Technology and Management
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: olzonat@mail.ru
Natalia Vladimirovna Olzoeva,
postgraduate,
Buryat State University,
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: olzonat@mail.ru

Development of Agriculture and Forage Reserve in Collective Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in the Postwar Years (1945–1953)

The article deals with the important for our country and the republic of Buryatia period of postwar economy recovery (1945–1953). Current issues of agriculture development were studied on the example of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic collective farms. The author presents certain data of documentary sources from the National Archive of the Republic, on the basis of which the processes of acreage reconstruction and development, their structure, productivity and total charges of all kinds of crops, including fodder, have been identified. Most of these materials are introduced into scientific circulation for the first time. The comparative analysis of collective farming reconstruction and development in the Buryat-Mongol

© В. Б. Базаржапов, 2012

Autonomous Soviet Socialist Republic, other regions of the country (Siberia, Eastern Siberia), as well as RSFSR as a whole, on the basis of which conclusions about the peculiarities and difficulties of the recovery period in the country were drawn, attaches especial value and scientific novelty to this scientific work.

Keywords: postwar years, Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic, collective farms, restoration, agriculture development, forage base, area under crop.

После окончания Великой Отечественной войны одной из главных целей деятельности Советского государства было восстановление экономики страны: промышленности, сельского хозяйства, транспортной и энергетической систем. Восстановление сельского хозяйства означало, прежде всего, восстановление колхозов, где производилась основная часть сельхозпродукции. «Важнейшей задачей, с которой начиналось возрождение колхозного производства, было восстановление земледелия. Ближайшей целью на два-три года было восстановление посевных площадей колхозов, повышение урожайности и валовых сборов сельскохозяйственных культур, особенно яровой пшеницы» [1, с. 99].

В 1946 г. по сравнению с довоенным временем посевные площади составляли 72,5 %. В 1946 г. по сравнению с 1945 г. размеры посевных площадей сократились с 331,5 тыс. га до 303,4 тыс.га [3, лл. 2–4, 37 об. 39]. «Из-за недостатка техники, лошадей сев в первую послевоенную весну был проведён с большим опозданием. К тому же погодные условия зимы 1945–1946 гг. оказались исключительно неблагоприятными. А весной и летом 1946 г. сельское хозяйство поразила страшная засуха. По размерам территории, по длительности засуха 1946 г. была тяжелее, чем в 1891 и 1921 гг. На сотнях тысяч гектаров урожай даже не возместил семян, затраченных на посевы.

Средняя урожайность зерновых с гектара в колхозах в целом по стране составила 4,1 ц. Следует отметить, что на площадях, засеянных по зяби и в нормальные сроки, несмотря на засуху, посевы не погибли. Однако влияние засухи усугублялось низким уровнем культуры земледелия в большинстве районов страны. Сказались и последствия войны» [1, с. 100]. По данным сводных годовых отчётов колхозов, приведенных в табл. 1 [3, лл. 8–9об., 37об. − 38об.], в Бурят-Монгольской АССР производство зерновых культур в 1945–1946 гг. значительно снизилось и в 1946 г. валовый сбор зерновых составлял 12,7 % от уровня 1940 г. или уменьшился в 4,7 раза.

Таблица 1

Производство зерновых культур в колхозах Б-М АССР в 1945–1946 гг.

Год	*Площадь посева (тыс. га)*	*Валовый сбор (тыс. т)*	*Урожайность (ц с га)*
1940	365,5	3029,9	8,29
1946	222,5	387,1	1,74

«Из-за недостатка рабочей силы и уборочной техники во многих районах не удалось своевременно и полностью убрать и такой скудный урожай. Общий сбор зерновых в стране в 1946 г. по сравнению с предыдущим 1945 г., сократился до 83,6 %» [1, с. 100]. По Бурят-Монгольской АССР, из табл. 1, этот показатель составляет 67,2 %. «Если в 1940 г. колхозы страны собрали 76,1 млн т зерна, в 1945 – 33,6 млн, а в 1946 г. – 28,1 млн т (36,9 % от довоенного уровня), колхозы РСФСР – 36,1 % от довоенного уровня, в т. ч. в районах Сибири и Дальнего Востока – 54,1 %» [1, с. 100], а по Бурят-Монгольской АССР – 12,7 % (табл. 1). «За всю историю (не считая 1942 и 1943 гг., когда значительная часть страны была оккупирована врагом) колхозы не собирали такого скудного урожая. Засуха 1946 г. нанесла большой ущерб сельскому хозяйству и во многом усложнила его восстановление, выполнение пятилетнего плана. Тяжёлое положение с продовольствием, сложившееся в первый послевоенный год, требовало принятия срочных мер по увеличению общественного производства. В декабре 1946 г. Совет министров СССР принял постановление «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР.

В постановлении предлагалось обеспечить в 1947–1949 гг. расширение посевов

зерновых в колхозах и совхозах на 8 млн га, в т. ч. зерновых на 6,5 млн га. Предусматривалось укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов этих областей, а также меры по повышению культуры земледелия, с тем, чтобы за три года повысить урожайность на 1–1,5 ц с га. Постановление ориентировало на вовлечение в хозяйственный оборот плодородных и залежных земель Казахстана и Сибири» [1, с. 101].

В Бурят-Монгольской АССР рост посевных площадей с 1946 – 1953 гг. можно проследить по табл. 2 [4].

Таблица 2

Динамика посевных площадей в колхозах Бурят – Монгольской АССР

Годы	*1940*	*1946*	*1947*	*1948*	*1949*	*1950*	*1951*	*1952*	*1953*
Вся посевная площадь (тыс. га)	418,4	245,5	311,3	331,5	341,6	375,0	396,7	399,1	420,5

Из данных таблицы следует, что посевные площади в колхозах республики составляли в 1946 г. – 58,6 %; 1947 г. – 74,4 %; в 1948 г. – 79,2 %; в 1949 г. – 81,6 %; в 1950 г. – 89,6%; в 1951 г. – 94,8 %; в 1952 г. – 95,3 % от довоенного уровня. И только в 1953 г. был достигнут довоенный уровень посевных площадей, который составил 100,5 % от уровня 1940 г.

Если «по сопоставимой территории страны посевные площади всех озимых и яровых культур в колхозах достигли в 1950 г. 95 % к уровню 1940 г. и вместе с западными районами превысили его» [1, с. 104], то в Бурят-Монгольской АССР этот показатель в 1950 г. составлял 89,6 %, что говорит о низких темпах увеличения посевных площадей в колхозах республики относительно западных регионов страны.

Последствия войны преодолевались в составе сельскохозяйственных культур. Изменения в структуре посевов колхозов можно проследить по данным табл. 3 [4].

Таблица 3

Структура посевных площадей сельскохозяйственных культур в колхозах Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 годы (в тыс. га)

Годы	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Вся посевная площадь	245,5	311,3	331,5	341,6	375,0	396,7	399,1	420,5
В т. ч. зерновые	222,5	288,9	305,5	308,3	321,7	341,3	333,7	335,9
В т. ч. технические	0,4	3,2	2,7	3,1	4,0	2,8	1,9	1,9
Картофеля	5,3	4,5	6,6	7,8	8,1	7,9	7,4	8,5
Овощей	2,2	2,7	2,7	2.6	2,5	2,3	2,4	2,1
В т. ч. кормовые	13,9	10,9	13,7	18,0	34,9	36,8	47,8	64,3

В Бурят-Монгольской АССР, как и в целом по стране, повысилась за годы четвертой пятилетки доля технических культур и площади под этими культурами. По данным таблицы 3 доля технических культур с 1946–1950 гг. увеличилась в 10 раз, но к 1953 г. вновь снизилась до довоенного уровня.

«Медленно восстанавливались посевные площади под зерновыми и бобовыми, по стране к 1950 г. они составили лишь 99 % от довоенного уровня и 74,4 % по удельному весу в общих посевах колхозов вместо 77,3 % в 1940 г.» [1, с. 104]. По республике этот показатель составил к 1950 г. только 88 % и к 1953 г. − 91,9 % от довоенного уровня. Отсюда следует, что восстановление посевных площадей под зерновыми в колхозах Бурят-Монгольской АССР за 1946–1953 гг. не произошло и продолжилось в последующие годы. Удельный вес зерновых в общих посевах колхозов республики составил к 1950 г. − 85,7 %, вместо 87,2 % в 1940 г., что гораздо выше приведённых данных по стране. Но если сравнить динамику показателей удель-

ного веса зерновых в колхозах республики, то мы увидим, что удельный вес зерновых в структуре посевных площадей колхозов республики составлял в 1940 г.. – 87,2 %; в 1945 г. – 90 % в 1950 г. – 85,7 %; в 1953 г. – 79,8 %, что говорит о значительном снижении доли зерновых в структуре посевов за рассматриваемый период.

«В целом по стране посевные площади по картофелю и овощным культурам были восстановлены: в 1950 г. они составили к уровню 1940 г. по картофелю 115,3 % и по овощам 103,9 %» [1, с. 104]. По Бурят-Монгольской АССР посевные площади по картофелю составили в 1945 г. – 50 %; в 1950 г. – 61,3 %; в 1953 г. – 64,3 % от довоенного уровня. Посевные площади под овощами достигли в 1945 г. – 70,2 %; в 1950 г. – 67,5 %; в1953 г. – 56 % от довоенного уровня. Из сравнительного анализа данных табл. 3 можно сделать вывод о том, что восстановление посевных площадей под картофелем в колхозах республики за 1945–1953 гг. происходило очень медленно и не достигло довоенного уровня, а восстановление посевных площадей под овощными культурами не только не произошло, но и неуклонно снижалась.

Анализ данных посевных площадей по кормовым культурам в колхозах республики показал, что в 1945 г. они составляли 63 %; в 1946 г. – 40,4 %; в в 1950 г.- 101 %; 1951 г. – 106,9 %; 1952 г. – 138,9 %; в 1953 г. – 186,9 % от довоенного уровня. Отсюда следует, размеры посевных площадей кормовых культур резко снизились в годы Великой Отечественной войны, их восстановление произошло в ходе четвёртой пятилетки и в годы пятой пятилетки произошёл значительный рост.

В целом, анализируя данные табл. 3, можно сделать вывод о том, что структура посевных площадей в колхозах Бурят-Монгольской АССР и динамика её развития за 1945–1953 гг. отражала специфику главного направления развития сельского хозяйства республики и была нацелена на решение задач восстановления животноводческой отрасли.

Представление о производстве зерновых культур в колхозах Бурят-Монгольской АССР дает табл. 4 [4].

Таблица 4

Производство зерновых культур в колхозах Б-М АССР

Год	*Площадь посева (тыс. га)*	*Валовый сбор (тыс. т)*	*Урожайность (ц с 1 га)*
1940	345,2	2 862, 8	8,29
1946	278,8	386, 0	1,74
1947	296,0	1 662, 8	5,75
1948	315,2	1 510, 1	4,95
1949	322,1	2 012, 3	6,5
1950	339,9	1 070, 7	3,1
1951	341,3	1 667, 8	4,6
1952	333,7	2 736, 4	8,2
1953	335,9	2 298, 2	6,8

В Бурят-Монгольской АССР в 1950 г. при уровне посевных площадей 88 % от довоенного, валовый сбор зерновых в 1950 г. составлял 37,4 %, тогда как в том же году «в РСФСР при уровне посевных площадей 91,2 % валовый сбор достигал 79,5 %, в том числе в районах Сибири и Дальнего Востока – 91,6 % и 113,8 %» [1, с. 105]. А в 1953 г. уровень посевных площадей в республике составлял 91,2 %, валовый сбор – 80,2 % от довоенного уровня. Урожайность зерновых в республике за годы Великой Отечественной войны снизилась в 4,2 раза и составляла в 1945 г. – 1,93 ц с га, в 1950 г. – 3,1 ц с га, средняя урожайность за пять лет четвёртой пятилетки равнялась 4,1 ц с га за счёт более урожайных 1947 – 1949 гг. В 1953 г. урожайность по сравнению с 1950 г. увеличились в 2 раза. Но сравнивая соответствующие данные развития зернового хозяйства страны, РСФСР, Сибири, Дальнего Востока и Бурят-Монгольской АССР можно сказать, что проблемы восстановления и развития зернового хозяйства республики решались медленнее и труднее по сравнению с другими регионами страны.

Проводилась работа по укреплению кормовой базы. В 1945 г. в колхозах республики был введён план посева на прифермских участках. Однако в связи с тем, что семян кормовых корнеплодов было недостаточно, во многих колхозах были посеяны зерновые культуры и зелёнка. Всего было посеяно

1684 га. В связи с плохой обработкой и уходом часть посевов погибла, было учтено следующее количество кормов, которые израсходованы для кормления скота: картофеля 4322 ц, турнепса и свеклы 5617 ц. Овёс, посеянный на зеленку, в большинстве был использован для продовольственного хлеба и т. д. Силосование проводилось за счёт сорняков, так как силосных культур, специально высеваемых в колхозах республики, не имелось. В 1945 г. заложено силоса 98815 тонн при плане 150000 т. Невыполнение плана силосования объяснялось в основном недостатком сорняков. Народным комиссариатом земледелия республики для выполнения плана силосования применялись следующие меры: для колхозов был разработан дополнительный план силосования огородных отходов (ботвы, капустного листа и т. п.). Но эти дополнительные планы зачастую не выполнялись. Поэтому «в ряде колхозов были обнаружены факты очковтирательства с закладкой силоса. Так, например, в колхозе им. Энгельса Верхнеторейского сельсовета Джидинского аймака было обнаружено, что по распоряжению председателя колхоза Буянтуева две силосные ямы были закрыты пустые. Этот вопрос специально обсуждён на бюро Джидинского АК ВКП(б) и председатель колхоза был снят с работы и отдан под суд.» [2, лл. 8об.–9об].

В 1945 г. в колхозах республики было введено 123 севооборота с посевом многолетних трав. Более широкое освоение севооборотов началось с 1946 г.. Основным недостатком, с которым пришлось столкнуться при введении и освоении севооборотов, – это отсутствие в республике собственной базы по воспроизводству семян многолетних трав. Естественными травами, которые могли быть успешно введены в севообороты, являлись из злаковых: пырей Американский, Водонец Сибирский, Костец безостный. Из бобовых трав наиболее перспективной была люцерна, особенно сорт «Онохойская 6», выведенная и переданная в государственное испытание Онохойской Госселекстанцией. Лугопастбищные севообороты ввиду отдалённости и разбросанности угодий, ферм и хозяйственных центров в республике не были приняты.

Также осложняло создание кормовой базы в республике то, что решением этих вопросов занимались зоотехники и отчасти мелиораторы. Агрономический персонал не участвовал в решении этих задач. Кроме того, «в Наркомземе республики не было даже агронома-кормовика, не говоря уже о кормовом отделе, который до войны существовал, но затем был упразднён» [2, л. 10]. Такое положение сказывалось на росте урожайности и валовых сборах кормовых культур, ибо зоотехники не могли квалифицированно ставить и разрешать многие вопросы, связанные с кормодобыванием. В результате, в годы четвёртой и первые годы пятой пятилеток рост урожайности и валовых сборов по многим видам кормовых культур происходил очень медленно.

Таким образом, восстановление и развитие земледелия и производство кормов в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг. проходило в тяжёлых условиях. Хотя на территории республики непосредственных военных действий не было, тем не менее, разрушительные последствия войны сказались на состоянии экономики региона. Поэтому одна из главных задач сельского хозяйства республики – восстановление довоенного уровня развития земледелия и кормовой базы не была решена и стала одной из ключевых в последующие годы.

Список литературы

1. История советского крестьянства: в 5 т. / сост. И. М. Волков. М., 1987. Т. 4: Крестьянство в послевоенные годы.

2. НАРБ. Ф. Р 691 Оп. 7. Д. 294. Л. 8 об –9об.

3. Составлено и подсчитано автором по данным НАРБ. Ф. Р. 691. Оп. 7. Д. 5433. Л. 2–4; 37об–39.

4. Составлено по данным: НАРБ ф.р 691 Оп. 7. Д. 5433 Л. 8об.,9 об., 37об., 38 об.; Д. 5434. Л. 9об.,10 об.; Д. 5435. Л. 3об., 4об.; Д. 5436. Л. 2об., 3об.; Д. 5437. Л. 5об., 6об.; Д. 5438. Л. 3об., 4об.; Д. 54 39. Л. 3об., 4об.; Д. 5440. Л. 10об, 11об.

Статья поступила в редакцию 13.01.2012 г.

УДК 330.59:94(571.54)
ББК 65–94: 63.3(2Р-6Бу)

Вячеслав Александрович Гельман,
кандидат социологических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления (Улан-Удэ, Россия), e-mail: wigdan@mail.ru

Социальные изменения положения населения Бурятии в условиях трансформации

Статья рассматривает социальные преобразования в Республике Бурятии и возникшие социальные проблемы в период экономического реформирования страны. Большое внимание в работе автор уделяет изменению социальной структуры населения, уровня его жизни в республике Бурятия. Социально-экономические и политические преобразования в стране, проводимые в девяностые годы, способствовали коренному изменению в структуре общества, породили многие социальные проблемы и привели к маргинализации населения. Прежде всего, произошло ухудшение социально-экономических параметров жизнедеятельности жителей республики. Рыночные реформы способствовали серьёзному ухудшению социально-экономического развития Бурятии, переместив её за годы реформ в группу наиболее кризисных регионов нашей страны. Трансформация, переживаемая республикой в девяностые года, предопределила современные социально-экономические тенденции в развитии региона.

Ключевые слова и фразы: социальные преобразования; прожиточный минимум; уровень жизни; высокий уровень заболевания; занятость населения; Республика Бурятия.

Vyacheslav Aleksandrovich Gelman,
Candidate of Social sciences, Associate professor, East-Siberian State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russia), e-mail: wigdan@mail.ru

Social Changes of the Buryat Population's Position under the Transformation Conditions

The article considers social transformations in the Republic of Buryatia and the social problems arisen during the economic reforms of the country. The author pays great attention to the changes in the population's social structure, their standards of living in Buryatia. Social, economic and political transformations of the country in the nineties caused a basic change in the society structure, generated a lot of social problems and lead to the population marginalization. There was a degradation of the social and economic parameters of the republic citizens' lives. Market reforms caused deterioration of Buryatia's social and economic development, it had been transferred to the group of the most recessionary regions of our country. The transformation endured by the republic in the nineties predetermined modern social and economic tendencies in the region development.

Keywords: social transformation, a living wage, a standard of living, high rates of the disease spread, population employment, the Republic of Buryatia.

© В. А. Гельман, 2012

Радикальные политические, социально-экономические преобразования в Республике Бурятия затронули все сферы жизни населения и изменили социальную структуру общества. Новые тенденции в развитии экономики, в структуре населения и основных демографических и социальных показателях в Бурятии, особенно остро проявившиеся в результате российских реформ, во многом предопределили дальнейшее развитие республики. В результаты реформ в Бурятии изменения серьёзно сказались на уровне жизни населения, позволили говорить о депрессивности региона. Именно поэтому обращение к этой важнейшей стороне проблемы позволит создать реальную картину социальных изменений. Однако выявить качественную сторону жизни населения весьма сложно. К сожалению, официальная статистика не даёт полной информации по этому вопросу.

Анализ и оценка изменений в уровне жизни, важнейшими показателями которых являются ожидаемая продолжительность жизни, показатели заболеваемости и коэффициент смертности жителей республики в трудоспособном возрасте, позволяют выявить основные тенденции в социальной сфере общества. При этом состояние здоровья человека имеет основное значение для определения изменения уровня жизни, поскольку рассматривается как главное условие его жизнедеятельности и показатель экономического и социального состояния общества.

В ходе реформ 1990-х гг. не уделялось должного внимания социальным проблемам и, в первую очередь, здоровью населения. В результате показатель смертности в 1999 г. составил 14,8 человек на 1000 населения против 9,8 человек в 1992 г. В трудоспособном возрасте она достигла 46 %. При этом, как свидетельствует статистика, в России в конце XX в. произошло в 14 раз больше самоубийств, чем 100 лет назад. Ещё в 1990 г. на 100 тыс. населения было 2,7 суицидов, в конце 1990-х гг. – уже 37 [2]. Причинами этих показателей, в основном, является неудовлетворенность жизненных потребностей человека. Показатель смертности трудоспособного населения в Бурятии выше сибирского и общероссийского уровня. Высокая смертность населения трудоспособного возраста является актуальной проблемой для республики. Причины кроются в социальных сложностях и жизненных ситуациях, обусловленных отсутствием работы, перспектив, безденежьем.

В январе – марте 2011 г. умерло 3245 чел. и коэффициент смертности в республике составил 13,5 умерших в расчёте на 1000 населения. Основными причинами высокой смерти населения республики являются болезни системы кровообращения (48,9 %), несчастные случаи, отравления и травмы (18,9 %), новообразования (13,7 %), болезни органов дыхания (5,8 %) и органов пищеварения (5,5 %). По сравнению с аналогичным периодом прошлого года наблюдался рост смертности от болезней нервной системы в 2,5 раза, болезней органов пищеварения на 34,8, новообразований на 24,1 и болезней органов дыхания на 19,5 процента. При этом отмечено снижение смертности населения от убийств на 36,2 процента, от инфекционных и паразитарных болезней на 23,7, в том числе от ВИЧ инфекций на 28,4, от сахарного диабета на 24, болезней системы кровообращения на 5,1 и от несчастных случаев, отравлений и травм на 4,8 процента. С начала года умерло 33 ребенка в возрасте до одного года, коэффициент младенческой смертности на 1000 родившихся составил 8,0 новорождённых [1]. В результате тенденций последних лет, вызванных в том числе и активными мерами государственного стимулирования рождаемости, в Бурятии с 2006 г. отмечается небольшой естественный прирост, но насколько устойчиво это улучшение пока остаётся неясным. Здесь важным показателем является средняя продолжительность жизни в Республике Бурятия, у мужчин она составляет 59,3 года, у женщин — 71,6. С 2005–2009 гг. продолжительность жизни всего населения увеличилась на 3,4 года и составляет 65,3 года (РФ 2008 г. – 67,8 лет), в том числе у мужчин – на 4,2 года, у женщин – на 1,7 года. При этом разница в продолжительности жизни мужчин и женщин стабильно равняется 12–13 годам, мужчины не достигают границы пенсионного возраста и доживают лишь до 58,5 лет. [1] Одной из основных причин этого является алкоголизм. В структуре причин смертности населения 21,6 % занимают внешние причины, где доля «алкогольных» составляет 61,6 % [3].

При этом к 2009 г. удалось добиться снижения смертности за счёт борьбы с заболеваниями нервной системы, дыхательных органов, органов кровообращения и злокачественными образованиями. Теперь медики собираются работать и с другими причинами. Например, со скрытыми депрессиями, что является причиной самоубийств. Все медицинские работники, начиная от работников фельдшерских пунктов, персоналов больниц и участковой службы, будут повсеместно обучаться раннему выявлению скрытых депрессий и методам профилактики. Министерство здравоохранения Бурятии сделало первый шаг по созданию такой психологической службы помощи. Началось сотрудничество с ведущими суицидологами страны, а также взаимодействие с представителями духовенства [3].

Возможно, мероприятия, предпринимаемые для борьбы с основными причинами смерти населения Бурятии, не достаточно эффективно решают эту проблему. Необходимо бороться с причинами, подвигнувшими человека на суицид. Основные причины кроются в нищенском существовании большинства людей, неспособных прокормить свою семью. Низкий уровень жизни характеризуется подверженностью большинства населения разным приобретённым и хроническим заболеваниям. Общая заболеваемость населения Республики Бурятия по итогам 2009 г. увеличилась на 9 % в сравнении с 2005 и составила138 случаев на 100 тыс. населения [3].

Особую тревогу в Бурятии вызывает высокий уровень заболевания туберкулёзом. Рост числа заболевших этой болезнью − индикатор, показывающий ухудшение социально-экономической ситуации, а также финансового состояния здравоохранения. Бурятия вышла на 4-е место в России по этому показателю. Проблема борьбы с туберкулёзом остается очень серьезной. Ситуация в России и Бурятии стала ухудшаться с начала 1990-х гг. Причины – ухудшение условий жизни, снижение общего уровня здоровья населения, а также низкий уровень организационно-методической работы профильных НИИ, который приводит к отставанию нормативной базы и дефектам в проведении противотуберкулёзных мероприятий. Не уделяют достаточного внимания вопросу заболеваемости туберкулёзом и местные власти всех уровней. В 2009 г. в Бурятии было 159 заболевших на 100 тыс. жителей. В 2007 г. впервые заболевших жителей было зарегистрировано 1590. Умерло от туберкулёза в 2008 г. 228 жителей республики. 76 % из заболевших в 2008 г. нигде не работают, более 4 % (65 человек) – лица без определённого места жительства. Всего на учёте в противотуберкулезном диспансере стоит 328 больных туберкулёзом бомжей [3].

Эпидемиологическая ситуация в РБ наблюдается не только по заболеваемости туберкулёзом, серьёзную опасность представляет неблагополучная ситуация по заболеваемости сифилисом. В 2009 г. уровень заболеваемости сифилисом по республике (113,5 на 100 тыс. населения) превысил показатель в целом по РФ (53,3 на 100 тыс. населения) и по СФО (95,3 на 100 тыс. населения) [5].

Весьма серьёзная обстановка сложилась в сфере наркологического оборота, хотя уровень наркологических расстройств в Республике Бурятия в 2 раза ниже, чем в РФ и составляет 1131,3 на 100 тыс. населения. Уровень первичной заболеваемости ниже, чем в РФ на 40,2 % (170,8 на 100 тыс. населения). В структуре заболеваемости наркологическими расстройствами наибольший удельный вес занимает хронический алкоголизм – 62 % (РФ – 63,6 %), на 2-м месте – употребление наркотических веществ с вредными последствиями 16,7 % (РФ на 2-м месте употребление алкоголя с вредными последствиями – 15,2 %), на 3-м месте – алкогольный психоз – 7,5 % (РФ на 3-м месте наркомания – 10,8 %) [6].

Весьма серьёзная обстановка сложилась среди подростков. Каждый десятый из состоящих на учёте в наркодиспансере, моложе 14 лет. По официальным данным на 1999 г., в республике зарегистрировано 870 наркоманов, включая токсикоманов и алкоголиков. В 2010 г. всего на учёте состоит более 2 тыс. человек. Из них 681 – с диагнозом наркомания. По независимой экспресс-оценке, проведённой Центром СПИД, в Бурятии более 3 тыс. молодых людей (14–29 лет) употребляли наркотики. В настоящее время на учёте в наркодиспансере состоят 512 несовершеннолетних, из них 6 с диагнозом наркомания. С начала 2009 г. число преступлений, совершённых детьми,

выросло с 1219 до 1425, растёт число подростковой преступности с не мотивируемой жестокостью. Более 44 % из них составляют школьники [5].

Наркомания приводит и к росту ВИЧ-инфицированных жителей Бурятии. Заболеваемость ВИЧ-инфекцией в республике в 2009 г. возросла на 65,7 % по сравнению с 2005 г. Выявлено 380 ВИЧ-инфицированных – 39,6 на 100 тыс. населения (в 2005 г. – 23,9 на 100 тыс. населения). Распространённость ВИЧ-инфекции в РБ (вместе с прибывшими) составляет 399,7 на 100 тыс. населения (в 2005 г. – 244,6 на 100 тыс. населения) [4].

Особую тревогу вызывают факты самоубийств детей и подростков. В 2002 г. добровольно ушли из жизни 17 детей в возрасте 10–14 лет и 70 подростков в возрасте 15–19 лет. Сейчас Бурятия находится на 6-м месте по суицидам по России. Министерство здравоохранения Бурятии обеспокоено тревожным сокращением численности подростков. За период с 1999 по 2008 год количество подростков сократилось более чем на 50 %. И во многом это связанно с ростом числа психических заболеваний, в Республике Бурятия растёт число детей, страдающих детским слабоумием [5].

Последствия реформ повлияли на сокращении рабочей силы, её качественных характеристик, что привело к замедлению экономического роста. Ведь одной из самых болезненных проблем является уровень занятости населения в республике. Основой трудового потенциала Бурятии является экономически активное население, численность которого в апреле 2011 г. составила, по итогам обследований населения по проблемам занятости, 441 тыс. человек, или 45,4 % общей численности населения республики. В их числе 394,4 тыс. человек, или более 89 % экономически активного населения были заняты в экономике и 46,5 тыс. чел. (10,6 %) не имели занятия, но активно его искали, и они классифицируются как безработные. В государственных учреждениях службы занятости населения на конец апреля 2011 г. зарегистрировано в качестве безработных 9,8 тыс. чел. [1].

В экономике происходил процесс перераспределения рабочей силы между отраслями. Наблюдалось снижение численности работающих во всех отраслях, кроме кредитования, финансов и страхования, аппарата органов управления. Наибольшее сокращение работников было отмечено в промышленности и строительстве. Очень высок уровень скрытой безработицы, который не позволяет увидеть глубину проявления экономического кризиса. В результате этих изменений в республике сложилась крайне серьёзная ситуация с экономически активным населением, которое зачастую не имеет возможности работать. В сравнении с соседними регионами Бурятия одна из лидеров по безработице, где найти работу проблематично, особенно лицам, имеющим высшее образование.

Важными показателями изменений в уровне жизни являются денежные доходы и расходы населения. Если рассматривать денежные доходы населения, то среднемесячная начисленная заработная плата в Бурятии составляет 15976 р. В целом сумма приличная, но здесь не в полной мере учитываются инфляционные процессы, рост цен на продукты, товары и услуги. В Бурятии 38,4 % заработной платы тратится на продукты, 37 % на услуги, 18,4 % − на непродовольственные товары, 6,4 % − на обязательные платежи и взносы [1].

Переход Бурятии к рыночным отношениям хозяйствования активизировал социально-экономические процессы. Радикальные экономические реформы начала 1990-х гг., прежде всего, изменили социальное положение личности в обществе, устранили уравнительное распределение благ и услуг, ввели социальное неравенство и породили новые экономические, финансовые и социальные проблемы. Одной из них является уровень бедности как показатель уровня жизни населения, определяющий величину прожиточного минимума. В России уровень прожиточного минимума на IV квартал 2009 г. составил 5144 р. на душу населения. Самый низкий показатель в Восточной Сибири был в Бурятии (4968 р.), самый высокий в Читинской области (5280 р.) [1]. Такая большая разница свидетельствовала о значительном разбросе цен на потребительские товары и услуги.

В республике значительная часть населения имела денежные доходы ниже прожиточного минимума. В 1990-е гг. Бурятия по уровню бедности уверенно была в числе лидеров – более 60 % населения имели среднедушевой денежный доход ниже прожиточно-

го минимума. В эти годы произошло снижение реальной заработной платы в несколько раз, при этом уровень номинальной зарплаты хотя и медленно, но рос. В связи с этими процессами уменьшались реальные доходы и пенсии. В условиях перехода к рыночной экономике государство перестало уделять должное внимание уровню жизни населения. В эпоху радикальной экономической трансформации уровень жизни – это индикатор направленности политических преобразований в обществе. Уровень жизни позволяет более всего характеризовать состояние экономики и социальных отношений на данном этапе.

В настоящее время изменения количества населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума 1 по Сибирскому Федеральному округу мы можем рассмотреть в табл. [1].

Таблица 1

Изменения количество населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (в % соотношении)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Сибирский федеральный округ						
Республика Алтай	36,8	36,4	36,82)	33,8	26,5	32,2
Республика Бурятия	38,3	32,6	29,72)	25,0	20,5	18,9
Республика Тыва	47,3	45,3	41,3	37,2	31,6	28,0
Республика Хакасия	26,9	27,2	24,32)	20,5	17,4	18,7
Алтайский край	31,3	25,4	19,82)	20,7	19,6	25,3
Забайкальский край	28,8	26,2	23,82)	23,9	20,1	20,0
Красноярский край	23,0	21,7	19,6	16,2	16,62)	18,4
Иркутская область	29,2	21,6	19,32)	18,9	17,3	19,3
Кемеровская область	16,3	13,0	11,7	10,92)	9,9	12,1
Новосибирская область	25,7	21,9	20,72)	18,7	17,2	16,4
Омская область	17,8	16,3	15,82)	14,2	13,9	15,5
Томская область	18,8	16,6	14,62)	13,4	14,6	17,8

Как мы видим, происходит постепенное снижение количества населения с денежным доходом ниже прожиточного минимума, но это прежде всего связано с улучшением экономических параметров в стране, ростом производства и адаптацией большинства населения к прошедшим преобразованиям. За годы реформ государство проводило недостаточную социальную политику, направленную на защиту семей с детьми. В условиях глубокого социально-экономического кризиса эти меры представляли собой не что иное, как социальную защиту от нищеты. Размер детского ежемесячного пособия был мизерным и политика государства, направленная «на улучшение уровня жизни населения», была политикой малых дел, малых сумм и малой пользы. И сегодня программы, принятые для преодоления нищеты населения, пока не дают глубоких качественных результатов.

Социальные проблемы республики связаны с периферийным расположением региона; затянувшимся выходом из сильного экономического кризиса; продолжительным миграционным оттоком населения; плохим состоянием здоровья населения, сопряжённым с проблемой качества и доступности социальных услуг, особенно в малых городах и селах; повышенным уровнем бедности как следствия безработицы и низкой заработной платы; натурализацией экономики сельских домохозяйств.

Ко всему прочему можно добавить проблему доступности и качества услуг здравоохранения: из-за низкой обеспеченности врачами (41 на 10 тыс. населения, в среднем

по РФ – 50) и сокращения сети медицинских учреждений квалифицированная медицинская помощь становится менее доступной, особенно в сельской местности. Проблема обеспеченности врачами и медицинскими учреждениями решается только в столице – г. Улан-Удэ.

В годы рыночных реформ возникли и обострились экономические и социальные противоречия, усилилась борьба за сохранение достигнутого в советское время жизненного уровня населения. Кризисное состояние экономики республики и крайне ограниченные в связи с этим финансовые возможности не позволили республике обеспечить возможность достойно жить, а не просто существовать. Острейшей проблемой стала «проблема людей без определённого места жительства». По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в республике было 1236 людей без определённого места жительства, из них 77 % составляли лица мужского пола. Большая часть (88 %) находилась в трудоспособном возрасте, средний возраст составлял 44 года [5].

Социально-экономические и политические преобразования в стране, проводимые в девяностые годы, способствовали коренному изменению в структуре общества, породили многие социальные проблемы и привели к маргинализации населения. Прежде всего, произошло ухудшение социально-экономических параметров жизнедеятельности жителей республики. Рыночные реформы способствовали серьёзному ухудшению социально-экономического развития Бурятии, переместив её за годы реформ в группу наиболее кризисных регионов страны. Имея низкий социальный уровень развития, не подкреплённый развитой экономической базой, республика ещё сильнее отстала от большинства регионов России. Господствующий в стране правовой хаос, отсутствие достойной работы, социальных гарантий, резкое социальное расслоение привело, в том числе и Бурятию, к социальной и экономической нестабильности. Решение данных проблем возможно только благодаря экономическим, политическим, социальным реформам, в том числе и развитию малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, можно констатировать, что изменения уровня жизни населения характеризовались серьёзными негативными последствиями реформ. Снижение уровня жизни одних, рост благосостояния других и кризисные явления в экономике привели к усиливающейся социальной дифференциации, увеличению числа населения, живущего за чертой бедности, ухудшению демографических показателей с распространением социальных заболеваний.

Продолжающаяся социально-экономическая модернизация российского общества диктует необходимость усиления внимания к её социальным и демографическим аспектам со стороны государственной власти как федерального, так и республиканского уровня. Именно это обстоятельство во многом будет определять развитие Бурятии в XXI в.

Список литературы

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Федеральная служба статистики РФ, 2010.

2. Митупов К. Б.-М. Социальные процессы в Бурятии (90-е гг. XX в.). Улан-Удэ.: Изд-во ВСГАКИ, 2001. 91 с.

3. Здравоохранение РБ: стат. сб. № 05–01–18. Улан-Удэ: Федеральная служба статистики РБ, 2005. С. 5–7.

4. Ермолов Н. Вместе с весной приходит болезнь поведения // Бурятия, 2011. № 54.

5. Бурятия-2009: статистический ежегодник № 01–01–12. Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2009. С. 66–68.

6. Павленко Ю. Г., Соболева А. Г. Социальные измерения экономических процессов. М., 2009. С. 41.

Статья поступила в редакцию 18.02.2012 г.

УДК 314.18 (571. 54)
ББК 60.73 (2 Рос. Бур.)

Константин Бато-Мункич Митупов,
доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: mitupov@inbox.ru

Оксана Николаевна Горковенко,
магистрант,
Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: evgenii.zoloto@mail.ru

Изменение демографической ситуации в Бурятии в условиях трансформации общества (конец XX–начало XXI вв.)

Статья посвещена демографическим процессам в Бурятии в конце XX–начале XXI вв. Рассмотрены основные тенденции развития в половозрастной структуре, анализируются количественные и качественные аспекты изменения в составе населения республики. Анализируются закономерности воспроизводства населения республики, его социально-экономическая обусловленность, а также специфика проявления демографических процессов в данном регионе. Даётся характеристика современной демографической ситуации в Бурятии.

Ключевые слова: демографическая ситуация, половозрастной состав, естественное движение, численность населения, миграционные процессы, динамика численности.

Konstantin Bato-Munkich Mitupov,
Doctor of History, Professor,
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: mitupov@inbox.ru

Oksana Nikolaevna Gorkovenko,
postgraduate,
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: evgenii.zoloto@mail.ru

Change of the Demographic Situation in Buryatiya, under the Conditions of the Society Transformation (late XX - early XXI cc.)

Article is devoted to demographic processes in Buryatiya at the end of the XX – the beginning of the XXI centuries. The basic tendencies of the development in sex and age structure are considered, quantitative and qualitative aspects of change in the population structure of the republic are analyzed. Laws of reproduction of the population of republic, its social and economic conditionality, and also specificity of display of demographic processes in the given region are analyzed. The characteristic of a modern demographic situation in Buryatiya is given.

Keywords: a demographic situation, sex and age structure, natural movement, population, migratory processes, dynamics of number.

В последнее время проблемы демографии, демографические процессы и демографическая ситуация в целом получили значительный общественный резонанс. Для азиатской России эта тема ещё более острая, так как на собственно демографическую ситуа-

© К. Б.-М. Митупов, О. Н. Горковенко, 2012

цию накладывается фактор миграции населения. При условии сохранения существующих тенденций возрастает доля россиян, проживающих в европейской части страны, при сокращении населения северных и восточных территорий. Географический сдвиг расселения населения в западном и южном направлении обусловил уменьшение плотности в Сибири и на Дальнем Востоке, что весьма нежелательно с точки зрения национальной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации.

Чтобы объективно оценить сегодняшнее состояние и перспективы демографической ситуации, нужно проанализировать все факторы, влияющие на динамику численности населения (рождаемость, смертность и внешнюю миграцию), за длительный период в тесной увязке с социально-экономическим «фоном».

Демографическая ситуация с её количественной характеристикой и качественной оценкой даёт возможность всесторонне представить население как важнейший фактор социально-экономического развития. Бурятия по своим демографическим показателям занимает промежуточное положение между соседними «русскими» областями, давно испытывающими естественную убыль населения, и национальными образованиями Сибири, сохранившими небольшой естественный прирост. «Промежуточность», обусловленная высокой долей русского населения, сказывается на всех демографических характеристиках. Так, естественная убыль населения началась в Бурятии на год позже (1993 г.), чем в России в целом, и была выражена слабее. Как и в других республиках и автономных округах юга Сибири, рождаемость в Бурятии устойчиво выше средней по стране (в 2007 г. – 16,1 и 11,3 промилле, соответственно), при этом разрыв с каждым годом нарастает [1, с. 6]. Как и в целом по РФ, одновременно с ростом рождаемости в республике до середины 2000-х гг. рос и уровень смертности, хотя из-за омоложенной структуры населения он оставался пониженным. В результате тенденций последних лет, вызванных, в том числе и активными мерами государственного стимулирования рождаемости, в Бурятии с 2006 г. отмечается небольшой естественный прирост.

Средние показатели по республике не отражают существующих этнических различий: сильной естественной убыли русского населения и более благополучных демографических характеристик бурятского населения. Однако традиции многодетности в сельских бурятских семьях уходят в прошлое. Среди сельского населения доля бурят уже в 1989 г. была в два раза больше, чем в городах, (35 % и 17 % соответственно). Теперь село стало ещё более «бурятским» из-за миграционного оттока и депопуляции русского населения [2, с. 10]. Следствием более высокой рождаемости прошлых десятилетий стал выход на рынок труда значительного по численности поколения бурятской молодёжи, особенно сельской.

Республика Бурятия относилась к числу российских регионов с многолетней естественной убылью населения, начавшейся в 1987 г. и продолжающейся до сегодняшнего дня. По численности населения к началу 2007 г. республика занимала 56 место среди регионов Российской Федерации, 9 место среди регионов Сибирского федерального округа. Средняя плотность населения уменьшилась с 3 чел. на 1 кв. км в 1990 г. до 2,7 в 2006 г [4, с. 8–12].

Численность постоянного населения республики на 1 января 2009 г. составила 960,7 тыс. чел., из них городское – 526,8 и сельское – 433,9 тыс. чел. В январе – августе 2009 года в республике наблюдался естественный прирост населения, который составил 2997 чел., и миграционный отток населения, составивший 673 чел. В целом по республике коэффициент естественного прироста в расчёте на 1000 населения составил 4,7 промилле. В январе – августе 2009 года родилось 11165 детей, коэффициент рождаемости составил 17,4 новорождённых на 1000 жителей [3, с. 21–21]. С учётом предварительных итогов Всероссийской переписи населения 2010 г., численность населения Бурятии составила 972,7 тыс. чел.; из них 566,5 тыс. составляет городское население и 405,2 тыс. чел. сельское население республики [5, с. 3–6].

На миграционный отток, наблюдающийся с начала 1990-х гг., характерный только для регионов Дальневосточного и Сибирского Федеральных округов, приходится 80 % потерь населения. За 1993–1996 гг. республи-

ка в среднем ежегодно теряла 0,4–0,6 % населения; 1997–2002 гг. 0,7–1 %; 2003–2006 гг. 0,3–0,6 %, тогда как в предшествующие двенадцать лет наблюдался ежегодный прирост в 1,1–2 % [7, с. 19].

В результате за последние 16 лет (1992–2007 гг.) в республике численность населения сократилась на 89,8 тыс. чел., или на 8,5 %; ухудшилась и его качественная структура. Если на 1 января 1991 г. доля детей в возрасте до 15 лет составляла почти 31 %, то к 1 января 2007 г. она снизилась до 20,3 %. Одновременно увеличилась доля лиц старшего трудоспособного возраста – с 13,1 % до 15,1 %. На сокращение численности населения основное влияние оказывает отток за пределы республики. До 1989 г. основным источником пополнения численности населения был естественный прирост.

На половозрастной структуре населения сказывается кризисное развитие процессов воспроизводства. Диспропорции, характерные для структуры населения по полу и возрасту, объясняются различиями в уровнях рождаемости и смертности мужчин и женщин. Возрастная структура населения республики за последние годы претерпела значительные изменения. Численность лиц, не достигших трудоспособного возраста в 2002 г. по сравнению с 1989 г., уменьшилась на 31,3 %. Из них численность детей в возрасте 1–4 лет сократилась наполовину, на 46 % снизилась численность 5–9-летних. В 2006 г. отмечено значительное сокращение детей в возрасте 10–15 лет [6, с. 43–51]. По состоянию на 1 января 2006 г. зарегистрирована самая высокая численность населения в трудоспособном возрасте. Однако со следующего года прогнозировалось начало её снижения, так как начинает вступать в трудоспособный возраст поколение 1990-х гг. рождения, когда началось резкое снижение рождаемости.

Перепись 2002 г. отметила значительное увеличение (на 13,4 %) численности населения в возрасте старше трудоспособного и доли этой группы населения в общей численности до 15 %. Причём увеличение численности населения данной группы происходило при сокращении общей численности населения республики – на 5,5 %.

Каждой переписью, начиная с 1959 г., отмечено увеличение среднего возраста населения с 25,6–30,0 лет в 1989 г. За период с 1989 по 2002 гг. средний возраст увеличился сразу почти на 4 года. За 13 лет (1989–2002 гг.) население республики постарело почти на столько же и продолжает стареть. По состоянию на 1 января 2006 г. средний возраст населения республики составил уже 34,5 г. Средний возраст мужчин ниже, чем средний возраст женщин. По итогам переписи 2002 г. по сравнению с 1959 г., средний возраст мужчин увеличился на 8,3 года, а женщин на 8,4 года, т. е. почти одинаково [8, с. 30]. Несмотря на то, что население республики с каждым годом стареет, оно несколько моложе, чем в среднем по России. На 1 января 2006 г. средний возраст по России составлял 38,3 года, в том числе у мужчин 35,7, а у женщин 40,6 года [9, с. 67].

Другой обобщённой характеристикой изменений возрастной структуры населения является показатель демографической нагрузки, т. е. отношение лиц моложе и старше трудоспособного возраста к численности населения в трудоспособном возрасте. Согласно расчётам по состоянию на 1 января 2006 г., показатель демографической нагрузки на трудоспособное население детьми и лицами старше трудоспособного возраста был самым низким за весь послевоенный период и составил 555 чел. в расчете на 1000 населения трудоспособного возраста. При переписи 1970 г. был зафиксирован самый высокий коэффициент нагрузки на трудоспособное население – 868 чел. При этом показатель демографической нагрузки детьми был в 2 раза выше, чем в 2006 г. Нагрузка лицами пенсионного возраста растёт, по итогам переписи 2002 г. была самой высокой и составила 243 чел. в расчёте на 1000 трудоспособного населения.

В 2002 г. по сравнению с 1989 г. коэффициент общей нагрузки снизился на 22 %, нагрузка детьми уменьшилась на 35 %, а лицами пожилого возраста возросла на 8 %. Ситуация со снижением общей нагрузки носит кратковременный характер и с 2006 г. в связи со снижением численности населения трудоспособного возраста начинает расти, причём в большей мере за счёт лиц пенсионного возраста. Этот факт свидетельствует о необратимости процесса старения населения республики.

В сельской местности коэффициент нагрузки лицами пенсионного возраста значительно выше, чем в городской. По итогам переписи 2002 г., в республике на каждую 1000 чел. трудоспособного возраста в городской местности приходилось 225 чел. пенсионного возраста, в сельской 271 [10, с. 24–37].

Численность лиц моложе трудоспособного возраста составляет 204571 чел. – 21,2 % от общей численности населения (из них мужчин 99868 чел. или 48,8 %, женщин 104703 чел. или 51,2 %). При этом лица трудоспособного возраста составляют 65,7 % в общей численности населения. В абсолютом выражении это 632848 чел., причём количество женщин больше мужчин на 8564 чел., или на 2,7 %. В этих двух возрастах соотношение мужчин и женщин различается не намного, в отличие от возраста старше трудоспособного, где численность женщин превышает численность мужчин на 48847 чел., или на 44,1 % [11, с. 71]. Женщин моложе трудоспособного возраста меньше, чем мужчин на 2 %. При этом мужчин старше трудоспособного возраста меньше на 8 %, чем женщин. В трудоспособном возрасте мужчин больше на 6 %.

Динамика численности населения по месту жительства очень важна для определения соответствия городского и сельского населения республики. За 1990−2007 гг. численность городского населения сократилась на 121,9 тыс. чел. (на 18,7 %), при этом её доля уменьшилась с 62,2 до 55,2 %. В 2006 г. основная часть горожан проживала в 6 городах – 447,2 тыс. чел. (84,4 %), остальная часть (15,6 %) в 16 поселках городского типа. Численность сельского населения республики увеличилась на 33,8 тыс. чел. (на 8,5 %), при этом её доля повысилась на 7 % [12, с. 58]. Увеличение произошло из-за преобразований в административно-территориальном устройстве республики. С 1989–2006 гг. по решениям органов власти республики 18 поселков городского типа были отнесены к категории сельских населённых пунктов.

С 2000 г. по 2003 г. численность сельского населения уменьшилась на 9,3 тыс. чел. По предварительным данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность сельского населения меньше, городского на 161,3 тыс. человек. Данная тенденция является характерной особенностью республики. Большая часть городского населения сосредоточенна в основном в столице Бурятии – г. Улан-Удэ. Крупнейшие после столицы города — Северобайкальск и Гусиноозерск — по числу жителей уступают ей более чем в 10 раз. Практически все города республики теряют население, в основном из-за миграции. Особенность Бурятии в том, что даже в тех её районах, где имеется город или посёлок городского типа, функции местных центров в большинстве случаев выполняют села.

Таким образом, основные факторы изменения численности населения в Бурятии имеют специфические особенности и явно связаны с территориальным расположением республики, этническим и половозрастным составом жителей. Особенности естественного движения населения Бурятии, а также показатели миграции определяли основные демографические тенденции.

Результаты анализа демографических процессов демонстрируют основные отличительные черты: инерционность изменений, комплексность демографических проблем, поведенческое своеобразие репродуктивных возрастных групп в различных регионах страны. Главное при этом, что в своей основе современные демографические параметры – это, прежде всего результат предшествующего этапа и одновременно предпосылка будущего. Надо иметь в виду, что это объективная реальность практически не поддаётся воздействию политических мероприятий. С этим необходимо считаться, всесторонне учитывать и использовать как фактор, способствующий активному развитию экономики.

Список литературы

1. Бурятия в цифрах: краткий стат. сб. № 01–01–13. Ч. 1. Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2003. 76 с.

2. Бурятия-2009: стат. ежегодник. № 01–01–12. Улан-Удэ: Росстат, 2009. № 9. 22 с.

3. «Группа из восьми» в цифрах 2006 г.: стат. сб. М.: Госкомстат РФ, 2006. 19 с.

4. Демографический ежегодник Республики Бурятия: стат. сб. № 02–03–05. Улан-Удэ: Бурстат, 2009. С. 37–42.

5. Демографическая ситуация в Республике Бурятия: аналитическая записка. № 02–03–17. Улан-Удэ: Росстат, 2007. 33 с.

6. Миграция населения в Республике Бурятия: стат. сб. (№ 02–03–03). Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2004. 29 с.

7. Республика Бурятия – 75 лет: официальное издание (стат. сб.). Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1998. 34 с.

8. Россия в цифрах: кр. стат. сб. М: Госкомстат РФ, 2003. 398 с.

9. Статистический ежегодник по Республике Бурятия. Улан-Удэ: Бурятстат, 2004. 32 с.

10. Семья в Бурятии: стат. сб. Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2003. 99 с.

11. Социальное положение и уровень жизни населения РБ: стат. сб. № 01–01–18. Улан-Удэ: Бурстат, 2009. С. 5–22.

12. Социальное положение и уровень жизни населения РБ: стат. сб. № 04–01–09. Улан-Удэ: Бурстат, 2008. С. 32–44.

Статья поступила в редакцию 23.12.2011 г.

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

УДК 94 (497.1)
ББК 63.3 (о) 3
И 90

Алексей Владимирович Мишин,
аспирант,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия), e-mail: Futurum2006@yandex.ru

Позиция Югославии в отношении Германии в период диктатуры короля Александра

В статье рассматриваются югославо-германские отношения в период диктатуры короля Александра (1929–1934). В ходе исследования даётся обоснование переориентации политики Югославии с Франции на Германию, а также приводятся факты, свидетельствующие о масштабном проникновении немецкого капитала в Юго-Восточную Европу. Проанализировано внутриполитическое положение Королевства и выявлена необходимость установления более тесных контактов с альтернативными рынками сбыта полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, повышение объемов торговли со странами Юго-Восточной Европы было необходимо Германии для выхода из изоляции и восстановления военной мощи. Кроме того, с каждым годом помощь со стороны Франции становилась все меньше, а Югославия нуждалась в защите от агрессивных соседей, которые не хотели смириться с присоединением к ней некоторых областей. В конце статьи подводятся итоги двустороннего сотрудничества к моменту убийства короля Александра в 1934 г.

Ключевые слова: югославо-германские отношения, диктатура короля Александра, мировой экономический кризис, немецкая экспансия, югославский экспорт.

Alexey Vladimirovich Mishin,
postgraduate,
Moscow State University
(Moscow, Russia), e-mail: Futurum2006@yandex.ru

Yugoslavia Against Germany during the King Alexander's Dictatorship

In the article Yugoslavia- Germany relations during the dictatorship of the King Alexander (1929–1934) are considered. In the course of the research it is substantiated why Yugoslavia refocused its policy from France to Germany, and the facts which prove the large-scale penetration of the German capital into the South-Eastern Europe are produced. The internal political affairs of the Kingdom are analyzed and the necessity to establish closer relations to the alternative markets of the minerals and agrarian products is determined. The raise of the trade volumes was necessary for Germany to avoid isolation and reconstruct the military power.

© А. В. Мишин, 2012

Besides the support by France decreased each year, and Yugoslavia needed the defense from the aggressive neighbors. In conclusion the results of the bilateral collaboration achieved by the moment of the murder of the king Alexander are shown.

Keywords: Yugoslavian-German relations, King Alexander's dictatorship, the world economical crisis, German expansion, Yugoslavian export.

Период 1929–1934 гг. в истории межвоенной Югославии традиционно носит название диктатуры короля Александра. Этот период начался 6 января 1929 года в момент подписания королём указа о запрете всех политических партий, кроме тех, которые будут созданы самим троном, и роспуске парламента и завершился 9 октября 1934 г. убийством короля в Марселе во время визита к министру иностранных дел Франции Л. Барту. Стоит напомнить, что к моменту государственного переворота король Александр находился у власти уже десять лет, а поводом к ужесточению политического режима послужили многочисленные столкновения сербов, поддерживавших идею жесткой центральной власти, и хорватов-сторонников переустройства Королевства СХС (как тогда называлась Югославия) на федеративных принципах и децентрализации управления. Апогеем противостояния стал инцидент 20 июня 1928 года в югославском парламенте – Скупщине, во время которого сербским радикалом был убит глава Хорватской крестьянской партии с. Радич. Таким образом, монарх счёл необходимым провозгласить свою фактически неограниченную власть в государстве и заставить всё несербское население забыть об автономии, что, в частности, подчёркивалось актом переименования Королевства сербов, хорватов и словенцев в Югославию.

Внутренние противоречия усугублялись внешними обстоятельствами. Прежде всего, это был мировой экономический кризис, поразивший в тот момент практически весь западный мир и хронологически почти совпадавший с королевской диктатурой в Югославии. Основным негативным последствием для государства стало положение дел не в самом Королевстве, так как уровень промышленного производства и индустриального развития был крайне низок и лишь в Хорватии и Словении ситуация была немного лучше, а прекращение помощи со стороны западных держав, вызванное тяжёлым экономическим положением этих стран. Данное обстоятельство было фатальным для будущего французских военных союзов на Востоке Европы. Наметившийся уже во второй половине 1920-х гг. постепенный отход Югославии от безоговорочного следования в фарватере французской политики был значительно ускорен в период единоличного правления Александра. К политическим противоречиям в отношениях двух государств, существовавшим и ранее, добавились разногласия экономического характера. Всё это способствовало поиску Королевством иных точек опоры, кроме западных союзников.

Выбор короля пал на уже давно искавшую более тесных связей с Юго-Восточной Европой Германию, переживавшую, однако, в то время также жесточайший кризис. Постепенная переориентация во внешнеполитическом курсе Югославии была обусловлена ещё и таким важным обстоятельством, как категорическое неприятие Берлином любой попытки реставрации Габсбургов в Австрии и восприятие последней как временно независимой части Рейха. Это обстоятельство являлось ключевым для Королевства в то время. К тому же Германия, весьма нуждавшаяся в поставках сырья из Югославии, не имела к стране никаких претензий и не ставила под сомнение её территориальную целостность и сложившуюся государственность. Это выгодно отличало Веймарскую республику практически от всех соседей Королевства, самыми опасными из которых были Италия, не примирившаяся после окончания Первой мировой войны с переходом далматинского побережья к Белграду, и Болгария, претендовавшая на Македонию. Отношения с другими приграничными государствами также были напряженными. Югославия считала укрепление позиций Муссолини в Вене и Будапеште продолжением итальянской политики окружения по отношению к Королевству. Белград был убежден, что только давление Германии на Центральную Европу может освободить

его от этой опасности [1, с. 35]. Западные союзники не проявляли желания обеспечить защиту югославского государства от его недружелюбных соседей.

Именно эти два фактора: категорическая позиция в отношении повторного воцарения Габсбургов в Вене и незаинтересованность Германии в расшатывании Югославии – стали для короля Александра ключевыми моментами в формировании ближайшего внешнеполитического курса государства, направленного на сближении с Берлином. Один из крупных чиновников, ведавших в министерстве иностранных дел отношениями с Югославией, Кёпке в своем донесении от 5 апреля 1934 г. описывал разговор с посланником Белграда в Германии Ж. Балугджичем, во время которого последний сказал, что «из… ощущения беспомощной ненависти к Италии и недоверия к Франции само собой возникло желание по возможности сделать теснее уже и так дружественные отношения с Германией. Есть ощущение покинутости, и осуществляется поиск некой великой силы, с которой не было бы разногласий, а такой была и остаётся Германия» [2, Ser. C, II (2), 381].

Стоит заметить, что уже в 1920-е гг. Германия играла не последнюю роль в югославском экспорте, занимая после Италии (26,8 %) и Австрии (24,0 %) третье место (8,8 %) в этом показателе. В свою очередь югославский импорт составлял в Германии лишь 0,6 % от ввоза в целом. Начиная с конца 1920-х гг., наблюдается повышение объёмов торговли Германии с Югославией. Так, в 1932 г. он составил 30 миллионов рейхсмарок, в 1933 г. – 34, в 1934 г. – 36, а после гибели короля в 1935 г. – уже 61 [6, с. 103]. Таким образом, за три года объём двусторонней торговли вырос более чем в два раза, что свидетельствует о глубокой заинтересованности обеих сторон в тесном контакте. Расширение торгового сотрудничества с Германией начиная с 1929 г. успешно прогрессировало, несмотря на усиливавшееся давление французской конкуренции. Париж требовал от Белграда, чтобы предоставленные кредиты были возвращены в золотом эквиваленте. В определённом смысле югославское руководство вынуждено было в государственных заказах отдавать предпочтение французской стороне. Германский посол в Югославии Кёстер писал по этому поводу, что 7 % доход на Балканах важнее для германской стороны, чем 10 % доход в каком-либо другом уголке мира. В 1931 г. издатели ежегодного отчёта «Немецкого сельскохозяйственного совета» признавались в том, что экономические отношения со Средней Европой – единственная возможность выхода из торгово-политической стагнации [5, с. 101].

Камнем преткновения между Германией и Югославией был вопрос немецкого меньшинства в Королевстве. Немцы проживали в основном в северной и северо-западной частях Королевства, в бывших австро-венгерских владениях Воеводина, Хорватия и Словения и составляли около 700 тысяч. Условия существования соотечественников постоянно беспокоили Берлин, начиная с момента распада Дунайской монархии. Основное беспокойство у Германии вызывало положение немцев прежде всего в Югославии и Румынии. В этих странах оказалось более половины немецкого населения бывшей Транслейтании, то есть венгерской части Австро-Венгрии. Внимание Берлина к названному региону в первые послевоенные годы было в первую очередь направлено на поддержку немцев, проживавших в государствах этого региона. Вопрос о положении немцев в Королевстве, в частности, обсуждался во время беседы Кёпке с королем Александром, где дипломат признал большие усилия властей по улучшению ситуации и заявил что «доверие в Германии к политике в отношение меньшинств Югославии, которое практически исчезло, стало опять возрастать» [2, Ser. C. II (1). 15].

Немаловажным моментом в отношениях Германии и Югославии являлось пребывание на территории первой значительного количества хорватских эмигрантов, которые были настроены весьма враждебно по отношению к существующей югославской государственности. Они издавали небольшого формата газеты, проникнутые идеями создания независимого хорватского государства. Подобные действия могли осложнить отношения двух стран. По этому поводу, в частности, состоялся разговор между советником посольства в Белграде Буссе и неким майором Воссом, в котором были высказаны противоположные точки зрения на эту проблему, о чём Буссе и написал докладную записку в Берлин 3 ноября 1933 г. Майор Восс выступал за поощрение и

поддержку двух берлинских газет хорватских эмигрантов, которые издавались Бранимиром Еличем. Восс объяснял это стратегическими соображениями, связанными с тем, что в будущей войне Югославия будет находиться на стороне противников Германии, и поэтому негативно настроенные по отношению к Белграду эмигранты будут приветствоваться Берлином как союзники. На это Буссе заявил, что министерство иностранных дел старается держаться в стороне от хорватских дел и поддерживать твёрдые отношения с Югославией. Также Буссе сказал, что издание в Германии газеты под названием «Независимое хорватское государство» недопустимо, так как отвергает подвергает сомнению целостность существовавшего югославского государства. Дипломат выразил мысль о том, что было бы целесообразно предложить Еличу продолжить издание газеты в другом государстве, например, в Данциге [2, Ser. C. II.(1) 8].

Мировой экономический кризис стал в Германии (так же, как во Франции и в Италии) исходным пунктом для достижения экономических и политических целей. Начатое ещё в 1920-е гг. продвижение немецкой экспансии в Юго-Восточную Европу значительно ускорилось в исследуемый нами период. Тяжело переживавшие аграрный кризис страны Дунайского бассейна, и прежде всего Югославия, были крайне заинтересованы в увеличении объёмов торговых отношений с Германией и в преодолении однозначной ориентации на Францию. Со стороны Германии заинтересованность в Балканах была не только продолжением традиционной политики компенсации обделённой колониями страны, но и частью новой программы выхода из изоляции, разработанной во многом министром внутренних дел Г. Штреземаном во второй половине 1920-х гг.

Необходимо констатировать, что зависимость Германии от зарубежных поставок сырьевых материалов была намного выше, чем у других индустриальных держав. Германская промышленность на 50 % была ориентирована на привозное сырье и полуфабрикаты [5, с. 23]. 21 февраля 1931 г., как сообщается в донесениях министерства иностранных дел Югославии, в Белграде было основано югославо-германское общество для укрепления культурных связей. Намечалось также открытие подобного учреждения в Рейнской области Германии, в апреле открылась выставка немецкого искусства в югославской столице, а в мае – в Загребе [4, с. 350].

Кульминацией в сближении двух государств стал торговый договор 1934 г., заключения которого Германия добивалась на протяжении нескольких лет. В качестве доказательства необходимости подписания этого документа германские официальные лица приводили пример договоров с Нидерландами, Данией и Венгрией, заключённых в 1933 г., «которые вызвали в этих трёх странах известное одобрение, в то время как в предыдущие годы в этих трёх странах как раз существовало торгово-политическое предубеждение по отношению к Германии» [2. Ser. C, II (1), с. 15] .

Посол Франции в Белграде Э. Нагьяр сообщает в своём донесении в Париж 26 декабря 1934 г., насколько умело и ловко обращала Германия послевоенные реалии и политические принципы в свою пользу. В частности, дипломат утверждает, что для привлечения симпатии балканских народов, Германия открыто подвергает сомнению право Австрии на самостоятельное существование, что нашло свое выражение в неудавшейся попытке аншлюса летом того же года, и «старается подчеркнуть, что эти требования находят своё оправдание в праве наций на самоопределение, которому Югославия обязана своим существованием» [3, VIII, с. 321]. Посол также пишет, что усилия Германии находят живой отклик в самой Югославии. Местное население, как зафиксировал он, пытается убедить французов в том, что симпатии к Франции не исключают доверия сербов к Германии.

Исследуемый нами период завершается убийством короля Александра в Марселе во время встречи с французским министром иностранных дел Л. Барту. Вместе с королём-основателем уходит целая эпоха, в истории югославянских народов наступает период упадка и ослабления Королевства. Однако прогерманский курс, проводимый королём в последние годы своей жизни, был сохранён и даже значительно усилен в последующие семь лет существования государства.

Список литературы

1. Дэак Л. Югославия как орудие немецкой политики при разрушении французской системы союзов в Центральной Европе в 30-х годах / The Third Reich and Yugoslavia. 1933–1945. Belgrade, 1977.

2. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Göttingen, 1973.

3. Documents diplomatiques français. Paris, 1964.

4. Извештаји министарства иностраних послова Краљевине Југославије. Београд, 2005.

5. Teicher E. Autarkie und Grossraumwirtschaft in Deutschland. 1930–1939. München, 1984.

6. Wirtschaft und Rüstung am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Düsseldorf, 1975.

Статья поступила в редакцию 12.12.2011 г.

УДК 94 (571.54)
ББК63.3(2Рос.Бур)64–5
А 465

Людмила Петровна Александрова,
аспирант, Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: aleksandrova.lyud@yandex.ru

Политические партии: история и документы

Данная статья посвящена исследованию истории формирования материалов, возникающих в процессе деятельности того или иного политического движения: программ, уставов, периодических изданий, агитационных материалов и т. п. Документы политических партий Бурятии постсоветского периода представлены новой уникальной информационно-агитационной документацией. Это связано с процессом формирования политических партий в России. Формирование политических партий имеет свои специфические особенности и значительно отличается от формирования политических партий в странах Западной Европы и Северной Америки.

Ключевые слова: источниковый комплекс, документы политических партий, история политических партий, периодическая печать.

Lyudmila Petrovna Alexandrova,
graduate student,
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: aleksandrova.lyud@yandex.ru

Political Parties: History and Documents

The given article is devoted to the research of the formation of the materials arising during this or that political movement activity: programs, charters, periodicals, propaganda materials, etc. The documents of political parties of the post-Soviet Buryatia are new and unique information and propaganda documents. This is associated with the formation of the political parties in Russia. The formation of political parties has its own specific features and differs significantly from the formation of political parties in Western Europe and North America.

Keywords: a complex of sources, documents of political parties, history of political parties, periodicals.

Процесс формирования политических партий в России имеет свои специфические особенности и значительно отличается от формирования политических партий в странах Западной Европы и Северной Америки. Дело в том, что в России длительное время сохранялись сословные институты феодального общества, политическое устройство характеризовалось своеобразной моделью российского абсолютизма – самодержавием, а изменения экономических отношений шло под контролем и по инициативе государства. Вследствие этого, становление рыночных институтов и капитализация экономики в России осуществлялись медленно и трудно, а сами эти институты имели неустойчивый характер. Крайне медленно развивался процесс становления гражданского общества, общественного мнения. Формирование политических партий в России связано со своеобразием всего исторического развития нашей страны.

Возникновение и развитие самодеятельных общественных движений, их стремление к полноправному участию в политической жизни страны – характерная черта нашего времени. В современной России многопар-

© Л. П. Александрова, 2012

тийность стала реальностью. В постсоветский период активно создаются новые партии, многие из которых имеют свои отделения в различных регионах России, в том числе и в Республике Бурятия.

С 1990 г. начинается новый этап в деятельности самодеятельных политических движений. Из региональных организаций с расплывчатыми лозунгами и непостоянным членством создавались общереспубликанские политические партии, имевшие разветлённую сеть первичных организаций, чётко определенный состав членов и сторонников, свою финансовую базу, программу и устав, парламентские фракции.

Первоначально политические партии были немногочисленны, в их составе, как правило, находилось не более нескольких десятков активистов.

Разобраться в целях, формах и методах, социальном и национальном составе не представляется возможным без знания всего комплекса документов и материалов, возникающих в процессе деятельности того или иного политического движения: программ, уставов, периодических изданий, агитационных материалов и т. п.

Прежде всего, необходимо обратиться к пакету документов, представляемых каждой партией или объединением для их регистрации в государственных органах. Помимо документов для регистрации существует большой массив документов, формирующийся в процессе деятельности каждой партии. Документы этого источникового комплекса наиболее точно можно классифицировать по функциональному назначению, т. к. от цели создания документа в значительной мере зависели тщательность его проработки, содержание, достоверность и. т. д. Следует выделить несколько групп в изучаемом нами источниковом комплексе: 1) официальные документы организаций (программы, уставы); 2) делопроизводственная документация; 3) партийные периодические издания; 4) агитационные материалы; 5) документы и материалы различных партий в государственных официальных изданиях.

Документы первой группы – официальные документы организаций и сходные с ними документы «мозговых центров» и депутатских групп (программы и уставы организаций, альтернативные законодательные проекты) определяли долгосрочные цели движений, методы их достижения. Особенностью являются тщательность подготовки и, как следствие, наличие нескольких редакций, многократные изменения и уточнения, проверенные факты. Такие документы выносились на одобрение всей организации и отражали её коллективную точку зрения. Уставы содержат общие положения, цели и задачи партии, права и обязанности членов партии, отражают её структуру (высший совет партии, руководящие и центральные органы партии, региональное отделение партии, местное отделение партии, первичное отделение партии) и т. п. Очевидно, что отделения всех политических партий имеют опубликованные программы и уставы.

Делопроизводственные документы отражают всю текущую работу политических объединений. Из всего массива этой группы наибольшее значение имеют протоколы, планы, отчёты и разнообразная делопроизводственная статистика.

При изучении постсоветской истории России исключительную роль приобретает такой источник, как газеты и журналы. Партийная печать изначально подразумевает наличие единых идеологических установок авторов, редакции и владельцев органа периодической печати, сильно влияющих на характер и содержание публикуемых материалов. Исследователю необходимо принимать во внимание и такой фактор, как контроль над прессой. В данном случае подразумевается внутрипартийная цензура. Она может существовать в виде: 1) установок, даваемых авторам главным редактором, 2) указаний и наставлений, получаемых главным редактором от владельцев издания, 3) установок, получаемых владельцами от государственных чиновников, и, наконец, 4) самоцензурой авторов. Исследователям эти формы контроля и цензуры прессы очень трудно идентифицировать, а в большинстве случаев – это вообще невозможно сделать на достоверной основе [1].

Вопрос цензуры периодической печати в случае с партийными изданиями актуализируется с известными оговорками. Официальное отсутствие института цензуры в государстве не исключает наличия цензуры как таковой.

При работе с партийной печатью возникает проблема высокой степени политизированности материалов и реальной возможности для исследователя оказаться под их влиянием.

При работе с материалами партийной печати большое значение приобретает такой фактор, как большой объём изучаемой информации. Большинство исследований связано именно с изучением источников периодической печати по определённой тематике (либо как самостоятельного источникового комплекса, либо как одного из комплексов исторических источников по теме) [2].

Партийная периодическая печать в Бурятии представлена такими изданиями, как «МК в Бурятии», «Пятница», «Бурятия», «Правда Бурятии», «Центральная», «Номер один», «Информ–Полис», «Деловая Бурятия», «Прайм ТВ», «Политическое просвещение», «Буряад Унэн».

Газеты состоят из нескольких разделов: события и комментарии, культура, политология, партия, экономика, политика, образование и т. д. Выпускается и один информационно-аналитический журнал Бурятского регионального отделения Всероссийской партии «Единая Россия».

К агитационным материалам самодеятельных организаций (листовки, обращения, резолюции митингов, записи речей ораторов, плакаты, атрибутика). Помимо этого, создаются и «агитки» во время предвыборных компаний. Как правило, эти документы небольшого объёма, не несущие особой интеллектуальной нагрузки. Их цель непосредственная агитация (подписать письмо, прийти на митинг, проголосовать за кандидата). К фактам, изложенным в таких документах, следует относиться с большой осторожностью. Если программа или устав является коллективным мнением организации, то агитационные документы нередко выпускают отдельные члены или сторонники организации, зачастую крайних взглядов. В то же время в листовках или плакатах ярко проявлялась позиция организации по тому или иному вопросу, не раскрытому в программных документах.

К агитационным документам также относятся календари. Календари имеют разные форматы – настольные, карманные и настенные. В календарях обозначен день выборов, с лицевой стороны могут быть фотографии лидеров политических партий, логотип партии или номер в избирательном списке.

В последнее время у агитационных документов политических партий появилась такая тенденция, как различия документов по цветовой гамме. У агитационных документов есть цветовая отличительность, если в советский период агитационные документы несли в себе только текст, то на сегодняшний день документы различаются по цвету. Цвет агитационного документа несёт в себе информационный характер. Немногие партии кроме цветовой отличительности используют символ («Единая Россия» – бурый медведь). Также агитдокументы могут быть разнообразными по геометрической форме.

Разрабатывая идеологию и программы, партии стремятся определить направление стратегии и убедить граждан в возможности альтернативных действий. Изложенные в программных документах политической партии стратегия и тактика через её практическую деятельность становятся предпосылкой распространения её влияния.

В огромном потоке разнообразнейшей информации, очевидно, не всё равноценно по степени своей важности. Задача политической информации в том состоит, чтобы сосредоточить внимание слушателя, зрителя, читателя на наиболее существенном и главном. Эти знания должны составить у него ясное и глубокое понимание сущности того или иного явления, увидеть их в диалектической связи с другими событиями.

Изучение комплекса документов политических партий в Бурятии позволяет выявить тематическую направленность информации, а также умелое, планомерное использование различных средств и форм идейного воздействия.

Список источников и литературы

1. Блинова О. Н. Экономическая концепция КПРФ (опыт контент-анализа газеты «Правда»). М., 2004. 218 с.

2. Блинова О. Н. Экономическая концепция КПРФ в 1990-е гг. в отражении партийной периодической печати (источники и методы исследования). М., 2004. 218 с.

3. Большаков А. М. Деревня: 1917–1927. М., 1927. С. 7–8.

4. Воробьев Г. Г. Документ: информ. анализ. М., 1973.

5. Документы и делопроизводство: справ. пособие. М., 1991.

6. История делопроизводства в СССР. М., 1974.

7. Коржихина Т. П. Общественные организации в СССР: материалы к источниковедению и историографии. М., 1992.

8. Коржихина Т. П. История государственных учреждений в СССР: Материалы к источниковедению и историографии. М., 1992.

9. Левичева В. Ф. Политическая система. От многопартийности к плюрализму // Коммунист. 1990. № 13. С. 34–44.

10. Митяев К. П. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959.

11. Митяев К. П., Митяева Е. К. Административная документация (делопроизводство) в советских учреждениях. Ташкент, 1964.

12. Петрушнн Ю. А. Политические партии России: страницы истории / Ю. А. Петрушин. Иркутск, 2006.

13. Развитие советского документоведения: 1917–1981 гг. М., 1983.

14. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне. М., 1968. С. 26.

15. Структура Шмачкова Т. В. Мир политических партий // Полис. 1992. № 1–2. С. 226–233.

Статья поступила в редакцию 01.03.2012 г.

УДК 316.776+004.77
ББК Ч612.5

Юлия Евгеньевна Бурова,
соискатель,
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
(Тюмень, Россия), e-mail: b013@mail.ru

Функциональные особенности современной пресс-службы

В данной статье делается попытка определить и структурировать функции пресс-службы органов власти как субъекта политических отношений. Осмысливая задачи, стоящие перед современной пресс-службой, автор анализирует, каким образом она может распространять сведения, которые могли бы стать катализатором конструктивного обсуждения важнейших вопросов дня с участием различных слоев общества. Для решения этого вопроса автор использует системный метод, давший возможность представить роль пресс-службы в механизме государственного устройства. Кроме того, применялся метод включённого наблюдения, позволивший сделать ряд практических выводов. Использование обоих методов позволило автору обосновать тезис о том, что в настоящее время пресс-службы использует далеко не весь творческий потенциал, заложенный в природу информационной деятельности, что ограничивает доверие к этой структуре в российском обществе. В ходе изложения материала автор предлагает свои решения для качественного изменения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: пресс-служба, журналистика, паблик рилейшнз, информирование, информационное пространство, массмедиа, манипуляция.

Yulia Evgenievna Burova,
Ural Federal University,
(Tyumen, Russia), e-mail: b013@mail.ru

Functional Characteristics of a Modern Press Service

This article investigates functional characteristics of a modern Press Service as an institution which should make up a dialogue between government and society. The author suggests that Press Service should be instrumental in promoting a two-way communication and stimulating open discussions creating more balanced decisions. This, in turn, can shape civic society and prosperous evolution of the country. While envisaging responsibilities of the Press Service the author also investigates the problem of spreading objective information in terms of PR governmental activity.

Keywords: Press Service, journalism, public relations, informing, information space, mass media, manipulation.

Трансформация информационного пространства ставит перед теоретиками и практиками в области СМИ новые задачи. Сегодня эффективное информирование становится многоаспектной деятельностью, осуществляя которую необходимо учитывать несколько тенденций: рост числа каналов распространения информации, бурное развитие социальных медиа, конвергенция информационных потоков, повышение уровня притязаний аудитории и т. д.

Все это отражается на функциональных особенностях субъектов информационного пространства, к которым мы относим *катализаторов создания информации* (власть, бизнес, элиты), *потребителей информации*

© Ю. Е. Бурова, 2012

(аудитория) и *трансляторов информации.* К *трансляторам информации* традиционно относятся СМИ, однако в последнее время бурную активность в этой сфере проявляют и пресс-службы, что позволяет нам рассматривать их в качестве отдельного субъекта информационного пространства.

В условиях структурных изменений информационного пространства значительно усложняются функциональные задачи, стоящие перед пресс-службой, от которой требуется не просто организация информационных потоков, но и формирование условий для диалога участников информационного пространства. Исследованию этих аспектов посвящена данная статья.

Современная пресс-служба: к специфике понятия

В современных российских условиях пресс-службы органов власти зачастую выступают инструментами манипулятивного воздействия на прессу, и, следовательно, на общество: в их сообщениях представлена одна точка зрения, что нарушает принцип объективного информирования.

Это не способствует конструктивному диалогу между властью и обществом, в процессе которого могли бы открыто обсуждаться проблемы и вырабатываться взвешенные решения, способствующие формированию гражданского общества, поступательному развитию страны. Разумеется, пресс-служба, представляя интересы власти, обязана транслировать позицию базисного субъекта, однако сделать это нужно так, чтобы информационное сообщение стало катализатором конструктивного обсуждения и дискуссии. Это важная профессиональная и общественная задача, стоящая перед сотрудниками этой службы.

Задача эта может быть реализована путём оперативного донесения до общества достоверной и актуальной информации, поскольку объективное информирование – основа гражданского диалога. Таким образом, мы, вслед за В. Д. Поповым, полагаем, что конечной целью деятельности пресс-службы органов власти является оперативное предоставление конечному пользователю необходимого объёма достоверной информации. В системе органов власти таким пользователем является, как правило, государственный чиновник, а к внешним пользователям могут относиться практически любые субъекты общественных отношений, заинтересованные в информации данного органа власти или так или иначе взаимодействующие с ним (например, субъекты гражданского общества, пресса, отдельные граждане и т. д.) [5, с. 202].

Рассматривая специфику и характер деятельности пресс-служб органов власти, уместно утверждать, что данная структура не выступает пока в полной мере социальным институтом, объединяющим власть и общество, однако отдельные шаги в сторону развития гражданских отношений предпринимаются. Таким примером может служить создание и поддержание блогов представителей власти, где происходит обсуждение проблем и острых вопросов в режиме Интернет-общения.

Вместе с тем, пресс-служба не использует в полной мере всех творческих возможностей и организационных ресурсов для выстраивания открытых отношений власти и общества в качестве равноценных участников гражданского диалога в реальном пространстве. Это выражается в аккредитации на официальные мероприятия лишь лояльных власти журналистов, сокрытие от прессы острых тем, цензуре ежедневной подборки новостей для государственного чиновника и т. д. Разница между реальным положением дел и идеальной картиной, которую пресс-служба порой рисует чиновнику, лишь усиливает противоречия между властью и обществом.

Данная проблема ставит перед нами задачу предметного исследования пресс-службы, как канала, позволяющего субъекту информирования осуществлять взаимодействие с внешним миром, функциональных особенностей этой структуры с точки зрения профессиональной и общественной значимости.

Обращаясь к определению «пресс-служба», мы не обнаружили в отечественной исследовательской литературе чёткого понимания сущности её деятельности. Ряд авторов, выбравших объектом своего исследования современную российскую пресс-службу, приводят достаточно узкие определения, не отражающие, на наш взгляд, всей полноты профессиональной реализации этого субъекта информационной деятельности.

Так, В. Ворошилов определяет пресс-службу как структуру, призванную информировать общественность через средства массовой информации [2, с. 23]. Данное определение кажется нам недостаточно полным, поскольку единственной функцией пресс-службы исследователь определяет информационную, причём реализовываться, по его мнению, она может лишь посредством СМИ. Возникает логический вопрос: организация пресс-конференций, ведение блогов и сетевых дневников, спичрайтинг и ньюсмейкинг не являются функцией пресс-службы? Чьи же в таком случае это полномочия? Таким образом, можно утверждать не только о недостаточности данного определения, но и о его крайнем несоответствии современным реалиям.

Не вносит достаточной ясности и определение, данное А. Гнетневым и М. Филь. По их мнению, пресс-служба – это институт, оказывающий услуги по информационному освещению [3, с. 9]. В данном случае пресс-служба вновь находится в рамках достаточно узких «информационных услуг», которые, на наш взгляд, совершенно не отражают истинного предназначения этой структуры.

По мнению А. Кочеткова и А. Тарасова, пресс-служба – это совокупность взаимозависимых элементов, образующих единое целое, выполняющее анализ информационных потребностей и коммуникационных сетей, отбор необходимой и приоритетной информации, а также коммуникационных каналов её распространения [7, с. 23]. Несмотря на то, что данная дефиниция предполагает не только информирование общества, но и осуществление обратной связи с ним, мы также считаем её слишком условной и не отражающей сути.

Более близким к теме нашего исследования является определение пресс-службы органов власти, данное В. Д. Поповым. Он утверждает, что это структура, осуществляющая организацию и реализацию взаимодействия государственных органов со средствами массовой коммуникации и с институтами гражданского общества. При этом Попов, вслед за названными выше исследователями полагает, что одна из базовых задач подобной службы – осуществление долговременного и конструктивного взаимодействия со СМИ и журналистами [5, с. 260].

Мы разделяем мнение В. Д. Попова относительно роли пресс-службы и полагаем, что *пресс-служба органов власти – это субъект коммуникационной и социальной деятельности, призванный создавать оптимальные условия для диалога власти и общества.*

Приведённое нами выше определение выглядит в большей мере теоретическим в условиях современных российских реалий. Как мы уже отмечали, пресс-службы сегодня не выступают инструментом создания гражданского диалога между властью и обществом, что вызвано, прежде всего, нежеланием власти становиться партнером гражданского общества, и крайней несамостоятельностью гражданского общества в России. Бурный рост протестных настроений, наблюдающийся в стране в последние месяцы, обусловлен, на наш взгляд, именно нежеланием власти строить с обществом диалог «на равных» и многолетней привычкой применять методы манипуляции и пропаганды в продвижении своих идей.

Современная пресс-служба, будучи частью административного аппарата, действует в рамках общей поведенческой стратегии власти. Поэтому, представляя обществу её публичный образ, она пытается интерпретировать деятельность власти в наиболее выгодном свете, а также скрывает некоторые факты, дабы не допустить возникновения возможных имиджевых угроз. Всё это не способствует созданию доверительных отношений и решению главной профессиональной и общественной задачи пресс-службы как субъекта социальной и пиар-деятельности – создания двусторонней коммуникации между базисным субъектом (властью) и аудиторией (обществом). Обеспечение двустороннего потока информации, взаимное желание этих сторон получать такую информацию, между тем, является главной функциональной (и содержательной) задачей пресс-службы. И хотя повседневная практика работы пресс-служб в России нередко подтверждает обратное, содержательные требования к её деятельности остаются все-таки без изменений. К их обоснованию мы и перейдем ниже.

Функциональные особенности пресс-службы

Будучи субъектом информационной и пиар-деятельности, пресс-служба, прежде всего, осуществляет взаимодействие базисного субъекта информирования с внешним миром.

Пресс-служба использует в своей деятельности приёмы паблик рилейшнз (управление информацией, спин-докторинг и т. д.) и журналистики (работа с информацией, использование журналистских жанров). В связи с этим уместно говорить об *амбивалентности природы пресс-службы,* которая существует, по нашему мнению, на стыке взаимодействия двух ключевых субъектов массово-коммуникационной деятельности – пиара и журналистики.

Поэтому для определения собственных функций пресс-службы, мы рассмотрим функции пиара и журналистики.

Перед сравнительным анализом выделим основные группы функций пиара и журналистики. Теоретики журналистики и пиара поразному их структурируют.

Так, С. Корконосенко систематизировал функции журналистики с точки зрения субъекта деятельности, обозначив четыре базовых субъекта: государство, общество, аудитория и корпорация.

К группе государственных функций он относит функцию агитации и пропаганды, к группе общественных функций – функции самоорганизации, коммуникативную функцию, функцию выражения общественных интересов.

К группе функций, объединённых под эгидой интересов аудитории, Корконосенко относит утилитарную, информационную и рекреативную, к корпоративной – производственно-экономическую и творческую функции [6, с. 21–29].

Систематизирование функций по отношению к четырём базовым субъектам публичной коммуникации, выделенное исследователем, видится нам наиболее правильным и логичным. Именно *государство, общество, аудитория и корпорация* являются субъектами информационного пространства.

Е. Ахмадулин классифицирует функции журналистики, исходя из социально-политической организации общества, фактора общественных интересов, культурно-образовательного фактора, технико-технологических и экономических факторов, отдельно при этом выделяя информационно-коммуникативную функцию [1, с. 232–260]. По сути, в основе данной классификации уже выделенные Корконосенко базовые субъекты информационного пространства, которые мы упоминали.

Рассмотрев функции журналистики, обратимся к функциональным особенностям паблик рилейшнз. Так, А. Кривоносов обозначает две основные группы функций паблик рилейшнз: гносеологические и социологические.

Гносеологические функции характеризуют пиар как явление, способное отражать природную и социальную реальность, а также объекты идеальной природы. Социологические функции связаны со способами включения изучаемого объекта в социальную систему [8, с. 272].

К первой группе автор относит познавательную и функцию конструирования публичного дискурса. Вторую группу он делит на адаптирующие функции (воспитательные и функции социализации), функции культурной трансформации, функции социорегуляции (информационная, целеполагающая, управленческая).

Принимая во внимание, что пресс-служба активно использует инструменты пиара и приёмы журналистики, выделим следующие, характерные для неё группы функций: *функции социализации,* реализующиеся путём распространения сведений и влияния на их восприятие, и *ценностно-ориентационные функции,* направленные на формирование взглядов и убеждений. К первой мы будем относить информационную, коммуникативную, просветительскую. Ко второй – идеологическую, функцию формирования общественного мнения и организаторскую.

Безусловно, главная функция любого субъекта массово-коммуникационной деятельности – информационная. Журналистика реализовывает её путем распространения достоверной и объективной информации. Информационная функция в пиаре ничего общего с объективным информированием не имеет. Речь, конечно, не идёт о прямой лжи и искажении фактов, скорее это распростране-

ние релевантной информации, т. е. сведений, которые пресс-служба признаёт уместными в данный момент и соответствующими определённым целям и задачам.

По мнению А. Кривоносова, информирование в сфере паблик рилейшнз представляет собой целенаправленный отбор оптимизированных фактов для определённых сегментов общественности [8, с. 280]. Мы полагаем, что это утверждение наиболее точно отражает деятельность пресс-службы как инструмента пиар-деятельности в современных российских реалиях. Пресс-служба транслирует выгодную базисному субъекту информацию, отбирая факты по принципу соответствия его имиджу. В данном случае нарушение принципа объективного информирования заложено уже в само определение функций паблик рилейшнз, что на наш взгляд, наносит серьёзный репутационный вред данной сфере.

Таким образом, пресс-служба на практике функцию информирования выполняет именно с позиций паблик рилейшнз. Попытка совместить интересы базисного субъекта, заинтересованного, как правило, в распространении исключительно положительных сведений о себе и необходимостью выстраивания доверительных отношений с аудиторией – сложная профессиональная задача.

Помимо «целенаправленного отбора оптимизированных фактов» информационная функция пресс-службы реализуется путём создания новостных поводов и цитат ньюсмейкера, нивелирования возможных имиджевых угроз, разъяснения журналистам особенностей той или иной инициативы, обозначения основных информационных приоритетов.

Ежедневно сотрудники пресс-службы готовят новостные и аналитические материалы о ньюсмейкере и рассылают их во все издания. Предоставляют по запросу журналистов необходимые данные, готовят материалы к интервью.

Информационная функция реализуется и через наполнение веб-сайта первого лица, подготовку материалов к его пресс-конференциям, брифингам и телевизионным эфирам. Принятие того или иного социально значимого решения ньюсмейкера сопровождается созданием соответствующего информационного фона.

Некоторые исследователи, к примеру, Е. Ахмадулин, объединяют информационную и коммуникативную функцию в одну, утверждая, что они не могут быть реализованы отдельно. По его мнению, эта функция двуедина, поскольку именно информация является средством для коммуникации [1, с. 237].

Мы не разделяем мнение исследователя и полагаем, что коммуникативную функцию в сфере паблик рилейшнз необходимо рассматривать отдельно – это не только средство передачи информации, но и организация общения в широком смысле этого слова. Через реализацию коммуникативной функции происходит налаживание контактов аудитории и ньюсмейкера. Именно путём реализации коммуникативной функции должна решаться главная задача пресс-службы органов власти – создание условий для диалога власти и общества. Проведение интернет-конференций, «горячих телефонных линий», ведение блогов и сетевых дневников, подготовка публичных выступлений первого лица или спичрайтинг – всё это формы реализации коммуникативной функции.

Коммуникативная функция предполагает и налаживание обратной связи с целевыми аудиториями. Это позволяет пресс-службе выявить эффективность информационных мероприятий с участием ньюсмейкера. Оценивая резонанс, вызванный размещением материала, можно отследить возникающие проблемы или кризисные ситуации. В случае выхода негативных материалов необходимо обеспечить возможность базисному субъекту информирования прокомментировать ситуацию и вступить в диалог с аудиторией, хотя бы посредством Интернета.

Таким образом, коммуникативную функцию пресс-службы следует считать самостоятельной и рассматривать отдельно от информационной.

Обратим внимание на управляющую группу функций, которая способна преобразовать реальную действительность. Сюда в первую очередь относится просветительская функция, которую пресс-служба способна выполнять наравне с журналистикой. Сообщения пресс-службы содержат порой эксклюзивную информацию о тенденциях развития той или иной отрасли промышленности, прогнозах социально-экономического

развития, изменениях федерального или регионального законодательства.

Идеологическая функция журналистики, реализующаяся в формировании у аудитории представлений, взглядов и оценок в отношении различных явлений и сторон социальной жизни может быть выделена как ценностно-ориентационная или управляющая функция пресс-службы. Пресс-служба, по сути, формирует у аудитории нужное ей мировоззрение. Здесь же может быть отдельно выделена функция формирования общественного мнения.

В данном случае налицо вновь нарушение принципа объективного информирования и манипулирования общественным сознанием.

Исследователи В. Пугачёв и А. Соловьёв считают, что идеологическая функция непосредственным образом связана с функцией социализации и образования [10, с. 312]. В журналистике, по их мнению, это именно так и происходит – информационная деятельность СМИ позволяет людям адекватно судить о политических событиях и процессах, поскольку массмедиа снабжает их знаниями и сведениями и помогает правильно сориентироваться в потоке информации. Пресс-служба, как инструмент паблик рилейшнз, активно выражает позицию своего заказчика в качестве единственно правильной, не приводя разнообразного спектра мнений и суждений.

Организаторская функция в журналистике, по мнению Е.Ахмадулина, нацелена на достижение определённых перемен в социальной практике, в поведении социальных институтов, социальных групп и отдельных индивидов путём анализа фактов и явлений текущей действительности, критики недостатков и рекомендаций по их устранению [1, с. 240].

В паблик рилейшнз эта функция сводится к выстраиванию эффективных отношений со СМИ, созданию условий для взаимопонимания между субъектом и объектом информационной деятельности. И пресс-служба реализует функцию с пиар-позиций: организует пресс-конференции, брифинги, интервью ньюсмейкеров, занимается аккредитацией, разработкой и проведением информационных кампаний, создаёт журналистские пулы, зачастую пресс-служба занимается и event-менеджментом, создавая из обычной, повседневной, рутинной деятельности лидера новостные сообщения, интересные для журналистов.

Анализируя функции, преобразующие действительность, следует отдельно выделить управленческую функцию пресс-службы. При этом следует принять во внимание, что пресс-служба, будучи частью управленческого аппарата, выполняет эту функцию в рамках своих полномочий, управляя информационными потоками, журналистами и редакциями.

Проанализировав функциональные особенности пресс-службы, мы вынуждены констатировать, что в современных российских условиях она, к сожалению, до сих пор зачастую выступает в качестве субъекта манипулятивного воздействия на аудиторию, и не является эффективным социальным инструментом для создания равноценного диалога между властью и гражданским обществом. Это приводит к необъективному восприятию аудиторией развития политических и социально-экономических отношений в обществе. Сознательное стремление многих современных пресс-служб в нашей стране представить картину дня в более благожелательном виде, чем она есть на самом деле, приводит в конечном итоге к аберрации массового сознания, что отражается на политических предпочтениях людей, степени их гражданской ответственности, создаёт нежелательные последствия для национального развития во всех сферах жизни. Таким образом, определение критериев эффективного развития пресс-службы в органах государственной власти является не только сугубо теоретической проблемой, но имеет практическую потребность для обеспечения эффективности общенационального развития России.

Список литературы

1. Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики. Ростов н/Д.: Феникс, 2009. 350 с.
2. Ворошилов В. Современная пресс-служба. М.: Кнорус, 2009. 221 с.
3. Гнетнев А. Филь М. Современная пресс-служба. Ростов на/Д.: Феникс, 2010. 414 с.
4. Информационная политика: учебник / под ред. В. Д. Попова. М.: Изд-во РАГС, 2003. 459 с.
5. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М.: Аспект-Пресс, 2002. 287 с.
6. Кочеткова А., Тарасов А. Современная пресс-служба. М.: Эксмо, 2009. 269с.
7. Кривоносов А., Филатова О., Шишкина М. Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2010. 384 с.
8. Пугачёв В., Соловьёв А. Введение в политологию. М.: Аспект-Пресс, 2008. 448 с.

Статья поступила в редакцию 22.03.2012 г.

УДК 81+82+070
ББКЧ612.18

Светлана Михайловна Виноградова,
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vinogradovasm@inbox.ru
Галина Сергеевна Мельник,
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: melnik.gs@gmail.com

Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене

Статья посвящена оценке деятельности Комиссии Макбрайда в ООН в 1980 г. и докладу, связанному с активизацией движения за новый, более справедливый международный информационный и коммуникационный порядок. На основе использования сравнительного подхода в статье анализируются этапы развития международных информационных процессов и современное состояние проблемы информационного обмена в мире. Особое внимание уделяется проблеме становления глобального информационного общества и препятствий на пути его развития. Отмечается, что многие положения доклада не утратили своего значения и сегодня, когда человечество стремится к расширению доступа всех и каждого к информации и знанию. Авторы приходят к заключению, что глобализация мировой экономики, переоценка идеологических ценностей, развитие коммуникационных технологий – всё это в совокупности создало современную систему международного информационного обмена, которая вновь нуждается в переосмыслении.

Ключевые слова: информационный разрыв, информационно-коммуникационный процесс, информационное общество, массмедиа.

Svetlana Mikhailovna Vinogradova,
Doctor of Political Sciences, professor,
St.-Petersburg State University
(St.-Petersburg, Russia), e-mail: vinogradovasm@inbox.ru
Galina Sergeevna Melnik,
Doctor of Political Sciences, professor,
St.-Petersburg State University
(St.-Petersburg, Россия), e-mail: melnik.gs@gmail.com

Challenges to Overcome Inequalities in the International Information Exchange

Article evaluates the activities of the Commission MacBride at the UN in 1980 and report related to the intensification of the movement for a new, more equitable international information and communication order. On the basis of the comparative approach the authors analyze stages of the international information processes development and a current state of the information exchange in the world. The special attention is given to the formation of a global information society and obstacles in the way of its development. It is noticed that many positions of the report haven't lost the value yet, at the time when the mankind aspires to access expansion of all

© С. М. Виноградова, Г. С. Мельник, 2012

and everyone to the information and knowledge. Authors come to conclusion that world economy globalization, revaluation of ideological values, development of communication technologies – all these factors together created a modern system of the international information exchange which needs reconsideration again.

Keywords: information gap, information and communication processes, information society, mass media.

В последней трети XX в. вопросы информации и коммуникации стали предметом пристального внимания мировой общественности. Словосочетания «информационный взрыв», «информационная война», «информационный империализм», «информационный вакуум» прочно вошли в политический дискурс. Появилось значительное число исследований, рассматривавших «горячие точки» и «слабые звенья» международных информационных процессов.

В 1980 г. XXI сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО (Белград) был представлен доклад Комиссии Макбрайда – политического деятеля Ирландии, правозащитника, лауреата Нобелевской премии мира 1974 г. Этот документ был опубликован под названием «Много голосов – один мир» [10]. Он познакомил нас с развёрнутой информационно-коммуникационной картиной планеты в 1970-е гг. Эксперты, которые участвовали в работе Комиссии, выявили наличие существенного дисбаланса в международных потоках информации, а также «информационного голода», характерного для стран и регионов «третьего мира».

В докладе был сделан акцент на следующих задачах, стоящих перед мировым сообществом: преодоление неравенства в области информации и коммуникации, а также внешних и внутренних препятствий свободному и лучше сбалансированному потоку информации; устранение негативных эффектов монополизации и сверхконцентрации в обозначенной сфере; обеспечение свободы прессы и плюрализма источников и каналов информации; поддержка развитыми государствами стремления развивающихся стран формировать и развивать собственные информационно-коммуникационные инфраструктуры и вести подготовку квалифицированных кадров, способных работать на современном уровне; уважение к культурной идентичности всех народов и права всех наций информировать мировую общественность о своих интересах, чаяниях, социальных и культурных ценностях [10]. Комиссия пришла к выводу о необходимости осуществления обмена информацией на основе признания принципов суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела других государств.

Деятельность Комиссии Макбрайда была связана с активизацией движения за новый, более справедливый международный информационный и коммуникационный порядок (НМИКП, или НМИП). Многие идеи движения нашли отражение в «Декларации об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против апартеида и подстрекательства к войне» (ЮНЕСКО, 1978 г.). Её своеобразным антиподом стала Таллуарская декларация (международная конференция «Голос свободы», Франция, Таллуар, 1981 г.). Сторонники Декларации 1978 г. обвиняли Запад в навязывании миру одностороннего потока информации, получаемой, производимой и распространяемой крупнейшими медиа-монополиями. Те, кто подписал Таллуарскую декларацию, считали, что НМИП поддерживает стремление авторитарных и тоталитарных режимов установить государственный контроль над средствами массовой информации в мировом масштабе.

Доклад Макбрайда, получивший глобальный резонанс, вызвал неоднозначные оценки. Этот объёмный труд упрекали в противоречивости, порождённой различием исследовательских и идеологических подходов его авторов и составителей к рассматриваемым проблемам. Так, несмотря на то, что Советский Союз поддерживал НМИП и высоко оценивал деятельность Комиссии, а также заслуги самого Шона Макбрайда, удостоенного в 1977 г. Ленинской премии мира, представитель СССР в Комиссии С. Лосев (тогдашний Генеральный директор ТАСС)

сделал значительное число поправок к докладу, с целью – противопоставить доктрине «свободного потока» (free flow of information) принцип невмешательства во внутреннюю информационную политику (и тем самым остановить «пропаганду западного образа жизни» международными американскими радиостанциями).

Дискуссии вокруг доклада Комиссии были спровоцированы проблемой усиливающегося противостояния по вектору «Север – Юг», «Запад – Восток», которая обусловливалась такими факторами, как: а) несоответствие в уровне развития информационных технологий между развитыми странами Запада и их южными колониями; б) несбалансированность движения информации; в) существование двух противостоящих информационных лагерей – западноевропейского с его колониями и СССР со странами социалистического лагеря; е) наличие антиколониального движение в странах Африки, Юго-Восточной Азии. «Информационно-политическое деление мира в XX в. носило полярный и групповой характер, а в каждой группе существовали доминирующие державы, формировавшие информационную политику в регионе в целом» [4].

События последних десятилетий XX в. привели к тому, что риторика сторонников НМИП пошла на спад. В 1989 г. на 25 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята «новая стратегия коммуникации», акцентировавшая внимание не столько на сбалансированном обмене информацией, сколько на обеспечении свободы слова и свободы печати. По мнению ряда исследователей, мостиком между НМИП и «новой стратегией» явилась Международная программа развития коммуникации – МПРК (IPDC). Предполагалось, что её реализация сможет помочь развивающимся странам освободиться от внешнего информационного и культурного господства путём укрепления собственных коммуникационных инфраструктур.

Несмотря на то, что с момента выхода в свет доклада «Много голосов – один мир» система международных отношений претерпела существенные изменения, этот документ периодически «перечитывали» как его убежденные сторонники, так и непримиримые противники, считавшие деятельность Комиссии сизифовым трудом, который был направлен на возрождение теории социальной ответственности и на ущемление информационных потребностей личности. Так, Э. Макфарлейн не без иронии переименовал доклад, заявив, что ему больше подходит название «Много миров, один голос» [13, с. 37]. В начале 1990-х гг. многих учёных заинтересовало то, в какой мере «сработали» выводы и прогнозы, содержавшиеся в Докладе Комиссии спустя 10 лет после его публикации.

Известный международный аналитический журнал коммуникативистов «Газетт» (International Communication Gazette) в 1992 г. опубликовал несколько статей, посвященных Докладу Комиссии [1, с. 46–48]. с. Бим пришла к заключению, что в целом информационно-коммуникационная оснащённость ранее отставaвших регионов улучшилась. Там увеличилось, хотя и незначительно, количество газет, возросла численность радиоприёмников и телевизоров. Но информационно-коммуникационное развитие ряда регионов мира в 1980-е гг. все ещё продолжало носить догоняющий характер, а разрыв между информационно богатыми и информационно бедными странами сократился лишь на пару дюймов [9, с. 119, с. 128–129]. Детальный анализ проблем МПРК, который провела Дж. Э. Энгстром, заставил задуматься о том, сможет ли эта программа, вышедшая из детского возраста, а также последующие проекты в полной мере поддержать страны, нуждающиеся в финансовой поддержке своих информационно-комуникационных систем [11, с. 169–191].

Один из оппонентов доклада – Л. Р. Сассман, исследуя Движение Макбрайда, высказал небезынтересные предположения. Расценивая Декларацию 1978 г. и доклад Комиссии Макбрайда в качестве пика кампании в поддержку нового информационного порядка, он предложил раскрыть «гегелевскую диалектику» событий, предшествовавших работе Комиссии и последовавших за ней: «"Старый порядок" (Тезис, или преобладание Запада) с 1946 до 1976; старый "новый порядок" (Антитезис, или вызов Неприсоединения и Советского Союза) с 1976 до 1989 и новый "Новый порядок" (Синтез, наступление эры ISDN)» [16, с. 81]. Именно ISDN (Integrated Services Digital Network) – цифровую сеть с

интеграцией обслуживания, которая давала возможность объединить услуги телефонной связи и обмена данными, Л. Р. Сассман рассматривал в качестве необходимого условия развёртывания потока информации, свободного от цензуры. Правда, с оговоркой: с точки зрения этого исследователя, массовизация информационных связей навевает мысль об антиутопии Дж. Оруэлла. Но единство конкуренции, государственного регулирования и разнообразие средств информации, находящихся в руках граждан, как полагал Л. Р. Сассман, смогут преградить путь монополизации в различных её формах [16].

Не случайно Доклад Макбрайда продолжал интересовать массмедиаведов и двадцать лет спустя – на рубеже тысячелетий, когда воплощение в жизнь концепций информационного общества придало информационно-коммуникационным процессам новые черты. Вопрос о том, как добиться подлинного многоголосья в условиях глобализации, не утратил своей актуальности [1, с. 25–28]. Петербургский профессор С. А. Михайлов отметил: «В связи с нарождающейся “эрой мультимедиа” ЮНЕСКО предоставляет международному сообществу арену, где могут быть опробованы возможности и действенность новых средств коммуникации и новых информационных технологий» [5, с. 43].

В 1999 г. увидела свет коллективная монография «К справедливости в глобальной коммуникации: Макбрайд сегодня» [18]. По словам известного финского учёного К. Норденстренга, перспективы глобального информационного общества не только не поставили крест на дебатах о НМИП, но и вдохнули в них новую жизнь: «Терминология и риторика меняются, но суть проблемы в значительной степени остаётся неизменной и будет дополнена новыми компонентами технологического и социального характера. Будущее, формирующееся в условиях возрастающей сверхконцентрации массмедиа, с одной стороны, и культурной балканизации, с другой, прекрасно отражено в названии первой публикации материалов круглого стола Макбрайда: «*Мало голосов, много миров*»» [15, с. 263].

Чтобы в XXI в. не повторился виток истории, который назывался культурой безмолвствующего большинства, учёные рекомендовали исходить из того, что множественность голосов в глобальном информационном концерте требует плюрализма доступа к массмедиа.

М. Тегранян – один из авторов упомянутой монографии − писал, что существующие системы контроля над СМИ (государственная, коммерческая, общественная) не могут сами по себе – каждая в отдельности – обеспечить реализацию подобного плюрализма. Он ратовал не только за продолжение диалога «Север-Юг» применительно к вопросам международных информационных обменов, но и за развёртывание полилога между всеми участниками международных отношений. Большие надежды автор возлагал на международные неправительственные организации (МНПО), выражающие, по его мысли, многообразие сегодняшнего мира. НМИКП, по М. Теграняну, может быть определён как «сеть информационных сетей» между структурами, формирующими гражданское общество на глобальном уровне, как мост, перекинутый от государственных акторов к негосударственным, от периферии к центру в целях борьбы с насилием и нищетой [17, с. 23–63.]

После распада СССР, приобретения суверенитета рядом стран, появлением новых государств создаётся новый интегрированный рынок, предлагающий мультимедийные услуги, сетевое обслуживание. Мир перестал быть биполярным и одновременно превратился в более взаимозависимый и сложный. Государства провозглашают новую политику, обеспечивающую свободный доступ к современным коммуникационным системам.

Новым шагом в расширении границ этого рынка стала Директива Совета Европы о трансграничном телевидении (1989, 3 октября), направленная на обеспечение свободной циркуляции телевизионных программ на территории Европейского Союза и либерализации медиарынка.

В начале нового столетия международное сообщество вновь выразило обеспокоенность угрозами, связанными с информационным дисбалансом на нашей планете, а также с характером современного информационного противоборства. Важной вехой в осмыслении проблем глобальных и региональных информационно-комуникационных процессов станет принятая лидерами «Большой

Восьмерки» «Окинавская Хартия Глобального Информационного Общества» (2000, 22 июля). Хартия явилась призывом ко всем как в государственном, так и в частном секторах, ликвидировать международный разрыв в области информации знаний. В этом документе Информационно-коммуникационные технологии рассматривались как стимул развития мировой экономики, направленной на улучшение общественного благосостояния.

В этот период усиливается влияние международных организаций, ТНК-ТНБ на процесс глобализации мирового информационного пространства. Государства перестают быть единственными участниками в современном международном взаимодействии. Кроме них, на политическом поле начинают действовать негосударственные международные структуры – неправительственные организации (НПО), межправительственные институты (ООН, НАТО, ОБСЕ) и транснациональные корпорации (ТНК), а также национальные средства массовой информации, всё активнее вмешивающиеся в мировые политические процессы.

Происходит концентрация собственности в медийной сфере, укрупнение компаний с включением в них внемедийных подразделений. Ряд периодических изданий, принадлежащих крупным медиакорпорациям, распространяется большими тиражами за рубежом во многих странах мира (к примеру, американские газеты «International Herald Tribune», «USA Today», «Wall Street Journal», английская «Financial Times», французская «Le Monde», немецкая «Frankfurter Allgemeine Zeitung», журналы «Time», «Newsweek», «Reader's Digest» (США) и др. Часть из них имеет зарубежные версии, нередко – на местных языках, адаптированных к особенностям аудитории). В немалой степени этот процесс спровоцировал культурную «транснационализацию». Толчком к очередным дискуссиям послужили новые медийные тенденции: дигитализация медиарынка, развитие новых технологий, связанных с применением мобильных устройств, появление новых рыночных моделей изданий и каналов, нового контента и аудиторных предпочтений [8].

В данном контексте закономерен резонанс, вызванный в научных кругах датой – тридцатилетием Доклада Макбрайда. В качестве примера приведём международный коллоквиум, посвященный вопросам взаимосвязи коммуникации и социальных изменений в Африке, который прошёл в Гренобле под названием «30 лет после Доклада Макбрайда». Среди публикаций коллоквиума обращает на себя внимание выступление К. Норденстренга. Реконструируя историю «великого спора» в области массмедиа, исследователь выявляет особенности его современного протекания. Как считает К. Норденстренг, новый, пятый этап дебатов включает в себя последние двадцать лет (1991–2010 гг.) и ключевым в его характеристике является понятие глобализации. Эволюция представлений о настоящем и будущем «независимых и плюралистичных медиа» была связана с проведением Круглых Столов Макбрайда, организацией региональных конференций ЮНЕСКО, с работой Всемирной комиссии по культуре и развитию (ООН) и Всемирного Саммита по информационному обществу (Женева, 2003 и Тунис, 2005). К. Норденстренг напоминает, что сам термин НМИП фактически вышел из употребления, однако содержание этого понятия в основном сохранилось. Его неизбежная современная модификация связана с изменениями в социальной и технологической сферах. При рассмотрении бюджета различных подразделений ЮНЕСКО, в том числе сектора информации и коммуникации, организация исходила из двух важнейших принципов. Это обеспечение свободы слова, а также создание возможностей для всеобщего доступа к знаниям и информации [14, с. 20–25].

Таким образом, Доклад Комиссии Ш. Макбрайда о последствиях неравномерности в обмене информацией актуален и в условиях изменения геополитической карты мира. Время подтвердило значимость Доклада Макбрайда не только как исторического свидетельства, позволившего глубже понять время, обусловившее его появление, но и как своего рода прогноз развития информационных процессов в современном мире. Интенсивное развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий придаёт принципиально новое качество трансграничному информационному обмену и становится движущей силой экономических, социальных изменений в мире [6]. И сегодня

наблюдается увеличение и без того значительного технологического разрыва между развитыми странами и остальным миром, что является главным барьером на пути становления глобального информационного общества. Кроме того, сохраняются проблемы этнических, религиозных и идеологических различий людей, поскольку «формирование геополитического пространства обусловлено не только строго объективными условиями и факторами (размер территории государств, особенности их географического положения, природно-ресурсный, демографический, экологический, военный потенциалы и т. д.), но и состоянием духа народов и наций, населяющих пространство определённых государств» [3, с. 11].

Доминирующее положение на мировом информационном рынке занимают мегакомпании, созданные по типу вертикальной интеграции: America Online – Time Warner, Walt Disney Co, Vivendi Universal Viacom, Bertelsmann, News Corporation и другие. По данным журнала Fortune, вышеперечисленные компании входят в список 500 ведущих глобальных корпораций мира [19]. Группу менее крупных, но, тем не менее, влиятельных поставщиков информации составляют Washington Post, Bloomberg, Reuters, BBC, New York Times, Dow Jones&Co и многие другие. Новости этих компаний широко распространяются во всём мире.

Теоретические споры вокруг теории «свободного потока информации» и концепции нового международного информационного порядка свидетельствуют о том, что в целом условия функционирования потоков и информационного обмена и сегодня далеки от сбалансированности. Во многих международных документах упоминается цифровой раскол, свидетельствующий о технологическом и экономическом отставании в планетарном масштабе (цифровая революция произошла лишь в США, Японии и в Западной Европе). Однако эксперты трактуют его шире: это раскол глобальной карты развития ИКТ на национальные и локальные модели. Сам по себе вопрос отставания не может быть осмыслен без попытки понять и выделить эти национальные особенности [2].

Основными поставщиками новостей являются мировые информационные агентства (Reuters, CNN, BBC World Service, Financial Times, Associated Press, BBC World, Voice of America, Euronews, Deutsche Welle, USA Today, France Press, Интерфакс, Al-Jazeera). Глобальные телесети новостей сосредоточены в развитых странах, преимущественно в Соединённых Штатах Америки, Великобритании, Германии и Франции.

В частности, исследователями СМИ выдвигаются следующие положения медиаимпериализма, спровоцированные эффектами глобализации:

– глобальные медиа способствуют скорее зависимости, чем представляют возможности для экономического роста национальных СМИ;

– несбалансированный поток контента СМИ разрушает культурную автономию или задерживает её развитие;

– новостной дисбаланс усиливает мировую мощь крупных и процветающих странпоставщиков новостей и препятствует укреплению национальной идентичности;

– глобальные медиапотоки ведут к культурной гомогенизации и синхронизации культур, выделяя доминирующую форму культуры, которая не имеет связи с реальной жизнью большинства людей [6].

Эксперты отмечают, что с Юга на Север движется достаточно скудный поток новостей, бедный в содержательном отношении. Такая ситуация пока сохраняется, однако появились и тенденции, указывающие на перемены в связи с экспансией Интернет.

Интенсивное развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий придаёт принципиально новое качество трансграничному информационному обмену и становится движущей силой экономических, социальных изменений в мире. Оно уже оказывает значительное влияние на отношения между как отдельными лицами, так и странами на мировом уровне. Вместе с тем нельзя не отметить увеличение и без того значительного технологического разрыва между развитыми странами и остальным миром, что является главным барьером на пути становления глобального информационного общества.

Во всех странах Европы, например, созданы специальные органы – регуляторы в сфере коммуникации, позволяющие форми-

ровать европейскую повестку дня. Однако медиа Западной Европы, живут сегодня внутри нескольких равнонаправленных тенденций: «растущей глобализации, настойчивой европеизации “сверху” и разнообразия национальных контекстов» [7, с. 396]. Ни одна из их не имеет сегодня преимуществ.

Геополитический передел мира, глобализация мировой экономики, переоценка идеологических ценностей, развитие коммуникационных технологий – всё это в совокупности создало современную систему международного информационного обмена, которая вновь нуждается в переосмыслении.

Список литература

1. Виноградова С. М. Прогноз Макбрайда: десять лет спустя // Век информации: тезисы научно-практического семинара. 1–2 ноября 1995 г. СПб., 1995. С. 46–48; Виноградова С. М. Прогноз Макбрайда: двадцать лет спустя // Рабочие тетради по компаративистике. Современная международная компаративистика в социальных и гуманитарных науках. Вып. 5–6. СПб., 2002. С. 25–28.
2. Кирия И. В. Новые изменения технологических различий между Севером и Югом // Информационное общество. 2003. Вып. 5. С. 47–54.
3. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
4. Мамыш Н. О. Международная коммуникация. Минск: БелГУ, 2011. URL: http://www.ffsn.bsu.by/ffsn.files/caf/k-sk/sk-doc/kl-doc/kl_mezd_kom_mamish.pdf (дата обращения: 21.01.2012).
5. Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. СПб.: Изд-во Михайлова, 2002. 179 с. URL: http.: //www. journ.chuvsu.ru›index.php?…com…article…(дата обращения: 10.03.2011).
6. Орлова В. В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. М.: Изд-во. «РИП-холдинг», 2003. 168 с. URL: http://www.textfighter.org/text5/70.php (дата обращения: 21.02.2012).
7. Современная зарубежная журналистика: Глобализация в практике западно-европейских СМИ / под ред. А. С. Пую. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2010. 423 с.
8. Современные зарубежные СМИ в условиях глобализации: сб. ст. / науч. ред. А. Ю. Быков. СПб.: Арт-экспресс, 2011. 161 с.
9. Beam S. 7 Surveying the territory: re-examining MacBride and theories of development // International Communication Gazette. 1992. October. № 50. P. 109–145.
10. Daly J. McBride and the New World Information Order. URL: // http://gsed.wordpress.com/2008/03/29/mcbride-and-the-new-world-information-order/ (дата обращения: 14.10.2011).
11. Engstrom J. A. The International Programme for the Development of Communication: A decade of infancy // International Communication Gazette. 1992. October. № 50. P. 169–191.
12. MacBride, S. et al. Many Voices, One World: towards a new more just and more efficient world information and communication orde // Report by International Commission for the Study of Communication Problems. Paris: UNESCO. 1980. 312 p.
13. Macfarlane A. Many worlds, One voice: the Macbride commission – a study in irony// Caejac Journal. Vol. 2. 1987–1988. P. 37–40.
14. Nordenstreng K. MacBride Report as a Culmination of NWICO // Communication et changement social en Afrique -2. 30 ans apres le rapportr Mc Bride. 27 p.. URL: http:// w3.u-genoble3.fr/les_engeux/pageshtml/art2010-supplementF.html) (дата обращения: 18.12.2011).

15. Nordenstreng K. The Context: Great Media Debate // Vincent R. C., Nordenstreng, K., & Traber M. (Eds.) Toward equity in global communication: MacBride update. Cresskill, NJ: Hampton Press, 1999. P. 263–305.

16. Sussman L. R. The MacBride Movement: Old "New Order leads to the new // International Communication Gazette. 1992. October. № 50. P. 81–108.

17. Tehranian M. Where is the New World Order? At the End of history or a Clash of Civilizations? // Vincent, R. C., Nordenstreng, K., & Traber, M. (Eds.) Toward equity in global communication: MacBride update. Cresskill, NJ: Hampton Press, 1999. P. 23–63.

18. Vincent R. C., Nordenstreng, K., & Traber, M. (Eds.) Toward equity in global communication: MacBride update. Cresskill, NJ: Hampton Press, 1999. 379 p.

19. Top 500 Global Companies // Fortune – 2002. – July [Electronic Resource]. URL: http: // www.fortune.com (дата обращения: 23.10.2011).

Статья поступила в редакцию 26.02.2012 г.

УДК 070.1+321
ББК Ч612.4(4П)+Ф3(0,8)

Мариан Николаевич Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор,
Силезский университет
(Катовице, Польша), e-mail: marian.gierula@us.edu.pl

Политическая система и система СМИ в Польше: взаимозависимость

В статье дан краткий анализ условий взаимоотношения политической системы и системы СМИ в Польше. Дан подробный анализ этого явления на примере разных аспектов политического параллелизма. СМИ в современном обществе испытывают множество ограничений, накладывающих отпечаток на их повседневное существование и развитие. Одно из наиболее ощутимых ограничений оказывает процесс политизации информационной сферы, влияющей на свободу журналистской реализации, взаимодействие массмедиа с обществом и государственными, политическими институтами. Складывающаяся ситуация формирует особое «лицо» журналистской культуры, тяготеющей в европейских странах вообще и Польше в частности к отстаиванию либеральных ценностей. В своей статье автор делает попытку прояснить особенности формирования либеральной медиадоктрины и противоречия, возникающие в ходе ее существования.

Ключевые слова: массмедиа, политическая система, система СМИ, политический параллелизм, политическая пристрастность

Marian Nikolaevich Gierula,
PhD, Professor
Silesia State University
(Katowice, Poland), e-mail: marian.gierula@us.edu.pl

Political System and Mass Media System in Poland: Reciprocal Dependence

The article presents a brief analysis of the interaction between the political system and that of mass media observed in Poland. A more detailed analysis of the given phenomenon is presented in terms of political parallelism. Modern mass media suffer a lot of restrictions which influence their every day work and development. One of the most obvious restrictions is the politicization of the information which in its turn has a negative impact on the freedom of the journalistic expression, mass media interaction with the society and state and political institutions. Nowadays the "face" of the journalistic culture has acquired certain features which are making it so close to liberal values in Europe and in Poland. The author makes an attempt to define the peculiarities of the liberal media-doctrine development and those contradictions that appear during this process.

Keywords: mass media, political system, mass media system, political parallelism, political bias.

Медийная доктрина – это совокупность взглядов, определяющих роль и место массовых медиа в структуре власти и общества. Основой каждой медийной доктрины является идеология, то есть упорядоченный состав ценностей и целей, определяющих общие общественные и политические предпосылки и обосновывающих действия, служащие интересом определённой общественности (народа, общества, общественной группы). По сравнению с идеологией, доктрина является составом конкретизированных и подробных

© М. Н. Геруля, 2012

теоретических взглядов, касающихся определённой пространственно-временной области общественной жизни. Так идеология, как и медийная доктрина, представляют некое желаемое, постулируемое а не существующее состояние взаимоотношений в общественно-политической системе. В зависимости от принятого в идеологии решения, а особенно от ответа на вопрос о том, что является вышестоящей ценностью – личность или государство, в медийной доктрине формулируются разнообразные обоснования таких вопросов, как цели, функции, формы собственности, организация, способы действования, способы контроля, пределы независимости и свободы СМИ.

Медийные доктрины высказывают, как СМИ должны действовать, чтобы лучше всего служить реализации этих целей, которые данная доктрина признаёт важнейшими, или какие цели проистекают из общественных ожиданий по отношению к СМИ. В обоих случаях доктрины становятся инструментом давления на СМИ, а также контроля над ними. Но поскольку разные общественные группы имеют отличающиеся интересы и ожидания, касающиеся СМИ, а медийные системы характеризуются большой структурной сложностью и разнообразием способов действования, то обычно в обществе действуют разные медийные доктрины. Из них проистекают разнообразные, иногда противоречивые нормативные ожидания, с очень разнообразным историческим происхождением, что осложняет их практическое введение. Доктрины занимаются отдельными СМИ и отдельными аспектами их действования в разной степени – больше всего внимания уделяют информационной и публицистической деятельности прессы, радио и телевидения, менее всего оказывают внимания кино, музыкальным и видео записям, а также телематическим СМИ, возглавляемым Интернетом.

Системная трансформация в Польше после 1989 г. была в основном связанна с принятием либеральной идеологии, касающейся функционирования общественно-политической жизни в стране. Поэтому естественным результатом было создание правово-стройных условий для функционирования либеральной медийной доктрины, которая определила взаимоотношения между политической и медийной системой в Польше. Либеральная доктрина, призная первенство личности и общества над государством, относится к СМИ как к фактору, служащему реализации прав личности, и как к инструменту контроля общества над государством и исполняющими власть [1, с. 159–165]. Основной предпосылкой либеральной доктрины является убеждение в рациональности человеческого характера – человек является разумным существом, обладает естественной способностью отличать правду от фальши, добро от зла. Руководствуясь рассудком, каждый умеет самостоятельно определять, что для него полезно, принимать решения, служащие его интересом, и так формировать окружающую действительность, чтобы улучшить свои жизненные условия и общественную позицию. Государство не может за него заступиться и, тем более, усиленно осчастливить его, обязанностью государства является создание правовых рамок, гарантирующих охрану его интересов и возможности построения собственного благосостояния. На практике сказанное результируется в обеспечении гражданских, политических и экономических свобод и в дистанцировании от конкретной человеческой судьбы [2, с. 188–191].

Любая личность и всё общество может предпринимать рациональные выборы лишь тогда, когда имеет доступ ко многим взглядам, мнениям и идеям. Итак, должен существовать свободный рынок идей, то есть место, где каждый может свободно представить свою точку зрения на публичные дела и одновременно узнать, каковы взгляды и мнения других. Лишь свободный обмен взглядами позволяет выбрать лучшие решения, а, сопоставляя разные идеи, можно эти решения постоянно совершенствовать. Свобода слова является, таким образом, условием возникновения свободного рынка идей, который в свою очередь есть условие дохождения до правды и постоянного улучшения общественных механизмов.

В либеральном видении общественного порядка роль свободного рынка идей лучше всего исполняют свободные СМИ. Свободные в том смысле, что они возникают и действуют без каких-либо внешних ограничений, и в том, что они должны быть открыты на всякие возможные точки зрения и взгляды.

Лишь такие СМИ помогают личностям в лучшем познании окружающей действительности и в разумном руководстве собственными делами, а обществу – в выборе программ и правительств, лучше всех служащих публичным интересам. Только свободные СМИ могут быть инструментом публичного просвещения, именно в том состоит их важнейший долг по отношению к личности и обществу.

Вторым основательным долгом, набросываемым на СМИ либеральной доктриной, является исполняние контроля над правительством и над всей государственной властью. Трёхделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, правда, гарантирует взаимный контроль и уравновешивание этих властей, но не исключает небрежности, грубости, и прежде всего коррупции людей, управляющих государственным аппаратом, особенно в контактах с представителями бизнеса. Чтобы риск деморализации и патологии власти привести к минимуму, СМИ должны внимательно наблюдать за действиями всех трёх властей и элит бизнеса: поступают ли они согласно законам, соблюдают ли демократичные процедуры, реализуют ли определённые обществом (в демократичных выборах) цели. Итак, СМИ должны исполнять роль «цепной собаки демократии», берегущей порядок в государстве и распространяющей информации о случаях нарушения законов или демократических правил властьимущими. Эту обязанность СМИ могут выполнить только тогда, когда будут полностью свободны и независимы от контроля со стороны государства. Функции СМИ как «цепной собаки демократии» либеральная доктрина придаёт настолько важную роль, что артикулирует даже статус четвёртой власти в государстве. Это должна быть власть, исполняемая от имени и в интересе граждан и гражданского общества над всей политической системой. Несмотря на то, что идея свободы воспринимается как основа всего общественного порядка, либеральная доктрина не абсолютизирует свободу СМИ, не относится к ней как к высшей ценности. Напротив, свобода СМИ является условием реализации постулируемых задач для общества и личности. Очевидным является также вопрос об условиях свободы СМИ – они должны быть сферой свободного предпринимательства и действий по рыночным правилам, они не могут подвергаться концессионированию, а всякая цензура должна быть запрещена. Свободные СМИ должны тоже иметь доступ к важнейшим источникам информации, имеющимся в собственности государства [3, с. 198–202].

В Польше изменения общественно-политической системы сопровождались принципальной перестройкой законов, регулирующих функционирование польских СМИ. Среди основных актов был Закон о ликвидации рабочего издательского коллектива «Пресса-Книга-Движение» от 22 марта 1990 г., Закон об отмене закона о контроле публикации и зрелищ, отмене соответствующих органов и изменении Закона печатного права от 11 апреля 1990 г., Закон о радиовещании и телевидении от 29 декабря 1992 г. и принятый лишь 31 июля 1997 г. Закон о Польском агентстве прессы.

На правила, регулирующие действия медиа, огромное влияние оказал также факт объединения Польши с Европейским Союзом и вхождение в его структуру. В связи с этим наша страна постепенно принимала ответные международные договоры, касающиеся охраны авторских прав, связи и телевидения.

Новое правовое регулирование нашло подтверждение в Конституции, принятой 2 апреля 1997 г.; в статье 54 этого документа утверждается, что Республика Польша гарантирует свободу прессы и других средств общественной коммуникации. Всем гражданам гарантируется свобода выражения взглядов, получения и распространения информации. Запрещена цензура и концессионирование прессы, но допускается концессионирование электронных СМИ (в ст. 54). Гражданам предоставлена гарантия доступа к публичной информации (ст. 60–61). В Конституции появились статьи, касающиеся Государственного Совета радиовещания и телевидения (ст. 213–215) как основного органа государства, ответственного за электронные СМИ [4, с. 12–13].

Взаимоотношения между политической и медийной системой определяют господствующая идеология, медийная идеология, поэтому правовое регулирование можно анализировать многоаспектно. В контексте наших рассуждений предлагаю ориентироваться на следующие аспекты проблемы: по-

нятие и меры политического параллелизма с вытекающими вопросами − показатели политического пристрастия, степень привлечения СМИ в партии, степень интеграции медийных кадров и политических элит модели взаимоотношений политических субъектов и массовых медиа.

Понятие и меры политического параллелизма. Политическо-медийный параллелизм определяется как степень отражения структуры политической системы в медийной системе. Он возникает там, где на СМИ оказывают давление со стороны политических субъектов (например правительство, парламент, президент или местная власть), а СМИ по разным причинам не в силе сопротивляться. Взаимоотношения политических субъектов и СМИ воспринимаются как взаимные интеракции, во время которых каждая сторона стремится к реализации собственных интересов. Нет в мире совсем свободных и независимых СМИ, так как они не существуют в общественном вакууме. С начала своего возникновения пресса, а потом радио и телевидение были инструментом в руках правящих или тех, кто боролся за власть. Однако вместе с приватизацией и дерегулированием электронных СМИ в 80-е гг XX в. ситуация осложнилась. Кроме политических давлений, ведущих к политизированию СМИ, появилось сильное экономическое давление, эффектом которого является коммерциализация. В итоге политическую логику постепенно вытесняет логика СМИ, сформированная рыночными механизмами и конкуренцией [5, с. 68–69].

Определители политического пристрастия. Основным определителем параллелизма является политизация СМИ, отражающаяся в их пристрастности, что имеет отрицательные последствия для демократии, ухудшает её качество. Лишённые объективизма информационные потоки влияют на формирование неправильных взглядов граждан, которые в результате деформируют демократические практики и процессы. О пристрастии СМИ мы можем говорить тогда, когда их содержание, с одной стороны, очевидно, укрепляет, а с другой стороны, критикует и ослабляет позиции и взгляды какого-либо участника политической или общественной жизни. Пристрастность является противником объективизма. Пристрастность проявляется на нескольких уровнях: собственность, содержание и потребители [6, с. 42–45]. Медийная собственность составляла и по-прежнему составляет основной опредитель пристрастности СМИ. В Польше частная собственность на рынке печатных СМИ является данностью, и только в начале трансформации некоторые партии имели свои печатные органы. Коммерческое радио и телевидение также руководствуется экономическими целями на рынке, что не означает, что их частные собственники, кроме стремления к увеличению прибыли, не являются поклонниками определённых идеологий, имеют политические взгляды.

По другому представлена собственность публичного радио и телевидения. Способ управления ими отлично отражает связи с правящими партиями. Данная ситуация обусловлена тем, что собственником публичного радио и телевидения в Польше является государство, с чем связан процесс назначания членов Государственного совета радиовещания и телевидения. В последнем случае назначающими органами являются сейм, сенат и президент, то есть органы политического характера. Имея в виду, что ГСРиТ имеет влияние на назначание на руководящие должности в публичных СМИ, то политические партии непосредственно принимают участие в формировании кадровой политики в этих СМИ. В течение 20 лет польских перемен основные споры о роли публичных СМИ в медийной системе касались именно этого вопроса. Взаимоотношения между политическими партиями (политиками) и СМИ (их собственниками и журналистами) отражаются в содержании СМИ. Можно отметить несколько очевидных итогов: во-первых, избегание политических тем, чтобы не вызывать конфликта с политиками, уход из публичной сферы в развлечение и нейтральные, маловажные темы; во-вторых, преобладание статуса политиков над журналистами и обсуждание с правящей партией содержания информационных программ в публичных СМИ; в-третьих, избавление от неугодных журналистов, удаление неудобных сообщений целиком или их фрагментов по желанию партии и политиков контролирующих СМИ (практика функционирования публичных СМИ в Польше изобилует множеством подобных примеров);

в-четвёртых, политические комментаторы и телевизионные журналисты с соответствующими политическими взглядами, когда ведут интервью или высказываются на телевидении, становятся участниками политического процесса по собственному выбору, и иногда их медийная популярность является более яркой, чем у политиков. В зависимости от мнений, высказанных журналистами, возможно нагнетание враждебности или укрепление взаимоотношений между двумя сферами; в-пятых, склонность медийных работников к активности в политической сфере, и большое значение политической орентации журналистов, их связей с политиками в профессиональной карьере.

Политическая и журналистическая культура, принятая в отдельных медийных системах, журналистические принципы и практики формируют степень пристрастности, определяют границы агрессивности высказывания или влияют на характер критики партии и политиков противостоящих группировок. В СМИ, где журналисты воспринимают свою роль как способствование информированию и развлечению, политическое содержание является нейтральным и решительно более взвешенным, что подтверждает низкий уровень политического параллелизма. Однако в Польше и во многих других европейских странах, где преобладают публицистические журналистические жанры, такие как статья, фельетон, комментарий, бытует полемический и резкий стиль текста. Это ведёт к поляризации взглядов и может свидетельствовать о высоком уровне политического параллелизма.

С пристрастностью, касающейся содержания СМИ, неразрывно связана категория плюрализма содержания, имеющего внутренний или внешний характер [3, с. 228–233]. Внешний плюрализм касается содержания отдельного СМИ и свидельствует о слабом политическом параллелизме. В том случае, если на страницах одной газеты, радиостанции или телестанции выходят статьи или передачи, допускающие различные политические взгляды, в контенте СМИ представлены разные политические группы, сопоставляются обе стороны конфликта или разные видения решения политических вопросов. Источниками информации являются политики правящих и оппозиционных партий, а управление СМИ заботится о том, чтобы сохранить равновесие между полярными высказываниями. Подобные СМИ пытаются сохранить нейтральность, отдаляются от политических институтов и не участвуют в политическом процессе. В Польше медиасодержание, основанное на внешнем плюрализме, в чистом виде не встречается, хотя есть СМИ, которые пытаются стремиться работать в данном направлении – еженедельники «Нюсуик» и «Впрост» (после 2010 г.), телестанции группы ТВН, ТВ Польсат или «Жечпочполита» (до 2006 г.).

Внешний плюрализм касается всей медийной системы. Внутри его существуют многие пристрастные СМИ, в которых отражается всё разнообразие политических взглядов, высказываемых существующими в рамках политической системы группировками. Внешний плюрализм может быть подтверждением высокого политического параллелизма. Однако его нельзя воспринимать как отрицательное явление в демократии относительно временного среза существования политических группировок и идеологических направлений, имеющих свои коммуникационные каналы, а также – существования СМИ, склонных передавать их взгляды и идеологии. Такой вид плюрализма характерен для польского рынка ежедневников.

Политизация СМИ и их пристрастность на уровне владельцев, журналистов и содержания не существовала бы, если не имела бы верных и тоже пристрастных потребителей. Читатели, слушатели, телезрители или пользователи Интернета – это граждане, которые имеют определённые политические взгляды, идеологичные предпочтения и признают определенную систему ценностей. Именно система отношений каждого потребителя направляет его в сторону тех СМИ, программная линия и представляемые взгляды которых являются для него близкими. Политические взгляды поляков отражает также польская пресса: так, в сегменте ежедневников люди с левыми взглядами покупают «Пшеглонд», католики – «Тыгодник повшехный», а те, которым ближе всего консервативные ценности, – «Уважам же».

Степень партийности СМИ. Пристрастность СМИ является в большой части результатом их взаимоотношений со сферой

политики. Взаимные связи собственников и работников СМИ с политиками, особенно в избирательные периоды, могут иметь влияние на общественное мнение и предпочтения избирателей. Существует три критерия подобных взаимоотношений: участие партии в финансировании и управлении СМИ, в конструировании программной линии редакции и совокупности пристрастий читателей [6, с. 210–221].

В Польше ни одна политическая партия не является собственником газеты, радиостанции или телестанции. Самый высокий уровень партийности СМИ имеют публичное радио и телевидение, которых пытаются контролировать правящие партии [7, с. 106–111]. Подобный вид взаимоотношений можно наблюдать между местной властью и прессой самоуправлений [8, с. 173–175].

Высокий уровень партийности проявляется в добровольной связи СМИ с политической партией. В этом случае политическая группировка, несмотря на то, что не имеет никаких формальных связей, всегда может рассчитывать на обязательную лояльность собственника и журналистов. Такой уровень партийности мы часто встречаем в Польше.

Средним уровнем партийности можно признать оказывание СМИ условной поддержки политической партии. В данном случае редакционная линия ежедневника, журнала, радиостанции или телестанции в целом доброжелательная для конкретного политического субъекта, допускает высказывания сомнений, замечаний относительно недостатков партии и её предводителей. Возможно также указание на достоинства оппозиционных группировок и предворителей. Типичным польским СМИ, придерживающимся подобной редакционной политики, была «Газета выборча» [4, с. 90–110]. В случае других частных СМИ уместно говорить не столько о выраженных политических пристрастиях, сколько об отрицании, проявляющимся в критике всех лидеров и группировок, особенно правящих.

Низкий уровень партийности проявляется в деятельности СМИ, которые не имеют ясной и однозначной политической ориентировки. Позиция редакции в каждом случае зависит от конкретной политики партии и решений, предпринимаемых её верхушкой, воспринимаемых в контексте нужд и общественных предпочтений. К этой группе в Польше относятся, прежде всего, печатные СМИ, издаваемые зарубежными концернами, а также частное телевидение ТВ – Польсат.

Самый низкий уровень партийности или её отсутствие проявляется в политической нейтральности СМИ и в отсутсвии поддержки каким-либо партиям или политическим группировком. Беспартийность организации может быть результатом продуманных положений в уставе организации или решением собственника: отказ от открытой поддержки какой-либо политической силы и закрытость политических убеждений журналистов, которые должны остаться их частным, а не публичным делом. Анализ содержания информационно-публицистических СМИ в Польше не дал положительных результатов в поиске данного типа.

Степень соединения кадров СМИ и политических элит. Представители двух миров могут вступать во взаимоотношения, которые проявляются в степени их неформальной интеграции – политического расположения и социально-культурной близости. Во многих политических системах медийные организации и политические учреждения структурно отделены законом и существующими рычагами регулирования. Однако между ними возникают многочисленные связи. Это можно объяснить тем, что набор членов медийных и политических элит и их социализация происходят в одних социально-культурных обстоятельствах, поэтому они могут придерживаться одних и тех же ценностей и иметь сходные интересы. С одной стороны, работники СМИ могут быть членами политических партий или поддерживать конкретные политические группировки. С другой, многие политики имеют за плечами опыт журналистской работы [5, с. 81–82]. Так, в Польше Александр Квасьневский, премьер-министр Тадеуш Мазовецкий много лет работали журналистами. Журналисты, имея богатый опыт, часто работают пресс-секретарями, специалистами по паблик риллейшнз и медиа риллейшнз. Они становятся советниками, а иногда даже ближайшими сотрудниками партийных предводителей, помогая им своими знаниями и опытом в контактах со СМИ и аудиторией. В Польше есть много примеров перехода медийных работников в политический мир, это-

му способствуют такие явления, как укрупнения, конвергентность СМИ, которые ограничивают количество рабочих мест, медиатизация политики, рост значения общественной коммуникации в общественно-политической жизни современного информационного общества. Это ведёт к тому, что представители обеих профессиональных групп все чаще встречаются, входят в более или менее формальные интеракции, общественные круги, разделяют те же взгляды, точки зрения и стремятся к осуществлению похожих целей.

Подобные взаимоотношения могут положительно стимулировать демократическую политику путём улучшения взаимопонимания различных представителей элит, но практика демонстрирует обратное. Слишком далеко подвинутая интеграция обеих элит может иметь негативные результаты, ведя к нарушению демократичных стандартов и стиранию границ между интересами граждан, политиков и СМИ, к коррупции.

В Польше на государственном уровне мы не наблюдаем видимой интеграции политических элит с собственниками СМИ и журналистами. Афера Рывина – предоставление возможности перехвата общенационального телевидения издателем общенациональной ежедневной газеты, показала, что СМИ с осторожностью относятся к правящим элитам [4, с. 35–41]. Наблюдение над политическими процессами и исследования, которые проводятся на местном уровне, демонстрируют другие выводы. Указанные взаимоотношения являются яркими и часто носят признаки патологии [9, с. 108–115].

Модель взаимоотношений политических субъектов и массовых медиа. Партийность СМИ и уровень интеграции кадров СМИ и политических элит ведут к развитию особых взаимоотношений между массовыми медиа и политическими субъектами. В результате медиатизации общества и политики обе среды живут в коммуникационном симбиозе [10, с. 164]. Они нуждаются друг в друге, от качества их взаимоотношений будет зависеть развитие и успех каждой стороны, которые, тем не менее, имеют разные логику и цели: политики с помощью СМИ хотят добиться и удержать власть, а СМИ в свободнорыночных условиях стремятся к приобретению многочисленной аудитории.

Можно говорить о двух родах моделей взаимоотношений между политическими субъектами и СМИ: модель противников и модель обмена [5, с. 84–85].

Модель противников основывается на идеологической предпосылке – журналисты воспринимают политиков как противников, которым не должны служить. Осью является конфликт между интересами масс-медиа и политиками. Эта модель основывается на одной из важнейших в либеральной системе функций – контролирующей. Журналисты выступают в роли стражника демократических ценностей, показывают промахи и неблаговидное поведение политиков.

Модель обмена является противоположностью модели противников. Он включает взаимоотношения между медийными и политическими субъектами в разряд общественного обмена. Можно сформулировать три достоинства этой модели. Во-первых, она позволяет определить характер тех ситуаций, в которых политики и журналисты решают обменяться информацией. Во-вторых, модель обмена старается показать взаимоотношения политиков и представителей масс-медиа всесторонне, пытаясь учесть интересы каждого. В-третьих, модель обмена объясняет, какие взаимоотношения могут сохраняться несмотря на имеющиеся конфликты и барьеры общения. Тем не менее, данная модель обладает и недостатками: она не располагает возможностью объяснять политические явления и процессы, так как она концентрирует внимание на неформальных и персональных взаимоотношениях между политическими учреждениями и медийными организациями.

В польской практике без больших проблем можно найти примеры реализации как модели обмена, так и модели противников. Нет одного общего образца взаимоотношений между политическими элитами и СМИ. Эти модели выступают рядом в рамках одной медийной системы, так как касаются взаимоотношений, возникающих между конкретными медийными организациями и политическими учреждениями и их представителями. Это означает, что сама редакция, радиостанция или телевизионный канал с одной партией может иметь взаимоотношения, типичные для модели противников, а с другой – характерные для модели обмена.

Итак, сотрудничество между СМИ и политическими субъектами может иметь разные оттенки. Характер и уровень дружбы обусловливаются правовыми принципами, организационной чёткостью и финансовым положением партии, принадлежностью учреждений власти и её общественным подкреплением, с одной стороны, и этикой, профессиональными принципами и журналистической культурой, с другой. Эти факторы ведут к тому, что в рамках одной системы политической коммуникации формируются симетрические или нессиметрические взаимоотношения между политическими субъектами и СМИ, определяемые уровнем автономии СМИ в процессе создания и распространения политических сообщений. В Польше нессиметрические взаимоотношения характерны для связей политического мира с публичными электронными СМИ. Относительно сильную позицию во взаимоотношениях с политическими партиями в Польше выработали частные телестанции, принадлежащие группе ТВН, ТВ – Польсат, коммерческие радиостанции РМФ ФМ и Радио – Зэт. Они не пытаются добиваться расположения политических партий, которые являются объектом их критических сообщений.

Список литературы

1. Goban-Klas T. Media i komunikowanie masowe. Teorie i analizy prasy, radia, telewizji i Internetu. Warszawa-Kraków, 1999.
2. McQuail D. Teoria komunikowania masowego. Warszawa, 2007.
3. Mrozowski M. Media masowe. Władza, rozrywka, biznes. Warszawa. 2001.
4. Mielczarek T. Monopol. Pluralizm. Koncentracja. Środki komunikowania masowego w Polsce w latach 1989–2006. Warszawa, 2007.
5. Dobek-Ostrowska B. Polski system medialny na rozdrożu. Media w polityce, polityka w mediach. Wrocław, 2011.
6. Hallin D.C, Mancini P. Systemy medialne. Trzy modele mediów i polityki w ujęciu porównawczym. Kraków, 2007.
7. Jakubowicz K. Media publiczne. Początek końca czy nowy początek. Warszawa, 2007.
8. Gierula M. Polska prasa lokalna 1989–2000. Typologia i społeczne funkcjonowanie. Katowice, 2005.
9. Michalczyk S. Media lokalne w systemie komunikowania. Katowice, 2000.
10. Dobek-Ostrowska B. Komunikowanie polityczne i publiczne. Warszawa, 2007.

Статья поступила в редакцию 25.02.2012 г.

УДК 070.12.(070.13, 070.481)
ББК Ч612.113

Ольга Викторовна Дегтярёва,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: olgaspb2008@mail.ru

Предвыборный дискурс украинских СМИ: политические стратегии медиаконцерна *«StarLightMedia»* (на примере газеты «Факты и комментарии»)

Впервые в отечественной историографии политические стратегии конкретного украинского медиаконцерна стали центральным предметом научного исследования. Однако при рассмотрении вопросов управления украинским медиабизнесом нельзя обойти вниманием вопросы политического и социального влияния медиаиндустрии. Поэтому автор проанализировал предвыборный дискурс публикаций газеты «Факты и комментарии» накануне парламентских выборов 2002 г. и показал механизмы отражения политических приоритетов владельца медиаконцерна *«StarLightMedia»*, в состав которого входит издание.

При исследовании стратегии медиапредприятия автор пришёл к выводу, что для владельца СМИ в Украине служат не столько источником прибыли, сколько инструментом лоббирования собственных интересов. «Факты и комментарии» представили парламентские выборы 2002 г. как дело только политиков, а не как шанс и обязанность избирателей изменить ситуацию. Цикличное повторение выборов на страницах газеты ослабило внимание избирателей и превратило событие в тривиальное действие «сезонного», «сериального» характера. Оппозиционные силы были представлены как нарушители общественной стабильности. Таким образом, владелец медиакомпании В. Пинчук следовал пропрезидентской политической ориентации и являлся частью финансовой кланово-иерархической системы.

Стратегическое управление предприятиями является новой и перспективной наукой управления, а значит данная работа представляет собой большой практический и теоретический интерес.

*Ключевые слова***:** политическая ориентация масс-медиа, медиаконцерн, коммерциализация масс-медиа, предвыборный дискурс.

Olga Viktorovna Degtyareva,
Postgraduate student,
St. Petersburg State University,
(St. Petersburg, Russia), e-mail: olgaspb2008@mail.ru

Pre-Election Discourse of the Ukrainian Mass Media: Political Strategies of the Media Concern “StarLightMedia” (the example of the newspaper “Facts and Comments”)

For the first time the political strategies of a certain media concern have become the central subject of the scientific research. However it is impossible to ignore questions of political and social influence on the media industry while considering the management of the Ukrainian media business. Therefore the author analyzed the pre-election discourse of the newspaper “The Facts and Comments” issued the day

© О. В. Дегтярёва, 2012

before the parliamentary elections in 2002 and has shown the mechanisms used to reflect the political priorities of the "StarLightMedia" concern's owner.

While analyzing the research strategies of the media enterprise the author came to the conclusion that mass media in the Ukraine are not so much a source of profit as a tool used to lobby the owner's interests. "The Facts and Comments" presented 2002 parliamentary elections rather as the politicians' business than the voters' chance and duty to change the situation. The cyclic repetition of the elections on the newspaper pages weakened the voters' attention, transformed the event into a trivial action with a "seasonal" and "serial" character. The opposition forces were presented as the infringers of the public stability. Thus, the owner of the media company V. Pinchuk followed propresidential political orientation and was a part of the financial hierarchical system.

Strategic management of the enterprises is new and perspective, so this work is of great political and theoretical interest.

Keywords: mass media political orientation, media concern, commercialization of mass media, pre-election discourse.

Медиабизнес противоречив и специфичен, так как имеет свои национальные и отраслевые особенности. Современная Украина проходит сложный период становления медиаиндустрии. Экономическое положение масс-медиа является ключевым вопросом, от решения которого зависит дальнейшее обеспечение свободы слова в стране. При этом внешний плюрализм контента ещё не является свидетельством плюрализма внутреннего. Ведь для большинства владельцев медиа в Украине служат не столько источником прибыли, сколько инструментом давления на власть и общество. Как известно, аудитория – это очевидный «продукт» деятельности СМИ, создаваемый в ответ на спрос рекламодателей. То есть с помощью масс-медиа могущественные финансово-промышленные группы лоббируют собственные интересы. Таким образом, большинство инвесторов рассматривает медиаресурсы Украины как дополнение к основному бизнесу.

Целью статьи является исследование стратегий медиаконцерна *«StarLightMedia»*, одного из наиболее крупных медиапредприятий страны, собственником которого является Виктор Пинчук, зять экс-президента Украины Леонила Кучмы. К медиабизнесу В. Пинчука следует относить газету «Факты и комментарии», телеканалы *ICTV*, Новый канал, СТБ, М1, М2 и *QTV*. Вышеуказанные телевизионные источники производят развлекательный и информационный контенты. Сейл-хаусы *StarLight Sales* и *StarLight Brand Content* отвечают за рекламный продукт. Одна из самых массовых газет Украины «Факты и комментарии» («ФК») с тиражом 461553 экземпляров рассматривается как производящая универсальный контент.

Для решения поставленных задач автор исследования детально изучил газетные публикации «ФК», охватывающие последний месяц парламентской избирательной гонки – март 2002 г. Поскольку в исследовании применялись методы аналогии, синтеза и сравнительного анализа, то привлекались материалы, относящиеся к парламентским выборам 1998 и президентским – 1999 и 2004 гг. Парламентские выборы 31 марта 2002 г., как и выборы 1998 г., проводились в Украине по смешанной системе и даже в своей мажоритарной части проходили в один тур.

Предвыборный дискурс публикаций газеты «ФК» в марте 2002 г. даёт основания рассматривать политические (идеологические) приоритеты собственника как основополагающие при подготовки издания к печати. Материалы «ФК» изобилуют свидетельствами политической симпатии собственника газеты к одному кандидату и антипатии – к оппозиционному. Уже первые регулярные выборы президента в 1999 г. продемонстрировали иерархический принцип освещения избирательной компании и кандидатов согласно их должностям и влиянию. В этой связи следует отметить особый механизм сосуществования государственных СМИ и СМИ, которые опекают различные группы интереса.

Конец 1990 – начало 2000-х гг. – поворотные для команды Леонида Кучмы и для СМИ

Украины в целом, так как к этому времени окончательно сформировались предпосылки возникновения «Оранжевой революции» 2004 г., и связанной с ней революции журналистской, датой начало которой считается 28 октября 2004 г. Именно в этот день журналисты ведущих украинских телеканалов («Интер», *ICTV*, Новый канал, «Тонис», НТН, «1+1») заявили о политическом давлении на их медиа. Поводом стала политика «кризисного менеджмента», которую в отношении СМИ в 2002 г. проводил глава Администрации Президента и лидер СДПУ(о) Виктор Медведчук. По его указаниям среди телеканалов распространялись заказные материалы («темники»). В ответ осенью 2002 г. журналисты впервые решились на открытое противостояние власти и организовали серию акций протеста. Однако журналистская революция не была окончательной и необратимой. Действительно, трансформация украинского медиарынка продолжается и глубина изменений зависит: 1) от региона (в крупных городах более ощутима, чем на местах); 2) от вида СМИ (изменения больше затронули телевидение, а печатные СМИ остались более плюралистичными (в границах, которые выделяет власть).

Следует отметить, что процессы, происходящие в Украине, выходят за рамки общепринятых теорий, поскольку постсоветское общество одновременно вынуждено решать проблемы нескольких предыдущих периодов своего развития. Естественно, при этом можно наблюдать как прогрессивные, так и регрессивные явления традиционалистского характера. Ведь в украинском трансформирующемся обществе нет стойких соотношений между компонентами системы, поэтому последствия предвидеть сложно и часто они носят парадоксальный характер. Целесообразно рассматривать процесс изменений с учётом синергетической парадигмы, так как она предусматривает вероятность развития событий и выбор последующих направлений. Это возможно в точках бифуркации, то есть во времена острого кризиса и неопределённости. В такие периоды возникают тенденции трансформации, в которых просматриваются элементы прошлого и будущего состояния общества. Такими перманентно процессуальными точками бифуркации как раз и стали украинские парламентские и президентские выборы. Однако по сравнению с избирательными компаниями, предвыборный дискурс СМИ выглядит более прозрачным.

Естественно, выборы являются важным фактором активизации публичной сферы. Именно через медийный дискурс они попадают в поле взаимодействия между политиками и гражданами. Ч. Тейлор отмечает, что именно в публичной сфере кристаллизуются умонастроения, ожидания и мнения общества [28, с. 257–287]. Поэтому предвыборный дискурс является ярким примером создания идентичностей и национальной картины мира, поскольку кандидаты и партии предстают перед обществом носителями определённых идеологических норм и культурных традиций. То есть, помимо кандидата и программы, гражданам предлагается образ человека, которого выбирают, и образ страны, в которой избранный лидер реализует свою программу.

Известно, что массмедиа вносят существенный вклад в определение места и роли выборов в «повестке дня». СМИ могут представить выборы как дело только политиков, или как шанс и обязанность избирателей повлиять на ситуацию. Очевидно, медиа, в условиях нестабильной политической ситуации в Украине, вызывают серьезные претензии со стороны граждан. Так, согласно мониторингу Института социологии «Украинское общество», в 2005 г. доверие населения Украины к СМИ увеличилось с 28 % до 36 %, а в 2006 г. доля доверяющих вновь снизилась и составила 31 % [8, с. 215]. Амбивалентность массового сознания в электоральном поведении украинских граждан и отсутствие социальной идентификации политических партий и движений украинские исследователи, например киевский социолог В. Танчер [20, с. 4–5], часто выделяют как важные признаки постмодернизации украинского общества. Среди прочих характерных особенностей современной Украины можно отметить распад универсальных исторических концепций, изменения в культурной иерархии, универсализация «массовой культуры» и другие. Необходимость исследования деятельности массмедиа в таких условиях связана ещё и с тем, что, благодаря глобализации информационного пространства и развитию новейших коммуникационных технологий, возможны

последующие политические и социально-экономические деформации. А как известно, важной чертой постмодернизма, является формирование виртуальной реальности. Часто постсоветскую экономику называют виртуальной, так как многие её экономические показатели имеют мнимый характер [6, с. 34]. Мнимую экономику сопровождает и виртуальная политика. А политика и экономика закладывают институциональный фундамент действий социокультурных процессов. Джоэл Хеллман, оценивая тесное взаимодействие государственной власти Украины с представителями крупного капитала, использует термин «захват власти» последними [26]. То есть в Украине есть все предпосылки для формирования виртуального социального мира?

Массмедиа, как посредник между властью и обществом, в таком треугольнике выступают в качестве основополагающего предмета мультидисциплинарного анализа. К сожалению, медиакомпании Украины – это в большей степени инструмент влияния доминирующей политической элиты или действующей власти страны, нежели прибыльный бизнес. Показательны примеры медиаимперий ряда современных прогрессивных государств, в которых медиабизнес – это прибыльная отрасль экономики. Мировая практика показывает, что наиболее конкурентными являются диверсифицированные и многоотраслевые медиахолдинги. В силу своей гибкости, самостоятельности и самоокупаемости они соблазнительны для инвесторов. Вопрос в том, отвечают ли украинские медиакомпании таким требованиям.

Как ни странно, хаос и абсурд изменений, происходящих в современной Украине, может носить закономерный характер. Поэтому тип каузальных социальных явлений здесь иной. Часто изменения осмысляются обществом через призму его элиты. В Украине большую роль играют финансово-промышленные группы (ФПГ), которые сосредоточили в своих руках основные рычаги управления. Элита имеет свои средства и способы осмысления изменений. Политическая элита Украины, например, осмысляет их путём создания оппозиционных движений. Характерно, что в хаотичный период формируется и новый тип людей. Существуют категории граждан, которые не создают новые условия для деятельности, а используют неопределённость правил и норм переходного периода. Исследователь С. Л. Катаев называет таких людей «псевдоагентами трансформации», «бандитами, которые превратились в бизнесменов» [5, с. 21–22]. Парадоксально, что такая асоциальная личность определяется как творческая, так как вносит новые способы деятельности, часть из которых может стать основой будущих экономических и социальных явлений.

Олигарх Виктор Пинчук, основатель инвестиционно-консалтинговой группы *EastOne*, образованной в результате реструктуризации группы «Интерпайп» – представитель нового поколения украинской экономико-политической элиты. Его компания *EastOne* охватывает более 20 бизнес-проектов, в том числе трубно-колёсную компанию «Интерпайп», медиаактивы (телеканалы *ICTV*, СТБ, Новый, М1, М2, газета «Факты и комментарии» («ФК»), издательство «Экономика», выпускающее газету «Дело», журнал «Инвест-Газета» и др.), страховой бизнес – компания «Россия». Сейл-хаус *StarLight Sales* – реализатор прямой рекламы на телеканалах группы и канале «Первый канал. Всемирная сеть» в Украине. *StarLight Brand Content* – это компания, которая занимается вопросами спонсорской поддержки, продакт-плейсмент и др. В. Пинчук входит в тройку медиамагнатов Украины наряду с Р. Ахметовым и И. Коломойским. Впервые олигарх публично назвал себя собственником медиаимперии в 11 ноября 2009 г. [25]. Показательно, что Пинчук активно участвует в политической жизни Украины. Журнал «Форбс» включил его в список богатейших людей мира [17]. Он вошел в «Топ-100 самых влиятельных людей» журнала «Тайм» [22]. С 2008 г. В. Пинчук входит в список «100 самых влиятельных людей в искусстве», по версии британского журнала «*ART Review*» [4], в 2010 г., согласно рейтингу Института мировой политики, возглавил список «ТОП-10 лоббистов Украины» [21].

Пережив несколько серьёзных экономических кризисов 1998 и 2008 г., издательский бизнес в Украине сильно изменился. Инвестиции финансово-промышленных групп и иностранных медиакомпаний, рост доходов от рекламы – всё это привело к значитель-

ному увеличению количества изданий. В период 1999–2008 гг. прослеживаются две основные тенденции: 1) сокращение национальных газет и рост количества региональных газет; 2) увеличение более чем в 11 раз количества издаваемых журналов – с 161 до 1810 наименований. Что касается последних лет, то эти годы были для рынка печатных СМИ особенно динамичными и трудно предсказуемыми. В 2010 г. впервые были получены данные по финансовым показателям рынка прессы в Украине. Объём рынка составил 5 млрд 867 млн грн. При этом наибольший процент доходов издателей – 42,40 % – был получен от рекламы. Фактический доход издателей, по данным «Укрпочты», составил в 2010 г. 1 млрд 256 млн грн. [24]. Согласно данным компании *TNS,* в 2010 г. издания общественного характера охватили 27 % населения. Среди лидеров: «Факты и комментарии» («ФК») В. Пинчука – 1391,57 читателей; «Аргументы и факты в Украине» В. Рабиновича – 1270,50 читателей; «Сегодня» Р. Ахметова – 1079,75 читателей [23, с. 19].

«*StarLightMedia»* – одна из самых крупных медиакорпораций Украины, доля которой составляет 32 % аудитории [23, с. 14–49]. За последние три года существования медиагруппа собрала наибольшее количество премий «Телетриумф». Газета «ФК» позиционирует себя как национальное качественное ежедневное издание общей направленности, чья ниша располагается между деловой и жёлтой прессой. Газета отвечает характеристикам (полу)таблоидного издания. Как и газете «Сегодня», «Фактам и комментариям» присуще соединение универсального, информационного, развлекательного материала с пропагандистским. В 1990-е гг. вместе с несколькими другими общенациональными изданиями «ФК» вытеснила с украинского рынка российские и региональные издания, при этом утвердив русский язык в качестве главного языка украинских массовых газет даже в западных областях страны. По данным самого издания, в марте 2002 г. «ФК» имела тираж около 800 тыс. Однако ввиду традиционной для украинских СМИ практики завышать показатели тиражей, эта цифра несколько ниже. Важной чертой издания стала его пропрезидентская направленность, что обеспечивало «ФК» государственное содействие. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что пресс-секретарем Л. Кучмы в 2002 г. была назначена журналистка телекомпании *ICTV* Е. Громницкая [16, с. 4]. При этом газета В. Пинчука не пользовалась популярностью среди украиноязычной интеллигенции и жителей сельских районов. «ФК» последовательно внедряла идеологию «центризма» в соответствующей ей ориентации таблоидного формата.

Для анализа политического (идеологического) влияния предвыборного дискурса газеты «ФК» на читателя (избирателя) необходимо рассматривать политические (идеологические) составляющие в контексте того, что СМИ предлагают избирателям считать нейтральной информацией уровня «здравого рассудка». Поэтому не случайно наибольшее давление на общество оказывает именно провластная идеология или политическая программа, которая может маргинализировать оппозиционные настроения с помощью подконтрольных ей административных и медийных ресурсов. Украинский политолог В. Кулик называет идеологию начала 2000-х гг. «центризмом» лишь по определению, а не по месту нахождения между правым и левыми флангами на идеологическом спектре Украины [10]. Главных оппонентов – «националистов» и «коммунистов» – «центризм» Л. Кучмы представлял на страницах «Фактов и комментариев» в качестве конфликтных сил, которые могут подорвать долгожданную стабильность и мирный статус-кво. Очевидно, «националисты» сменили «коммунистов» в роли главных противников режима, когда взяли новый политический курс. На парламентских выборах 2002 г. «националисты» объединились вокруг блока В. Ющенко «Наша Украина», в то время как Л. Кучма возглавил блок «За единую Украину!» («За ЄдУ!»), к которому примкнул и владелец «ФК» В. Пинчук. Авторы оппозиционного издания «Україна молода» часто использовали сокращенную аббревиатуру названия прокучмовского блока«За ЄдУ!» намекая, возможно, на финансовый аппетит олигархов, поддерживающих Л. Кучму [3].

Цикличное повторение выборов на страницах газеты ослабило внимание избирателей и превратило выборы 2002 г. в тривиальное действие «сезонного», «сериального» характера, которое вскоре должно пройти [7, с. 73].

Однако тривиализация образа выборов способствовала медийному созданию идентичностей. Например, газета «ФК» в качестве отношения к выборам использовала модель «семейного праздника». Для этого в верхней части страницы был помещён лозунг-тост «Ну, за правильный выбор!», стирающий грань между частной и публичной жизнью. Подобным образом у избирателей должно было формироваться отношение к выборам, как к текущему празднику, кардинально не меняющему частную жизнь. Подобная имитация частной речи в публичных дискурсах особенно характерна для постсоветских новогодних шоу. То есть в медийном дискурсе в целом, политические (идеологические) предложения были спрятаны среди второстепенных сообщений, которые имеют вид «голых» новостей и с выборами не связаны. Как известно, рекламно направленный политический дискурс способен смоделировать выбор избирателей как доказанный, будто уже свершившийся факт [7, с. 46]. Таким образом, материалы «ФК» указывают не только место, которое должны занимать выборы в жизни избирателя, но и идентифицируют событие, а значит страну, которая «выбирает» политическую элиту.

Среди позитивных факторов редакционной политики «ФК» периода 2002 г. можно выделить: 1) пропаганду блока Л. Кучмы и В. Пинчука «За Единую Украину!» среди второстепенных сообщений обычного информационного и развлекательного характера; 2) распространение универсальных представлений о стабильности и процветании жизни граждан Украины (многочисленные заметки на социальную тему); 3) отсутствие нагнетания обстановки и соответствующего ей медиаклимата, позитивность, легкоусваяемость и неотягощенность контента; 4) профессиональное лицо лидеров пропрезидентского блока было непредвзятым, мягким, приятным (например, заметки о визитах В. Литвина или о личной жизни кандидата Е. Ващук); 5) наличие, пусть и незначительного, но материала об оппозиции («Наша Украина», «Команда озимого поколения»).

Что касается оппозиции, то блок «Наша Украина» и его лидер В. Ющенко были представлены в материалах издания как: 1) «тёмные лошадки», «кот в мешке» [13, с. 4]; 2) пропадные и проамериканские силы, мешающие «дружбе славянских народов» [18; 9; 19; 2]. Таким образом, оппозиционные Л. Кучме и его сторонникам силы, автоматически воспринимались как нарушители общественной стабильности. Например, заголовки публикаций «ФК» в марте 2002 г.: «Леонид Кучма: «Если в следующем парламенте не будет создано конструктивное большинство, жизнь в Украине не улучшится», или: «Я все-таки уверен, что большинство в новом парламенте будет создано» и другие [11; 14].

Таким образом, рассмотрев публикации «ФК» за март 2002 г., можно сделать однозначный вывод, что само издание и её владелец Виктор Пинчук следовали пропрезидентской политической ориентации и являлись составной частью финансовой клановоиерархической системы. Однако, сложно провести границу, за которой политкорректность превращается в попустительство и послушание власти [8, с. 214]. Если исходить из понимания Луманом власти, как способности управлять селективностью коммуникативного партнёра [12, с. 6], то такое понимание полностью отвечает стратегиям Виктора Пинчука. Можно ожидать, что медийная поддержка власти со стороны олигарха будет зависеть от того, насколько экономические интересы медиамагната будут сочетаться со стратегией будущей коалиции и сформированного на её основе правительства. Нашумевшее «дело» с ОАО «Криворожсталь», чьим собственником был В. Пинчук, и его уход с политической авансцены во времена правления «Оранжевой коалиции» определяли политическую стратегию его медиакомпаний. Демократия же может работать только в условиях выработки механизмов защиты от государства. Механизмы могут быть юридическими, информационными, экономическими и др. Информационный ресурс порождает автоматический консенсус в обществе, обеспечивая эволюционный, а не революционный его переход. Условно некоторые исследователи считают, что информационный компонент носит капиталистический характер, а политический и экономический – феодальный [15].

К сожалению, приходится констатировать, что в Украине отсутствуют такие важные компоненты, как: разгосударствление СМИ, эффективная антимонопольная политика в

сфере масс-медиа, создание общественного вещания и др. Следует учитывать, что, если в странах Западной Европы постмодернизация является результатом эволюционного развития общества, то для Украины современная стадия развития является результатом диффузии западных достижений благодаря открытости информационных границ и потоку товаров и технологий. Медиа современной Украины в незначительной степени соответствуют признаку «публичной исповедальности» Маклуена. Предлагаемые европейцами модели медиасистем обычно имеют в центре своей структуры Общественное вещание как гарантию выражения публичного интереса. Однако при наличии такого ядра, по мнению Джеймса Каррена, система должна обрастать сектором социального рынка, частного предпринимательства, что обеспечивает ей полноценное функционирование [27, с. 112]. Выдвижение европейских требований к практикуемой государственно-рыночной модели украинских медиа сложно реализовать. Возможно, если рассматривать концепции, например Бурдье, в которых медиа рассматриваются как вид спорта по символической борьбе с символическим насилием [1, с. 106], то они – зеркало нестабильной Украины. Поэтому большая часть нововведений воспринимается украинцами как заимствование, что, несомненно, усложняет процесс модернизации. А модернизация, как известно, является чертой транзитивного общества. Изменения в Украине внедряются путём нахождения компромисса, а это ослабляет и дискредитирует социальные новации. Подобная схема присуща всем сферам современной Украины – политике, экономике, массмедиа и др. Можно воспринимать транзитивное положение современной Украины как исторический вызов. В циклических теориях общества А. Тойнби или у А. Шпенглера преодоление вызовов времени воспринимается фаталистично. Для молодого постсоветского государства период нестабильности длится около двадцати лет. Попытки реформирования на основе старой, пусть и улучшенной концепции в период перестройки общества хоть и могут быть успешны, но ставят Украину перед выбором: переход от закрытого состояния общества к открытому или наоборот. И это естественно, ведь современные преобразования осуществляются людьми с советским менталитетом, а значит, непоследовательность заложена в подсознании главных действующих лиц Украины.

Список литературы

1. Бурдье П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Бурдье П. О телевидении и журналистике. М., 2002. С. 105–140.

2. В Киеве Леонид Кучма и Владимир Путин будут решать, как устранить препятствия, мешающие украинско-российскому сотрудничеству // Факты и комментарии. 5.03.2002. С. 2.

3. Гетьман Д. Щоб екзит-пол скомпрометувати, треба його «клонувати»? // Україна молода. № 165. 07.09.2004.

4. Виктор Пинчук занял 37 место в рейтинге 100 заметных фигур мира искусства. URL: http://www.delo.ua (дата обращения: 20.11.2011).

5. Катаєв С. Л. Сучасне українське суспільство. К.: Центр навчальної літератури, 2006. 200 с.

6. Кліффорд Г. Гедді, Баррі В. Айкс. Реалії віртуальної економіки Росії // Перспективні дослідження, 1999. № 1. С. 34.

7. Костенко Н. Медиа в выборах: между политикой и культурой (контент-анализ политической прессы). К.: Институт социологии НАН Украины, 1999. 218 с.

8. Костенко Н. Публичные императивы медиа: время выборов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 3. С. 213–221.

9. Коцина И. Многие украинские оппозиционеры, как и некоторые американские политологи, не видят ничего страшного в том, что США используют Украину в качестве полигона для испытания своего влияния? // Факты и комментарии. 22.03.2002. С. 4.

10. Кулик В. Український націоналізм у незалежній Україні. К.: КМ Academia. 79 с.

11. Леонид Кучма: если в следующем парламенте не будет создано конструктивное большинство, жизнь в Украине не улучшится // Факты и комментарии. 16.03.2002. С. 2.

12. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.

13. Ордань А. Избиратели, отдавая предпочтение блоку «Наша Украина», рискуют купить «кота в мешке» // Факты и комментарии. 02.03.2002. С. 4.

14. Ордань А. Леонид Кучма: «Я все-таки уверен, что большинство в новом парламенте будет создано» // Факты и комментарии. 15.03.2002. С. 2.

15. Почепцов Г. Конструювання демократії: політичні, економічні й інформаційні фактори. URL: http://www.mediaosvita.com.ua (дата обращения: 27.11.2011).

16. Пресс-секретарем Леонида Кучмы назначена журналистка телекомпании ICTV Елена Громницкая // Факты и комментарии. 26.03.2002. С. 4.

17. Профиль Виктора Пинчука на сайте Форбс. URL: http://www.forbes.com (дата обращения: 25.11.2011).

18. Рыбянцев В. Дружба американских политиков с отечественными оппозиционерами продиктована желанием США вырвать Украину из российских политических объятий? // Факты и комментарии. 05.03.2002. С. 4.

19. Рыбянцев В. Украина оказалась под политическим обстрелом со стороны Запада и России из-за блока Виктора Ющенко? // Факты и комментарии. 28.03.2002. С. 10.

20. Танчер В., Карась О., Кучеренко О. Політичні партії та рухи у світлі «ситуації постмодерну». К., 1997. 44 с.

21. ТОП-10 лоббистов Украины: Виктор Пинчук возглавил список. URL: http://www.rbc.ua (дата обращения: 25.11.2011).

22. Time включил Виктора Пинчука в Топ-100 самых влиятельных людей мира. URL: http://www.korrespondent.net. (дата обращения: 20.11.2011).

23. Український медіа-ландшафт 2010. К.: Фонд Конрада Аденауера, 2011. 40 с.

24. Чернявский С. Пресса в цифрах. URL: http://www.telekritika.ua. (дата обращения: 02.11.2011).

25. Ъ-Миронова И. Пинчук и Франчук создали новый медиахолдинг // Коммерсантъ Украина. № 196 (1017). 12 ноября 2009.

26. Aslund A. Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine and the United States / A. Aslund // «Europe after the Enlargement».Warsaw, April 8–9, 2005. № 296. 17 p.

27. Curran J. Mass Media and Democracy Revisited // Mass Media and Society / Ed. By J.Curran, M.Gurevitch. L., 1996. P. 81–119.

28. Taylor C. Liberal Politics and the Public Sphere // Charles Taylor. Philosophical Arguments.Harvard University Press: Cambridge, Massachussets, London, 1995. P. 257–287.

Статья поступила в редакцию 15.01.2012 г.

УДК654
ББК Ч63

Алишер Джуманазарович Мэтякубов,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: alisher16@rambler.ru

Информационная политика Узбекистана в сфере развития телекоммуникаций

В статье телекоммуникационные сети рассматриваются как основная часть глобальной системы информационного общества. Они являются транспортной средой процессов распространения информации и передачи данных. Автор анализирует и комментирует Закон Республики Узбекистан «О телекоммуникациях», делает вывод о необходимости развивать законотворческую деятельность в следующих направлениях: уточнение понятийного аппарата с учётом современного состояния телекоммуникационной сферы; введение новой классификации сетей телекоммуникации; разработка норм закона, которые определяют порядок использования доменными именами национального сегмента Интернет.

Автор делает вывод о том, что совершенствование норм закона «О телекоммуникациях» позволит определить правовые механизмы полноценного и качественного обеспечения граждан современными телекоммуникационными услугами, обеспечит устойчивое развитие национальных государств, формирование инновационной экономики.

Ключевые слова: телекоммуникация, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, электронная журналистика, мобильность.

Alisher Dzhumanazarovich Metyakubov,
Postgraduate,
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia), e-mail: alisher16@rambler.ru

Uzbekistan Information Policy in the Telecommunications Development

The article discusses telecommunications networks as a major part of the global information society. They serve as a transport sphere for the information dissemination and data communication. The author analyzes and comments upon the law “On Telecommunications” passed in Uzbekistan, concludes on the necessity to develop legislative activity in the following areas: clarification of the key notions taking into account the current state of the telecommunications sector, introduction of a new classification of telecommunication network, development of the legal norms that define how to use the domain name of the national Internet segment.

The author concludes that improving the standards of the law “On Telecommunications” will determine the legal mechanisms of high-grade and quality to provide citizens with modern telecommunication services, will ensure sustainable development of the national states, the formation of an innovative economy.

Keywords: telecommunication, information and communication technologies, information society, e-journalism, mobility.

© А. Д. Мэтякубов, 2012

Системы телекоммуникации представляют собой важнейшую инфраструктурную составляющую жизни современного общества. На основе использования средств телекоммуникаций происходит функционирование всех без исключения сфер современной общественной жизни, включая такие, как: государственное и хозяйственное управление, банковско-финансовый сектор, системы новостного информирования граждан, обмен информацией и мн. др. С началом перехода многих стран к информационному обществу (системы взаимоотношений, основанной на широком использовании информационно-коммуникационных технологий), телекоммуникационная отрасль и система её правового регулирования приобрели новую роль и значение.

В поисках путей повышения эффективности реализуемых производственных процессов органы государственного управления и бизнес-структуры всё чаще обращаются к современным информационно-коммуникационным технологиям. При этом информатизация существенно меняет и существо общественной жизни. Все прочнее входят в нашу жизнь такие понятия, как «электронное управление», «электронная демократия», «электронная информация», «электронная журналистика» и мн.др. При этом, следует отметить, что существо всех реализуемых комплексных решений использования информационно-коммуникационных технологий основывается на телекоммуникационном обмене информацией.

Сети телекоммуникаций составляют неотъемлемую часть глобальной системы зарождающегося информационного общества. Они являются транспортной средой процессов распространения информации и передачи данных. С учётом этих особенностей, телекоммуникационная сфера естественным образом становится критически важным компонентом в обеспечении эффективного функционирования современного общества, элементом обеспечения устойчивого развития национальных государств, формирования инновационной экономики и др. Немаловажным является и тот факт, что именно через сети телекоммуникаций потребители получают доступ к разным услугам и информационным ресурсам. Обеспечение и расширение возможного доступа к системам телекоммуникаций, с учётом его универсализации, является фундаментальной целью национальной и глобальной политики коммуникаций.

Практика показывает, что отрасль телекоммуникаций стала играть важную роль в формировании национальных ВВП развитых стран, «с начала 80-х годов прошлого века и к 1990 году уже составляла 2,1 % ВВП, а в настоящее время достигает до 5 % [3]. Для косвенной оценки роли телекоммуникаций в экономике можно обратиться к экспертным мнениями. Так, эксперты оценивают, что «в странах Европейского Союза один евро инвестиций в электросвязь даёт полтора евро прироста ВВП, а в США один доллар инвестиций в телекоммуникации позволяет получить 2–6 долларов прироста ВВП. Одно рабочее место в телекоммуникационной отрасли "порождает" 4–5 рабочих мест в других отраслях. С учётом того, что в сфере телекоммуникаций сегодня занято примерно 16 млн специалистов, это эквивалентно 65–70 млн соответствующих рабочих мест в смежных отраслях» [3].

Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов в своём докладе на совместном заседании Палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан 12 ноября 2010 г. в качестве приоритетных направлений реформирования информационной сферы и обеспечения свободы слова и информации, назвал следующее: «Необходимо также широкое использование в системе государственного и общественного строительства современных информационно-коммуникационных технологий, играющих всё более важную роль в процессах политической модернизации. Решению этой задачи способствовало бы также дальнейшее совершенствование норм Закона "О телекоммуникациях"» [2].

Анализ международной практики показывает, что законы, регламентирующие телекоммуникационную отрасль, требуют систематической своей актуализации. Ранее это в основном диктовалось быстрой сменой используемых в сетях телекоммуникаций технологий и решений, появлением принципиально новых телекоммуникационных услуг, изменением принципов организации взаимоотношений между субъектами сферы и др. В настоящее же время предлагаемый

Президентом страны подход к понимаю места и роли телекоммуникационной сферы в качестве одной из фундаментальных основ процесса политической модернизации системы государственного и общественного строительства, заставляет людей, занятых в информационной сфере, коренным образом переосмыслить свои представления и практические действия.

Реформы в информационной сфере, инициируемые «Концепцией дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране» ведут к разработке и реализации конкретной долгосрочной программы действий, обеспечивающей широкое внедрение во все сферы общественной жизни современных информационно-коммуникационных технологий, в первую очередь создание отвечающей требованиям времени национальной телекоммуникационной среды и соответствующей нормативно-правовой базы регулирования отношений в данной сфере, обеспечивающей её неуклонное развитие.

За годы независимости в Узбекистане телекоммуникационная отрасль получила активное развитие, которое многочисленными экспертами оценивается как одно из самых системных и динамичных на постсоветском пространстве. В результате реализации ряда перспективных проектов по развитию и модернизации телекоммуникационных сетей улучшилось состояние инфраструктуры связи, по всей стране на уровне районных центров взамен морально и технически устаревших аналоговых телефонных станций введены в эксплуатацию цифровые АТС, на основе оптико-волоконных линий связи созданы высокоскоростные цифровые каналы, ведётся комплексная деятельность по расширению национальной телекоммуникационной сети и повышению надёжности её действия. Одной из причин достигнутых весомых результатов явилась разработка и принятие адекватной правовой базы, стимулирующей развитие данной отрасли, где одним из краеугольных законодательных актов является принятый в 1999 г. Закон «О телекоммуникациях» [1].

Оценивая перспективы процесса внесения изменений и дополнений в действующую редакцию Закона Республики Узбекистан «О телекоммуникациях», следует отметить, что наиболее востребованной является законотворческая деятельность в следующих направлениях:

1.Уточнение используемого понятийного аппарата и внедрение новых дефиниций с учётом современного состояния технологического развития телекоммуникационной сферы. Нормы действующего законодательства требуют приведения их в соответствие с современным состоянием теории и практики телекоммуникационной отрасли. Уточнение старых и ввод новых, активно используемых категорий, позволит повысить актуальность закона, формировать на их основе более эффективную систему общественных отношений в телекоммуникационной сфере.

2. Устранение имеющихся правовых коллизий норм закона с действующим законодательством. Актуальной задачей совершенствования Закона «О телекоммуникациях» является задача его гармонизации с действующим законодательством, устранение имеющихся правовых коллизий, и в частности внесение соответствующих редакционных изменений в нормы, общеправовое действие которых было изменено другими законодательными актами в связи с принимаемыми мерами по упорядочению деятельности субъектов предпринимательства.

3. Разработка и включение в Закон норм, определяющих порядок пользования адресным пространством и доменными именами национального сегмента всемирной информационной сети Интернет. На сегодняшний день сеть Интернет сформировалась в качестве не имеющей аналогов, доступной и востребованной широким кругом пользователей информационной системы. Трудно переоценить её значение для дальнейшего эффективного развития всех сфер социально-экономической жизни. В этой связи следует законодательным образом определить порядок пользования адресным пространством и доменными именами национального сегмента всемирной информационной сети Интернет как неотъемлемой частью национального информационного пространства, а также определить процедуры его администрирования.

4. Введение новой, отвечающей реалиям практики эксплуатации, классифика-

ции сетей телекоммуникаций. Упорядочивание действующей системы классификации сетей телекоммуникаций позволит создать основу для качественного улучшения состояния эксплуатируемых и строящихся сетей телекоммуникаций органов государственного и хозяйственного управления, за счёт оптимизации порядка документирования информации, специализации процессов формирования информационных ресурсов и создания информационных систем и др.

Вносимые изменения и дополнения в закон должны учитывать также и основные современные тенденции развития сетей телекоммуникаций:

1. Цифровизация – переход к передаче цифровых сигналов, что обеспечивает высокую помехоустойчивость передачи, повышает её качество и надежность, существенно сокращает вес и габариты эксплуатируемого оборудования.

2. Глокализация – параллельная реализация двух разнонаправленных процессов: глобализация – участие в глобальных телекоммуникационных сетях и локализация – развитие сетей местной связи.

3. Персонализация – привязка оказываемых услуг не к месту нахождения терминала (телефонный аппарат, телевизор и т. п.), а к персоне, человеку, пользователю терминала.

4. Ковергенция – процесс перспективного развития телекоммуникаций в рамках проекта сетей последующих поколений, заключающийся в обеспечении реализации общих архитектурных принципов телекоммуникационных сетей, поддержки единых совместимых протоколов аппаратно-программных средств телекоммуникаций, реализации единых подходов к использованию телекоммуникационных технологий и предоставлению телекоммуникационных услуг.

5. Мобильность – возможность предоставления телекоммуникационных услуг не только пользователям фиксированных сетей связи, но и мобильным пользователям.

6. Интеграция – объединение в одном цифровом потоке цифровых сигналов разнородного трафика.

Реализация мер по совершенствованию норм закона «О телекоммуникациях» позволит определить правовые механизмы полноценного и качественного обеспечения граждан современными телекоммуникационными услугами, обеспечит дальнейшее развитие информатизации и сетей телекоммуникаций, совершенствование современного рынка телекоммуникационных, информационно-производственных услуг связи, передачи и распространения данных.

В целом же принятие данного закона должно обеспечить повышение эффективности системы общественного и государственного строительства путём широкого внедрения в деятельность их субъектов современных информационно-коммуникационных технологий.

Список литературы

1. Закон Республики Узбекистан «О телекоммуникациях» URL: http.: // www.parliament.gov.uz (дата обращения: 20.12.2011).

2. «Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране»: доклад Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова на совместном заседании Палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан 2010 г. URL: http.: //www.senat.gov.uz (дата обращения: 18.01.2012).

3. Телекоммуникации в мировой URL: http://www.telecomstroy.com/sin69.html (дата обращения: 18.01.2012).

Статья поступила в редакцию 05.03.2012 г.

ТРЕБОВАНИЯМ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР»

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объем
статья (*теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором*)	0, 5 п.л. *(20 000 знаков)*
научные сообщения, доклады	0, 3 п.л. *(12 000 знаков)*
научные обзоры, рецензии	0,2 п.л. *(8 000 знаков)*

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
2. Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.
3. Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.
4. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, ***если автор статьи – аспирант, соискатель учёной степени кандидата наук.***
5. Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

Структура статьи, представаляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языкt. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языке строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (объём – 100–200 слов) на русском и английском языке. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языке.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

Правила оформления статьи

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. На последней странице указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается место и год издания, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг о друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде концевых сносок (в конце текста). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация сплошная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т.д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Черно-белыерисунки(графики,диаграммы–форматExcell,схемы,карты,фотографии) ссквознойнумерацией(арабскимицифрами)ивездеобозначаютсясокращённо(например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/ авторов и названия статьи. Размер рисунка 170х240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисуночные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объем рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу**:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, для «Объединенной редакционной коллегии научных журналов ЗабГГПУ».

Редакторы: И. А. Романов
Переводчик: С. И. Чугунова
Дизайн обложки: А. А. Михалёв
Верстка: Г. А. Зенкова

Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Сдано в печать 03.05.12.
Усл. печ. 14,7.
Усл. изд. л. 31,6 .
Тираж 1000 экз.
Заказ № 09112

Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Managing editor: I. A. Romanov
Translator: S. I. Chugunova
Cover design: A. A. Mikhalyov
Make-up: G. A. Zenkova

Format 60 × 84 1/8. Offset paper
Headset «Times». Signed to print 03.05.12
Con. quires 14,7
Con. pub. quires 31,6
Circulation 1000 copies
Order # 09112

Zabaikalsky State Humanitarian
Pedagogical University
named after N.G. Chernyshevsky,
672007, Chita, 129 Babushkin St.